This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 620.50
11544

Harvard College Library

FROM

Michael Karpovich

3/4/47

Книгоиздательство „Молодая Россія“.

К. Качоровскій.
(K.R. ...)

НАРОДНОЕ ПРАВО.

Цѣна 90 к.

д. 14

МОСКВА.
—
1906.

Slav 620.50

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
[illegible]

Дозволено цензурою. Ростовъ на/Д., 5 марта 1906 г.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Творчество въ жизни и въ мысли.

§ 1. Творчество мысли изъ жизни 1
§ 2. Изученіе правосознанія трудовыхъ массъ. 5

ГЛАВА II.

Предварительныя общія замѣчанія.

§ 1. Народное обычное право въ русской литературѣ. 11
§ 2. Историческая инерція. 14
§ 3. Экономическіе интересы. 18
§ 4. Соціальная атмосфера 25

ГЛАВА III.

Твердая сила законовъ.

§ 1. Пропасть между закономъ и народной жизнью. 28
§ 2. Общій „духъ законовъ“ Россійскаго бюрократическаго государства 36
§ 3. Законъ о семейныхъ раздѣлахъ 41
§ 4. Законъ о передѣлахъ общинной земли. 51
§ 5. Законы о переселеніи. 57
§ 6. Заключеніе 65

ГЛАВА IV.

„Никому невѣдомый обычай“.

§ 1. Общинное право 68
§ 2. Внѣобщинное земледѣльческое право. 80
§ 3. Обычное право у неземледѣльческихъ трудовыхъ массъ. . 90
§ 4. Заключеніе 94

ГЛАВА V.

Основныя черты народнаго права.

§ 1. Типъ и степень въ развитіи права 96
§ 2. Общія черты народнаго обычнаго права 100
§ 3. „Субъективизмъ“ народнаго права 105
§ 4. Цѣль въ народномъ правѣ 117

ГЛАВА VI.

Право труда.

§ 1. Право затраченнаго труда и антитрудовое право, какъ классовыя правосознанія 134
§ 2. Принципъ права труда и господствующее право 138
§ 3. Основанія права затраченнаго труда 142
§ 4. Распространенность права труда 144
§ 5. Право труда и личное и общинное начала 149
§ 6. Соціально-политическая роль права труда 159

ГЛАВА VII.

Право на трудъ.

§ 1. Общее опредѣленіе права на трудъ 163
§ 2. Общія проявленія въ народномъ правосознаніи права на жизнь 166
§ 3. Право на трудъ, какъ коллективное право 170
§ 4. Право на трудъ, какъ „общинный духъ“ 179
§ 5. „Черный передѣлъ“ 188
§ 6. Соціально-политическое значеніе права на трудъ 199

ГЛАВА VIII.

Соціальность народнаго права.

§ 1. Антиколлективистскіе элементы 207
§ 2. Элементы коллективизма внѣ общины 212
§ 3. Элементы коллективизма въ общинѣ 215
§ 4. Разныя проявленія „общиннаго духа“ 219
§ 5. Элементы государственнаго коллективизма 223

ГЛАВА. IX.

Прогрессивность народнаго права.

§ 1. Начало приспособленія и совершенствованія въ процессѣ складыванія обычая. 228
§ 2. Развитіе семейнаго права 232
§ 3. Развитіе общиннаго права 236
§ 4. Развитіе крестьянско-трудового классового правосознанія 245
§ 5. Новое народное право и новое народничество 249

ГЛАВА I.

Творчество въ жизни и въ мысли.

§ 1. Творчество мысли изъ жизни.

Россія начинаетъ великую перестройку... Правда, не сразу рушатся тѣ старыя стѣны, въ которыхъ Россіи стало непереносимо тѣсно, темно, смрадно, стало „нельзя такъ дольше жить". Правда, подъ ихъ развалинами гибнутъ неисчислимыя жертвы, гибнутъ неизбѣжно на черной работѣ разрушенія лучшіе изъ тѣхъ, кто могъ бы и долженъ былъ работать надъ свѣтлымъ творчествомъ будущаго. Правда, временами мы почти задыхаемся въ этомъ кровавомъ туманѣ...

Но „все-таки она движется" — эта роковая работа ломки стараго и очищенія мѣста для стройки новаго. Она движется, и продвинулась уже настолько, что мѣстами и временами уже виднѣется ей конецъ и что поэтому выдвигается неотложный вопросъ о планѣ того новаго зданія, которое, по самому существу непрерывно текущей общественной жизни, должно начаться постройкой тотчасъ же на мѣстѣ стараго, осужденнаго исторіей на сломъ.

Вотъ почему грозно нависъ теперь надъ нами огромный вопросъ: насколько готовы мы къ этому созиданію, къ новому соціальному творчеству?

Вопросъ этотъ рѣшается, правда, просто и легко для тѣхъ прогрессивныхъ и радикальныхъ партій, которыя ограничиваютъ предстоящее преобразованіе однимъ лишь созданіемъ новыхъ *политическихъ* формъ. Но для всѣхъ тѣхъ, кто считаетъ не только желательнымъ, но и возможнымъ и даже неизбѣжнымъ, что въ эти новыя формы, въ эти „мѣха новые" вольется сейчасъ же и „вино новое" въ видѣ широкихъ *соціальныхъ* и *экономическихъ* реформъ, — для тѣхъ эта задача творчества новой соціальной жизни стоитъ во всей своей огромной сложности и трудности, у тѣхъ сердце должно

сжиматься передъ тяжестью возложенной на нихъ исторіей отвѣтственности, предъ той страшной неподготовленностью, въ какой застали насъ событія...

Поставимъ въ самомъ дѣлѣ прямо передъ собой тотъ простой, но грозный вопросъ, на который до сихъ поръ, въ пылу борьбы, взглядывали только мелькомъ, безъ пристальнаго вниманія: если мы хотимъ, чтобъ соціальное творчество наше было *цѣлесознательнымъ*, то можетъ ли оно совершиться безъ творчества въ мысли?

Не очевидно ли, что *не можетъ быть цѣлесознательнаго творчества въ жизни безъ творчества въ мысли?*

Это не только a priori логически ясно, но это такъ было и въ исторіи. Вспомнимъ эпохи великихъ переворотовъ, все равно, революціонныхъ или реформаціонныхъ: развѣ не была Великая Французская Революція не только соціальной, но и идейной лабораторіей, гдѣ въ огнѣ и дыму борьбы творился новый идейный синтезъ — результатъ анализа предыдущихъ, такъ сказать, культурно — подготовительныхъ эпохъ? Развѣ наша „эпоха великихъ реформъ“ не была эпохой такого же глубокаго идейнаго освобожденія и обновленія? Развѣ не очевидно, что съ теченіемъ времени, когда въ этихъ переворотахъ элементъ цѣлесознательности все повышается, настолько же долженъ усилиться и идейный свѣточъ, озаряющій и ломку стараго, и стройку новаго? Развѣ не очевидно, что въ наши дни эта потребность въ новомъ яркомъ идейномъ синтезѣ уже ощущается (по крайней мѣрѣ наиболѣе чуткими) почти такъ же глубоко, страстно и болѣзненно, какъ жажда побѣды въ борьбѣ?

Но этотъ свѣточъ все медлитъ зажечься полнымъ свѣтомъ. Россія еще не выздоровѣла отъ отравы, которой болотный туманъ реакціи успѣлъ напоить творческую соціальную мысль ея въ 80-е и особенно 90-е годы, когда она „отказалась отъ наслѣдства“, отъ героической борьбы и страстнаго критицизма поколѣній 60-хъ и 70-хъ годовъ, когда догма марксизма затемнила и оторвала отъ жизни ея мысль, обрѣзала крылья энтузіазму и идеаламъ, создала поколѣніе, одинаково лишенное какъ активности и идеализма въ борьбѣ, такъ и критицизма и реальности въ мысли... Правда, активность и идеализмъ въ практической борьбѣ уже вернулись къ новому свѣжему по-

колѣнію начала двадцатаго вѣка, и жизнь горитъ яркимъ свѣтомъ отъ его ударовъ, и заря свободы загорается надъ самоотверженными его рядами. Но не вполнѣ вернулись еще критицизмъ и реализмъ въ теоріи, и творческая мысль огромнаго историческаго момента, наступившаго для Россіи, въ достаточной мѣрѣ окутана еще предразсвѣтнымъ туманомъ...

Какой небывалый теоретическій разбродъ царствуетъ въ радикальномъ лагерѣ въ Россіи въ тотъ моментъ, когда жизнь готова дать ему въ руки побѣду! Точно нарочно всевозможные идейные элементы собраны и брошены въ одинъ котелъ и волнуются въ бурномъ броженіи, готовя новый творческій синтезъ... Но его пока еще не видно на поверхности: одни осколки и элементы, „тезисы“ и „антитезисы“, взаимновраждебные, непримиримые. Какое безконечное „разслоеніе“ въ одномъ марксизмѣ: нѣтъ такого стараго философскаго колпака, къ которому не „возвратился“ бы какой-нибудь изъ его вождей! О новоявленномъ анархизмѣ, составляющемъ, конечно, тоже „возвращеніе“ къ очень старымъ, заманчивымъ лишь по младенческой простотѣ своей идеямъ, — и говорить нечего. Не сложился еще объединяющій синтезъ и въ томъ направленіи, которое „возвращается“ не такъ далеко, какъ другія: всего лишь къ Чернышевскому, Лаврову и Михайловскому...

Откуда же ждать намъ этого новаго синтеза, этой творческой мысли, безъ которой не будетъ творчества въ жизни? Мнѣ кажется, *только изъ той же жизни:* только изученіе самой жизни переоцѣнитъ со строжайшей точностью всѣ идейныя цѣнности, отброситъ одни элементы, поставитъ другіе въ извѣстную опредѣленную перспективу, и это новое сложное сочетаніе, въ которомъ отразится усложнившееся теченіе соціальной жизни, и будетъ единственнымъ синтезомъ, въ которомъ совмѣстится критицизмъ мысли съ активностью дѣйствія, идеализмъ цѣли съ реализмомъ въ выборѣ путей къ нему.

И только въ томъ, что до сихъ поръ еще мало обращаются къ этой высшей инстанціи, — къ изученію жизни, — и лежитъ причина полной безплодности всѣхъ этихъ тянущихся вотъ уже 7—8 лѣтъ теоретическихъ и программныхъ „переоцѣнокъ“ и „пересмотровъ“: очевидно, что только провѣрка апріорныхъ дедукцій на фактахъ жизни можетъ покончить

споръ, дать вмѣсто вѣры знаніе; а такъ какъ этой провѣрки почти не дѣлали, то и получилось колебаніе между разными „тезисами“ и „антитезисами“, такъ сказать, „чистой дедукціи“, которое можетъ продолжаться буквально до безконечности, ибо обусловливается лишь вѣяніями историческихъ настроеній.

О марксистахъ — не стоитъ почти и указывать, насколько всецѣло ихъ теорія апріорна, какъ построенная на анализѣ „явленій въ чистомъ видѣ“, т.-е. не существующихъ въ дѣйствительности, насколько факты и статистика въ рукахъ „ортодоксовъ“, приступавшихъ къ нимъ съ готовыми уже выводами, служили лишь иллюстраціей этихъ готовыхъ выводовъ, а не средствомъ для отысканія истины, насколько всѣ эти метанія отъ авторитета къ авторитету, — отъ науки къ метафизикѣ, отъ метафизики къ религіи и т. д., — удаляли, а не приближали ихъ къ жизни. Но и прямой „антитезисъ“ марксизма, въ видѣ разныхъ анархическихъ теченій, остается всецѣло въ плоскости чистой дедукціи: онъ лишь подмѣняетъ отправную точку дедукціи, а именно — замѣняетъ категорію необходимаго категоріей желательнаго; отъ этого онъ становится, пожалуй, настолько же благороднѣе марксизма, насколько Донъ-Кихотъ благороднѣе Санхо-Панчо, — но развѣ утопизмъ Донъ-Кихота ближе къ жизни и способенъ сильнѣе двигать жизнь, чѣмъ оппортюнизмъ Санхо-Панчо?...

Но, скажутъ мнѣ: развѣ не будетъ такой же безплодной крайностью и одна индукція, одно изслѣдованіе фактовъ и цифръ, безъ всякой дедукціи? Не превратитъ ли оно общественную науку въ безсильно ползающій эмпиризмъ и не отравитъ ли политическую партію колебаніями и бездѣйствіемъ скептицизма? Конечно такъ, — но кто же и говоритъ объ этомъ? Конечно, именно *въ синтезѣ* той и другой, въ томъ безконечно плодотворномъ сочетаніи ихъ, которое дало всѣ колоссальные успѣхи естествознанія, и заключается дѣйствительное познаваніе, дѣйствительная наука.

И вотъ въ этомъ смыслѣ я понимаю „возвратъ“ къ Чернышевскому, Лаврову, Михайловскому... И Лавровъ, намѣтившій основныя черты критико-реалистическаго міровоззрѣнія и начертавшій самую общую схему историческаго процесса, и Михайловскій, давшій въ „формулѣ прогресса“ наиточнѣйшее и наиполнѣйшее выраженіе великаго идеала и освѣтившій рядъ

важнѣйшихъ моментовъ историческаго пути къ нему, и Чернышевскій, геніально начавшій, отправляясь отъ той же общей точки зрѣнія, критико-реалистическое изученіе русской дѣйствительности, — всѣ они, конечно, имѣли дедуктивныя схемы, но такія общія и условныя и потому гибкія, которыя не замѣняли собой работы индукціи, не предрѣшали ея выводовъ, а лишь служили необходимыми отправными для нея *гипотезами*, лишь *облегчали* ея кропотливый ходъ и творчески оплодотворяли ея результаты. Именно поэтому онѣ никогда не могли и не могутъ застыть въ догмы, а остаются вѣчно движущимися и вѣчно движущими. Только какъ такія *необходимыя отправныя гипотезы* и необходимо принять эти дедукціи: необходимо принять это богатое наслѣдство не для того, чтобы жить на него и проживать его, какъ это дѣлаютъ догматики-ортодоксы всякаго рода, ничего не могущіе, кромѣ комментированія словъ своего учителя, а для того, чтобы пріумножить это наслѣдство, чтобы, пользуясь этимъ строго необходимымъ минимумомъ рѣшенностей, оставить своей творчески-критической мысли всю возможную свободу въ изученіи жизни...

И все, въ чемъ всѣми силами хотѣлъ бы я убѣдить сейчасъ читателя, это въ томъ, что настало время сейчасъ же, неотложно окунуть въ жизнь этотъ гибкій скелетъ нашихъ общихъ схемъ, чтобъ индуктивное изученіе облекло его какъ можно скорѣе въ плоть и кровь и претворило въ политическую программу, дѣйствительно способную завтра же *творить новую соціальную жизнь*.

§ 2. Изученіе правосознанія трудовыхъ массъ.

Спрашивается теперь, какъ конкретно формулировать эту задачу изученія жизни? Для Россіи въ настоящій моментъ мнѣ представляется самымъ основнымъ и наиболѣе неотложнымъ изученіе *народнаго права, правосознанія трудовыхъ массъ* въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ.

Эти трудовыя массы составляютъ огромное большинство русскаго народа, и уже по этому одному будущая судьба Россіи, — теперь, когда она, наконецъ, пробилась на свободную

Книгоиздательство „Молодая Россія“.

К. Качоровскій.
(K.R. ...)

НАРОДНОЕ ПРАВО.

Цѣна 90 к.

д. 14

МОСКВА.
—
1906.

въ указанныхъ областяхъ, частью въ сектантствѣ и другихъ теченіяхъ мысли и въ обычномъ правѣ, — всѣ эти области только начаты изслѣдованіемъ народниками въ 60-е, 70-е и частью 80-е годы (этнографами, беллетристами, историками и т. д.), но потомъ это изслѣдованіе правосознанія трудового народа было брошено и донынѣ не возобновляется.. *Вся эта крупнѣйшая работа должна быть сдѣлана неотложно, если мы не хотимъ играть въ темную съ народомъ, съ основной исторической силой.*

Вѣдь если даже слѣдовать русско-марксистскому вѣроученію, если по-магометански признавать, что „нѣтъ науки, кромѣ экономики, и Маркса, пророка ея", что „экономическая структура" есть соціальная первопричина, что въ борьбѣ классовъ вся исторія и что пролетаріатъ сейчасъ единственная истинно-революціонная сила, — то даже и съ этой почти младенчески простой точки зрѣнія задача изученія *инерціи* и *идеаловъ* этого самаго пролетаріата, — его „психологіи", какъ принято выражаться, — есть огромная и неотложная задача. Ибо вѣдь не сами же машины въ самомъ дѣлѣ, какъ и не вожди той или иной партіи, совершатъ переворотъ, а самъ пролетаріатъ, приведенный „объективнымъ ходомъ экономическаго развитія" къ радикальной формулировкѣ своихъ интересовъ, къ объединенію ихъ въ общечеловѣческомъ идеалѣ. А это объединеніе можетъ, очевидно, въ огромной степени облегчаться или затрудняться реальными исторически данными свойствами самого русскаго пролетаріата, особенностями его инерціи, интересовъ и идеаловъ. Поэтому, повторяю, даже и для „ортодокса" имѣетъ огромную важность реальное изученіе всего огромнаго (особенно въ Россіи) разнообразія экономическаго его положенія, — степени и характера его духовнаго развитія, складывающихся въ немъ самомъ формулировокъ права на полный продуктъ труда и т. д., — вообще такъ же всесторонне страстно и любовно изучить этого будущаго „диктатора", какъ нѣкогда народники изучали крестьянство. И вотъ, когда, оглядываясь теперь вокругъ, послѣ 10—15 лѣтъ существованія марксизма въ Россіи, мы видимъ, что не только не появилось „беллетристовъ-марксистовъ", а, наоборотъ, какъ бы въ насмѣшку явился Горькій со своими босяками, психологически прямо противоположными ортодоксальному пролетарію,

что не только не явилась о немъ этнографическая, правовая, историческая литература, что вообще самъ живой „пролетарій“ не только ни въ малѣйшей степени не заполонилъ нашу литературу, какъ нѣкогда ее заполонилъ народническій „мужикъ“, — но что даже экономическое его положеніе осталось почти неизученнымъ марксистами, — когда оглянемся мы на этотъ изумительный результатъ, только тогда поймемъ мы, до какой степени заслонено отъ жизни это направленіе тѣмъ болотнымъ туманомъ, въ которомъ оно духовно воспиталось...

Но если реальное изученіе народнаго правосознанія необходимо даже съ точки зрѣнія ортодоксовъ, у которыхъ только и свѣту что въ окошкѣ „монизма“, *объединяющаго* дѣйствительность посредствомъ ея *объдненія*, посредствомъ закрыванія глазъ на то, что находится внѣ „объединяющаго“ понятія, — то во сколько же разъ настойчивѣе стоитъ эта задача предъ тѣми, кто стремится не къ монистичности, не къ элементарности и упрощенности міровоззрѣнія, а наоборотъ, къ его синтетичности и цѣлостности, охватывающей всю сложность дѣйствительности?

Для нихъ задача момента ясна:

Фактически статистическое изученіе не только экономическихъ отношеній, но и всѣхъ остальныхъ, не только пролетаріата, но всѣхъ группъ трудового народа.

Сосредоточеніе перваго и главнаго вниманія на крестьянствѣ, которое составляетъ минимумъ $^3/_4$ трудового населенія и изученіе котораго всего скорѣе и легче, такъ какъ для него уже накопленъ (земской статистикой) колоссальный, наполовину обработанный матеріалъ.

Спеціализированіе на изученіи крестьянскаго народнаго права, которое вообще есть какъ бы скелетъ всего общественнаго организма (а не только экономическихъ органовъ), которое наименѣе изучено, а между тѣмъ въ видѣ „обычнаго права“, существующаго отдѣльно отъ государственнаго, представляетъ *синтезъ инерціи, интересовъ и идеаловъ трудовыхъ земледѣльцевъ, представляетъ, хотя и въ отдѣльныхъ элементахъ, какъ бы безсознательную или полусознательную политическую ихъ программу.*

Вообще цѣлесознательное, энергичное, неуклонное слѣдованіе по тому пути реальнаго индуктивнаго изученія „мужика“,—

этого завтрашняго „хозяина жизни“ (въ потенціи по крайней мѣрѣ),— который объединилъ въ 60-е, 70-е и 80-е годы столько силъ, столько талантовъ.

Вотъ задача, огромная и прекрасная не только въ своемъ результатѣ, но даже и въ процессѣ работы, соединяющемъ и глубокое удовлетвореніе естествоиспытателя при выводѣ стройныхъ цифровыхъ правильностей, и творческую прелесть соціальной философіи въ свѣжей непочатой области самой сложной и богатой жизни, и отраду непосредственнаго общенія съ растущимъ юнымъ міромъ будущаго, — міромъ рабочаго народа...

Но если бы и безконечно тяжка была эта работа, мы не можемъ пройти мимо нея, ибо иначе исторія пройдетъ мимо насъ. „Въ народѣ, что въ тучѣ: въ грозу все наружу выйдетъ“ — прочелъ я гдѣ-то прекрасныя, глубокія, народныя же, повидимому, слова...

Да, огромной темной тучей надвинулось со всѣхъ сторонъ народное движеніе и вотъ-вотъ разразится грозой.

Что же выйдетъ наружу въ этой грозѣ, что таится тамъ внутри, въ этой народной, темной для насъ тучѣ, въ какомъ правѣ объединяются интересы и идеалы рабочаго народа? Вотъ огромный и грозный вопросъ, на который у насъ все еще нѣтъ отвѣта.

Надо же понять тяжко отвѣтственную задачу момента. Не торопиться перевести въ дѣйствіе эту, до сихъ поръ остававшуюся въ потенціи, огромную историческую силу — составляетъ задачу цѣлесознательнаго авангарда. Она — колоссальна, копилась она вѣками, остановить или даже замедлить ее ничто уже теперь не можетъ. Весь вопросъ въ томъ: что „выйдетъ наружу“, что достигнется разряженіемъ энергіи? Это *сильно* зависитъ отъ цѣлесознательныхъ передовыхъ группъ, онѣ могутъ направить ее *значительно* правѣе или лѣвѣе. Но онѣ могутъ это сдѣлать, *только будучи сами цѣлесознательными, только зная эту силу*. Онѣ ея почти не знаютъ. Надо ее узнать во что бы то ни стало сейчасъ же, сегодня же, ибо завтра будетъ поздно, она перейдетъ въ дѣйствіе...

Въ слѣдующихъ очеркахъ я намѣчу задачу индуктивнаго фактически-статистическаго изученія народнаго правосознанія, такъ сказать, на примѣрѣ: на сжато изложенныхъ выводахъ моей попытки этого изученія.

ГЛАВА II.

Предварительныя общія замѣчанія.

§ 1. Народное обычное право въ русской литературѣ.

Многимъ можетъ показаться ничѣмъ необъяснимой та настойчивость, съ которой я призываю къ изученію обычнаго права, по весьма распространенному теперь мнѣнію вовсе даже и не существующаго...

Въ самомъ дѣлѣ, далекъ уже отъ насъ народническій періодъ, когда это право изучалось со страстью и породило такую огромную литературу, что одна библіографія ея (съ краткими лишь оглавленіями и замѣчаніями для наиболѣе выдающихся книгъ и статей) взяла что-то до 1000 страницъ полуторнаго формата въ глубоко полезной работѣ недавно скончавшагося неутомимаго изслѣдователя Е. И. Якушкина. Кто теперь знаетъ работы Александры Ефименко, кто помнитъ увлекательную силу ея схемы трудового права? Послѣ того какъ сначала въ 80-е годы грубая сила полицейскаго государства отогнала интеллигенцію отъ крестьянства, а въ 90-е годы въ болотѣ реакціи воспиталось поколѣніе, уже добровольно отъ него отвернувшееся, — мужикъ, которымъ одно время, къ негодованію благовоспитанныхъ людей, насквозь „пропахла“ вся литература, былъ благополучно изъ нея удаленъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то очень легко и быстро установилось простое и успокоительное убѣжденіе, что никакого такого „обычнаго права“ вовсе и нѣтъ.

Объ авторахъ марксистскаго направленія нечего уже и говорить. Вотъ, напр., въ „Образованіи“ (1905 г. 1 кн.) нѣкто г. Чернышевъ, разбирая проекты крестьянской реформы, негодуетъ, что по законопроекту „Ред. комиссіи“ „волостной судъ попрежнему остался въ первой инстанціи сословнымъ съ господствомъ въ немъ *неизвѣстнаго даже крестьянамъ* русскаго „обычая“, являющагося *въ каждомъ случаѣ его примѣненія не болѣе, какъ прямымъ произволомъ данной группы „выборныхъ“ судей“*... (курсивъ мой). Вотъ какъ просто!... Ниже я еще

разъясню, какъ нелѣпы попытки осмѣять народно-обычный судъ на примѣрѣ искаженнаго бюрократизмомъ волостного суда, покажу, какія именно проявленія народнаго права часто принимаются за произволъ такими судящими изъ „прекраснаго далека“ публицистами, какъ взятый къ примѣру г. Чернышевъ; пока же отмѣчу только, что у г. Чернышева нѣтъ, конечно, и тѣни доказательства этой *неизвѣстности крестьянамъ русскаго „обычая“*. Приходится заключить, что г. Чернышевъ, дѣйствуя, несомнѣнно, по строго ортодоксальному методу, разсуждаетъ такъ: обычая по догмѣ теперь уже „когда Россія вступила на путь... и пр.“ не полагается, мнѣ онъ совершенно, дѣйствительно, неизвѣстенъ, а кромѣ того, очень многіе „вѣрные люди“, какъ хозяйственные мужички, либерально-бюрократическіе писатели и земскіе начальники, тоже говорятъ, что его вовсе нѣтъ, — ясно значитъ, что дѣйствительно его нѣтъ...

Но, повторяю, о марксистскомъ попугайствѣ по этому пункту не стоило бы и говорить: поразительно то, что нѣкоторая ироніа по адресу народнаго обычая очень распространена даже въ томъ лагерѣ, гдѣ ни крестьянство, ни народное право a priori не отрицаются, но гдѣ тоже многіе не устояли предъ этой модой сомнительно пожимать плечами при словахъ „народный обычай“. Беру въ примѣръ г. Страховскаго, вообще чрезвычайно вдумчиваго и дѣльнаго писателя, многія формулировки котораго очень мѣтко совпадаютъ съ требованіями жизни. Онъ говоритъ такъ: особенности крестьянскаго гражданскаго права „не вытекая прямо изъ тѣхъ или иныхъ постановленій закона... основываются на существующихъ *якобы* (курсивъ мой К. К.) у крестьянъ обычаяхъ, примѣненіе которыхъ допускается взамѣнъ закона“; далѣе авторъ говоритъ, что „подобные обычаи, существующіе *едва ли не исключительно по дѣламъ о наслѣдованіи*... (курсивъ мой К. К.) имѣются не вездѣ“; и, наконецъ, настаиваетъ, что самая мысль о наличности „у крестьянъ всеобъемлющихъ обычаевъ подвергается сомнѣнію“... Итакъ, какъ изъ этихъ словъ, такъ и изъ другихъ мѣстъ, ясно, что хотя г. Страховскій и очень далекъ отъ отрицанія обычая начисто, подобно г. Чернышеву (для этого, конечно, онъ слишкомъ ознакомленъ съ дѣйствительностью), но все-таки сильно поддался отрицательному настроенію:

если даже допустить, что это его „якобы“ ставитъ подъ сомнѣніе не столько обычаи у трудовыхъ земледѣльцевъ вообще, сколько у крестьянъ, какъ сословія (на этомъ, совершенно правильно, особенно настаиваетъ г. Страховскій), — то все-таки онъ склоненъ какъ можно болѣе сузить кругъ этихъ обычаевъ. Ниже мы подробнѣе увидимъ степень основательности этого суженія, здѣсь же поставимъ г. Страховскому только нѣсколько главныхъ вопросовъ: неужели онъ не признаетъ, напримѣръ, что и по закону писанному, и по дѣйствительному положенію общинное владѣніе (и не только собственно землей, но и другими угодьями) есть тоже обычное право? Затѣмъ, ему не можетъ быть неизвѣстно, что имущественныя измѣненія въ семьяхъ происходятъ не только чрезъ наслѣдованіе, но и чрезъ семейные, напр., раздѣлы, которые тоже нормируются обычнымъ правомъ, что пріемъ въ зятья, пріемыши, опека и т. д. — тоже входятъ въ кругъ обычнаго права и т. д.? И въ такомъ случаѣ, что же остается внѣ этого круга? Нѣ согласится ли вообще г. Страховскій, признающій въ другомъ мѣстѣ и „нѣкоторыя черты семейнаго владѣнія“, и роль „трудовыхъ долей“, т.-е. права затраченнаго труда при владѣніи землей и т. д., — что если ближе и точнѣе присмотрѣться, то обычное право окажется, если и не „всеобъемлющимъ“ (существуетъ ли вообще „всеобъемлющее“ право?), то настолько широкимъ, что гораздо труднѣе съ положительностью и категоричностью указать то, что въ него не входитъ, чѣмъ то, что несомнѣнно въ него входитъ?...

Въ ожиданіи отвѣта на эти вопросы, попробуемъ разобраться въ нихъ сами: попробуемъ очертить кругъ обычнаго народнаго права, сравнить его дѣйствіе съ дѣйствіемъ „закона“ и, наконецъ, намѣтить его основныя характерныя черты. Но раньше намѣтимъ апріорно и гипотетически (и, конечно, только въ нѣсколькихъ общихъ словахъ) тѣ особыя географическія, историческія и современныя соціальныя условія, въ которыхъ складывались и развиваются инерція, интересы и идеалы народныхъ трудовыхъ низовъ въ Россіи и которыми и опредѣлились, какъ самое существованіе, такъ и весь характеръ современнаго народнаго права и правосознанія.

§ 2. Историческая инерція.

Страна наша велика и обильна, но порядку въ ней нѣтъ: если подставить вмѣсто „порядка“ болѣе общее и точное выраженіе *культуры въ ней нѣтъ*, то мы получимъ формулу, не только вѣрную въ общемъ до сихъ поръ, какъ и тысячу лѣтъ назадъ, но въ которой обобщены *основныя особенности*, какъ прошлаго и настоящаго, такъ, очевидно, и ближайшаго будущаго Россіи. Страннымъ образомъ изъ этой, столь ходячей, фразы обыкновенно не извлекаютъ — какъ это впрочемъ часто бываетъ — всѣхъ огромныхъ заключающихся въ ней соціально-политическихъ выводовъ, оставляя ее для цѣлей болѣе или менѣе шаблонной и дешевой либеральной публицистики... Намѣтимъ хоть самымъ бѣглымъ образомъ нѣкоторые наиболѣе важные для насъ сейчасъ изъ этихъ выводовъ.

Великость страны, огромность территоріи означала и означаетъ крайнюю рѣдкость населенія по сравненію съ остальными культурными странами (эта разрѣженность населенія искусственно долго поддерживалась въ Россіи азіатскими разгромами, а частью и западными нападеніями, сметавшими съ лица земли цѣлыя населенія). Эта рѣдкость населенія (въ связи съ зависящей отчасти отъ нея же трудностью путей сообщенія) обусловливала и обусловливаетъ разобщенность его: само населеніе разобщено область отъ области, все оно разобщено съ западомъ и съ просачивающейся оттуда культурой, разобщено и съ „собиравшей землю“ властью и съ ея законодательно-административнымъ воздѣйствіемъ. Такимъ образомъ, самая эта „великость“ Россіи (и потому разрѣженность ея населенія) и мѣшала созданію культурнаго „порядка“ въ ней, вызывая огромную затрату энергіи на *распространеніе* культуры вмѣсто *накопленія* ея, дѣлая *типъ ея экстенсивнымъ, а степень слабой...*

„Обиліе“ страны въ связи съ ея огромностью усиливало эту экстенсивность россійской „культуры“. Населеніе вѣками и вѣками растекалось въ ширь въ поискахъ за „привольемъ“ непочатыхъ „цѣлинныхъ“ земель, дремучихъ лѣсовъ и вообще нетронутыхъ обильныхъ залежей естественныхъ богатствъ природы: „селись гдѣ хочешь, живи гдѣ знаешь, паши гдѣ

лучше, паси гдѣ любче, коси гдѣ густо, лѣсуй гдѣ пушно" (охоться, гдѣ много пушного звѣря) — вотъ формула экономической исторіи Россіи, и сейчасъ еще додѣлываемой Сибирью, гдѣ и записана эта формула*). При такихъ условіяхъ городскіе культурные центры создавались медленно и слабо вліяли на раскинувшуюся безбрежно и растекающуюся все шире деревенскую крестьянскую Русь.

Въ томъ же направленіи, какъ и эта географически-экономическая обстановка, дѣйствовали, какъ нарочно, и историко-политическія условія: едва начинали кристаллизоваться культурныя формы, едва начинали складываться „порядокъ", какъ налетали грозныя бури монгольскихъ дикихъ ордъ и разметывали ихъ. Эта необходимость для русской культуры постоянно бороться не за развитіе, а за самое существованіе свое, опять ослабляла ее, направляла ея средства на внѣшнія элементарныя цѣли, на борьбу за жизнь, а не на внутренній ростъ, не на совершенствованіе соціальныхъ формъ жизни...

Только если мы вдумаемся глубоко въ эти особенности и сравнимъ ихъ затѣмъ съ исторіей Западной Европы, то увидимъ ясно ту пропасть, которой мы отдѣлены отъ послѣдней. Въ варварскіе народы была сверху влита Римомъ высшая культура того времени, завоевателями же Россіи были дикари, уничтожавшіе и тѣ зачатки культуры, которые начали было въ ней складываться изъ занесенныхъ съ запада сѣмянъ. Благодаря этому россійская „соціальная пирамида" получила совсѣмъ иное строеніе, нежели западно-европейская.

Тамъ, хотя и очень медленно, но все-таки просачивалась постоянно культура изъ усвоившихъ ее первоначально верховъ внизъ, и потому, какъ ни огромнымъ оставалось разстояніе между властвовавшей государственной вершиной и подавленными, порабощенными низами, это разстояніе отчасти заполнялось посредствующими слоями преимущественно городского населенія—буржуазіи, интеллигенціи всякаго рода (чиновничества, духовенства, людей либеральныхъ профессій), мелкой буржуазіи, ремесленниковъ, сложившихся мало-по-малу въ могучія цеховыя организаціи и т. д. Эти промежуточные слои

*) Записана она въ Барабинскомъ районѣ; цитирую по статьѣ С. Швецова „Схема развитія формъ общины". „Рус. Бог." 1904 г., кн. 5.

какъ бы цементировали верхъ соціальной пирамиды съ низомъ, преломляя въ себѣ общую культуру, передавая путемъ подражанія рядъ взглядовъ и обычаевъ и все вообще правосознаніе хищническихъ, захватныхъ, индивидуалистическихъ верховъ черезъ рядъ ступеней въ трудовые низы и вытравляя изъ послѣднихъ свойственныя имъ „первобытныя“ начала трудового союзнаго обычая и правосознанія.

Не то въ Россіи. Хотя въ процессѣ безпрерывной внутренней и внѣшней войны изъ однороднаго сравнительно общинно-родового быта и выдѣлились группы завоевателей и поднялись высоко надъ трудовыми массами на вершину экономической и политической власти, но эти верхи почти не окультурились (развѣ чисто внѣшне и технически, преимущественно въ военной и полицейской техникѣ), почти не создалась между ними и низшими трудовыми массами цементирующая прослойка культурныхъ среднихъ слоевъ. И вотъ, благодаря тому, что у этихъ верховъ такъ слаба и элементарна была собственная культура, и тому, что ихъ отдѣляла отъ низовъ такая глубокая пропасть, эти низы такъ и остались при томъ „первобытномъ“ строѣ, въ томъ союзно-трудовомъ бытѣ, который сложился у нихъ самостоятельно первоначально и которымъ стало даже затѣмъ пользоваться, какъ готовой упрощенной административной формой, само сначала византійско-татарское московское, а затѣмъ чисто лишь внѣшне европеизированное „онѣмеченное“ петербургское крѣпостное государство.

Занятое больше „собираніемъ“ „великой и обильной земли“, чѣмъ устроеніемъ въ ней внутренняго культурнаго „порядка“, крѣпостное государство сравнительно мало воздѣйствовало на внутренній бытъ крестьянства; оно запрягло его въ государственное „тягло“ въ тѣхъ союзныхъ общинныхъ группахъ, какъ застало, воспользовалось для своихъ цѣлей этой групповой организаціей, упрощавшей администрацію и оставлявшей значительное поле для самоуправленія, оперлось на своихъ государственныхъ крестьянъ, стараясь быть имъ лучшимъ хозяиномъ, чѣмъ помѣщики своимъ крѣпостнымъ. И за этой стѣной крѣпостного государства, отгороженное ею и отъ дикости Азіи, и отъ культуры Европы, русское крестьянство чуть не тысячу лѣтъ сохранило общія черты своего быта, *низкаго по*

степени развитія, высокаго по типу. Почти лишенное внѣшней культуры,— хотя бы грамотности,— застывшее въ смутной и неподвижной религіи, подъ властью привычки, традиціи, не освѣщаемыхъ ни однимъ почти проблескомъ критической мысли, оно было темнымъ и инертнымъ. Но зато личнозахватный бытъ и духъ властвующихъ верховъ не разложилъ или почти не разложилъ союзно-трудового строя его жизни, зато онъ не былъ уподобленъ и духовно подчиненъ этимъ верхамъ культурною, такъ сказать, индивидуализаціею съ ихъ стороны, а сохранилъ свое собственное, изъ глубокихъ корней выросшее и враждебное имъ правосознаніе.

Ограничиваясь по необходимости этими столь общими и бѣглыми указаніями объ апріорно намѣчающихся особенностяхъ исторически даннаго народнаго правосознанія въ Россіи, я долженъ оговорить по крайней мѣрѣ одно главное изъ возможныхъ, благодаря этой краткости, недоразумѣній: причисленіе меня къ славянофиламъ того или иного сорта. Я равно далекъ какъ отъ аксаковскаго славянофильства, считавшаго русскій народъ *избраннымъ* и *единственно* обладающимъ (въ видѣ общины) народно-трудовой формой союзности, такъ и отъ чичеринскаго, — сказалъ бы я, — „славянофобства“, отрицающаго *единственно у русскаго народа* и приписывающаго крѣпостному государству созданіе того общинно-трудового права и правосознанія, которое по всеобщему признанію встрѣчалось у всѣхъ народовъ... Я только констатирую, во-первыхъ, тотъ почти неоспоримый теперь уже фактъ, что въ Россіи, какъ и повсюду, сложился еще до крѣпостного государства общинно-трудовой бытъ, и я подчеркиваю, во-вторыхъ, что эта форма „первобытной культуры“ не была (да и не могла быть, за отсутствіемъ сильной культуры въ соціальныхъ верхахъ) разрушена крѣпостнымъ государствомъ.

Такимъ образомъ, когда пришелъ моментъ распаденія цѣпей крѣпостныхъ, то вскрылось въ Россіи огромное „внутреннее противорѣчіе“, открылась огромная пропасть между той культурой, которая мало-по-малу была перенята, у Запада, узкою чиновно-дворянскою вершиной россійской соціальной пирамиды и которая послѣ освобожденія хлынула и въ Россію гораздо болѣе широкимъ и глубокимъ потокомъ, и той „первобытной культурой“, при которой осталось придавленное въ низахъ пи-

рамиды только что раскрѣпощенное крестьянство... Правда, бюрократическое государство, пришедшее на смѣну крѣпостному, не рѣшилось произвести сразу насильственную ломку всего обычно-правового уклада крестьянства и, въ цѣляхъ самосохраненія, оставило даже надъ крестьянствомъ рядъ полукрѣпостныхъ заслоновъ. Но все-таки развитіе промышленности, торговли вообще, ростъ городовъ, путей сообщенія, европеизація внѣшнихъ формъ жизни, ростъ капитала всѣхъ видовъ, созданіе огромнаго слоя интеллигенціи, пролетаризація части ремесленниковъ и крестьянства и пр.— все это многообразное проникновеніе культурныхъ и экономическихъ формъ индивидуализма составляло огромный контрастъ съ некультурнымъ союзно-трудовымъ бытомъ массы народа, и, очевидно, тотчасъ же должна была начаться борьба между этими двумя соціальными типами, борьба не на жизнь, а на смерть.

Кто побѣждалъ, кто побѣждаетъ въ этой борьбѣ: культурная ли индивидуализація, облекшаяся въ форму „закона“, или некультурный „обычай“? Право и правосознаніе низшаго типа, но высшей степени развитія, или высшаго типа, но низшей степени? Вотъ вопросы, которые я попытаюсь хотя отчасти освѣтить въ предлагаемомъ очеркѣ.

§ 3. Экономическіе интересы.

Хотя начинающееся переустройство Россіи пойдетъ, очевидно, при направляющемъ вліяніи всей трудовой массы, хотя чисто или полупролетарская ея часть, повидимому, выступаетъ впереди крестьянства, но мы сейчасъ ограничимся однимъ крестьянскимъ,— точнѣе, однимъ трудовымъ деревенскимъ населеніемъ, вполнѣ или отчасти земледѣльческимъ. Съ одной стороны, историческое положеніе русскаго пролетаріата (это классъ, почти настолько же, какъ русская, напр., интеллигенція, „не помнящій историческаго родства“ въ лучшемъ смыслѣ, т.-е. наиболѣе свободный отъ инерціи), экономическіе его интересы (какъ не-собственника, продающаго свой трудъ) и его правосознаніе (сознаніе права на полный продуктъ труда) — сравнительно просты, близко аналогичны этому же классу на Западѣ и могли сохранить лишь мало слѣдовъ осо-

баго обычнаго народнаго права. Съ другой же стороны, все-таки этотъ классъ составляетъ и до сихъ поръ никакъ не болѣе $^1/_5$—$^1/_4$ всего рабочаго слоя въ Россіи, да и изъ этой доли добрая половина не порываетъ связи съ деревней. Такимъ образомъ нашъ обзоръ ограничится этой мужицкой деревней, попрежнему сохраняющей огромный численный перевѣсъ и являющейся единственнымъ резервуаромъ народно-обычнаго права,— поскольку оно сохранилось или складывается... Надъ послѣднимъ актомъ выше намѣченной борьбы двухъ соціальныхъ типовъ надо всецѣло надписать „дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ...“ Этимъ сразу же опредѣляется и основной экономическій интересъ, лежащій въ основѣ народно-обычнаго права: земля.

Отношеніе между землей и населеніемъ Россіи (представляющее опять одну изъ сторонъ „великости и обилія“ ея) и измѣненіе этого отношенія во времени опять представляютъ фактъ, хотя, казалось бы, элементарный, но огромное соціально-политическое значеніе котораго обычно совершенно упускается... Исторія его въ двухъ словахъ такова. Въ теченіи пяти вѣковъ земля русская росла съ чрезвычайной быстротой, такъ что ростъ населенія отставалъ отъ роста земли. Это и создавало вышеобрисованный „экстенсивный“ типъ русской экономической, и отчасти и вообще соціальной культуры, и долгое время многоземельныя окраины вмѣщали накоплявшееся внутри избыточное при данной культурѣ населеніе и тѣмъ держали общее благосостояніе страны на сравнительно (при низкой степени культуры) высокомъ уровнѣ. Но въ XIX вѣкѣ такому положенію пришелъ конецъ: Россія разрослась уже во всю ширь того пояса пустынныхъ и населенныхъ некультурными народами пространствъ, который первоначально ее окружалъ съ трехъ сторонъ, уперлась въ другія культуры и какъ разъ нынѣ страшнымъ кровавымъ ударомъ отброшена отъ безумной попытки навалиться на эти самостоятельныя народныя культуры. И одновременно съ этимъ ростъ населенія сталъ догонять ростъ земли, поясъ „вольныхъ земель“ сталъ истощаться, населеніе стало сгущаться сверхъ нормы, соотвѣтствующей экстенсивной культурѣ, и такимъ образомъ, одновременно съ намѣченнымъ выше общимъ культурно-правовымъ „внутреннимъ противорѣчіемъ“, назрѣло такое же колоссальное экономическое „противорѣчіе“, такъ сказать, между землей и населеніемъ...

Огромная важность этого факта чрезвычайно усиливается напряженностью и быстрымъ развитіемъ этого переполненія земли населеніемъ, которыя получились въ результатѣ необыкновенной быстроты прироста населенія въ Россіи. Врядъ ли можно сейчасъ съ точностью установить, каковъ былъ приростъ населенія въ Россіи вообще за послѣдніе хотя бы пять вѣковъ и какія именно естественныя или историческія условія его обусловливали, но одно можно сказать: что за послѣдніе по крайней мѣрѣ полвѣка врядъ ли найдется страна, гдѣ населеніе росло бы съ такой огромной быстротой. Напримѣръ, по вычисленію Департамента Окл. Сборовъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи за первыя четыре десятилѣтія съ освобожденія крестьянъ число послѣднихъ возросло съ 50 до 86 милліоновъ, т.-е. на 72%; если принять во вниманіе, что эта цифра минимальная и къ ней надо еще прибавить приростъ послѣднихъ пяти лѣтъ, то выйдетъ, что, несмотря на отливъ крестьянства и въ промышленность, и на переселеніе въ Сибирь, все-таки масса ею, скопившаяся на мѣстѣ при землѣ, меньше чѣмъ за полвѣка почти удвоилась!... Въ отдѣльныхъ же мѣстностяхъ населеніе приливаетъ прямо съ ужасающей быстротой. Напримѣръ, въ Бердянскомъ у. Таврической губ. (какъ сообщаетъ г. Олексенко въ очеркѣ объ общинномъ землевладѣніи въ этомъ уѣздѣ) рождаемость среди русскихъ крестьянъ колебалась (въ 1888 и 1889 гг.) отъ 49 до 83 душъ на 1000 душъ обоего пола, тогда какъ у рядомъ живущихъ (болѣе зажиточно, чѣмъ русскіе) нѣмцевъ-колонистовъ рождаемость колебалась за тѣ же два года между 31 и 41 на 1000 душъ, т.-е. у русскихъ почти въ два раза больше (вообще, какъ кстати напоминаетъ г. Олексенко, рождаемость въ Германіи и Англіи около 34, а во Франціи около 26 душъ)!... Въ результатѣ такого прироста малоземелье, конечно, растетъ съ такой же почти быстротой: по даннымъ комиссіи 1901 г. „объ оскудѣніи центра“ (цитирую по статьѣ г. Прокоповича „Аграрный вопросъ и аграрное движеніе“, „Образованіе“, 6 кн. 1905 г.) приходилось на 1 мужскую душу сельскаго населенія десятинъ земли:

	Надѣльной.	Купчей.	Всего.
Въ 1860 г. . . .	4,83	0,0	4,83
„ 1880 „ . . .	3,55	0,27	3,82
„ 1900 „ . . .	2,59	0,46	3,05

Надо ли послѣ этихъ не нуждающихся въ комментаріяхъ цифръ пояснять огромное политическое значеніе этого какъ-то обычно не принимаемаго почти никѣмъ въ разсчетъ факта, что переполненіе земли людскимъ потокомъ, кое-гдѣ (какъ во Франціи) почти остановившееся, идетъ въ Россіи съ безпримѣрной быстротой и, такъ какъ культура ея технически далеко отстала, то это переполненіе доводитъ земледѣльческую (а чрезъ то и вообще рабочую) массу до такой крайности, которая невозможна, кажется, больше нигдѣ?...

Этою же необыкновенною быстротою прироста населенія обусловливается, я думаю, отчасти и тотъ другой основной, опредѣляющій экономическіе интересы и политическое настроеніе крестьянской массы фактъ, что она въ Россіи еще *стаціонарнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.* Цѣлый рядъ точныхъ цифръ (не говоря о выше приведенныхъ), показываетъ, что „отслоеніе“ въ промышленность на фабрику могло взять лишь небольшую часть естественнаго прироста крестьянства, такъ что остающаяся при землѣ масса все-таки огромно растетъ. Цѣлый рядъ изслѣдованій, — такихъ какъ работы Черненкова, Пѣшехонова, Вихляева, — установили (по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ), что въ этой оставшейся при землѣ массѣ не только не происходитъ „разслоенія“,— пролетаризаціи земледѣльцевъ и капитализаціи земли, — но что эта масса скорѣе становится даже однороднѣе, *объединяется,* такъ сказать, *въ общемъ обѣднѣніи.* Приростъ населенія такъ великъ, что, заполняя весь спросъ промышленности, оно все-таки быстро сгущается на ограниченной для него площади земли, и эта „земельная тѣснота“, отъ которой, по выраженію мужиковъ, имъ совершенно „дѣваться некуда“, поднимаетъ все рѣшительнѣе все большія массы крестьянъ на поиски земли, на борьбу за землю...

Я очерчу здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ исторію этого глубоко поучительнаго исканія крестьяниномъ земли въ послѣднія четыре десятилѣтія,— какъ разъ, повторяю, въ то время, когда назрѣвало и раскрывалось и другое „внутреннее противорѣчіе“: между господствующимъ государственнымъ и народнымъ правомъ и правосознаніемъ.

Въ 60-е годы крестьянинъ еще только оріентировался въ новомъ положеніи, земельное утѣсненіе еще не развилось, и онъ

спокойно еще, сидя на мѣстѣ, покрывалъ свою земельную „нехватку“ очень дешевой тогда арендой сосѣдней помѣщичьей земли.

Въ 70-е годы уже стало замѣтно тѣсно наиболѣе малоземельнымъ, и крестьянство стало растекаться на заработки и на переселеніе на „вольныя земли“ окраинъ Европейской Россіи, „на Самару“, „на Донъ“ и т. д., — это были первые развѣдочные отряды переселенческаго движенія.

Въ 80-е годы, при несокращающемся, а скорѣе увеличивающемся отходѣ на земледѣльческіе заработки, это переселенческое движеніе разрослось во всю ширь: охватило уже не десятки, а сотни тысячъ крестьянъ и разлилось быстро въ Сибирь, постепенно проникая въ самые отдаленные ея углы *); въ то же время стало замѣтнѣе расти отслоеніе въ развивающуяся промышленность и гораздо рѣзче выступили раньше лишь слабо намѣчавшіяся другія двѣ формы исканія мужикомъ земли: съ одной стороны, наиболѣе консервативная — покупка ея въ личную, товарищескую и общинную собственность, а съ другой, наиболѣе радикальная — разныя нелегальныя формы борьбы съ помѣщиками.

Въ 90-е годы, когда тѣснота дошла до крайности, когда по всей почти крестьянской Россіи прошла страшная судорога „голоднаго года“, когда общимъ стономъ стала повторять она свое отчаянное „дѣваться некуда“, — когда все отчаяннѣе стала искать она выхода, то, естественно, все настойчивѣе бросалась сразу во всѣ выходы. Но результаты этихъ попытокъ были очень различны на разныхъ пунктахъ и тѣмъ самымъ глубоко знаменательны. Больше всего могло бы смягчить земельную нужду небывалое развитіе капиталистической обрабатывающей промышленности, но, какъ сказано, она все-таки могла впитать лишь слабую часть выходящаго изъ береговъ крестьянскаго потока. Затѣмъ самымъ важнымъ въ этомъ десятилѣтіи были остановка роста, а затѣмъ и *сокращеніе переселенческаго движенія:* фактически выяснилось, что Азіатская Россія, хотя и очень велика, но не только „порядка“, но и „обилія“ въ ней нѣтъ, что по крайней мѣрѣ

*) Очеркъ характера и результатовъ переселенческаго движенія, кончая началомъ 90-хъ годовъ, см. въ статьѣ моей „Крестьянское хозяйство и переселеніе“, „Русская Мысль“, 3 и 6 кн. 1894.

при теперешнихъ условіяхъ этотъ исходъ ничтожно малъ по сравненію съ нуждой и даже отдаленно не разрѣщаетъ земельнаго вопроса (въ примѣчаніи привожу рисующія это положеніе цифровыя данныя изъ недавно появившейся книги А. А. Кауфмана, единственнаго, строго говоря, въ нашей литературѣ настоящаго знатока вопроса, строго индуктивные выводы котораго совершенно уничтожаютъ ходячій оптимизмъ по переселенческому вопросу и имѣютъ огромное практическое значеніе*). Наконецъ, настолько же характерной обратной стороной этого ослабленія переселенческой волны явилось небывалое и вмѣсто нея на первый планъ выступившее

---

*) Я тѣмъ болѣе настаиваю на суровыхъ отрезвляющихъ заключеніяхъ А. А. Кауфмана, что раньше, въ первой (выше указанной) работѣ своей самъ раздѣлялъ ходячій оптимизмъ, тогда отчасти подтверждавшійся цифрами, вредъ котораго *теперь* былъ бы огроменъ... Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ отрезвляющихъ цифръ. „Убыль переселенческаго движенія въ Сибирь въ настоящее время уже не предположеніе, а *фактъ*. Количество переселенцевъ (безъ ходоковъ), которое въ 1896 г. достигло 186 тысячъ, а затѣмъ, послѣ временнаго паденія въ 1897 г., колебалось между 144 и 165 тысячами — въ 1901 г. упало до 86 тысячъ, въ 1902 и 1903 гг. — до 77 тысячъ въ годъ...“ (А. А. Кауфманъ „Переселеніе и Колонизація“, 1905 г., стран. 253). Но едва ли не еще болѣе грознымъ, чѣмъ это изсяканіе переселенческой волны, является огромный ростъ волны *обратнаго переселенія*, — этихъ уже пытавшихся, но неуспѣвшихъ устроиться на „вольныхъ“ земляхъ и принужденныхъ нищими возвратиться на родину, гдѣ однако имъ попрежнему „дѣваться некуда“. Вотъ выводы г. Кауфмана по этому пункту. „Возрастающая трудность устраиваться на новыхъ мѣстахъ ясно доказывается... данными объ обратномъ переселеніи. Еще за пятилѣтіе 1881—1885 гг. оно не превышало 3,4% общаго числа переселенцевъ, прошедшихъ въ Сибирь; за слѣдующіе 9 лѣтъ съ 1885 по 1893 г. изъ Сибири вернулось всего 2302 семьи, т.-е. тоже около 3,6% передняго движенія. Очевидно, обратное переселеніе совершенно не могло разсматриваться, какъ какой-нибудь тревожный признакъ. „Извѣстный процентъ обратныхъ переселеній, — писалъ въ то время К. Р. Кочаровскій,—совершенно неизбѣженъ при какихъ угодно идеальныхъ условіяхъ переселенія, такъ какъ среди всякой толпы переселенцевъ найдется нѣсколько семей такихъ, которые не успѣютъ приспособиться къ новымъ, хотя бы и вполнѣ благопріятнымъ, условіямъ жизни“. Но начиная съ 1895 г. процентъ обратныхъ переселенцевъ колеблется слѣдующимъ образомъ: въ 95 г. — 10,1%, въ 96 г. — 13,9%, въ 97 г. — 35,6%, въ 98 г. — 12,5%, въ 99 г. — 13,2%, въ 1900 г. — 30,9%, въ 1901 г. — 42,3%, въ 1902 г. — 36,2%. Въ итогѣ же за шестилѣтіе 1897—1902 гг. изъ Сибири возвратилось 28,337 семей, или почти 170 тысячъ душъ, т.-е. 24,9% или четверть общаго числа *переселенцевъ*, прошедшихъ за то же время въ Сибирь“. (Тамъ же, стран. 248.) Поясненія излишни!...

добываніе земли покупкой, совершавшееся по безумно вздутымъ цѣнамъ, за 5—6 лѣтъ почти удваивавшимся*)...

Наконецъ, какіе размѣры и какой характеръ приняла эта борьба крестьянства за землю въ настоящее время, съ начала двадцатаго вѣка, къ полувѣку съ освобожденія отъ крѣпостничества, — это на виду у всѣхъ и не требуетъ подробныхъ поясненій: всѣ способы отступили на задній планъ передъ полустихійной, полусознательной прямой борьбой съ крупными землевладѣльцами. По встрѣченному мною недавно приблизительному и несомнѣнно неполному подсчету эти крестьянскія волненія имѣли мѣсто за 1905 годъ въ 132 уѣздахъ 44 губерній...

Одинъ земскій статистикъ пишетъ мнѣ, между прочими замѣчаніями на вопросы моей программы по изслѣдованію общины, слѣдующее: „Сейчасъ уже (писано въ 1902 году) я слышалъ среди крестьянъ вздохи: „хоть война бы!“ — Что вы, Христосъ съ вами?! — „Все бы народу просторнѣе было“... Всякій, кто вдумается въ эти слова, кто задумается надъ ужасомъ того, что такія слова могутъ сходить съ устъ человѣческихъ, какъ нѣчто простое (я слышалъ о такихъ же разговорахъ и изъ другихъ источниковъ), кто пойметъ, что дальше въ отчаяніи идти уже некуда и что въ такомъ пассивномъ, — смерть для части народа призывающемъ! — отчаяніи не можетъ долго оставаться народъ, у котораго есть силы для жизни, — всякій, кто вдумается и пойметъ все это, пойметъ и то, что земля для крестьянства, доведеннаго до послѣдней экономической крайности, есть сейчасъ вопросъ жизни или смерти и что никакіе отводные каналы уже не останавливаютъ и не остановятъ хлынувшихъ, переполнившихъ русло людскихъ волнъ**)...

---

*) При покупкахъ съ помощью крестьянскаго банка „въ 1897 г. средняя стоимость десятины земли, купленной сельскими обществами, равнялась 56 руб., черезъ годъ — уже 70 руб., потомъ 72 руб., въ 1900 г.—82 руб., въ 1901 г.— 88 руб., а въ 1902 г. уже 101 руб. Точно также и цѣна земли, купленной товариществами, поднялась за этотъ періодъ съ 77 руб. до 107 руб., а земель, купленныхъ отдѣльными домохозяевами — съ 69 руб. до 134 руб. Въ среднемъ выводѣ по всѣмъ покупкамъ цѣны возвысились съ 71 руб. до 108 руб.“ Цитирую по „Русск. Вѣд.“ 23 сент. 1904 г.

**) Съ удовлетвореніемъ могу указать, что теперь уже и иные изъ марксистовъ совершенно ясно поняли и ярко рисуютъ это положеніе. По крайней мѣрѣ вотъ что говоритъ г. Прокоповичъ: „За 40 лѣтъ размѣръ крестьянскаго

§ 4. Соціальная атмосфера.

Итакъ, констатировавъ, что экономическіе интересы трудовыхъ массъ въ Россіи въ крестьянской борьбѣ за землю собрали и напрягли огромную политическую силу, и поставивъ главной цѣлью дальнѣйшей основной части этого очерка освѣтить, въ какомъ направленіи толкаетъ ихъ крестьянское правосознаніе, сейчасъ мы попытаемся еще въ нѣсколькихъ словахъ намѣтить внѣшнюю культурно-правовую обстановку пореформеннаго періода.

Бюрократическое государство, смѣнившее крѣпостное и подобно ему проникавшее всю жизнь Россіи и стремившееся приспособить ее для своего самосохраненія, могло выбирать между двумя системами устройства крестьянъ по отмѣнѣ крѣпостного права. Или оно могло постараться сохранить въ возможной неприкосновенности „патріархальный“ крестьянскій бытъ, надѣясь, что эта обособленность трудового населенія, опутаннаго разными союзами (общиной, круговой порукой и т. д.), ключъ отъ которыхъ остался въ рукахъ государства, достаточно обезпечитъ косность крестьянства его покорность власти и невоспріимчивость къ идеямъ свободы и соціализма. Или, наоборотъ, можно было разрушить всѣ эти особенности и всю эту обособленность крестьянскаго

землевладѣнія на одну душу понизился на 37%. Этотъ печальный результатъ получился, несмотря на развитіе обрабатывающей промышленности, переселенія крестьянъ и дѣятельность крестьянскаго банка. А такъ какъ техника крестьянскаго хозяйства за этотъ промежутокъ времени въ общемъ почти не прогрессировала, то убыль земли привела къ соотвѣтствующей убыли въ сборѣ хлѣбовъ, къ хроническому недоѣданію и голоду. Съ другой стороны, растущій недостатокъ собственной земли привелъ крестьянъ къ усиленному спросу на частновладѣльческія и казенныя земли, къ чрезвычайному повышенію арендныхъ платъ и ухудшенію условій аренды. По мѣрѣ роста малоземелья, аренда получала все болѣе и болѣе ростовщическій характеръ.

Наконецъ, общее оскудѣніе крестьянства явилось непреодолимою помѣхою въ дѣлѣ улучшенія положенія сельскихъ батраковъ и поденныхъ рабочихъ. Параллельно съ обнищаніемъ народа шелъ ростъ личности крестьянина, ростъ его запросовъ какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ, росла его воспріимчивость, какъ къ матеріальнымъ лишеніямъ, такъ и къ моральнымъ униженіямъ. Въ народной жизни выросло постепенно колоссальнѣйшее внутреннее противорѣчіе, съ каждымъ годомъ назрѣвающее все болѣе и болѣе“.

строя, насадивши всѣми средствами развитіе индивидуализма, создавши огромную массу мелкихъ и мельчайшихъ и среднихъ землевладѣльцевъ, проникнутыхъ собственнической жадностью, совершенно разбитыхъ этой раздробленностью интересовъ на „безсвязныя толпы“, совершенно не способныя къ соціальному обобщенію своихъ интересовъ и идеаловъ. Конечно, второй исходъ былъ бы единственно разумнымъ для бюрократическаго государства, такъ какъ только онъ совмѣстимъ съ тѣмъ развитіемъ культуры, которое во всякомъ случаѣ неизбѣжно и которое, наоборотъ, либо должно было все равно разрушить обособленную общинную организацію крестьянства, либо могло преобразовать ее въ совершенно неожиданномъ и нежелательномъ не только для бюрократизма, но и для всѣхъ господствующихъ слоевъ направленіи. Правительство однако не пошло рѣшительно по этому пути, такъ сказать, культурной индивидуализаціи трудовыхъ массъ, но и не стало на другой путь, а спутанно и нерѣшительно блуждало между ними.

Съ одной стороны, если взять общія начала „реформъ“, всѣ усилія были употреблены къ насажденію капиталистической промышленности и вообще *внѣшней* европеизаціи Россіи, но оставленъ былъ полу-крѣпостной сословный крестьянскій строй, въ которомъ крестьянскимъ обществамъ и волости подъ непосредственнымъ руководствомъ администраціи поручено было опекунство надъ массой съ цѣлымъ рядомъ полурабскихъ скрѣпъ, — тѣлеснымъ наказаніемъ, правомъ пріема и увольненія членовъ, высылки ихъ въ Сибирь, круговой порукой и т. д. Такимъ образомъ, одной рукой правительство поощряло индивидуализмъ и капитализмъ, а другой заслоняло отъ него сословной стѣной народную массу. Съ другой стороны, если остановиться спеціально на центрѣ этихъ реформъ,— на устройствѣ землевладѣнія, то опять, хотя изъ страха передъ пролетаріатомъ крестьянство было освобождено съ землей и въ общинѣ, но въ эту исторически выработавшуюся форму трудовой союзности было внесено начало индивидуализма выкупомъ надѣловъ вообще и правомъ выкупа отдѣльныхъ хозяевъ ихъ надѣловъ безъ согласія общины въ особенности. Такъ было и въ остальныхъ областяхъ, таково было противорѣчивое и колеблющееся воздѣйствіе бюрократіи и позже. Напри-

мѣръ, еще въ 1886 году государство, спѣша отдѣлаться даже отъ той формы коллективнаго права, которую прямо держало въ своихъ рукахъ, отказалось отъ собственности на надѣльную землю государственныхъ крестьянъ, тоже переведя ихъ на выкупъ и тѣмъ видимо желая заложить въ нихъ собственническій консерватизмъ; но съ другой стороны, оно не провело этого въ Сибири и, болѣе того, въ 1893 году уничтожило наиболѣе разлагавшую общину статью о выкупѣ надѣловъ отдѣльными хозяевами безъ согласія общины, хотя, впрочемъ, тутъ же ограничило и права общины, запретивъ частные передѣлы, ограничивъ сроки общихъ передѣловъ и передавъ рѣшенія общинъ на полное усмотрѣніе земскихъ начальниковъ и т. д.

Такая двойственная и нерѣшительная политическая игра оказалась однако крайне неудачной и для бюрократіи, и вообще для „командующихъ классовъ“ Россіи: повидимому, для нихъ въ результатѣ получились всѣ минусы и ни одного плюса...

Съ одной стороны, пролетаріатъ все-таки получился,— да и какъ же обошлась бы безъ него насаждаемая бюрократіей капиталистическая промышленность?— вѣдь прямо въ ея руки и выжимался мужикъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ малымъ, плохого качества, плохо расположеннымъ и чудовищно обременнымъ платежами надѣломъ! На остальную же часть крестьянства, малоземельную и неспособную интенсивировать земледѣліе, благодаря некультурности, искусственно охраняемой бюрократіей, налегли, какъ на худосочный организмъ, паразиты торговаго и денежнаго капитала. Такимъ образомъ, всѣ трудовые низы успѣли пройти роскошно, можно сказать, обставленную „капиталистическую выучку“.

Съ другой стороны, тотъ духъ индивидуализма, который долженъ бы внести капитализмъ, несомнѣнно не успѣлъ разъѣсть и разложить общину, и деревенская Россія не превратилась въ милліоны разслоенныхъ консервативныхъ личныхъ земельныхъ собственниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это не только не было результатомъ тѣхъ сословныхъ скрѣпъ, въ которыя бюрократія загнала крестьянство, но наоборотъ всѣ эти скрѣпы, въ связи и безъисходной тяжестью податного государственнаго „тягла“ съ безконечно тягостнымъ и раздражающимъ

гнетомъ администраціи надъ просыпающеюся личностью крестьянина, провели все крестьянство чрезъ не менѣе, пожалуй, тяжкую и не менѣе поучительную „бюрократическую выучку".

И все это произошло при свѣтѣ зародившейся и быстро разростающейся молодой русской культуры, рядомъ съ мощнымъ ростомъ русской интеллигенціи, частью разночинной, частью даже ужъ изъ трудовыхъ слоевъ, воспитавшейся „на послѣднихъ словахъ" западно-европейской культуры и потому проникшейся не индивидуалистическимъ духомъ, а широкимъ соціальнымъ идеализмомъ. И уже ясно, что никакія усилія полицейско-бюрократическаго государства не смогутъ остановить тѣхъ токовъ возбуждающей соціальной энергіи, которые идутъ отъ этого тонкаго, но животворящаго слоя въ трудовые низы россійской соціальной пирамиды.

И въ какой моментъ смыкаются эти токи цѣлесознательныхъ партійныхъ усилій съ пробуждающимся народнымъ самосознаніемъ и самодѣятельностью!...

Мы слегка намѣтили нѣкоторыя главныя условія, въ которыхъ сложились исторически и жили въ пореформенную эпоху право и правосознаніе крестьянскаго народа. Перейдемъ теперь отъ этихъ апріорно намекающихъ уже на ихъ размѣры и характеръ замѣчаній къ непосредственному ихъ разсмотрѣнію.

При этомъ я позволю себѣ сразу же, такъ сказать, перейти отъ защиты въ наступленіе: вмѣсто доказательствъ реальности и силы народнаго обычнаго права, поставлю обратный вопросъ, — *о степени дѣйствительности и силы въ жизни самого „дѣйствующаго закона"?*... Какъ бы ни изумила иныхъ столь дерзкая постановка вопроса, я попрошу, однако, ихъ раскрыть глаза на нижеприводимые факты и цифры.

ГЛАВА III.

„Твердая сила законовъ".

§ 1. Пропасть между закономъ и народной жизнью.

Нѣкоторыя сомнѣнія въ „твердости" силы законовъ являются ужъ a priori, изъ самыхъ простыхъ соображеній. Хотя „никто не можетъ отговориться незнаніемъ законовъ",

но на самомъ дѣлѣ кто же ихъ знаетъ, кромѣ нѣсколькихъ тысячъ чиновниковъ, которымъ нужно ихъ знать преимущественно, чтобы ихъ гнуть или обходить, вообще подчинять тѣмъ или инымъ интересамъ, тѣхъ или иныхъ „хозяевъ жизни“? Какое можетъ имѣть представленіе объ этомъ „писанномъ законѣ“ чуть не на $^3/_4$ безграмотное крестьянство? Затѣмъ, какъ можетъ оно понимать законы, когда „законодательствующіе“ верхи отдѣлены, какъ выше показано, такой широкой пропастью отъ „законопріемлющихъ“, такъ сказать, низовъ и когда при этомъ законъ имѣетъ цѣлью почти исключительно интересы именно первыхъ, а не послѣднихъ? Да и большой еще вопросъ, стало ли бы трудовое крестьянское населеніе охотнѣе исполнять законъ, если бы яснѣе поняло эти его цѣли и мотивы (образчики коихъ я привожу въ этой главѣ ниже)?... Не ясно ли уже изъ этихъ простыхъ соображеній, какимъ миѳическимъ должно быть представленіе о „законѣ“ въ крестьянствѣ, какъ единственной осязательной его реальностью долженъ являться только карающій его мечъ, какъ ненадежно и случайно поэтому можетъ быть его дѣйствительное господство въ крестьянской жизни?

И дѣйствительно, вотъ какъ изображаетъ роль закона въ деревнѣ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ ея, Н. А. Астыревъ, въ извѣстныхъ, единственныхъ въ своемъ родѣ очеркахъ „Въ волостныхъ писаряхъ“ (по поводу приводимой характеристики можно развѣ только замѣтить, что она крайне грѣшитъ народническимъ преувеличеніемъ силы и красоты народныхъ устоевъ до реформъ и потому — соотвѣтственнымъ же преувеличеніемъ размѣровъ ихъ „разрушенія“ и „искаженія“ въ пореформенную эпоху).

„Слово „законъ“ получило уже въ народѣ полное право гражданства: его употребляютъ и кстати и некстати — въ послѣднемъ случаѣ даже чаще перваго; выраженіе „сдѣлать по закону“ стало синонимомъ „сдѣлать ловко, хорошо, надежно“, независимо отъ того, будетъ ли это сдѣлано по совѣсти, согласно мірскимъ воззрѣніямъ о справедливости, или нѣтъ; но законъ не замѣнилъ собою народу полуисчезнувшихъ устоевъ его жизни. Дѣйствительные законы совершенно неизвѣстны народу: онъ знаетъ только одинъ законъ — это то, что говоритъ или приказываетъ начальство, какое бы оно ни было: урядникъ ли, писарь, мировой ли судья (писано до введенія земск. начальн. К. К.) или судебный слѣдователь... Законъ сталъ аттрибутомъ власти; власть попрежнему внушаетъ одинъ только страхъ (признаковъ

уваженія, довѣрія, любви — нѣтъ), вотъ почему и законъ сталъ внушать безотчетный страхъ. И вотъ откуда происходитъ такое колоссальное значеніе закона въ народной жизни и такое, при этомъ, огромное непониманіе истиннаго его смысла и требованій; законъ въ глазахъ мужика, это нѣчто грозное, необъятное, таинственное, — то нѣчто, во имя чего начальство напускаетъ страхъ, ругается, поретъ, выколачиваетъ недоимки, ссылаетъ въ Сибирь, потрошитъ покойныхъ, сноситъ избы, убиваетъ больную скотину, бреетъ лбы, гонитъ ребятъ въ школу, прививаетъ оспу и т. д. и т. д. до безконечности“:...

„Сдѣлать по закону“ значитъ съ точки зрѣнія мужика сдѣлать такъ, чтобы начальство, съ которымъ придется имѣть дѣло, осталось довольно, не придралось бы. „Напиши мнѣ росписку, да гляди,— по закону напиши!“ говоритъ мужикъ писарю. Это значитъ, что онъ проситъ написать такъ, чтобы мировой судья, которому, можетъ быть, придется читать росписку, не швырнулъ бы ее обратно (что не разъ бывало), а принялъ бы ее къ разсмотрѣнію. „Ямы для зарыванія павшаго отъ чумы скота надо рыть не мельче 3 аршинъ“ — приказываетъ урядникъ и, для большаго убѣжденія, добавляетъ: „ты пойми, вѣдь это не я говорю, а законъ!“ И мужики пунктуально выполняютъ сообщенный имъ законъ,— роютъ ямы въ три аршина глубины, повалятъ въ одну яму по три трупа, такъ что верхній лежитъ почти въ уровень съ поверхностью земли. А урядникъ уходитъ довольный собою и увѣренный, что имъ въ точности исполнено требованіе закона... Да такихъ примѣровъ можно привести не десятки, не сотни и не тысячи, а милліоны“...

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести еще нѣсколько примѣровъ изъ Астырева, съ необыкновенной яркостью рисующихъ пропасть между „закономъ“ и жизнью. Вотъ прежде всего нѣсколько образчиковъ того миѳологическаго тумана, въ которомъ рисуется мужику этотъ всевластный и страшный законъ.

Получивъ нужныя справки, мужики спрашиваютъ у волостного писаря:

„и еще ужъ хотѣли за одно обезпокоить вашу милость. Правду, говорятъ, что съ будущаго года менѣе пятидесяти пудовъ табаку нельзя и съ огорода съимать, чтобы маленькихъ, значитъ, огородовъ совсѣмъ не было? А у кого меньше пол-ста окажется, такъ у того задаромъ будутъ табакъ въ полки отбирать на солдатъ?...

А вотъ подлинный разсказъ мужика о волненіяхъ, охватившихъ населеніе при появленіи новаго въ деревнѣ начальства — урядника.

„Вбѣгаетъ, этто, мальченка мой, запыхался весь и говоритъ: „тятька, сейчасъ мы на улицѣ съ робятами играли, вдругъ идетъ по улицѣ новый урядникъ, что вечеръ пріѣхалъ,— важный такой, усищи — во!... и большая

у него сабеля на боку виситъ. А тутъ тетка Матрена съ теткой Анисьей стоятъ и гуторятъ промежъ себя: вотъ его, говорятъ, царь прислалъ; и можетъ онъ по закону этой самой сабелей головы рубить ворамъ... А съ сабелей этой онъ, слышь, и спитъ, николи не снимаетъ, а какъ снялъ, сичасъ его въ Сибирь"... Что ты, говорю, щенокъ, пустое болтаешь? — „Нѣтъ, гритъ, ей-Богу; не вру! Пойди самъ посмотри". И взяло меня тутъ раздумье: пожалуй, и впрямь новое такое начальство проявилось; пойду, думаю, въ трактиръ, тамъ у людей узнаю. Пришелъ, а тамъ народу словно въ праздникъ набралось, и все объ этомъ самомъ урядникѣ толкуютъ. Кто гритъ — что точно, головы рубить будетъ, а кто — что только поджилки на ногахъ будетъ подрѣзывать"...

„Не могу тутъ же не вспомнить разсказъ старшины Якова Иваныча о томъ, какъ онъ знакомился съ машиной, т.-е. съ желѣзной дорогой. Было ему лѣтъ 17, когда провели эту машину, надѣлавшую огромнаго шуму въ околодкѣ. Пронесся, между прочимъ, слухъ, что на нее глядѣть не дозволяется, а кто глядѣть будетъ, въ того съ машины изъ ружья палить будутъ. Вотъ Яковъ Иванычъ былъ какъ-то въ лѣсу недалеко отъ линіи желѣзной дороги. — „Вдругъ, слышу, гудитъ. Ну, думаю, пропалъ я — застрѣлятъ!... Либо въ чащу бѣжать, либо на мѣстѣ остаться — посмотрѣть, что за машина такая; авось въ лѣсу-то не замѣтятъ... Легъ я на брюхо, да ползкомъ за кусть, оттуда и посмотрѣлъ. Потомъ, какъ въ деревнѣ сказывалъ, не вѣрили: врешь, говорятъ, хвастаешь!"...

„И вотъ тотъ же самый Михейка, — допытывавшійся, будетъ ли урядникъ рѣзать поджилки, — попадаетъ въ волостные судьи; его берутъ прямо изъ трактира, гдѣ рѣчь идетъ про „сабелю" и „поджилки", сажаютъ за столъ, подъ портретомъ въ золотой рамѣ, и говорятъ: суди!... А судить надо „по закону" — это Михейка твердо знаетъ, потому что ежедневно слышитъ это и отъ мужиковъ, и отъ старшины съ писаремъ, и отъ всякихъ деревенскихъ грамотеевъ и бывалыхъ людей. И тяжущіеся очень часто говорятъ ему, Михейкѣ, во время судопроизводства: „ты какъ насъ судишь-то?... ты суди по закону, а не какъ-нибудь". Да и у писаря, что рядомъ сидитъ, книги лежатъ на столѣ и бумаги разныя, — значитъ и впрямь законы есть, по которымъ судить должно, а какіе такіе законы — онъ, Михейка, рѣшительно не знаетъ и потому держитъ себя на судейскомъ креслѣ смирнехонько, слушаясь во всемъ писаря"...

Въ приведенныхъ примѣрахъ съ особенной яркостью выдвинута темнота народа, культурная отдаленность его отъ внѣшне европеизированной и европеизирующей власти. Но не надо забывать, что эта власть не только строила желѣзныя дороги, „гнала дѣтей въ школы", „прививала оспу" и т. п., вообще вводила хотя чисто механически и лишь техническую сторону, но все-таки культуры: надо вспомнить, что астыревское описаніе подцензурное и относится ко времени до режима Александра III, что по этому, оно, во-первыхъ, принуждено

умалчивать о самыхъ темныхъ пятнахъ на оборотной сторонѣ медали „закона“ и что, во-вторыхъ, послѣ того законъ повернулся къ мужику почти исключительно этой оборотной стороной, — репрессивнымъ искорененіемъ опасныхъ для него ростковъ культуры, такъ что фактически почти вся культурная работа дѣлалась только земствомъ, и это мужикъ теперь уже (какъ я покажу въ другой работѣ) все яснѣе понимаетъ... Такимъ образомъ, дѣло не только и даже не столько въ темнотѣ мужика, не позволяющей ему разглядѣть въ законѣ лицевую сторону внѣшней культурности, но въ томъ, что къ нему законъ повернутъ обратной стороной репрессіи, совершенно чуждыхъ народу цѣлей, подавленія трудовыхъ интересовъ, защиты хищническаго индивидуализма, эксплуатаціи народа фискомъ, помѣщиками, капиталистами... И потому эти нелѣпости о запрещеніи посѣва табака ниже извѣстнаго количества, о рѣзаніи „поджилковъ“ и т. п. вовсе не безосновательны, а основаны если не на такихъ именно, то на совершенно равнозначущихъ имъ актахъ закона или административнаго распоряженія. Приведу нѣсколько случайно подвернувшихся образчиковъ.

Вотъ, напримѣръ, краткая исторія лѣсного законодательства въ Россіи, начиная съ „Петербургскаго періода“, въ изложеніи А. Ефименко. („Изсл. нар. жизни“ стран. 145, 146.)

„Сообразите, какое впечатлѣніе должны были производить на народъ слѣдующіе факты изъ исторіи лѣсного законодательства: Петръ Великій назначаетъ за самовольную порубку смертную казнь; при Екатеринѣ I и Петрѣ II разрѣшается свободно рубить лѣсъ; Анна Іоанновна и Елизавета Петровна возобновляютъ запретительную систему; Екатерина II опять вводитъ свободную, которая снова смѣняется запретительной при Павлѣ; Александръ I разрѣшаетъ рубить крестьянамъ, что вздумается и гдѣ вздумается; въ царствованіе Николая Павловича снова вводятся ограниченія („Труды Ярославскаго Статист. Комитета“, вып. 2, 1867 г., ст. „Рѣчная область Шексны“, стран. 42). Что удивительнаго, что крестьянство не научилось видѣть въ лѣсныхъ законахъ ихъ разумной подкладки, а видитъ лишь стѣснительный произволъ и рубитъ себѣ, сколько можетъ, со спокойной совѣстью, такъ какъ его дѣйствія не противорѣчатъ его понятіямъ о справедливомъ“...

Остается добавить, что уже въ пореформенный періодъ мѣнялись лѣсные законы, и къ чему они сейчасъ приводятъ на практикѣ, этому какъ разъ мнѣ попался примѣръ въ текущей журналистикѣ: въ „Образованіи“ (1905 г. кн. 5, „Эпизоды изъ жизни

одной деревни") описана несчастная деревня въ Оренбургской губерніи, гдѣ „березовымъ лѣсомъ начинаютъ зарастать всѣ пустоши, площадь выгона и пашни все болѣе сокращается, на каждую надѣльную душу приходится 13 десятинъ лѣса, лѣсъ гніетъ, горитъ, но начальство неукоснительно запрещаетъ срубить даже полѣно на собственной надѣльной землѣ... Жители поставлены въ необходимость постоянно воровать у самихъ себя необходимый лѣсъ"... Чѣмъ это лучше запрещенія посѣва табаку?

Чтобы читателю не показалось, что это несчастное „лѣсоохраненіе" составляетъ исключеніе по крайней своей нелѣпости, приведу еще нѣсколько примѣровъ изъ той же мѣстности, рисующихъ ужасную сплошную трагикомедію дѣйствія „закона" или, точнѣе, административныхъ предписаній, которыхъ населеніе не отличаетъ отъ „закона"

... „Каждая смѣна начальства сопровождается новыми фантазіями Такъ, одинъ изъ мѣстнаго „высшаго" начальства выразилъ желаніе, чтобы передъ каждымъ домомъ въ деревняхъ были насажены деревья. И вотъ, при проѣздѣ „особы", передъ каждымъ домомъ была сдѣлана временная загородка и натыканы въ землю деревья, срубленныя въ лѣсу. Другое начальство пожелало, какъ разъ во время посѣва, чтобы всѣ плетни были обмазаны глиной „для несгораемости". Пришлось деревенскимъ дѣтишкамъ да и взрослымъ во время дождя забрасывать всѣ плетни грязью, которая и украшала дворы въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ"...

Это до сихъ поръ все комедія, хотя для крестьянъ, можетъ быть, и не очень веселая; но дальше уже не до смѣху·

„все то же начальство предписало крестьянамъ устроить особый „плодовый табунъ" для улучшенія породы лошадей, и въ результатѣ сотенъ тысячъ рублей издержекъ крестьяне имѣютъ жеребцовъ достоинствомъ, по мнѣнію крестьянъ, рублей на 60, тогда какъ до того у самихъ крестьянъ жеребцы были въ 200 - 300 руб., такъ что фактически съ огромной затратой „организовались табуны для ухудшенія породы лошадей"... И этого мало. Все то же начальство предписало ввести *трехпольный сѣвооборотъ*, при чемъ оказалось, что подъ нимъ оно понимаетъ переложную систему *посѣва на одномъ полѣ, при запусканіи двухъ*, а между тѣмъ у жителей уже дѣйствуетъ настоящій трехпольный сѣвооборотъ; конечно, крестьянамъ исполнить это было уже немыслимо, и они отдѣлались отъ этого предписанія частью разными жалобами и прошеніями, частью простыми формальными приговорами о введеніи начальническаго „трехполья", съ оставленіемъ на дѣлѣ всего по старому"...

Спрашиваю еще разъ: развѣ эта дѣйствительность не нелѣпѣе фантазіи о запрещеніи посѣва табаку? И что долженъ чувствовать и думать народъ о такихъ дѣйствіяхъ начальства, смѣшиваемыхъ имъ въ одно съ „закономъ“?

Итакъ, роль „закона“ въ крестьянской жизни совершенно подобна грознымъ стихійнымъ явленіямъ природы: смыслъ его непонятенъ, но сила непреборима и терроризуетъ всю жизнь мужика. Уже и въ своемъ трудовомъ кругѣ онъ находится подъ постоянными его требованіями и подъ угрозами за ихъ неисполненіе, — тѣмъ болѣе входитъ мужикъ во все болѣе узкіе и болѣе непонятные ему тиски закона, когда вступаетъ въ сношенія съ хозяйничающими надъ нимъ верхними слоями: помѣщикомъ, кулакомъ, попомъ, чиновникомъ. Понятно, какъ глубоко долженъ развращать этотъ постоянный „прижимъ“, эта необходимость вѣчно подчиняться, приспособляться и употреблять, какъ средство для своихъ цѣлей, тотъ „законъ“, который въ лучшемъ случаѣ непонятенъ, а часто ненавистенъ, какъ нарушающій интересы, и возмутителенъ, какъ идущій противъ установившихся и развивающихся въ трудовыхъ слояхъ понятій совѣсти и чести... Еще болѣе усиливается это развращающее вліяніе „закона“ характеромъ его произведенія,— произволомъ, продажностью, хищничествомъ администраціи. Приведу опять цитату изъ несравненно мѣткаго и яркаго очерка Астырева.

„Куда мужикъ ни сунется, вездѣ ему тычутъ истинными или вымышленными законами. Хочется батюшкѣ съ мужика содрать лишнюю пятишницу за свадьбу, онъ говоритъ, что нужна метрическая выпись. „Батюшка, да нельзя ли какъ-нибудь безъ этой метривки?“— Нельзя, надо; не я, а законъ этого требуетъ. — „Батюшка, ужъ я те трешницу дамъ, не нудь ты меня!“ И законъ попранъ, но мужикъ не знаетъ, истинный или вымышленный. Пошла баба въ казенный лѣсъ ягодъ набрать — ее поймалъ объѣздчикъ и требуетъ рубль штрафу, таща къ лѣсничему: „не я, а законъ требуетъ“.— „Отпусти родименькій, я те двугривенничекъ дамъ!“... И законъ опять исчезаетъ со сцены. Старшина не хочетъ страховать зданія: „Нельзя по закону, тутъ четырехсаженнаго разрыва нѣтъ“; а напился чаю, да получилъ рублевку — и трехсаженный разрывъ превращается въ законный...

„Хотя и не всѣ такія передѣлки съ закономъ удаются, но мужикъ въ теченіи своей жизни успѣваетъ тысячу разъ убѣдиться на дѣлѣ, что начальство — въ одномъ случаѣ примѣняетъ одинъ законъ, въ другомъ совершенно подобномъ случаѣ — другой законъ и т. д., отсюда происходитъ стремленіе упросить администрацію примѣнить къ данному случаю какой-нибудь законъ

полегче, а всякій проситель твердо памятуетъ пословицу: „сухая ложка и ротъ деретъ“... Послѣдствія такого положенія вещей понятны“...

Если мы вспомнимъ, что взяточничество, и вообще продажность во всѣхъ видахъ, были характернѣйшей чертой бюрократіи какъ московскаго, такъ и петербургскаго періода, что даже въ такіе поворотные моменты, какъ складываніе главныхъ основъ самого народнаго права, — напримѣръ, при первыхъ уравнительныхъ общинныхъ передѣлахъ земель, — играла чуть не рѣшающую роль „денежная“ или „золотая“ молитва *), бросавшая на ту или другую чашку вѣсовъ грозный, но продажный мечъ закона, — то мы окончательно поймемъ, какъ вліялъ этотъ писанный законъ на обычное право, на народное правосознаніе... Онъ, этотъ „законъ“, непонятный и враждебный самъ по себѣ и размѣнивающійся въ жизни на ходячую монету самодурствующаго и продажнаго произвола администраціи, — очевидно, могъ только разъѣдать, какъ ржавчина, народное право, поскольку его касался, но не могъ подставлять на мѣсто народнаго новое государственное право; *онъ могъ ослаблять вообще правосознаніе крестьянства и его моральные мотивы, могъ развивать безправіе, но безсиленъ былъ создать новое народное правосознаніе.* Я не умѣю точнѣе опредѣлить отношеніе народа къ закону, какъ щедринскимъ словомъ „претерпѣвать“: мужикъ претерпѣвалъ и претерпѣваетъ исторически выработавшійся въ Россіи „писанный законъ“ лишь постольку, поскольку хватаетъ у него запаса терпѣнія...

Еще одна послѣдняя иллюстрація для этого послѣдняго вывода, точно нарочно изображенная съ несравненной силой и красотой В. Г. Короленко въ его очеркѣ о „ямщикахъ государевыхъ“, несущихъ почтовую службу по Ленѣ:

„Такъ и тянется забытая исторіей жизнь своеобразныхъ ямщичьихъ общинъ. На каждомъ станкѣ должно быть столько-то паръ лошадей, по столько-то за пару. Населеніе раздѣляетъ „по душамъ“ и почтовую повинность, и плату. „Душа ямщика“ — это такая-то доля лошади. Въ станкахъ съ меньшимъ населеніемъ эта доля будетъ больше, и на домохозяина придется ½ лошади и даже цѣлая... Гдѣ населеніе болѣе многочисленно, — душа соотвѣтствуетъ четверти, осьмой и т. д. части лошади... Разверстка этихъ лошадиныхъ „душъ“ съ лежащими на нихъ повинностями и „жало-

*) См. напр. очеркъ А. А. Кауфмана „Документы и живая исторія русской общины“, стран. 28—29 и пр.

ваніемъ" чрезвычайно своеобразна и заслуживала бы вниманія изслѣдователя... Если лошадь пала,— на ямщика навалятъ ея работу: онъ будетъ грести лѣтомъ, или таскать лодки лямкой... Если работникъ захворалъ или умеръ,— семья тоже вымираетъ медленной смертью, на которую полуголодные сосѣди глядятъ съ испуганнымъ состраданіемъ, а камни и лѣса — съ величавымъ стихійнымъ равнодушіемъ...

„Въ общемъ большинство этихъ забытыхъ жизнью „государевыхъ ямщиковъ" производятъ впечатлѣніе медленнаго вымиранія. Они болѣзненны, блѣдны, печальны и хмуры, какъ эти берега. Свою родную рѣку они зовутъ „проклятою" или „гиблою щелью" и увѣряютъ съ полнымъ убѣжденіемъ, будто „начальники" (устанавливающіе „добровольное соглашеніе") *не вѣрятъ въ Бога, отчего земля ни одного изъ нихъ послѣ смерти не принимаетъ въ свои нѣдра*... Что губернаторы, что исправники, что засѣдатели, — все одно... Положатъ его въ домовину, онъ такъ скрозь землю и пойдетъ, и пойдетъ... въ самые видно *тартарары*"... („Сибирскіе разсказы" „Рус. Бог." 1900 г. 2 кн., стран. 191).

Итакъ, что же такое это начальство съ его „законами" и „приказами" въ правосознаніи этихъ безконечно претерпѣвающихъ его людей? Да, очевидно, просто на просто нѣчто въ родѣ „антихриста": нѣчто прямо противоположное правдѣ и „закону божескому"...

Перейдемъ теперь къ прямому разсмотрѣнію на рядѣ примѣровъ того, насколько осуществляется законъ въ дѣйствительной крестьянской жизни.

§ 2. Общій „духъ законовъ" Россійскаго бюрократическаго государства.

Въ дѣятельности пореформеннаго бюрократическаго государства въ Россіи можно различить четыре основныхъ теченія: 1) мѣры для поддержанія и развитія культуры; 2) мѣры на пользу тѣхъ или иныхъ интересовъ тѣхъ или иныхъ слоевъ рабочаго класса; 3) мѣры на пользу господствующихъ нетрудовыхъ слоевъ; 4) мѣры для поддержанія и расширенія самого бюрократическаго строя.

Какъ я уже указалъ, дѣятельность культурная и вообще была крайне слаба, и съ теченіемъ времени, особенно съ начала 80-хъ годовъ, все сокращалась; единственное, напр., замѣтное проявленіе ея въ послѣднее время, — развитіе церковной школы, — очевидно, имѣло вовсе не культурную цѣль, а именно антикультурную: борьбу противъ земской школы и поддержа

ніе „историческихъ устоевъ“ самодержавія... Дѣйствія на пользу трудового слоя являлись еще болѣе рѣдкимъ исключеніемъ и неизмѣнно характеризовались двумя чертами: во-первыхъ, принимались подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ угрожающихъ народныхъ движеній, и, во-вторыхъ, скоро сжимались и сводились къ очень малой величинѣ, — тотчасъ же по прекращеніи непосредственныхъ впечатлѣній опасности, — таковы были и фабричные законы послѣ стачекъ половины 80-хъ и затѣмъ 90-хъ годовъ, таково было и учрежденіе Крестьянскаго банка въ 83-мъ году для успокоенія крестьянскихъ ожиданій, возбужденныхъ тогдашними событіями, таковъ, какъ увидимъ ниже, и новѣйшій законъ о переселеніи, почти прямо написанный подъ диктовку перваго крестьянскаго движенія въ 1902 году, и т. д.

Послѣднія же двѣ заботы, — поддержаніе и взращиваніе капитализма и самоохраненіе и разрастаніе бюрократическаго государства, — составляли такимъ образомъ основное содержаніе какъ „закона“, такъ и проводящаго этотъ законъ въ жизнь административнаго „усмотрѣнія“. При этомъ надо различать два характерныхъ періода. Въ первыя два десятилѣтія, хотя бюрократизмъ и продолжалъ держать въ тѣсной уздѣ крестьянство и хотя вообще никакъ нельзя, конечно, назвать того режима „либеральнымъ“, но во всякомъ случаѣ въ немъ на первомъ планѣ стояло взращиваніе собственническаго индивидуализма и капиталистической эксплуатаціи во всѣхъ видахъ, которымъ въ цѣломъ рядѣ пунктовъ самовластіе уступало свое мѣсто; это была въ нѣкоторомъ родѣ эра „enrichissez-vous!“, эра „laisser faire“, эра „грюндерства“, насажденія „торговли и промышленности“, — однимъ словомъ, эра усиленнаго выращиванія капитализма и буржуазіи, въ болѣе или менѣе сознательномъ убѣжденіи въ неизбѣжности и нужности этой формы европеизаціи Россіи. Въ этотъ періодъ законодательство было бѣдно, блѣдно, безцвѣтно или разноцвѣтно; даже всякаго рода мѣры для насажденія промышленности, какъ казенныя поощренія банковъ, акціонерныхъ компаній, таможенное покровительство, передача въ частныя руки желѣзнодорожнаго строительства и пр., шли неровно и безпорядочно въ разныхъ направленіяхъ. Съ 80-хъ годовъ и по наши дни бюрократическое государство, наоборотъ, расширило и на-

прягло свои щупальцы до самыхъ крайнихъ доступныхъ ему предѣловъ. Оно отнюдь, конечно, не прекратило попеченія о капитализмѣ, наоборотъ, еще усилило его (увеличеніе таможеннаго покровительства, прямыя субсидіи въ кризисы и т. д.), распространило попеченіе на крупное капиталистическое землевладѣніе въ лицѣ дворянства; вообще, провело на всѣхъ пунктахъ, оголило съ небывалой ясностью свою систему покровительства всѣмъ видамъ эксплуататоровъ, на счетъ всѣхъ слоевъ эксплуатируемыхъ. Но при этомъ оно, во-первыхъ, и само не церемонилось съ капитализмомъ и безъ всякаго стѣсненія превращалось само въ капиталиста, отбрасывая частный капиталъ всюду, гдѣ онъ мѣшалъ, все шире и шире оперируя имъ въ своихъ цѣляхъ (напомню желѣзнодорожное строительство, винную монополію, вообще, всю „централизацію доходовъ“, такъ великолѣпно обрисованную два три года назадъ А. В. Пѣшехоновымъ). Во-вторыхъ же, бюрократическое самовластьедовело до высшаго мыслимаго напряженія репрессію во всѣхъ ея видахъ и на всѣхъ пунктахъ и провело систему мѣръ, имѣвшихъ прямою и ясною цѣлью полузакрѣпощеніе крестьянскаго трудового населенія, какъ кабальнаго работника на капиталъ и бюрократію.

Спрашивается теперь: какъ могли реагировать трудовые низы, если существовало у нихъ свое особое народное право, на это воздѣйствіе сверху „государственнаго права“? При отсутствіи той или иной формы народнаго представительства, отрицательное отношеніе къ этому „писанному закону“, очевидно, могло проявиться только въ формѣ неисполненія его (въ спокойныхъ или бурныхъ проявленіяхъ). Но при этомъ ясно, что цѣлый рядъ государственныхъ мѣръ былъ внѣ такого воздѣйствія массъ, — таможенное законодательство, косвенные налоги, система судовъ, полиція и пр.:— или прямо недоступны иному воздѣйствію, какъ черезъ участіе въ законодательствѣ народныхъ представителей, или требовали бы такой обширной нелегальной организаціи, какая, конечно, еще не могла успѣть появиться. Такимъ образомъ трудовые низы, въ лицѣ, главнымъ образомъ, крестьянской массы, могли непосредственно реагировать только *на нѣкоторыя законодательныя мѣры, непосредственно же ихъ касавшіяся.* Итакъ, посмотримъ, какъ они на нихъ реагировали, въ какой мѣрѣ отвѣчали единственнымъ доступнымъ имъ средствомъ — неисполненіемъ.

Уже при самомъ поверхностномъ взглядѣ сами собой сразу же бросаются въ глаза два закона, составлявшіе по мысли бюрократическаго государства, хотя временную, но надежную скрѣпу крестьянства вмѣсто порванныхъ „цѣпей крѣпостныхъ“,— круговая порука и тѣлесное наказаніе. Теперь эти скрѣпы сняты уже самой бюрократіей,—но какъ отнеслось, какъ относилось къ нимъ крестьянство? Въ томъ и все дѣло, что именно крестьянство само постепенно снимало съ себя эти скрѣпы. Я избавлю себя и читателей отъ труда подробно это доказывать: какъ постепенно выходило тѣлесное наказаніе изъ практики волостного суда, объ этомъ было уже много точныхъ цифръ (при чемъ интересно, что часто даже сами земскіе начальники содѣйствовали его отмѣнѣ) и это общеизвѣстно; а относительно того, что и круговая порука еще до ея отмѣны офиціальнымъ закономъ почти перестала практиковаться,— это установлено было, еще 10 лѣтъ тому назадъ, отзывами податныхъ инспекторовъ почти по всей Россіи... Надо ли пояснять значеніе этихъ двухъ фактовъ, значеніе того, что когда бюрократія формально и офиціально сняла нужныя для ея же цѣлей скрѣпы съ крестьянства, то она сдѣлала это только потому, что до нея, безъ нея и противъ нея это уже сдѣлала сама народная жизнь? На этихъ двухъ фактахъ мы сразу же видимъ съ бьющей въ глаза яркостью не только какъ выросла культура крестьянской массы, которой, 40 лѣтъ назадъ, еще впору были эти ржавые кандалы и которая затѣмъ постепенно ломала и сбрасывала ихъ, но и то, что въ этой массѣ, очевидно, значитъ, есть сознаніе какого-то своего права и что это право, придя къ сознательности, оставляетъ безъ исполненія писанный законъ, удаляетъ его изъ жизни... Таковъ выводъ изъ первыхъ же, бросающихся въ глаза, фактовъ.

Перейдемъ теперь отъ этихъ „пережитковъ крѣпостного права“, отмѣна которыхъ такъ торжественно возвѣщена бюрократіей и столь видное мѣсто занимала въ программѣ марксистской партіи въ то время, какъ она уже совершена была самимъ крестьянствомъ,— перейдемъ отъ этихъ все-таки „пережитковъ“ къ наиболѣе крупнымъ примѣрамъ новѣйшаго писаннаго закона вышеобрисованнаго второго періода бюрократическаго государства — послѣднихъ двухъ десятилѣтій. Посмотримъ

подробнѣе на фактахъ и цифрахъ, насколько существуетъ въ жизни это самоновѣйшее „государственное право".

Для примѣра я возьму три крупнѣйшихъ закона въ трехъ важнѣйшихъ областяхъ крестьянской жизни: законъ 86-го года о семейныхъ раздѣлахъ, регулирующій одинъ изъ главнѣйшихъ моментовъ имущественнаго семейнаго права, законъ 93-го года о передѣлахъ общинной земли, нормирующій самые существенные пункты общиннаго земельнаго права, и исторію законодательства о переселеніяхъ, рѣшавшаго, съ одной стороны, вышеочерченную огромную задачу обезпеченія землей растущаго крестьянскаго населенія и составлявшаго, съ другой стороны, непосредственное распорядительство бюрократіи огромнымъ земельнымъ фондомъ, коего она считаетъ себя собственникомъ.

Для резюмированія общаго духа этихъ законовъ, которымъ никакъ нельзя отказать въ согласованности и послѣдовательности, я не имѣю ничего лучшаго, какъ нижеслѣдующія выписки изъ одного губернаторскаго циркуляра (по Тамбовской губ. въ 90-е годы):

„При изумительныхъ по ничтожности потребностяхъ въ условіяхъ жизни, крестьянинъ, благодаря удовлетворительному урожаю и низкимъ цѣнамъ на хлѣбъ, сытъ и сыта его семья; при такихъ обстоятельствахъ онъ мало помышляетъ о будущемъ и безъ побужденія *не заботится о накопившихся за нимъ недоимкахъ по разнымъ сборамъ;* съ свойственными по большей части русскому простолюдину безпечностью и лѣнью, онъ уклоняется отъ пріисканія себѣ заработка и, *при спросѣ на рабочія руки, анормально возвышаетъ предлагаемую плату, являя этимъ самымъ непосильныя затрудненія всякой частной иниціативѣ и процвѣтанію любого предпріятія;* значительный капиталъ рабочаго труда остается безъ употребленія, что, конечно, постепенно понижаетъ уровень народнаго благосостоянія и уменьшаетъ платежныя силы государства и земства... Задача вызвать безпечнаго или лѣниваго крестьянина къ этому труду — задача не легкая и, быть можетъ, невыполнимая безъ примѣненія понудительныхъ мѣръ". (Курсивы всѣ мои *К. К.*)...

Если въ мотивахъ законодательныхъ комиссій и государственнаго совѣта, создавшихъ вышеупомянутые три закона и еще много имъ подобныхъ (особенно, напр., зак. 86-го г. о сельскихъ

рабочихъ), нельзя найти такой обнаженности цѣлей этого „государственнаго права“, то, какъ увидимъ, по существу и эти мотивы и самые законы какъ нельзя точнѣе были приспособлены къ этимъ двумъ цѣлямъ: обезпечить дешевый трудъ „частнымъ предпринимателямъ“ и покорнаго и исправнаго плательщика и вообще всесторонняго „исполнителя“ бюрократическому государству... Посмотримъ теперь, насколько достигнуты были эти цѣли.

§ 3. Законъ о семейныхъ раздѣлахъ.

Начнемъ съ закона о семейныхъ раздѣлахъ, которымъ начало и бюрократическое государство свою работу по укрѣпленію расшатанныхъ своихъ основъ.

Начало — логическое: покоясь на „неприкосновенности семьи и собственности“, естественно было прежде всего обезпокоиться тѣмъ „разложеніемъ“ патріархальной крестьянской семьи, которое стало уже 2—3 десятка лѣтъ для всѣхъ аксіомой... Естественно было прежде всего взяться за этотъ сложный основной узелъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ и идеаловъ, называемый крестьянскимъ „дворомъ“, и попытаться стянуть этотъ узелъ потуже такъ, чтобы задержать „разложеніе“, продолжить „патріархальность“, чтобы просыпающаяся отъ вѣянія новой культуры личность стерлась въ семьѣ и чтобы семьи, сжатыя одни другими въ административныхъ сходахъ, придавленныхъ сверху формующей крышкой опекающей администраціи, слились въ покорное тѣсто трудовой массы, усердно работающей, исправно платящей и вообще все, что требуется, слѣпо и терпѣливо „отбывающей“...

Задавшійся такими цѣлями, законъ 86-го года о семейныхъ раздѣлахъ пошелъ къ нимъ довольно простыми и прямыми путями: онъ поставилъ рядъ тормазовъ семейному раздѣлу и постарался отдать эти тормазы въ руки тѣхъ, кто былъ заинтересованъ въ усиленномъ ихъ нажиманіи. Семейный раздѣлъ не разрѣшается безъ согласія домохозяина (т.-е. отца или „старшаго члена семьи“): этимъ какъ бы фактически устанавливается личная собственность этого домохозяина вмѣсто семейной собственности, существующей, повидимому, въ той или иной мѣрѣ въ обычномъ крестьянскомъ правѣ: естественно

домохозяинъ не выпуститъ врученныя ему вожжи изъ своихъ рукъ. Административному же сельскому обществу вручается право и обязанность по установленнымъ шаблонамъ вязать и разрѣшать семейные союзы, въ разсчетѣ, что круговая порука побудитъ эти сходы личнымъ интересомъ поменьше разрѣшать и покрѣпче вязать.. Вотъ двѣ основныя черты „консервативнаго“ закона, опредѣлявшія его цѣль и характеръ и опредѣлившія его судьбу въ жизни.

Какова же была эта судьба? Не изъ блестящихъ... При полной потерѣ интереса къ народному обычному праву, мы почти не имѣемъ, къ сожалѣнію, такихъ изслѣдованій частныхъ лицъ или ученыхъ обществъ, или земской статистики, которыя полно и всесторонне освѣтили бы судьбу этого закона въ столкновеніи съ тѣми нормами обычнаго права, которыя онъ пытался отмѣнить и замѣнить. Но и то немногое, что имѣется, а главное—отзывы самихъ бюрократическихъ совѣщаній, съ полной категоричностью устанавливаютъ, какова была „твердая сила“ этого „закона“.

Вопросъ о томъ, какъ осуществлялся законъ о семейныхъ раздѣлахъ, разбивается на два основныхъ вопроса: 1) Насколько осуществлялись требуемыя закономъ правила для раздѣловъ, когда послѣдніе происходили примѣнительно къ закону? 2) Насколько часты были такіе случаи болѣе или менѣе „законныхъ“ семейныхъ раздѣловъ по сравненію со случаями совершеннаго неисполненія закона, т.-е. „самовольныхъ“ раздѣловъ безъ всякихъ формальностей?

На оба эти вопроса находимъ ясный общій отвѣтъ въ „Сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ“, изданномъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1897 г. въ трехъ большихъ томахъ. Нѣкоторыя интересныя данныя встрѣтились еще мнѣ въ изданіи петербургскаго земскаго статистическаго бюро 1898 г., вып. IV, гдѣ резюмированы результаты бѣглаго изслѣдованія нѣкоторыхъ сторонъ быта крестьянъ, произведеннаго попутно съ другимъ изслѣдованіемъ; сжатая, но очень содержательная статья А. Д. Петровскаго интересно освѣщаетъ вопросъ... Ниже приводимыя данныя взяты всѣ изъ этихъ двухъ источниковъ.

Итакъ, посмотримъ сначала, насколько выполняются двѣ

вышеуказанныя основныя, требуемыя закономъ, формальности въ случаяхъ семейныхъ раздѣловъ, такъ сказать, по закону.

О Петербургской губ. г. Петровскій сообщаетъ, что по просмотрѣ множества приговоровъ о раздѣлахъ оказалось, что „очень часто они составляются не административнымъ сельскимъ обществомъ, а „селеннымъ“ сходомъ, т.-е. сходомъ земельной общины, и тутъ „законъ“ принужденъ уступать жизни: земскій начальникъ предписалъ, чтобы всѣ дѣла, въ томъ числѣ и семейные раздѣлы, рѣшались на сельскомъ общественномъ сходѣ, но очень скоро ему пришлось отказаться отъ этого требованія, и приговоры стали писать попрежнему“. На это же явленіе указываютъ и нѣкоторыя бюрократическія совѣщанія, и пять изъ нихъ (Вологодское, Вятское, Могилевское, Новгородское и Псковское) рѣшительно высказываются за необходимость передачи разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ отъ сельскихъ административныхъ къ „селеннымъ“ сходамъ... Итакъ, блюденіе патріархальности семьи попало въ значительной степени совсѣмъ не въ тѣ руки, въ которыя желалъ его передать законъ: вмѣсто сельскаго общества, бюрократизированнаго, какъ по подбору дѣлъ, такъ и по подробнымъ шаблонамъ и правиламъ для ихъ рѣшенія и по болѣе строгому надзору администраціи, у дѣла сама собой очутилась та самая земельная община, которая сравнительно наименьше регламентирована, которая живетъ и двигается сильнѣе всѣхъ другихъ коллективныхъ крестьянскихъ органовъ и которая вообще явилась главнымъ очагомъ народнаго обычнаго права въ пореформенный періодъ... Большой вопросъ, насколько можетъ быть довольна бюрократія такой, произведенной самой жизнью подмѣной?...

Естественно, что и по другому пункту,— въ отношеніи соблюденія требованія закона о согласіи на раздѣлъ „домохозяина“, какъ непремѣнномъ условіи раздѣла, законъ еще меньше исполняется. По Петербургской губерніи г. Петровскій рѣшительно на это указываетъ и идетъ даже далѣе: „Кромѣ приговоровъ, прямо устанавливающихъ тотъ фактъ, что несогласіе старшаго члена семьи или домохозяина на раздѣлъ не мѣшаетъ разрѣшенію его со стороны схода, мы имѣемъ много приговоровъ, которые позволяютъ (поскольку

конечно, дѣло касается Петербургской губ.) установить болѣе общее положеніе: съ точки зрѣнія схода воля старшаго члена семьи или домохозяина, какъ таковая, безусловно не имѣетъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ о семейно-хозяйственныхъ отношеніяхъ вообще и о семейномъ раздѣлѣ въ частности; сходъ только тогда даетъ ей возможность осуществиться, когда съ ней не сталкиваются другія, болѣе важныя, по его мнѣнію, обстоятельства".

Также и губернскія совѣщанія обратили вниманіе на ненормальность этой крайней зависимости всѣхъ членовъ семьи отъ воли домохозяина, и девять изъ нихъ высказали пожеланіе, чтобы этотъ порядокъ былъ измѣненъ: четыре высказались за полную отмѣну требованія согласія домохозяина, и пять — за отмѣну его, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если домохозяинъ не отецъ, а лишь „старшій членъ". При этомъ г. Петровскій указываетъ, что и вообще, судя по имѣвшимся у него матеріаламъ, далеко не всегда старшій членъ семьи является и домохозяиномъ, такъ какъ для этого „надо работать на семью, надо умѣть вести хозяйство", „домъ", „дворъ", — къ чему, конечно, „старшій членъ" можетъ быть неспособенъ"... Такимъ образомъ и искусственное введеніе закономъ начала „почитанія старшихъ", „патріархальности" не вошло въ жизнь тамъ и настолько, гдѣ и насколько этихъ началъ не было уже въ самой жизни, гдѣ семья, какъ хозяйственный потребительно-трудовой союзъ, выработала ту *семейную собственность*, при которой не глава семьи является собственникомъ съ правомъ карать и миловать, награждать и лишать остальныхъ членовъ, — какъ это съ нѣкоторыми ограниченіями установлено „дѣйствующимъ закономъ", — а каждый членъ семьи есть совладѣлецъ общаго имущества въ такой долѣ, въ какой онъ влагалъ свой трудъ для его пріобрѣтенія, сохраненія и пріумноженія. Можно, конечно, находить это хорошимъ или дурнымъ, но надо, во всякомъ случаѣ, признать существующій фактъ: неудачу закона замѣнить это семейно-трудовое начало лично-патріархальнымъ...

Но всѣ эти указанія на то, что законъ о семейныхъ раздѣлахъ, даже когда онъ въ общемъ и примѣнялся, получалъ часто совсѣмъ другой смыслъ, — имѣютъ очень сравнительно слабое значеніе въ виду того, что случаи такого хотя бы

частичнаго, хотя бы формальнаго его примѣненія были крайне рѣдки, что въ общей массѣ семейные раздѣлы совершались „самовольно“, т.-е. совершенно внѣ закона. На это категорически указываетъ и изслѣдованіе по Петербургской губ., и огромное большинство „губернскихъ совѣщаній“.

Только два совѣщанія,— Калужское и Уфимское,— взяли на свою совѣсть утвержденіе, что „...законъ 18 марта 1886 г. до нѣкоторой степени упорядочилъ семейные раздѣлы, прекратилъ въ этомъ дѣлѣ самовольство“ *). Затѣмъ только 13 совѣщаній рѣшились указать либо на то, что законъ оказалъ небольшое („незначительное“ „малозамѣтное“ и т. п.) вліяніе, либо что онъ въ извѣстной степени выполняется по формѣ, хотя и обходится по существу; вотъ образчики такихъ отзывовъ: *Астраханское губ. совѣщаніе* находитъ, что

„законъ 18 марта 1886 г., несомнѣнно, оказалъ вліяніе на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ, но несмотря на постоянное наблюденіе за исполненіемъ этого закона, самовольные раздѣлы все-таки существуютъ въ довольно значительномъ количествѣ, и, вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, нѣтъ возможности избѣжать ихъ“ (стран. 199).

Казанское совѣщаніе указываетъ, что „законъ 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, по большинству полученныхъ отъ земскихъ начальниковъ отвѣтовъ, замѣтнаго вліянія на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ не оказалъ. Ничтожное вліяніе закона объясняется его несоотвѣтствіемъ съ дѣйствительной жизнью крестьянской семьи и полной неприложимостью на практикѣ установленныхъ условій раздѣла... Не устранивъ самой причины раздѣловъ, законъ естественно не уменьшилъ и числа ихъ, затруднивъ ихъ лишь съ чисто формальной стороны“... „Результатомъ такой затруднительности законныхъ раздѣловъ, вмѣстѣ съ дѣйствительной иногда невозможностью, по той или другой причинѣ, вести совмѣстную жизнь, является самовольный раздѣлъ, постепенно увеличивающійся и доходящій иногда до громадныхъ размѣровъ (напр. по 3-му земскому участку Спасскаго уѣзда за послѣднія 5 лѣтъ изъ 341 случая раздѣловъ было лишь 11 законныхъ)“ (стран. 209—210).

Наконецъ, остальныя 24 совѣщанія уже вполнѣ категорически отрицаютъ мало-мальски замѣтное вліяніе на жизнь закона 86-го года, при чемъ (въ противность болѣе благопріятнымъ отзывамъ, очень краткимъ и не дающимъ и тѣни доказательствъ) подтверждаютъ иногда свои отзывы такими яркими цифрами, которыя устраняютъ уже всякія сомнѣнія. Привожу

*) Калужское совѣщаніе, стран. 211.

для примѣра нѣсколько болѣе отчетливыхъ и обоснованныхъ отзывовъ:

Вологодское губернское совѣщаніе. „Стремленіе къ семейнымъ раздѣламъ не только не ослабѣваетъ, но даже усиливается, при чемъ вмѣстѣ съ дробленіемъ семей растетъ бѣдность крестьянъ...

„Законъ 18 марта 1886 г. не оказалъ вліянія на сокращеніе какъ законныхъ раздѣловъ, такъ и самовольныхъ“ (стран. 202).

Смоленское губернское совѣщаніе. „Потребность въ дробленіи семей представляетъ собой такое явленіе жизни, которое, будучи послѣдствіемъ дѣйствія цѣлаго ряда причинъ, или совершенно не можетъ быть прекращено силою какого-либо закона, безсильнаго сломить жизнь, или же требуетъ столь упорной борьбы закона съ жизнью, какую способенъ выдержать лишь законъ съ достаточной санкціей, т.-е. обезпеченный достаточно сильнымъ наказаніемъ за его неисполненіе“ (стран. 241).

Воронежское губернское совѣщаніе. (Мнѣніе губернатора Коленко.) „По земско-статистическимъ даннымъ въ 12 уѣздахъ Воронежской губ. за послѣднія 5 лѣтъ раздѣлились 51386 семей или 16,2% изъ общаго числа; за предшествующія имъ 5 лѣтъ—54946 семей или 17,3% и за предшествующія двумъ пятилѣтіямъ 10 лѣтъ—70404 семьи или 22,3%. Такимъ образомъ, въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ раздѣлилось всего 55,8% семей. И такое отношеніе по періодамъ, съ большими или меньшими варіаціями, повторяется затѣмъ по отдѣльнымъ уѣздамъ“ (стран. 205).

Минское губернское совѣщаніе. „По послѣднимъ свѣдѣніямъ въ Минской губ. послѣдовало семейныхъ раздѣловъ:

Съ разрѣшенія:			Самовольн.
губернскаго присутствія.	волостного суда.	сельскихъ сходовъ.	
15	5363	140	46851

(стр. 217).

Самарское губернское совѣщаніе. „Законъ 18 марта 1886 г., по единогласному отзыву всѣхъ уѣздныхъ съѣздовъ губерніи, остался мертвой буквой“ (стран. 233).

Оренбургское губернское совѣщаніе. „Если регламентація стѣсняетъ какъ-либо естественное теченіе жизни, то послѣдняя продолжаетъ свое движеніе помимо поставленныхъ ей преградъ. Этимъ объясняется, почему самовольныхъ раздѣловъ, несмотря на существованіе запрещенія, въ Оренбургской губ. совершается въ 20 разъ болѣе, нежели въ силу закона, каковая разница будетъ еще значительно болѣе, если принять въ разсчетъ неточность регистраціи раздѣловъ“ (стран. 224).

На этихъ отзывахъ *бюрократическихъ комиссій* мы и покончимъ наше разсмотрѣніе степени осуществленія въ жизни

закона о семейныхъ раздѣлахъ. Мы видимъ, что даже сама бюрократія вынуждена признать, въ офиціальныхъ отзывахъ на запросы начальства, — а затѣмъ и въ мотивахъ законопроекта „редакціонной комиссіи“ по пересмотру крестьянскихъ законовъ, — что крестьянство, какъ общее правило, не исполняетъ этого закона и „самовольно“ практикуетъ семейные раздѣлы такъ, какъ находитъ лучшимъ, согласно своему собственному какому-то правосознанію. Мы видимъ, что и цифры съ рѣдкой яркостью устанавливаютъ это полное безсиліе „всесильнаго“ закона въ столкновеніи съ „несуществующимъ“ обычнымъ правомъ... Но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы читатель поспѣшилъ отсюда заключить о невинности, о безвредности этого закона: это было бы совершенно невѣрно. Крестьянство, въ концѣ концовъ, въ массѣ не исполняетъ закона, но благодаря этому и въ борьбѣ противъ него оно терпитъ безпрерывно огромный матеріальный и нравственный ущербъ.

„Законъ о семейныхъ раздѣлахъ, — говоритъ г. Петровскій, — не будучи въ состояніи передѣлывать жизнь посвоему, только тормазитъ ея нормальный ходъ, вноситъ крайне стѣснительную и часто убыточную путаницу въ семейно-хозяйственныя отношенія крестьянъ“... То же говоритъ и Смоленское совѣщаніе (давшее одинъ изъ наиболѣе обоснованныхъ и интересныхъ отзывовъ): „законъ создаетъ невозможное положеніе для самовольно раздѣлившихся въ случаѣ, если одна изъ сторонъ нарушаетъ впослѣдствіи права другой стороны, основанныя на ихъ взаимномъ, хотя и не законномъ, но часто добровольномъ и, во всякомъ случаѣ, фактически принятомъ однажды договорѣ о раздѣлѣ...

„Обиженная сторона обращается къ сходу, — сходъ отвѣчаетъ или, по крайней мѣрѣ, по закону долженъ былъ бы отвѣчать отказомъ отъ рѣшенія спора: это одинъ дворъ, въ которомъ хозяинъ — старшій. Идутъ въ судъ, но и волостной судъ не долженъ чинить семейнаго раздѣла, не разрѣшеннаго сходомъ“... (стран. 244 и т. д.)

Такимъ образомъ „самовольно“ раздѣлившіеся, выйдя изъ закона, оказываются и внѣ всякаго суда: никакая крестьянская инстанція и тѣмъ болѣе земскій начальникъ не можетъ ихъ принять какъ спорящія стороны, такъ какъ долженъ считать ихъ однимъ дворомъ, въ которомъ все принадлежитъ „старшему члену“, т.-е. домохозяину. Понятно, какой отсюда огромный соблазнъ для злоупотребленій сильной сторонѣ и какая безпомощность слабой... Фактически, впрочемъ, по указанію тѣхъ же источниковъ, чудовищное положеніе это исправляется

тѣмъ, что и сходъ, и даже бюрократизированный волостной судъ довершаютъ нарушеніе закона, признавая самовольно раздѣлившіяся семьи отдѣльными семьями, т.-е. игнорируя законъ и держась, какъ общее правило, факта и обычая; и только отдѣльные несчастливцы, случайно попавшіе въ эту щель между государственнымъ и народнымъ правомъ, отдаютъ разореніемъ и нравственными муками дань „твердой силѣ законовъ“ *)...

То же смоленское совѣщаніе указываетъ и еще одно принципіально, если не практически, еще болѣе вопіющее послѣдствіе: хотя самовольно раздѣлившіеся не имѣютъ права участвовать, въ качествѣ отдѣльныхъ домохозяевъ, на сельскихъ сходахъ, но „на дѣлѣ вездѣ они ходятъ на сходъ, участвуютъ въ немъ, и силою вещей голосъ ихъ имѣетъ значеніе, равное голосу всякаго иного домохозяина; зато подпись ихъ на приговорѣ является иногда основаніемъ для отмѣны совершенно справедливаго приговора, выражающаго дѣйствительно волю деревни, если кто-либо, оспаривая приговоръ, съумѣлъ выяснить и доказать участіе ихъ надлежащею справкою; между тѣмъ въ сотнѣ другихъ однородныхъ случаевъ, гдѣ вопросъ этотъ не возбужденъ, приговоры не отмѣняются, тогда какъ почти въ каждомъ селеніи есть такіе незаконные участники схода“... (стран. 244). Итакъ, самовольно раздѣлившіеся не только сами выходятъ изъ закона, но выводятъ изъ него и всѣ сходы, гдѣ участвуютъ, такъ что фактически, благодаря массѣ этихъ, такъ сказать, „выходцевъ изъ закона“, чуть не всѣ общины тоже оказываются внѣ закона. И при этомъ опять-таки, какъ общее правило, этотъ законъ, не могущій совладать съ массой, караетъ отдѣльныхъ, случайно ущемившихся въ его слѣпые тиски... Не ясно ли какъ день, что такой законъ не можетъ разочаровать народъ въ его обычномъ правѣ, а можетъ

*) Другія совѣщанія такъ же категорически указываютъ на „наглядныя несообразности“ въ требованіяхъ закона 86-го года при столкновеніи ихъ съ условіями жизни. Напримѣръ, Казанское совѣщаніе подчеркиваетъ, что „требуемый закономъ и дѣйствовавшей донынѣ инструкціей необходимый инвентарь, при образованіи самостоятельнаго хозяйства, является непосильнымъ не только для бѣднаго, но и для вполнѣ зажиточнаго семейства. Наконецъ, установленіе сроковъ для раздѣла не согласуется съ могущими назрѣть всегда потребностями въ таковомъ“ (стран. 202).

лишь развращать его правосознаніе, пріучая и принуждая его къ произволу и безправію?*)

Чтобы, наконецъ, еще нагляднѣе показать, какъ безсмысленно и жестоко вымещаетъ этотъ законъ на отдѣльныхъ жертвахъ свое безсиліе, какъ отчаянно иногда силится онъ задавить народное право, приведу еще описаніе, по той же Смоленской губерніи, „мѣръ“ для проведенія въ жизнь правилъ о семейныхъ раздѣлахъ. Смоленское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе выработало особую инструкцію должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія, въ цѣляхъ наиболѣе успѣшнаго дѣйствія правилъ закона, и признало возможными какъ бы въ дополненіе закона (вотъ какъ откровенно законодательствуетъ губернская администрація! *К. К.*) двѣ мѣры:

а) Обязательное водвореніе самовольно раздѣлившихся въ одинъ дворъ.

b) Уголовное ихъ наказаніе, посредствомъ преданія волостному суду за самовольный раздѣлъ.

Сведеніе въ одно хозяйство самовольно раздѣлившихся оказалось невозможнымъ на практикѣ. Постановленія о семъ уѣздныхъ присутствій оставались безъ исполненія. Старшинамъ приходилось доносить или объ исполненіи ихъ завѣдомо

---

*) Надо еще помнить, что къ произволу, неизбѣжно вытекающему изъ самаго содержанія закона и его положенія въ жизни, прибавляется еще такое же, если не большее количество произвола и со стороны пытающейся провести его въ жизнь администраціи. Уже одно то, что одинъ земскій начальникъ или одно присутствіе стараются провести „законъ“ строго, а другіе машутъ на него рукой и закрываютъ глаза на его неисполненіе, создаетъ огромную разницу, какъ бы два противоположныхъ права, часто въ сосѣднихъ деревняхъ. Помимо этого и самые способы проведенія въ жизнь, завися отъ фантазіи „земскаго“, даютъ картину прямо какого-то издѣвательства надъ „все выносящимъ“ мужикомъ... Что сказать о такихъ, напримѣръ, фактахъ: въ Царскосельскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи одинъ земскій начальникъ не позволяетъ при раздѣлахъ дробить надѣлы, т.-е., напр., раздѣлить между двумя братьями 3 надѣла по 1½ каждому, а требуетъ, чтобы одному дали 2, а другому 1, на что крестьяне не соглашаются и принуждены дѣлить посвоему, самовольно; а въ сосѣднемъ Петергофскомъ уѣздѣ, наоборотъ, когда сходъ нашелъ справедливымъ, при раздѣлѣ двухъ *сводныхъ* братьевъ, дать одному 1, а другому 2 надѣла, то земскій начальникъ этотъ пунктъ раздѣла отмѣнилъ и приказалъ дать каждому по 1½ надѣла!... Можно ли относиться къ такимъ проявленіямъ „власти приближенной къ народу“ иначе, какъ къ непонятнымъ грознымъ явленіямъ природы?...

ложно, или о невозможности ихъ исполнить. Тамъ же, гдѣ одна изъ сторонъ, вѣрующая въ необходимость исполненія „закона", домогалась водворенія въ свой дворъ самовольно его покинувшихъ членовъ семьи, дѣло принимало характеръ разорительной волокиты и безконечной тяжбы...

Рядомъ со споромъ о законности общественнаго приговора или постановленія уѣзднаго, а иногда и губернскаго присутствія, восходившимъ до рѣшенія Сената, велись особыя дѣла о неисполнительности старшины и постановленіяхъ присутствія по вопросу объ его отвѣтственности, о сопротивленіи ему, объ его оскорбленіи; но производящіяся дознанія и разорительныя тяжбы, продолжавшіяся годами, ничуть не мѣшали самовольно раздѣлившимся проживать раздѣльно. Попытки свести спорящихъ, неблагоразумно доводимыя иными старшинами до насильственнаго, при помощи понятыхъ, водворенія самовольно отдѣлившихся въ избу старшаго домохозяина, вели къ всеобщей дракѣ или къ тому, что сожительство, подобными мѣрами достигаемое, продолжалось не долѣе нѣсколькихъ часовъ. Все это только дискредитировало законъ въ глазахъ населенія, а самовольно дѣлящихся, спасаемыхъ такимъ образомъ властями отъ разоренія, доводило до совершенной нищеты (стран. 245).

На этой яркой картинѣ и на этомъ категорическомъ выводѣ, исходящихъ, напоминаю еще разъ, отъ чиновничьей комиссіи, мы и покончимъ. Общій выводъ ясенъ, какъ день; чтобъ резюмировать его, я не нахожу ничего лучшаго, какъ слѣдующее предсказаніе, которое было сдѣлано человѣкомъ, наилучше знающимъ и наиглубже понимающимъ народное право: Александрой Ефименко. Вотъ что она писала за нѣсколько лѣтъ до изданія закона 1886 года: „Надо думать, что все предполагаемое правительственное противодѣйствіе крестьянскому стремленію къ раздѣламъ свелось бы къ слѣдующему. Изданы были бы нѣкоторые законы; затѣмъ чиновники правительственные или земскіе въ своихъ канцеляріяхъ, на основаніи этихъ законовъ, высчитывали бы скотъ и прочій хозяйственный инвентарь и постановляли бы — жить ли такой-то семьѣ вмѣстѣ, или расходиться, а крестьяне дѣлились бы себѣ, — конечно, со стѣсненіемъ и неудобствами, — доставляя въ канцелярію официальныя свѣдѣнія, по которымъ

значилось бы, что все обстоитъ благополучно, по силѣ законовъ. Неужели у чиновниковъ еще мало дѣла и мало изводится бумаги?“ *)

Къ этимъ словамъ, сбывшимся, какъ читатель видѣлъ, буквально, нечего прибавить.

§ 4. Законъ о передѣлахъ общинной земли.

Но для цѣлей бюрократическаго государства и охраняемыхъ имъ господствующихъ нетрудовыхъ слоевъ недостаточно было закрѣпить семью: необходимо было еще закрѣпить и общину. Эта коллективная форма собственности всегда была чужда, а потому и нѣсколько подозрительна бюрократіи, охраняющей, строго говоря, не собственность вообще, а *индивидуальную нетрудовую* собственность; трудовая же коллективная собственность никогда не могла имѣть прямыхъ ея симпатій; ее можно было только терпѣть изъ боязни худшаго, пока не проявится прямо опасная въ ней тенденція... Пока трудовые слои совершенно неподвижны и покорны, безразлична и община, но когда они приходятъ въ движеніе во имя своихъ интересовъ и своего правосознанія, тогда и община становится „краснымъ призракомъ“ въ глазахъ господствующаго слоя. И вотъ, упорное неотмираніе общины, смутное предчувствіе какой-то слагающейся, копящейся, напрягающейся въ ней новой народной энергіи, заставили бюрократію, уже 10 лѣтъ тому назадъ, принять первыя мѣры предосторожности...

Глубоко поучительна законодательная исторія этого вопроса. Въ трудахъ редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, т. V, очень рельефно изложена эта исторія (см. особенно стран. 156—157). Отчетливо видимъ мы, какъ еще до освобожденія крестьянъ правительство старалось свести къ строго необходимому минимуму основную функцію общины — уравнительные количественные передѣлы земли,— пріурочивъ ихъ только къ правительственнымъ ревизіямъ и ограничивъ внутренніе самопроизвольные передѣлы, въ періодъ между ревизіями, случаями крайней необходимости съ

*) А. Ефименко, „Изслѣдованіе народной жизни“. Вып. I. Обычное право, гл. „Семейные раздѣлы“, стран. 133.

фискальной же точки зрѣнія. При освобожденіи это отрицательное отношеніе къ самой сути общины, — уравнительному перераспредѣленію земли,— доходило до того, что все законодательство было построено на представленіи, что уравнительность и передѣльность не суть необходимые признаки общины, и весь законъ былъ приспособленъ не къ облегченію и улучшенію передѣловъ, а къ возможно большему затрудненію ихъ (требованіе $^2/_3$ большинства для передѣла и т. п.)... Затѣмъ, когда ожиданія постепеннаго отмиранія общины не оправдались, когда, наоборотъ, съ памятнаго 1881 года сразу не только разлился потокъ переселеній, но прошла широкая волна внутри— общинныхъ „поравненій“, бюрократія забезпокоилась и, видимо, рѣшила, что съ общиной „надо что-нибудь сдѣлать“... Уже съ 1883 года заработали по этому вопросу канцеляріи; затѣмъ въ 1888 году удостоилось высочайшаго вниманія объясненіе во всеподданнѣйшемъ отчетѣ орловскаго губернатора о томъ, что „произвольное отнятіе сельскими обществами у отдѣльныхъ своихъ членовъ земельныхъ надѣловъ и передача ихъ другимъ членамъ“, т.-е., иначе говоря, частные передѣлы земли, „развившіеся подъ вліяніемъ взгляда на сельское общество, какъ на безконтрольнаго распорядителя общинною землею, имѣютъ крайне деморализующее вліяніе, и для устраненія безпорядка, вносимаго ими въ крестьянскую жизнь, необходимо точно опредѣлить права каждаго члена общества на надѣльную землю и предоставить обществу только примѣнять, къ каждому отдѣльному случаю, установленныя правила закона“... Во исполненіе намѣченной такимъ образомъ воли высшей власти и воспослѣдовалъ въ 1893 году, вмѣстѣ съ закономъ, ограничившимъ личное начало выкупа, съ цѣлью утвердить начало неотчуждаемости и вообще иммобилизаціи крестьянскихъ земель, законъ, пытавшійся значительно ограничить права общины и усилить бюрократическую надъ ней опеку. Частные передѣлы земель (такъ называемыя „свалки-навалки“ надѣловъ между частью хозяевъ) были вовсе запрещены, для общихъ поставленъ минимальный срокъ въ 12 лѣтъ, и, наконецъ, всѣ передѣлы поставлены подъ утвержденіе земскихъ начальниковъ и уѣзднаго съѣзда, которымъ предоставлено ихъ отмѣнять не только при нарушеніи формальностей, но и по существу, т.-е. *по усмотрѣнію, что они на-*

рушаютъ либо законы, либо интересы всего общества или права отдѣльныхъ его членовъ.

Такимъ образомъ, общинно-передѣльная функція, въ которой живетъ душа общины, должна была быть значительно сокращена и, значитъ, настолько же расширено личное начало, и вообще община была заключена въ формальную скрѣпу, сдавливающую ея движенія, ея ростъ и развитіе, а ключъ отъ этихъ кандаловъ врученъ „приближенной къ народу власти", въ лицѣ земскаго начальника съ неограниченнымъ полномочіемъ смыкать или вовсе замыкать эти кандалы по его личному произволу. Личность прикручена къ семьѣ, семья къ общинѣ, а община зажата въ кулакъ земскаго начальника,— вотъ каково было послѣднее слово бюрократическаго творчества... Задумано, какъ видимъ, было прекрасно, но какъ проведено? Что отвѣтилъ народный *обычай* на этотъ „законъ"?

Я располагаю въ настоящее время обильнымъ цифровымъ матеріаломъ разработанныхъ мною данныхъ земской статистики, съ полной категоричностью рѣшающихъ этотъ вопросъ. Здѣсь достаточно будетъ привести нѣсколько итоговыхъ цифръ по двумъ наиболѣе подробно и точно разработаннымъ мною губерніямъ, — Саратовской и Владимірской, — представляющимъ положеніе дѣла по двумъ основнымъ полосамъ Россіи, черноземной и промышленной. Для краткости я возьму данныя только по одному самому основному вопросу: о томъ, насколько законъ 93-го года дѣйствительно остановилъ частные передѣлы. При этомъ, чтобы оцѣнить дѣйствительное значеніе нижеприводимыхъ цифръ, я долженъ еще пояснить, что этотъ законъ отнюдь не шелъ такъ прямо противъ теченія культурно-экономической жизни крестьянства, какъ законъ о семейныхъ раздѣлахъ: и удлиненіе сроковъ общихъ передѣловъ, и выходъ изъ употребленія частныхъ передѣловъ, съ замѣной ихъ общими, уже происходили и происходятъ (какъ отчасти увидимъ опять-таки изъ нижеприводимыхъ цифръ) сами собой подъ вліяніемъ увеличенія населенія, роста цѣнъ на землю и на нѣкоторые земледѣльческіе продукты, вообще, повышенія ея доходности и пониженія лежащихъ на ней платежей, а также другихъ условій, превратившихъ во многихъ случаяхъ „надѣлъ-разоритель, волей-неволей" „сваливавшійся-наваливавшійся" насильно со слабыхъ на болѣе

сильныхъ членовъ общины, въ „надѣлъ-кормитель", котораго домогаются всѣ общинники и который можно справедливо и удобно распредѣлять между ними періодическими общими передѣлами по тому или иному потребительному принципу. При этомъ такая перемѣна отношенія къ надѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и системъ передѣловъ, естественно, въ черноземной Саратовской губерніи произошла полнѣе и законченнѣе, чѣмъ въ промышленной Владимірской губерніи. Имѣя это въ виду, обратимся теперь къ цифрамъ. Въ Саратовской губерніи общины, съ одними частными передѣлами земли (по разнымъ принципамъ), составляли:

къ 70-му г.	къ 80-му г.	къ 90-му г.	къ 1900 г.
32,8 %,	34,0 %,	28,5 %,	14,1 %.

При этомъ надо еще имѣть въ виду, что процентъ къ 1900 г. показанъ значительно ниже дѣйствительнаго, во-первыхъ, потому, что въ него не вошли общины, продолжавшія практиковать частные передѣлы, но введшія, кромѣ того, и общіе; во-вторыхъ, потому, что очень часто крестьяне, зная о запрещеніи закономъ „свалокъ-навалокъ", практикуютъ ихъ неофиціально и не говорили о нихъ статистикамъ, опасаясь репрессіи, съ другой же стороны, какъ разъ въ 90-е годы особенно усиленно шла выше обрисованная смѣна отношенія къ землѣ, на счетъ которой, несомнѣнно, и нужно отнести почти все то пониженіе % частныхъ передѣловъ, которое произошло. Если мы примемъ все это во вниманіе, то выводъ будетъ ясенъ: даже и тогда, когда законъ только какъ бы усиливалъ дѣйствіе другихъ вышеуказанныхъ общихъ и глубокихъ причинъ и попалъ въ тактъ съ начавшимся уже до него самопроизвольнымъ сокращеніемъ частныхъ передѣловъ — 28,5 % къ 90-му году вмѣсто 34,0 % къ 80-му г., — то и тогда онъ могъ только развѣ едва замѣтно усилить дѣйствіе другихъ причинъ, оказавшись совершенно безсильнымъ сразу ввести переходъ тамъ, гдѣ онъ еще не назрѣлъ въ правосознаніи крестьянства. Еще гораздо ярче видимъ мы это на Владимірской губерніи. Здѣсь земско-статистическое изслѣдованіе конца 90-хъ годовъ дало по 11 уѣздамъ губерніи *51,9 % общинъ съ частными передѣлами, т.-е., значитъ, болѣе половины общинъ продолжаютъ держаться формы передѣловъ*,

воспрещенной закономъ. При этомъ измѣненія во времени рисуются слѣдующими цифрами:

Разряды крестьянъ.	Районы губерній.	На 100 общинъ, для которыхъ даны указанія по вопросу о частныхъ передѣлахъ, *для каждаго изъ трехъ послѣднихъ десятилѣтій*, приходится указаній о наличности частныхъ передѣловъ.					
		Въ 70-е годы.		Въ 80-е годы.		Въ 90-е годы.	
		О наличности ихъ.	Объ отсутств.	О наличности ихъ.	Объ отсутств.	О наличности ихъ.	Объ отсутств.
Быв. государ.	Земледѣльч..	81,0	19,0	77,2	22,8	67,0	33,0
	Промышл . .	96,0	4,0	96,5	3,5	96,2	3,8
	Оба района	86,1	13,9	83,6	16,4	76,1	23,8
Быв. помѣщ.	Земледѣльч..	95,0	5,0	92,6	7,4	80,2	19,8
	Промышл . .	93,2	6,8	93,8	6,1	91,7	8,3
	Оба района	93,8	6,2	93,3	6,7	87,6	12,4
Оба разряда.	Земледѣльч..	91,4	8,6	88,2	11,8	76,0	24,0
	Промышл . .	93,1	6,6	94,1	5,9	92,2	7,8
	Оба района	92,5	7,5	91,6	8,4	85,3	14,7

Опять мы видимъ, какъ великъ, во-первыхъ, вообще перевѣсъ указаній о наличности частныхъ передѣловъ надъ указаніями объ отсутствіи ихъ; какъ, во-вторыхъ, несомнѣнно, что пониженіе % первыхъ началось независимо и до закона; какъ слабо, въ-третьихъ, это пониженіе развивалось послѣ закона, и какъ потому почти всецѣло должно быть оно приписано другимъ, продолжавшимъ все усиленнѣе дѣйствовать, причинамъ; какъ, наконецъ, сходитъ совершенно почти на нѣтъ это пониженіе % частныхъ передѣловъ въ промышленномъ районѣ, гдѣ также дѣйствовалъ, конечно, законъ, но гдѣ почти не дѣйствовали въ томъ же направленіи другія причины...

Если бы кто-нибудь усумнился въ точности данныхъ земской статистики или нашелъ бы, что въ нихъ еще не могло отразиться дѣйствіе закона, введеннаго за 4—7 лѣтъ до нихъ (мѣстное изслѣдованіе шло во Владимірской губ. съ 1897 по 1900 г.), то приведу для устраненіе такихъ и всякихъ другихъ сомнѣній еще выводы другихъ матеріаловъ: отвѣтовъ волостныхъ правленій на разосланные имъ Владим. губ. земствомъ мои опросные листы. Эти данныя относятся всѣ къ концу 1902 года и охватываютъ почти всю губернію. Исходя изъ

крестьянскихъ канцелярій, несомнѣнно, освѣдомленныхъ о незаконности частныхъ передѣловъ, они, конечно, часто о послѣднихъ умалчиваютъ и тѣмъ преуменьшаютъ дѣйствительную ихъ распространенность. И вотъ что, однако, говорятъ эти данныя.

Изъ 5½ тысячъ общинъ (на 7½ тысячъ общинъ въ губерніи), о которыхъ вообще даны были опредѣленные отвѣты, отвѣчено въ частности на вопросъ о формѣ практикующихся въ данное время передѣловъ по 26,1% общинъ, т.-е. болѣе чѣмъ по четверти. И отвѣтъ этотъ таковъ:

РАЙОНЫ.	Въ какомъ % общинъ земля перераспредѣляется посредствомъ:				
	общихъ передѣловъ.	частныхъ.	и общихъ и частныхъ.	частныхъ съ указаніемъ, что они становятся	
				чаще	рѣже.
7 землед. уу...	42,4	7,2	13,3	5,6	31,4
6 промышл.уу.	10,5	11,9	42,2	18,3	16,9
Всѣ 13 уу....	25,5	9,7	28,7	12,3	23,8

Выводы опять необыкновенно ярки и согласны съ цифрами мѣстнаго статистическаго изслѣдованія (о которыхъ, конечно, отвѣчавшія волостныя правленія не имѣли никакого понятія). Общины съ частными передѣлами составляютъ уже не большую половину, а почти ³/₄ (74,5%) всего числа общинъ (повидимому, какъ разъ четверть рѣже передѣляющихъ земское изслѣдованіе обыкновенно не заносило въ число передѣляющихъ частными передѣлами). При этомъ число общинъ съ одними общими передѣлами приближается къ половинѣ общаго числа передѣляющихъ общинъ опять-таки только по земледѣльческимъ уѣздамъ и падаетъ до ¹/₁₀ по уѣздамъ промышленнымъ, такъ же и преобладаніе указаній о сокращеніи свалокъ-навалокъ имѣетъ мѣсто лишь въ земледѣльческихъ уѣздахъ, а въ промышленныхъ наоборотъ, несмотря на дѣйствіе запретившаго ихъ закона, преобладаютъ указанія на учащеніе ихъ!...

Можно ли было бы даже нарочно придумать цифры, болѣе ярко рисующія полное безсиліе въ жизни даже того „закона“, который зачастую не шелъ противъ ея теченія, а только пытался подогнать его для своихъ цѣлей?... Надо ли пояснять,

что Владим. губ.—типичнѣйшая для всего того огромнаго района, гдѣ надѣлъ-„разоритель“ и разныя другія условія вызвали частные передѣлы, какъ основную форму основной общинной функціи земельнаго „поравненія“, и что плачевная фиктивность этого всесильнаго закона, ихъ запретившаго, повсюду доказывается цифрами столь же наглядно и ярко?...

§ 5. Законы о переселеніи.

Обратимся теперь къ третьему изъ главнѣйшихъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью охрану „семьи, собственности и государства“,—къ законодательству о переселеніяхъ. Это законодательство служило естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ къ вышеразобраннымъ законамъ о семьѣ и общинѣ: если послѣдніе стремились построже дисциплинировать крестьянство, какъ обособленный трудовой слой, то нормировка переселенія уже опредѣляла прямое отношеніе между этимъ слоемъ и пользующимися его трудомъ нетрудовыми собственниками и бюрократическимъ государствомъ. Переселеніе вообще состоитъ въ Россіи изъ двухъ моментовъ: 1) перемѣщеніе той или иной доли трудового земледѣльческаго населенія изъ внутреннихъ густо населенныхъ областей съ капиталистическимъ отчасти землевладѣніемъ въ слабо населенныя окраины, почти вовсе лишенныя крупнаго помѣщичьяго хозяйства, и 2) занятіе на этихъ окраинахъ крестьянской трудовой массой пустыхъ невоздѣланныхъ государственныхъ земель. По первому пункту бюрократическое государство, регулируя отливъ трудовой массы изъ области крупнаго землевладѣнія, могло служить „консервативнымъ интересамъ“ и „охранѣ собственности“ путемъ задержки этого отлива, сгущенія нуждающагося въ заработкѣ населенія и соотвѣтственнаго увеличенія, къ выгодѣ землевладѣльцевъ, количества дешевыхъ рабочихъ рукъ. По второму пункту бюрократическое государство само выступало земельнымъ собственникомъ, заинтересованнымъ въ извлеченіи возможно большаго дохода изъ своихъ имуществъ чрезъ пользующихся ими крестьянъ. Законодательство о переселеніи и колебалось между этими двумя въ значительной степени противоположными цѣлями.

Выше уже цитированный новый трудъ А. А. Кауфмана даетъ очень полную и отчетливую исторію законодательства по переселенію въ связи съ его мотивами и условіями. Различные повороты этого законодательства, иногда въ прямо противоположныхъ направленіяхъ, окончательно выступаютъ съ полной рельефностью. Мы видимъ, какъ первоначально и московское и петербургское правительства осуществляли въ переселеніи свои политическія цѣли упроченія господства въ новыхъ присоединяемыхъ окраинахъ, пустошныхъ или заселенныхъ инородцами. При такихъ условіяхъ крѣпостное государство не голько поощряло переселеніе некрѣпостныхъ крестьянъ (и нѣкоторыхъ категорій „служилыхъ людей"), не только помогало имъ льготами и прямыми матеріальными субсидіями, но даже относилось очень гостепріимно къ бѣглымъ помѣщичьимъ крестьянамъ, принимая лишь иногда, по усиленнымъ жалобамъ помѣщиковъ, тѣ или иныя репрессивныя мѣры. Такая же „благожелательная" переселенческая политика продолжалась и въ первый половинѣ XIX вѣка, когда по представленію Сперанскаго были для переселенія крестьянъ въ Сибирь приняты два основанія: съ одной стороны, „заселять этотъ пустынный и малолюдный край", а съ другой — „доставить крестьянамъ, обитающимъ въ губерніяхъ, скудныхъ землями, потребнаго изобилія"; когда затѣмъ извѣстнымъ министромъ государственныхъ имуществъ, Киселевымъ, былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ къ поднятію благосостоянія государственныхъ крестьянъ вообще и организаціи разселенія ихъ въ частности. Такимъ образомъ, государство выступало въ роли заботливаго хозяина, не жалѣющаго впустѣ лежащей земли для обезпеченія и поднятія благосостоянія своего главнаго плательщика — крестьянина.

Съ освобожденіемъ крестьянъ бюрократическое государство сразу стало на прямо противоположную позицію. По признанію одного офиціальнаго изданія, прежняя благожелательная переселенческая политика смѣнилась „пассивнымъ и по существу даже отрицательнымъ отношеніемъ къ вопросу о крестьянскихъ переселеніяхъ". Всѣ мѣры поощренія прекратились, исчезли изъ закона даже правила о регулярномъ разрѣшеніи переселеній, и на мѣсто ихъ наложена была густая сѣть всякихъ формальностей, прикрѣпившихъ крестьянина къ его надѣлу и обществу. Характеръ и мотивы этой перемѣны прекрасно

рисуются членомъ государственнаго совѣта Ѳ. Г. Тернеромъ, авторомъ серьезнаго труда по крестьянскому вопросу „Государство и землевладѣніе“ (цитирую по упомянутой книгѣ А. А. Кауфмана „Переселенія и колонизація“ (стран. 18—19).

Въ моментъ освобожденія объ организаціи переселенческаго дѣла не позаботились, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ господствовавшихъ либерально-манчестерскихъ теорій. „Въ то время, — говоритъ г. Тернеръ, — вовсе не имѣлось въ виду прикрѣплять всѣхъ крестьянъ къ занятіямъ на своей землѣ; *предполагалось, что избытокъ населенія будетъ находить занятія и заработки въ качествѣ работника какъ у сосѣднихъ помѣщиковъ, такъ и въ различныхъ отрасляхъ нашей промышленной дѣятельности.* (Курсивъ мой *К. К.*) Имѣлось въ виду, что крестьяне, сдѣлавшись свободными людьми, должны будутъ сами о себѣ заботиться, пріискивая средства для поддержанія своего благосостоянія“... Но этотъ же мотивъ формулировался и болѣе рѣзко и прямо. „Крестьянская реформа,—говоритъ г. Тернеръ,—вызвала рѣзкій переломъ въ прежнемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ; предстояла необходимость измѣнить всѣ хозяйственныя привычки и порядки при замѣнѣ даровой работы наемнымъ трудомъ. А между тѣмъ отношенія хозяевъ къ рабочимъ пріобрѣтали весьма неудовлетворительный характеръ: жаловались на то, что трудно добыть рабочихъ, что свободный рабочій работаетъ плохо, что рабочіе не исполняютъ рабочихъ контрактовъ и т. п. Оставалось только одно — отдавать землю крестьянамъ въ наемъ“. А между тѣмъ „можно было опасаться, что при значительномъ развитіи переселенія трудность добывать рабочихъ еще усилится, а вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣлецъ потеряетъ и съемщиковъ на предлагаемую въ аренду землю и такимъ образомъ лишится единственной оставшейся въ его рукахъ вѣрной статьи дохода... Отдѣльныя лица могутъ изъ высшихъ побужденій жертвовать своими интересами на пользу общества; но *цѣлые классы населенія всегда и вездѣ относятся къ экономическимъ вопросамъ съ экономической точки зрѣнія. Вотъ почему классъ землевладѣльцевъ смотрѣлъ у насъ въ то время недоброжелательно на переселенческій вопросъ; а такъ какъ это былъ классъ самый вліятельный, то его образъ дѣйствій отражался и на настроеніи правительства.* То, что прежде, въ дореформенное время, казалось дѣломъ самымъ естественнымъ и необходимымъ, послѣ 1861 года стало представляться дѣломъ крайне опаснымъ, которое не только не слѣдуетъ поощрять, но которому слѣдуетъ даже препятствовать всѣми мѣрами. *Вопросъ о переселеніи получилъ характеръ вопроса неблагонадежнаго:* человѣку благонадежному, консервативному не слѣдовало и касаться его“.

Насколько это опредѣленіе г. Тернера правильно, показываютъ и прямые мотивы разныхъ законодательныхъ мѣръ по переселенію. Такъ, напр., въ отвѣтъ на одно ходатайство черниговскаго земства комитетъ министровъ въ началѣ 80-хъ годовъ высказался, что къ переселенію нужно относиться „съ

величайшей осторожностью, дабы внушить населенію, что правительство, разъ устроивъ поземельный бытъ сельскаго населенія, не считаетъ себя обязаннымъ продолжать это устройство и раздавать цѣнныя казенныя земли для удовлетворенія временныхъ и случайныхъ надобностей" и это особенно „вслѣдствіе повсемѣстно наблюдаемаго настроенія сельскаго населенія, которое на основаніи ложныхъ слуховъ и злонамѣренныхъ толкованій вездѣ ожидаетъ новой нарѣзки земли въ видахъ дополненія надѣловъ"... Бюрократическое государство прямо боялось, какъ бы въ открывшееся русло не утекли отъ помѣщиковъ рабочія руки и какъ бы эта народная масса не завладѣла „самовольно" землей, принадлежащей бюрократическому государству. Опасеніе это дошло до того, что „временныя правила" о переселеніи 1881 года, дававшія нѣкоторыя уступки переселенческому движенію, не рѣшились обнародовать!... А затѣмъ чрезъ 8 лѣтъ, въ 1889 году, одновременно со введеніемъ земскихъ начальниковъ въ самый разгаръ реакціоннаго творчества, былъ изданъ законъ, хотя вообще вынужденный уже признать впервые открыто переселенческое движеніе, какъ постоянное и закономѣрное явленіе жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ ограничившій его требованіемъ разрѣшенія администраціи (при чемъ критеріемъ для разрѣшенія установлены сразу нужда въ переселеніи и способность совершить его своими силами, т.-е. два условія, какъ общее правило, взаимно другъ друга исключающія), „самовольнымъ" же переселенцамъ грозившій насильственнымъ возвращеніемъ на родину по этапу.

Но затѣмъ—отчасти въ силу того, что (какъ ниже увидимъ) опытъ показалъ тщетность всѣхъ этихъ усилій задержать переселеніе, отчасти же въ силу вышенамѣченнаго общаго поворота въ политикѣ бюрократическаго государства отъ направленія графа Дм. Толстого, отъ разныхъ мѣръ непосредственно на пользу не трудовымъ собственникамъ, къ мѣропріятіямъ, расширяющимъ не только политическую, но и экономическую сферу вліянія государства,—въ результатѣ этого поворота и переселенческая политика радикально измѣнилась. Судьба землевладѣльцевъ отошла на второй планъ; отчасти стало ясно, что переселеніе, берущее лишь десятую часть естественнаго прироста населенія, не можетъ имъ серьезно грозить,

отчасти вопросъ расплылся въ фантазіяхъ о переселеніи самихъ землевладѣльцевъ на новыя мѣста вмѣстѣ съ крестьянами, при чемъ, конечно, законъ 1901 г. о такомъ надѣленіи дворянъ землей въ Сибири остался до сихъ поръ безъ примѣненія (равно какъ и нашумѣвшіе столько крѣпостническіе проекты дворянина Павлова о непосредственномъ переселеніи помѣщиковъ вмѣстѣ съ крестьянами)... Идеалистическій, если можно такъ выразиться, періодъ реакціи, когда бюрократія самоотверженно поддерживала „семью и собственность“ — особенно дворянскую, даже больше чѣмъ непосредственные интересы бюрократическаго государства, миновалъ: настала эпоха реалистическая, когда бюрократія выступила какъ собственникъ капиталистъ, дѣлецъ, предприниматель. Одно изъ грандіознѣйшихъ ея предпріятій — Сибирская желѣзная дорога, съ одной стороны, облегчившая самовольное переселеніе въ Сибирь, съ другой, какъ бы прямо звала переселенцевъ, такъ какъ только съ заселеніемъ, по крайней мѣрѣ, ея района оправдались бы ея работой огромныя затраты на нее. И вотъ правительство стало дѣйствовать, какъ желѣзнодорожныя компаніи въ Америкѣ: заселять районъ жел. дороги; затѣмъ, подъ этимъ райономъ стала пониматься чуть не вся Сибирь. „Комитетъ“ Сибирской дороги сталъ душой переселенческаго дѣла и вся переселенческая политика стала небывало „благожелательной“.

Наконецъ, въ самое послѣднее время, еще при Плеве, эта „благожелательность“ была еще повышена и проведена уже въ законъ (6 іюня 1904 года) по совершенно новому, добавленному самой жизнью мотиву: вся разработка этого закона до такой степени непосредственно возникла и развилась въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ 1902 г. въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, что даже первые проекты исходили изъ Полтавскаго „губернскаго присутствія“ и на первую очередь „поощряемаго“ переселенія поставлены именно эти двѣ губерніи... Въ какія-нибудь 10—15 лѣтъ цѣли переселенческой политики вывернулись, можно сказать, наизнанку: вмѣсто обезпеченія помѣщиковъ на мѣстахъ дешевой рабочей силой, пришлось спасать ихъ отъ этой силы расширеніемъ и организаціей переселенія, какъ предохранительнаго клапана противъ еще болѣе грозныхъ событій. (Мнѣ нечего напоминать,

что новоучрежденная комиссія Горемыкина спѣшитъ, повидимому, раскрыть этотъ предохранительный клапанъ еще шире...)

Уже одна эта исторія переселенческой политики достаточно рисуетъ „твердость силы законовъ“: за четыре десятилѣтія бюрократія успѣла измѣнить нѣсколько разъ радикально свое отношеніе къ переселенію, перейдя отъ дореформенной „благожелательности“ сначала къ полному игнорированію переселенія, затѣмъ всемѣрному его задержанію, затѣмъ опять къ „благожелательности“ и, наконецъ, послѣ крестьянскихъ волненій, ужъ къ „искренней благожелательности“... Такимъ образомъ, чѣмъ тверже была сила этихъ смѣняющихся и взаимно уничтожающихся законовъ, тѣмъ полнѣе должна была вся эта сила тратиться безпрерывно на самоотмѣну, — такъ что тѣхъ, которыхъ раньше пропускали и звали переселяться, стали потомъ гнать по этапу назадъ, а потомъ опять этихъ прогнанныхъ по этапу стали пропускать и звать на переселеніе и т. д.

Но если отъ этой свободной игры самовластнаго „закона“ уже въ результатѣ ея самой должно, очевидно, очень мало оставаться въ жизни, то спрашивается, какъ же отвѣтила сама жизнь на эту игру закона, какъ отнеслось само крестьянство ко всѣмъ этимъ перемѣнамъ политики, ко всѣмъ этимъ наслоеніямъ законовъ и циркуляровъ, къ этой бумажной толщѣ, пытавшейся то вовсе запрудить, то измѣнять въ разныхъ смыслахъ направленіе тронувшагося съ мѣста людского потока? Намъ не придется долго останавливаться на этомъ вопросѣ: всѣ безъ исключенія цифры говорятъ одно, а именно, что этотъ потокъ жизни прошелъ и идетъ своимъ путемъ чрезъ эту плотину „писаннаго закона“ или, точнѣе и проще говоря, чрезъ эту массу исписанной бумаги.

Уже въ 60-е и 70-е годы крестьяне, какъ общее правило, не выполняли всѣхъ тѣхъ формальностей, которыя требовались общими законами: „за исключеніемъ незначительнаго движенія на Амуръ и на Алтай, — говоритъ г. Кауфманъ, — все переселенческое движеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ было самовольнымъ, нелегальнымъ. Огромное большинство переселенцевъ проживало по просроченнымъ паспортамъ или безъ всякихъ документовъ, терпя всякія непріятности „за безписьменность“, невзносъ текущихъ платежей и недоимокъ, нерѣдко имъ прихо-

дилось предпринимать обратное переселеніе по требованію губернскихъ властей о высылкѣ ихъ на родину" („Пер. и кол.", стран. 22). Но, разумѣется, это насильственное возвращеніе было исключеніемъ, а какъ общее правило правительство рядомъ частныхъ узаконеній и циркуляровъ принуждено было признавать этотъ фактъ, примиряться съ нимъ и легализировать его офиціальнымъ разрѣшеніемъ оставаться на занятыхъ новыхъ мѣстахъ. Такъ прошла первая волна переселенцевъ изъ добрыхъ ½ милліона душъ. .

Затѣмъ, за 80-е годы, всего было дано разрѣшеній на переселеніе не болѣе какъ 200—250 тысячамъ душъ, а между тѣмъ переселилось, по крайней мѣрѣ, вдвое, если не втрое больше, такъ что переселеніе опять оставалось на большую половину „самовольнымъ". Наконецъ, когда законъ 1889 г. рѣшительно надавилъ тормазъ, — послѣ голоднаго года, напр., съ весны 1892 г. выдача разрѣшеній на переселеніе была временно вовсе прекращена, — соотвѣтственно съ этимъ и % самовольныхъ переселенцевъ настолько же возросъ. Это ясно изъ слѣдующихъ цифръ: изъ числа водворившихся въ Томской губ. было имѣвшихъ разрѣшеніе:

въ 1890	году	36812	душъ	обоего	пола	30%
„ 1891	„	31050	„	„	„	34%
„ 1892	„	34434	„	„	„	16¼%
„ 1893	„	28064	„	„	„	13⅓%

Въ слѣдующіе годы изъ числа переселенцевъ, зарегистрованныхъ при проходѣ черезъ Челябинскъ, было:

Въ годы:	имѣвш. разрѣш.	самовольныхъ.
	Въ процентахъ.	
1894	22	78
1895	73	27
1896	56	44
1897	60	40
1898	56	44
1899	47	53
1900	66	34
1901	61	89
1902	59	41
1903	62	38

Опять и тутъ % самовольныхъ прямо пропорціоналенъ нажатію запретительнаго тормаза: сейчасъ послѣ 1889 года % самовольныхъ составлялъ $^2/_3$ переселенцевъ; въ 1892, 1893 и 1894 годахъ, когда тормазъ былъ нажатъ, можно сказать, изо всѣхъ силъ, самовольныхъ прошло отъ $^4/_5$ до $^7/_8$; а затѣмъ, когда съ 1895 года бюрократія бросила тщетныя усилія и начала выдавать разрѣшенія гораздо шире и свободнѣе, сразу падаетъ и % самовольныхъ, колеблясь затѣмъ между $^1/_3$ и $^1/_2$ переселенцевъ. Само собою разумѣется, что рядомъ циркуляровъ и узаконеній почти всѣ дошедшіе до новыхъ мѣстъ получали разрѣшенія селиться и легализировались. Дальнѣйшія разъясненія излишни: мы видимъ съ очевидностью на цифрахъ, какъ „твердая сила законовъ“ была сломана и смыта переселенческимъ потокомъ, которымъ двигали, во-первыхъ, экономическій интересъ массы, которой „дѣваться некуда“ и, во-вторыхъ, какъ увидимъ ниже, сознаніе права,— права всѣхъ на „ничьи“, не занятыя, „вольныя“ земли.

Но спѣшу опять оговориться: безсиліе „закона“ не означало и не означаетъ его безвредности. Сколько случайныхъ единицъ погибало въ петляхъ этого закона, сколько прибавлялось нечеловѣческихъ бѣдствій въ тѣ годы, когда особенно нажимался тормазъ, сколько было лишнихъ опасеній, отчаянія, потери времени, денегъ, здоровья, смертей, какими потоками крови и слезъ обливалась эта бумажная плотина писаннаго закона!.. Приведу лишь нѣсколько изъ массы вопіющихъ цифръ. Изъ переписанныхъ 4-хъ тысячъ семей, водворившихся въ Томской губерніи, почти половина, *дойдя до мѣста не имѣла ни копейки денегъ;* также было и всюду; въ нѣкоторыхъ группахъ *до половины семей даже съ мѣста выходили безъ денегъ,* а между тѣмъ за четырехлѣтіе 1890—1893 годовъ вся ассигновка на переселенческое дѣло, въ томъ числѣ и на регистрацію, составила по 26 копеекъ на душу... Послѣдствія ясны: напр., вышеупомянутыя 4 тысячи семей, переписанныя г. Кауфманомъ уже по ихъ водвореніи въ Томской губерніи, потеряли въ пути и въ первый годъ бѣдствій по прибытіи *6%* *общаго своего состава...**). И какъ же могло быть иначе: „твер-

*) Что творилось иногда на мѣстахъ, откуда не пускаютъ переселенцевъ, объ этомъ могутъ дать нѣкоторое представленіе слѣдующіе хотя бы примѣры: въ сельцѣ *Георгіевскомъ* Малоархангельскаго у. Орловской губ. „нѣсколько

дая сила закона", разбиваемая потокомъ жизни, злобно и мстительно „жертвъ искупительныхъ проситъ" и ежедневно, ежечасно мутитъ этотъ потокъ слезами и кровью...

И опять послѣдній вопросъ: что должно чувствовать само крестьянство къ этому „закону", толкающему его то въ одну, то въ другую сторону, но всегда независимо отъ интересовъ и идеаловъ самого крестьянства, что кромѣ непониманія и ненависти къ этому насилію, гдѣ не разглядѣть ни проблеска права и правды?...

А впрочемъ, и это заключеніе еще будетъ слишкомъ слабымъ: передовые, болѣе развитые крестьяне, а за ними и средняя масса, начинаютъ уже *понимать* характеръ и мотивы этого „закона", — какъ они изложены членомъ государственнаго совѣта Ѳ. Тернеромъ. Уже послѣ крайностей запретительной политики, когда правительство прибѣгло къ нечестнымъ разъясненіямъ, чтобы сдержать переселенія, вотъ что писалъ одинъ „полуинтеллигентный" крестьянинъ-переселенецъ по поводу статей, говорившихъ объ отрицательныхъ условіяхъ жизни въ Сибири: „Я такъ думалъ, что эти изслѣдователи не иначе какъ *посланы изъ господскихъ дѣтей, они и конфузятъ больно ту Сибирь, чтобы народъ не уѣзжалъ отъ помѣщиковъ*, а со мной и вся партія такъ же судила"... Какъ видитъ читатель, догадка, наивная въ данномъ случаѣ и по адресу данныхъ авторовъ, по существу однако мѣтко опредѣляетъ основной мотивъ закона, тормазившаго переселеніе... Повторяю еще разъ: что долженъ думать и до чего долженъ додуматься крестьянскій народъ о „твердой силѣ" такихъ „законовъ"?

§ 6. Заключеніе.

Послѣ всего сказаннаго наше заключеніе можетъ быть очень кратѣимъ. На длинномъ рядѣ фактовъ и цифръ, — количество

семей ушли по приговору общества, но за это староста отсидѣлъ 7 дней подъ арестомъ, а уходъ ихъ былъ признанъ незаконнымъ"... Въ дер. Чуркиной Трубчев. у. Орлов. губ. „подавали прошеніе губ. Левашеву, чтобы имъ нашли мѣсто: „тѣснс де ужъ здѣсь" Губ. списался съ самарскимъ губ., тотъ отвѣтилъ, что мѣста есть, пусть идутъ осмотрѣть. Ходокамъ понравилось, и ихъ, т.-е. переселенцевъ, отправили съ „начальствомъ", старшиною и „депутатомъ" для водворенія на новыхъ мѣстахъ. Просилось почти все селеніе, остальныхъ не пустили. Пріѣхалъ Лазаревскій, управляющій удѣлами, *всѣхъ* передралъ, *двоихъ въ солдаты отдалъ и строго-настрого заказалъ остальнымъ переселяться*" и т. д., и т. д.

которыхъ я легко могъ бы удвоить, утроить, удесятерить, — мы могли измѣрить пропасть между государственнымъ и народнымъ правомъ. Мы видѣли, какъ „писанный законъ“ бюрократическаго государства своей внутренней противорѣчивостью, противорѣчіемъ съ условіями жизни, противорѣчіемъ съ интересами и идеалами трудовыхъ массъ, наконецъ, голымъ насиліемъ и произволомъ въ его примѣненіи,— непонятенъ этимъ массамъ и потому хотя страшенъ, но ненавистенъ, а часто, когда понятенъ, то еще болѣе ненавистенъ.

Мы видѣли, какъ на цѣломъ рядѣ важнѣйшихъ пунктовъ крестьянство задѣто „закономъ“ въ своихъ интересахъ и идеалахъ такъ глубоко, что, несмотря на его терроризующую силу, открыто массами его не исполняетъ, что въ частности такова судьба трехъ главнѣйшихъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью затереть просыпающуюся въ крестьянствѣ личность и раздробить складывающіяся и развивающіяся общественныя организаціи трудового крестьянства.

Мы видѣли, что при такихъ условіяхъ „государственное право“ не могло привиться къ народной жизни, не могло стать культурой народа, войти въ его правосознаніе, а могло лишь причинять лишнія бѣдствія, развращать это правосознаніе, противопоставлять *народному праву* организованное *насиліе* бюрократическаго государства.

Вся роль государственнаго права рисуется мнѣ поэтому въ одномъ образѣ. Когда я ѣздилъ по деревнямъ, часто случалось видѣть живую полную рѣку, задержанную у села плотиной изъ навоза. Сейчасъ ниже плотины рѣка сочится мутными зараженными струями, но чѣмъ ниже, тѣмъ болѣе она свѣтлѣетъ и свѣжѣетъ и, наконецъ, бѣжитъ снова быстрымъ и чистымъ потокомъ... Такую же приблизительно роль играетъ вѣками копившаяся гніющая бумажная масса бюрократическаго „писаннаго закона“, пытающагося преградить свободное теченіе народнаго права: она можетъ временно его замедлить и замутить, но остановить не можетъ. Вопросъ только въ томъ, когда и какъ снесетъ разливающійся бурный потокъ всю эту тяжкой ношей наваленную исторіей гниль.

ГЛАВА IV.

„Никому невѣдомый обычай".

Уже выше сдѣланнымъ разборомъ степени твердости „силы законовъ" мы установили съ несомнѣнностью существованіе особаго народнаго обычнаго права. Какимъ бы въ самомъ дѣлѣ дикаремъ ни представлять русскаго мужика, но допустить, что онъ, отвергая „законъ", дѣлаетъ это не во имя другого права, а въ силу отсутствія у него всякаго правосознанія и что на мѣсто отвергнутаго имъ закона у него нѣтъ никакихъ правовыхъ нормъ, а какое-то сплошное безправіе, какая-то полная анархія, — допустить это рѣшатся немногіе даже изъ марксистовъ, не всѣ даже изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей"... Съ полной очевидностью уже выше мы могли видѣть, что сопротивленіе „закону" отнюдь не является безпредметнымъ дикарскимъ бунтарствомъ для бунтарства: сопротивленіе это сосредоточивается съ непоколебимымъ упорствомъ на совершенно опредѣленныхъ пунктахъ, оно отстаиваетъ то, что практиковалось систематически самимъ населеніемъ до введенія этихъ законовъ, которые прямо уже и направлены противъ ясно намѣтившихся явленій крестьянской жизни. А если до закона уже былъ этотъ какой-то обычай и если законъ остается безъ приложенія во имя этого именно обычая, то не очевидно ли, что онъ, этотъ обычай, въ прежнемъ или измѣненномъ видѣ, остается, продолжаетъ дѣйствовать?

Но какъ ни очевидно все это, я долженъ, въ виду ходячихъ предразсудковъ объ исчезновеніи обычнаго права, прибавить къ этимъ отрицательнымъ соображеніямъ еще и прямыя положительныя фактическія и цифровыя указанія, устанавливающія съ безспорностью, до какой степени неосновательны и нелѣпы эти предразсудки, укоренившіеся въ періодъ, когда интеллигенція совершенно отвернулась отъ мужика...

Выше я указалъ уже въ нѣсколькихъ словахъ на эти многочисленныя проявленія народнаго обычнаго права: на общинное и семейное право въ огромной массѣ ихъ проявленій, на совершенно своеобразные обычаи въ наслѣдованіи и семейныхъ раздѣлахъ, на особое, почти неизвѣстное закону трудо-

вое начало въ этихъ и другихъ правовыхъ нормахъ... Приведу теперь нѣсколько фактовъ и цифръ, намѣчающихъ минимальныя границы этой огромной и малоизвѣстной области народнаго права.

§ 1. Общинное право.

Начну съ общиннаго права, какъ единственнаго точно и статистически мною изслѣдованнаго. Существованіе общины извѣстно, конечно, всѣмъ отрицателямъ обычнаго права: какъ же, спрашивается, это не мѣшаетъ имъ говорить о „неизвѣстности“ обычнаго права, не мѣшаетъ даже, напр., г. Страховскому говорить объ обычномъ правѣ въ одномъ наслѣдованіи и т. п.? Неужели кому-нибудь неясно или сомнительно, составляетъ ли община обычное право? Не думаю, чтобы даже марксисту могла прійти такая дикая мысль. Вѣдь законъ предписываетъ только извѣстныя формы для распоряженія общинною землей и отчасти ограничиваетъ это распоряженіе, но, — не говоря уже о томъ, что обычай не обращаетъ почти вниманія на эти ограниченія, — они оставляютъ все существеннѣйшее въ рукахъ общины: не только то, по какому принципу уравнивать землю, но и то, уравнивать ли ее вообще, или не уравнивать, перейти или не перейти къ подворному владѣнію и т. д. Неужели, спрашивается, придетъ кому-нибудь въ голову не считать эти дѣйствія общины обычнымъ правомъ? Но что же они тогда такое?... Я не умѣю объяснить вполнѣ это удивительнѣйшее сомнѣніе въ существованіи обычнаго права, когда существуетъ община, но думаю, что хотя отчасти оно можетъ объясняться не чѣмъ инымъ, какъ успѣвшимъ укорениться апріорнымъ убѣжденіемъ, что община разлагается или даже уже почти разложилась, что *общины фактически не пользуются своими правами распоряженія землей* и что поэтому община сдѣлалась формой безъ содержанія или, точнѣе, съ враждебнымъ ей индивидуалистическимъ содержаніемъ, которое скоро и сброситъ съ себя эту форму, какъ ненужную шелуху. Такъ ли это? Къ рѣшенію этого вопроса (о которомъ я лично десять лѣтъ тому назадъ, начиная индуктивно-статистическое его изученіе, склоненъ былъ думать въ этомъ же духѣ) и были направлены едва ли не главныя усилія моего изслѣдованія, и въ настоящее время разработанные мате-

ріалы дают уже точный на него ответъ. Резюмирую здѣсь этотъ отвѣтъ въ нѣсколькихъ самыхъ общихъ круглыхъ цифрахъ.

Разработанный мною матеріалъ, — во-первыхъ, выборки изъ пообщинныхъ описаній земско-статистическихъ изслѣдованій конца 90-хъ годовъ и, во-вторыхъ, доставленныя въ 1902 году волостными правленіями отвѣты на составленныя мною особыя программы, — охватываетъ лѣ 35 губерній изъ 50 губерній Европейской Россіи (за выключеніемъ Финляндіи, Польши и Кавказа)*), гдѣ сосредоточена основная масса общиннаго населенія, при чемъ изъ 358 уѣздовъ этихъ 35 губерній изслѣдованъ 191 уѣздъ**).

Эти 191 уѣздъ расположены слѣдующимъ образомъ по 8 принятымъ мною основнымъ районамъ Россіи:

РАЙОНЫ.	Всего уѣздовъ въ районѣ.	Изъ нихъ всего изслѣдовано:		Изъ изслѣдованныхъ:	
		Число.	%	По матеріаламъ земской статист.	По отвѣтамъ волостн. правл.
1. *Сѣверный;* губ.: Олон., Вят., Волог. и части Перм., Новг., Яросл., Костр. и Нижег. . . .	47	28	59,5	15	13
2. *Восточный;* губ. Уфим. и части Перм. и Сам.	16	13	81,3	8	5
3. *Промышленный;* губ.: Моск., Влад. и части Яросл., Костр., Твер., Ряз., Нижег. и Тамб. .	58	40	69,0	23	17

*) Не вошли губерніи Архангельская, Бессарабская, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, область В. Донского, Кіевская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Минская, Могилевская, Оренбургская, Подольская, Эстляндская. Изъ нихъ только въ Архангельской, Оренбургской и области В. Донского преобладаетъ общинное владѣніе сплошь одного, не требующаго особаго изслѣдованія типа; въ остальныхъ же или его вовсе нѣтъ, или мало, и почти всегда оно лишь формально — общинное, фактически же полуподворное.

**) Изъ нихъ 112 уѣздовъ изслѣдованы по матеріаламъ земской статистики, частью провѣреннымъ по отвѣтамъ волостныхъ правленій, и 79 уѣздовъ — по однимъ отвѣтамъ волостныхъ правленій, оказавшимся, впрочемъ, для данной цѣли безусловно удовлетворительными.

РАЙОНЫ.	Всего уѣздовъ въ районѣ.	Изъ нихъ всего изслѣдовано:		Изъ изслѣдованныхъ:	
		Число.	%	По матеріаламъ земской статист.	По отвѣтамъ волости. правл.
4. *Приволжскій;* губ.: Каз., Симб. и части Нижег., Пенз. и Сар.	41	25	61,0	18	7
5. *Центральный черноземный;* губ.: Вор., Кур., Полт., Тул. и части губ.: Орл., Тамб., Ряз., Харьк., Сарат. и Пенз.	90	36	40,0	20	16
6. *Южный;* губ.: Екат., Херс., Тавр., Астр. и части губ.: Хар., Сар. и Сам.	35	10	28,6	5	5
7. *Западный;* губ.: Кал., Смол., Черн. и части губ. Орл. и Витебск. .	44	31	70,5	15	16
8. *Сѣверо-западный;* губ.: Пск., Петерб. и части губ.: Твер., Новг. и Яросл.	27	8	29,7	8	0
Итого . . .	358	191	53,3	112	79

Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что какъ разъ тамъ, гдѣ % изслѣдованныхъ уѣздовъ всего ниже, формы общины всего проще; тамъ же, гдѣ положеніе особенно сложно и интересно, — въ районахъ промышленномъ и западномъ, — изслѣдовано болѣе $^2/_3$ уѣздовъ.

Въ этихъ 191 уѣздахъ всего охвачено изслѣдованіемъ болѣе 87 тысячъ *земельныхъ общинъ* (о томъ, сколько всего имѣется ихъ въ Европейской Россіи, мнѣ не удалось найти точныхъ данныхъ). Въ нихъ оказалось болѣе 4 милліоновъ семей или, считая въ среднемъ немного болѣе 6 душъ обоего пола на семью, около 25 милліоновъ душъ; такъ какъ въ изслѣдованныхъ 35 губерніяхъ оказалось по переписи 1897 года почти ровно

50 милліоновъ душъ обоего пола населенія, владѣющаго землей общинно, то изслѣдованіемъ охвачена, значитъ, ровно половина населенія. Земли же оказалось въ изслѣдованныхъ общинахъ болѣе 45 милліоновъ десятинъ, т.-е. тоже около половины общинной территоріи въ изслѣдованныхъ 35 губерніяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія поэтому, что выводы, даваемыетакимъ огромнымъ количествомъ цифръ, охватывающихъ половину земли и населенія во всевозможныхъ областяхъ, можно безъ всякаго риска распространить на все общинное землевладѣніе не только въ Европейской Россіи но, въ виду полнаго сходства и очень подробнаго анализа его, также въ Сибири и въ Средней Азіи.

Что же говорятъ эти рѣшающія цифры?

Я разбиваю въ конечномъ счетѣ разновидности общинныхъ формъ, начиная отъ наиболѣе слабыхъ, близкихъ къ подворному владѣнію, и кончая высшими типами, на слѣдующія 6 разверстокъ: 1) безпередѣльная по ревизскимъ душамъ, получившимъ надѣлы 40 лѣтъ назадъ; 2) то же съ начавшейся борьбой за передѣлъ или съ давно бывшими передѣлами, — вообще, съ неопредѣлившимся результатомъ попытокъ общиннаго поравненія; 3) слабыя уравнительныя поправки къ безпередѣльно-ревизскому владѣнію; 4) регулярные передѣлы по неопредѣленнымъ и смѣшаннымъ принципамъ; 5) то же — по рабочимъ силамъ семей; 6) то же по потребительному принципу (преимущественно по всѣмъ наличнымъ душамъ мужского пола).

Первый типъ представляетъ минимумъ общиннаго начала, когда фактически оно вовсе или почти не проявляется, а остается лишь въ потенціи; вторая и третья разверстки близки къ первой, но являютъ уже — особенно третья — извѣстное пробужденіе общиннаго принципа уравнительности; шестая развиваетъ наивысшую и наипрочнѣйшую общинную уравнительность; четвертая и пятая также представляютъ жизнедѣятельные виды общины, но или при особыхъ условіяхъ, или при неполной еще выработанности ея основаній и чистотѣ ихъ проведенія. Привожу по этимъ 6 группамъ прежде всего цифры о населеніи: сначала указанъ получившійся по изслѣдованнымъ уѣздамъ % каждой разверстки, а затѣмъ вычисленныя по нимъ числа всего населенія, отходящаго къ каждой разверсткѣ по всѣмъ вышеуказаннымъ 35 губерніямъ съ присоединеніемъ еще Оренбургской губерніи и области В. Донского.

РАЙОНЫ.	% семей въ общинахъ съ развер-стками:						Число душъ обоего пола (въ тысячахъ) въ общинахъ съ развер-стками:						
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6	Всѣхъ.
Сѣверный	19,8	4,4	3,7	21,5	14,6	36,0	1430	320	270	1560	1060	2610	7250
Восточный	10,3	9,7	10,3	17,2	11,2	41,3	650	620	650	1090	710	2630	6350
Промышленный . . .	9,7	4,5	10,8	21,9	33,5	19,5	575	265	640	1310	2000	1160	5950
Приволжскій	7,9	3,7	7,4	9,5	8,9	62,7	490	240	450	590	550	3880	6200
Черноземный. . . .	20,7	3,2	3,9	2,8	2,0	67,4	2280	360	440	310	220	7490	11100
Южный.	8,4	3,3	8,0	2,9	6,4	71,0	810	320	770	280	620	6800	9600
Западный	35,5	11,2	12,3	10,7	13,6	16,7	1440	450	500	435	550	675	4050
Сѣверозападный . .	45,9	4,6	5,4	6,7	9,3	28,1	1420	140	170	210	290	870	3100
По всѣмъ районамъ 1) по изсл. уѣзд. . .	16,6	5,2	7,6	11,3	12,3	47,0	8900	2780	4060	6060	6600	25200	53600
По всѣмъ районамъ 2) по всѣмъ 37 губ. .	16,9	5,1	7,3	10,8	11,2	48,7	9095	2715	3890	5785	6000	26115	53600

РАЙОНЫ.	Количество надѣльной (всей удобной) земли (въ тысячахъ десятинъ) въ общинахъ съ системами разверстки:							% всей удобной надѣльной земли въ общинахъ съ системами разверстки:					
	1	2	3	4	5	6	Всѣ.	1	2	3	4	5	6
Сѣверный	3320	940	350	3430	1900	5840	15780	21,0	6,0	2,2	21,7	12,1	37,0
Восточный	530	560	790	1330	1390	4120	8720	6,1	6,4	9,1	15,3	15,9	47,2
Промышленный . .	660	340	880	1920	2540	1610	7950	8,3	4,3	11,0	24,2	32,0	20,2
Приволжскій . . .	400	250	500	580	570	5230	7530	5,3	3,3	6,6	7,7	7,6	69,5
Черноземный . . .	2390	360	430	400	340	9300	13220	18,1	2,7	3,2	3,0	2,6	70,4
Южный	1040	240	940	510	1020	8070	11820	8,8	2,0	8,0	4,3	8,6	68,3
Западный	1580	520	560	600	710	780	4750	33,3	10,9	11,8	12,6	15,0	16,4
Сѣверозападный . .	2290	230	220	270	350	1520	4880	47,0	4,7	4,5	5,5	7,2	31,1
Итого . . .	12210	3440	4670	9040	8820	36470	74650	16,4	4,6	6,3	12,1	11,8	48,8

И вотъ затѣмъ таблица о распредѣленіи по тѣмъ же 6 разверсткамъ общинной земли, въ тѣхъ же 37 губерніяхъ, но только для бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ (объ остальныхъ я не могъ найти точныхъ данныхъ), составляющихъ въ совокупности, какъ извѣстно, огромное большинство земледѣльческаго населенія (см. 72 и 73 стран.).

Уже если взять эти таблицы, какъ онѣ есть, то получается выводъ объ огромномъ преобладаніи живой жизнедѣятельной общины надъ замершей, неподвижной: къ послѣдней вполнѣ можно отнести лишь 16,9% населенія и 16,4% земли, и еще отчасти, — т.-е. невполнѣ неподвижной и начинающей просыпаться, — можно прибавить 12,4% населенія и 10,9% земли (2 и 3 разверстки), — всего значитъ болѣе или менѣе отрицательный отвѣтъ объ общинно-правовой жизнедѣятельности данъ о 29,3% населенія и 27,3% земли, остальныя же $^7/_{10}$ земли и населенія находятся подъ режимомъ активнаго общиннаго права. Но эти цифры заключаютъ такія невѣрныя допущенія и такъ неполны, что требуютъ очень большихъ поправокъ и дополненій, и послѣднія дѣлаютъ картину еще несравненно болѣе оптимистической.

Дѣло прежде всего въ томъ, что въ сѣверномъ и восточномъ районахъ всѣ почти случаи неподвижныхъ безпередѣльныхъ разверстокъ объясняются сравнительнымъ многоземельемъ, при которомъ передѣлы еще не нужны и господствуютъ разныя формы захватнаго владѣнія, т.-е. общинно-передѣльное владѣніе не только не разложилось, но еще не сложилось и лишь постепенно складывается; при этомъ захватное владѣніе представляетъ, по единогласному всеобщему признанію, самое частое обычное право, необыкновенно выработанное въ формахъ и мотивахъ и очень вообще активное*). Такимъ образомъ, всю или почти всю общину сѣвернаго и восточнаго районовъ надо отнести либо къ жизнедѣятельной сейчасъ, либо жизнедѣятельной завтра. Если мы сдѣлаемъ такую поправку, т.-е. выдѣлимъ первыя три разверстки сѣвернаго и восточнаго районовъ изъ суммы отрицательныхъ типовъ и пріобщимъ къ суммѣ положительныхъ, то получимъ для первой всего 11760 тыс. душъ об. п. или 21,8%, а для второй 41840 тыс. душъ

*) За подробностями отсылаю къ моей книгѣ „Русская Община“, т. I, гл. II, III, IV.

об. п., т.-е. 78,2%, и для первой 13830 тысячъ десятинъ, т.-е. 18,5%, а для второй 60820 тысячъ десятинъ, т.-е. 81,5%.

Но, кромѣ этого исправленія, нужно сдѣлать еще дополненіе: насъ вѣдь интересуетъ не Европейская только и коренная Россія, а вся вообще формально находящаяся въ общинномъ или подобномъ общинному коллективномъ владѣніи земля, поэтому, съ одной стороны, мы должны добавить всѣ западныя губерніи (исключенныя изъ моего изслѣдованія частью за недостаткомъ точныхъ матеріаловъ, частью же за ненадобностью этого изслѣдованія, вслѣдствіе однообразія и простоты явленія), а съ другой — востокъ: часть Кавказа, Средней Азіи и почти всѣ населенныя части Сибири,— все землевладѣніе крестьянъ, казаковъ и инородцевъ въ этихъ областяхъ (эти районы не вошли непосредственно въ изслѣдованіе по тѣмъ же причинамъ, какъ и западная окраина). При этомъ весь западный районъ пойдетъ, такъ сказать, въ пассивъ общинъ: здѣсь не только не начались и не начинаются уравнительные передѣлы, но вообще нѣтъ почти никакихъ проявленій общины, довольно много формальныхъ переходовъ къ подворному владѣнію, почти нѣтъ, повидимому, историческихъ корней общины, и здѣсь она создана формально закономъ, а не имѣетъ внутренней обычно-правовой жизни. Наоборотъ, на всей почти восточной окраинѣ, за исключеніемъ части Кавказа, еще болѣе многоземельной, чѣмъ сѣверъ и востокъ Европейской Россіи, царствуетъ такъ же, какъ и тамъ, либо чистое и крѣпкое, только что сложившееся или слагающееся общинно-передѣльное право, либо допередѣльныя захватныя формы, постепенно, но неуклонно, безъ единаго почти исключенія идущія, по мѣрѣ стѣсненія въ землѣ, къ этимъ общинно-передѣльнымъ нормамъ.

Итакъ, сколько же прибавляетъ западная окраина (и часть Кавказа) къ количеству земли и населенія замершей общины, и сколько восточная окраина — къ жизнедѣятельной? Относительно земли почти невозможно дать сейчасъ мало-мальски точныя цифры: территоріи сибирскаго крестьянства, а особенно казачьи и инородческія, слишкомъ неточно отграничены, а главное, совершенно не установленъ процентъ въ нихъ удобныхъ для земледѣлія земель (у инородцевъ дѣло еще сложнѣе, такъ какъ до сихъ поръ они въ значительномъ большинствѣ — скотоводы и лишь начинаютъ переходить къ земледѣлію). Можно только,

не рискуя ошибиться, сказать, что тѣ 5—10 милліоновъ десятинъ, которыя прибавятся къ пассиву, такъ сказать, общины на западѣ (и по части Кавказа), по крайней мѣрѣ въ 10 разъ покроются удобными землями общиннаго и коллективнаго владѣнія на востокѣ, что эти земли прибавляютъ къ 100 милліонамъ десятинъ (круглымъ счетомъ) общинной земли въ Европейской Россіи, по крайней мѣрѣ, еще такую же территорію сплошь активнаго общиннаго права или сейчасъ или завтра, такъ что, если изъ 100 милліоновъ общиннаго землевладѣнія въ Европейской Россіи мы примемъ даже 30% за неактивныя общинныя формы (18,5% въ 37 губ. + 10 милліоновъ десятинъ въ зап. губ.), то и тогда отойдетъ 170 милліоновъ десятинъ на долю активнаго общиннаго права и всего 30 милліоновъ десятинъ — на долю пассивнаго. Повторяю, эти цифры даже не приблизительныя, а лишь, такъ сказать, примѣрныя, и о нихъ можно только сказать, что во всякомъ случаѣ онѣ *не преувеличиваютъ*, а преуменьшаютъ размѣры активной общины.

О населеніи же можно сдѣлать нѣкоторый болѣе точный приблизительный, въ круглыхъ цифрахъ, разсчетъ. Западная окраина прибавляетъ къ 11760 тысячамъ душъ обоего пола пассивной общины еще приблизительно 3900 тысячъ душъ об. п., т.-е. всего получается 15660 тыс. душъ или, круглымъ счетомъ, 16 милліоновъ душъ. Сельское же населеніе Кавказа, составлявшее по переписи 1897 г. около 9 милліоновъ душъ, надо отнести въ меньшей долѣ къ пассивному (хотя и не такому пассивному, какъ западный) типу общины, а въ большей — къ активному: отнесемъ 4 мил. къ пассивному и 5 мил. — къ активному. Затѣмъ сельское населеніе Средней Азіи, — 6,8 мил. душъ об. п., — и Сибири, — 5,2 мил. душъ об. п., — уже надо почти цѣликомъ отнести, какъ указано, къ активной общинѣ. Такимъ образомъ для „пассивной общины“ получается 20 мил. душъ об. п. (16 + 4), а для активной, — прибавивъ 17 мил. душъ об. п. по Кавказу, Сибири и Средней Азіи къ основнымъ 41840 тыс. душъ об. п., — получимъ круглымъ счетомъ 60 милліоновъ. Такимъ образомъ, изъ 80 милліоновъ общиннаго населенія (57500 тыс. душъ об. п. въ 50 губ. Европейской Россіи + 21 милліонъ населенія Кавказа, Средней Азіи и Сибири) три четверти относится къ активному общинному праву, и лишь четверть — къ пассивному...

Что же касается всего земледѣльческаго трудового населенія, то его, не считая Польши, можно опредѣлить круглымъ счетомъ въ 90—95 милліоновъ д. об. п. (по переписи 1897 г. *все* сельское населеніе составляло 99383 тыс. д. об. п., такъ что, за вычетомъ нетрудового и совершенно неземледѣльческаго трудового населенія, останется занимающагося земледѣліемъ не болѣе 95 и, вѣроятно, не менѣе 90 милліоновъ д. об. п.). И стало-быть активно-общинное, такъ сказать, населеніе составляетъ большинство отъ $^3/_5$ до $^2/_3$ даже и по отношенію ко всему трудовому земледѣльческому населенію. Также и по земельной территоріи активная община, охватывающая не менѣе 170—200 милліоновъ десятинъ удобной земли, превосходитъ всѣ остальные виды владѣнія (не считая государственнаго), по самому максимальному разсчету не превышающіе 150 милліоновъ десятинъ (30 мил. пассивной общины, 30 мил. подворнаго крестьянскаго надѣльнаго владѣнія, менѣе 80 мил. десятинъ частной земельной собственности, остальные же виды малочисленны)...

Но всего этого мало: значеніе этихъ цифръ, рисующихъ положеніе въ данный моментъ, усиливается въ огромной степени тѣми данными о смѣнахъ разныхъ общинныхъ формъ во времени, которыя также разработаны мною и которыя съ необыкновенной яркостью устанавливаютъ, что съ теченіемъ времени происходитъ повсюду (даже и въ районахъ, граничащихъ съ западнымъ краемъ, гдѣ община всего слабѣе) не замираніе прежде активныхъ общинъ (какъ это принято многими думать), а наоборотъ, пробужденіе замершихъ, остававшихся безъ передѣловъ по 30—40—45 лѣтъ. Мало-мальски подробныхъ цифръ приводить по этому вопросу я опять-таки, конечно, здѣсь не могу и долженъ ограничиться для примѣра слѣдующей типичной табличкой по Саратовской губерніи:

Періоды.	% общинъ съ развертками:			
	Наслѣдственно безпередѣльными.	Съ зачаточными и неопредѣл. передѣлами.	Съ передѣлами по рабочимъ силамъ.	Съ передѣлами по потребит. принципу.
Къ 1870 г.	42,0	21,6	32,4	0,6
„ 1880 „	36,0	21,1	34,0	5,3
„ 1890 „	22,2	20,0	31,4	23,0
„ 1900 „	16,0	17,6	22,0	41,3

Достаточно хоть немного вглядѣться въ эти цифры (повторяю, типичныя и для другихъ мѣстностей), чтобы увидѣть, что общинно-передѣльное обычное право не только не разлагается, но наоборотъ, именно слагается, что оно не только сильно въ данный моментъ, но безпрерывно и быстро усиливается, укореняется вглубь, разрастается въ ширь. Уже теперь выше приведенные разсчеты грѣшатъ преуменьшеніемъ силы общиннаго права, такъ какъ за 3—5—7 лѣтъ, истекшихъ со времени собранія данныхъ, цѣлый рядъ замершихъ общинъ проснулся къ жизни, соотвѣтственно уменьшивъ % пассивныхъ и увеличивъ % активныхъ общинъ, а еще чрезъ 5—10 лѣтъ дѣйствительность еще настолько же обгонитъ наше цифровое ея изображеніе...

Итакъ, на первыхъ же точныхъ цифрахъ объ общинѣ мы съ очевидностью видимъ, какъ велико народно-обычное право: уже въ этой одной области оно охватываетъ большинство населенія и большую долю удобной земледѣльческой территоріи, составляющей для земледѣльцевъ наиболѣе цѣнное и самое важное изъ средствъ производства. Надо только ясно и конкретно вообразить всю эту громаду коллективныхъ отношеній, коллективныхъ дѣйствій, коллективнаго вообще права и правосознанія, которую представляютъ уже одни эти милліоны уравнительныхъ передѣловъ земли во многихъ десяткахъ тысячъ общинъ, чтобы представить себѣ огромность этого особаго, дѣйствительно намъ непонятнаго и „никому невѣдомаго“ міра народнаго права. И мало этого: мы видимъ, что это уже огромное право еще разстетъ, что, значитъ, въ разсчетѣ на этотъ ростъ должны кроиться и общія политическія программы, и точные планы законодательныхъ реформъ въ ближайшемъ же будущемъ, что новое государственное право, если оно не хочетъ претерпѣть судьбу выше разсмотрѣнныхъ бюрократическихъ законовъ, не можетъ миновать этого растущаго народнаго права, а должно строиться прямо изъ него...

Но невольно является теперь рядъ простыхъ вопросовъ: какъ могло бы явиться столь сильно распространенное и сложно выработанное обычное право, какъ современная русская крестьянская община, если бы вообще никакого иного обычнаго права въ крестьянствѣ не существовало? Какъ могло бы обычное право въ нормахъ общиннаго владѣнія

развиваться въ то время, какъ во всѣхъ другихъ сферахъ оно бы разлагалось и исчезало? Какъ могло бы оно выработать и развить до такой степени два основныхъ начала общиннаго права въ примѣненіи къ землѣ, ниже подробнѣе разъясняемыя и уже въ I томѣ моей работы въ общемъ намѣченныя: личное *право затраченнаго труда* и общинное *право на трудъ* — если бы въ другихъ своихъ правоотношеніяхъ оно не знало и даже отрицало бы эти начала? Какъ, напримѣръ, могло бы оно признавать трудъ основаніемъ личнаго права, когда онъ затраченъ на обработку земли, и не признавать, когда онъ затраченъ на постройку дома, оборудованіе телѣги, покупку и воспитаніе лошади и т. д.? Почему право затраченнаго труда, существенно личное, а не коллективное (поскольку обыкновенно и затрачивается трудъ лично, а не коллективно), могло бы возникнуть и развиться рядомъ съ ограничивающимъ его общиннымъ правомъ на трудъ, а не существовало бы у населенія съ подворнымъ владѣніемъ, гдѣ это общинное право его не заглушало? И затѣмъ, какъ допустить, что, выработавъ и постоянно совершенствуя свои собственныя опредѣленныя правовыя нормы для отношеній между отдѣльными семьями въ общинѣ, — крестьянство умудрилось бы не имѣть никакого обычнаго права для отношеній между личностями внутри семей, какъ допустить, что общія начала союзности, сложившіяся въ сравнительно широкой и сложной коллективности — общинѣ, никакъ не отразились бы въ болѣе узкой и простой коллективности — семьѣ? Какъ, наконецъ, можно было бы объяснить, даже допустивъ тенденцію къ отмиранію у всѣхъ областей обычнаго права кромѣ общиннаго, чтобъ это сохраненіе и развитіе обычнаго права въ общинѣ не поддержало и не оживило и остального круга обычнаго права? Не очевидно ли, что допустить существованіе и развитіе одного общиннаго обычнаго права при несуществованіи его въ остальныхъ отношеніяхъ было бы такъ же нелѣпо, какъ, напр., представить себѣ, чтобы мощный стволъ огромнаго дерева выросъ безъ корней и безъ вѣтвей?...

На всѣ эти столь простые вопросы могло бы быть только одно возраженіе, а именно — если бъ была хоть тѣнь доказательства, что сама община искусственно создана извнѣ закономъ, что имъ же внѣдрены въ земледѣльческое населеніе

трудовыя основанія права и т. д. Но такъ какъ дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ, такъ какъ, напр., въ пореформенный періодъ бюрократическое государство явно враждебно относилось къ общинѣ и, какъ мы видѣли выше, сама община не поддавалась закону, пытавшемуся сократить дѣйствіе ея уравнительно-передѣльнаго механизма, такъ какъ то же сопротивленіе закону оказалъ обычай и въ семейныхъ правовыхъ нормахъ, такъ какъ вообще „законъ“ чуть не по всей линіи враждебно противопоставленъ „обычаю“, такъ какъ, значитъ, послѣдній могъ явиться только извнутри, то на выше поставленные элементарные вопросы не остается совершенно никакихъ отвѣтовъ, и вся народная жизнь дѣлается сплошной загадкой для тѣхъ, кто ни за что не хочетъ признать существованія широкаго, многообъемлющаго и живого народнаго обычнаго права.

§ 2. Внѣобщинное земледѣльческое право.

Повторяю: благодаря нежеланію узнать „никому невѣдомые“ обычаи, мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ о нихъ, кромѣ данныхъ объ общинѣ. Но опять-таки довольно хотя глазомѣрнаго, но систематическаго и внимательнаго обозрѣнія, чтобы увидѣть повсюдное существованіе обычнаго права и во всѣхъ остальныхъ областяхъ, кромѣ общиннаго землевладѣнія.

При обзорѣ закона о семейныхъ раздѣлахъ мы уже видѣли, что, даже по отзывамъ чиновничьихъ комиссій, этотъ законъ не осуществился именно потому, что на рядѣ совершенно опредѣленныхъ пунктовъ встрѣтилъ сложившіеся, совершенно опредѣленные и противорѣчащіе ему обычаи. Тѣ же комиссіи, отвѣчая на вопросъ объ обычаяхъ наслѣдованія подворными земельными участками, въ общемъ тоже должны были признать существованіе таковыхъ особыхъ обычаевъ. Изъ 26 „губернскихъ совѣщаній“*), болѣе или менѣе ясно высказывавшихся по этому вопросу, только пять рѣшились утверждать отсутствіе опредѣленныхъ обычаевъ въ наслѣдованіи

*) См. „Сводъ заключеній губ. совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодат. о крестьянахъ“, т. III, стран. 273—310.

подворной земли, но при этомъ два изъ этихъ отзывовъ, по Костромской и Курской гг., — только этимъ голымъ заявленіемъ и ограничились (при чемъ, впрочемъ, Курское совѣщаніе признало нѣкоторые, хотя разнообразные и „неустойчивые“ обычаи), а остальныя три (относящіяся всѣ не къ Великороссіи: Виленское, Ковенское и Полтавское), давшія болѣе подробные отзывы, все-таки указали нѣкоторыя общія черты въ обычаяхъ наслѣдованія. Затѣмъ 6 „совѣщаній“ уже вполнѣ признали существованіе обычнаго права, указывая лишь, что оно „неопредѣленное“, „не единообразное для всей губерніи“ и т. п. (Витебское, Орловское, Подольское и Тамбовское совѣщанія) или что оно съ теченіемъ времени отступаетъ предъ формальнымъ гражданскимъ правомъ (Волынское и Черниговское совѣщанія). Наконецъ, 15 совѣщаній уже прямо и опредѣленно (и 9 изъ нихъ болѣе или менѣе подробно и обстоятельно на рядѣ примѣровъ) указали на несомнѣнное существованіе болѣе или менѣе распространеннаго и активнаго обычнаго права въ наслѣдованіи подворной земли.

Такимъ образомъ, даже изъ отзывовъ чиновничьихъ комиссій лишь $^1/_5$ указываетъ на отсутствіе обычая, $^1/_5$ признаетъ его ограниченно, а $^3/_5$ рисуютъ его силу по такому важному пункту, какъ наслѣдованіе подворной земли. Но надо вѣдь вспомнить, что бюрократъ, у котораго глаза закрыты бумажной пеленой буквы закона,— подобно доктринеру, у котораго они закрыты догмой его вѣроученія, — не можетъ и не хочетъ видѣть дѣйствительной жизни, а склоненъ всегда упрощать и кастрировать ее. Поэтому нужно ожидать, что отзывы губ. совѣщаній значительно преуменьшаютъ силу народнаго обычнаго права. По счастливой случайности я могу съ безспорностью, на очень важномъ и яркомъ частномъ случаѣ, доказать это апріорное соображеніе: какъ разъ по Полтавской губ., по которой губернское совѣщаніе почти отрицаетъ существованіе обычнаго права, земско-статистическое изслѣдованіе 80-хъ годовъ, охватившее всѣ 15 уѣздовъ этой губерніи, довольно обстоятельно изслѣдовало, между прочимъ, и обычное право. И что же оказалось?

Губернское совѣщаніе Полтавской губерніи высказывается какъ нельзя болѣе категорически:

„Обычный порядокъ наслѣдованія среди крестьянскаго насе-

ленія Полтавской губерніи вполнѣ соотвѣтствуетъ порядку наслѣдованія, какъ онъ установленъ въ Литовскомъ Статутѣ, откуда и перенесенъ въ т. X Св. Зак. о наслѣдованіи въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской.

„Поэтому, распространеніе на крестьянское населеніе узаконеній т. X о порядкѣ законнаго наслѣдованія не встрѣтило бы препятствій, а между тѣмъ, внесло бы точность и опредѣленность. Слѣдовало бы только внести нѣкоторыя поправки, примѣнительно къ крестьянскому быту, признавъ за пріемышами и незаконнорожденными право наслѣдованія послѣ усыновителей и матерей“ (стран. 295).

Какъ ни категоричны эти: „вполнѣ соотвѣтствуетъ“ и „не встрѣтило бы препятствій“, но мы сразу же наталкиваемся на необходимость „поправокъ“ и притомъ отнюдь не къ чести „закона“: оказывается, что народный обычай, этотъ дикарскій „пережитокъ“, все-таки проявляется, по крайней мѣрѣ, въ болѣе терпимомъ и человѣчномъ отношеніи къ чужимъ, принятымъ въ семью, и къ членамъ семей, несущимъ послѣдствія невыполненія церковныхъ формъ брака (объ этомъ, впрочемъ, подробнѣе скажу ниже). Но наше недоумѣніе доходитъ уже до крайности, когда мы въ отзывѣ того же Полтавскаго совѣщанія (только по другому вопросу—о „семейной“ собственности, стран. 352) читаемъ буквально слѣдующее: „*Въ основѣ имущественныхъ отношеній членовъ семьи, по народному воззрѣнію, лежитъ трудовое начало.* Каждый членъ семьи имѣетъ право на семейное имущество въ размѣрѣ своего труда въ пользу общаго хозяйства. *При нормальныхъ отношеніяхъ въ семьѣ это начало строго соблюдается; отступленіе отъ него не одобряется общественнымъ мнѣніемъ и считается безнравственнымъ явленіемъ*“. (Курсивъ мой.)

Что же это значитъ? Должны ли мы понять, что X т. россійскихъ „законовъ“, который такъ легко приложить къ крестьянскому населенію Полтавской губерніи, все право котораго основано на „трудовомъ началѣ“,—тоже, очевидно, по мнѣнію совѣщанія, проникнутъ этимъ „трудовымъ началомъ“?... Или это просто курьезная „описка“ въ канцелярской „отпискѣ“, совершенно растерявшейся въ стараніи и не слишкомъ исказить дѣйствительность, и всемѣрно угодить начальству?...

Но оставимъ эти „отписки“ и обратимся для разрѣшенія

нашего недоумѣнія къ описаніямъ земской статистики, основаннымъ на просмотрѣ массы рѣшеній волостныхъ судовъ; что говоритъ это подробное изученіе?

По цѣлому ряду уѣздовъ рисуется почти безъ исключеній обычай наслѣдованія братьями въ равной части, а дочерьми (даже если ихъ двѣ или нѣсколько) въ 1/4 части всего имущества, а иногда немного больше или меньше; при этомъ указывается, что иной разъ доли братьевъ и дочерей измѣняются въ зависимости отъ того, что они несли особые труды или расходы до смерти отца, чѣмъ устанавливается, во-первыхъ, то, что самая собственность была семейной, а не чисто личной, а во-вторыхъ, что при наслѣдованіи имѣетъ силу право затраченнаго труда. Эти и подобные факты позволяютъ автору очерка по Роменскому уѣзду заключить, что существованіе этихъ особыхъ правовыхъ обычаевъ, притомъ у разныхъ разрядовъ (у крестьянъ помѣщичьихъ и государственныхъ и у казаковъ, подверженныхъ по закону различнымъ положеніямъ),—

„указываетъ ясно на то, что эти обычаи сложились и стали достояніемъ народной этики еще въ то время, когда не существовало формальной разницы въ политическомъ и гражданскомъ смыслѣ между казаками и посполитыми, предками нынѣшнихъ крестьянъ. Значеніе народныхъ юридическихъ воззрѣній на формы собственности и права наслѣдованія для всего уклада жизни хозяйственной, семейной и общественной такъ велико, что ими, можно сказать, главнымъ образомъ опредѣляются всѣ проявленія какъ въ той, такъ и въ другой сферѣ жизни“*). Разобравши это затѣмъ на рядѣ интересныхъ примѣровъ, авторъ такъ обобщаетъ свой выводъ: „Единообразіе и даже тождество приведенныхъ здѣсь рѣшеній судовъ по дѣламъ семейно-имущественнымъ и наслѣдственнымъ съ рѣшеніями по тѣмъ же вопросамъ не только въ другихъ уѣздахъ Полтавской губ., но также и въ Кіевской, Херсонской, Харьковской гг. и Кубанской области, гдѣ живутъ малороссы, тождество ихъ съ правовыми обычаями, существовавшими у казаковъ и посполитыхъ во времена Румянцевской описи Малороссіи (извлеченными изъ нея спеціалистомъ по исторіи Малороссіи г. Мякотинымъ)**) *при рѣзкомъ отличіи ихъ отъ положеній существующаго нынѣ гражданскаго права и существовавшаго прежде права по Литовскому Статуту* (курсивъ мой. *К. К.*), ясно указываютъ на исконное существованіе ихъ у населенія, со временъ сложенія того семейно-родового быта, проявленіе кото-

*) Сборникъ ст. св. по Роменскому уѣзду, стран. 41.

**) Срав. Чужбинскаго „Труды этнографической экспедиціи въ ю.-з. край“, описанія уѣздовъ Херсонской губ. и с. Курисова-Покровскаго, Кубанскій сборникъ 1891 г., Харьковскій сборникъ 1893 г., „Кіевская Старина“ 1890 г., т. XXX, XXXI (кн. 6—12).

раго ясно видно еще въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ нашей исторіи. Если, напр., вопреки существующему своду законовъ, дочь получаетъ не 1/7 и не 1/14, а 1/4 часть имущества отца, то, значитъ, обычай выдѣла ей такого удѣла основанъ на твердыхъ преданіяхъ о правахъ членовъ древняго семейно-родового союза, которыя не подчинились вліянію писаннаго законодательства" (стран. 46—47). Само собою разумѣется, наконецъ, что сельскія общества (не земельныя общины, которыхъ почти нѣтъ въ Полтавской губ.), какъ юридическія единицы въ имущественныхъ спорахъ и какъ административныя учрежденія, „придерживаются тѣхъ же обычно-правовыхъ воззрѣній"...

Итакъ, мы приподняли только одинъ край завѣсы, скрывающей отъ „командующихъ классовъ" и отъ людей догмы никому невѣдомое обычное право, — приподняли какъ разъ на томъ пунктѣ, гдѣ полное почти отсутствіе общины, чистая личная собственность и общій „индивидуалистическій духъ" малорусскаго населенія наиболѣе благопріятствовали замѣнѣ обычно-трудового права общимъ гражданскимъ закономъ господствующихъ хищнически-индивидуалистическихъ классовъ, гдѣ какъ разъ въ офиціальномъ отзывѣ служителей этого „закона" и указывается такая замѣна, какъ совершившійся уже почти фактъ. И вотъ мы видимъ, что это „никому невѣдомое" народное право оказывается въ общемъ очень даже „вѣдомымъ" тѣмъи сторикамъ и этнографамъ, которымъ его вѣдать надлежитъ; оно оказывается живымъ и дѣйствующимъ въ тѣхъ — нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, — исторически сложившихся началахъ своихъ, которыя родственны еще народному быту удѣльновѣчевого періода, т.-е. какъ разъ тому народному догосударственному складу, на внутреннюю живучесть котораго, подъ внѣшними наслоеніями крѣпостного государства, я выше уже указывалъ... Не очевидно ли отсюда, что, если обычай нашелся тамъ, гдѣ его меньше всего можно было ожидать то еще болѣе мудрено было бы сомнѣваться въ его существованіи тамъ, гдѣ онъ не отрицается никѣмъ изъ имѣвшихъ дѣло съ фактами, гдѣ онъ остается „невѣдомымъ" лишь тѣмъ, кто по сословнымъ или классовымъ интересамъ (какъ, напримѣръ, помѣщики и зажиточные крестьяне въ совѣщаніяхъ 1902 года „о нуждахъ сельскохоз. пром."), либо по канцелярской или доктринерской слѣпотѣ не знаютъ и не желаютъ знать фактовъ или тенденціозно искажаютъ ихъ. Уже эти соображенія въ связи съ недостаткомъ мѣста заставляютъ меня ограничиться еще лишь нѣсколькими самыми общими указаніями о дѣйстви-

тельной роли народно-обычнаго права въ жизни крестьянъ. Наиболѣе характерными въ этомъ смыслѣ проявленіями его (послѣ общиннаго землевладѣнія) мнѣ представляются форма семейной собственности и трудовое начало, какъ основа ея. Немного подробнѣе я разберу ихъ ниже, здѣсь же укажу лишь на несомнѣнность ихъ существованія и на огромность ихъ значенія. Семейная собственность состоитъ въ томъ, что какъ земля, такъ и остальное имущество (все или часть) принадлежитъ въ крестьянствѣ, какъ общее правило, не главѣ семьи или *отдѣльнымъ* взрослымъ правоспособнымъ членамъ семьи, а *всей семьѣ въ совокупности*, такъ что глава семьи является лишь представителемъ этой союзной единицы. Такое право, идущее совершенно въ разрѣзъ съ господствующимъ гражданскимъ правомъ (не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ), существуетъ въ нѣкоторой степени, какъ своего рода обычное право, на часть, по крайней мѣрѣ, имущества и въ верхнихъ господствующихъ слояхъ. Каждый припомнитъ, напримѣръ, рядъ такихъ случаевъ въ интеллигентной средѣ между супругами, родителями, дѣтьми и т. п., когда ихъ имущественныя отношенія основаны на общепринятыхъ въ данной средѣ моральныхъ началахъ, а не на правилахъ писаннаго закона. Но только въ трудовой земледѣльческой средѣ эти исключенія становятся такимъ очевиднымъ правиломъ, съ такой прочностью складывающимся въ особыя обычныя нормы. Только въ этой средѣ съ такой ясностью обнаруживается точно формулированное, особо въ законѣ не предусмотрѣнное основаніе, а именно — фактическія потребительно-трудовыя отношенія родныхъ или принятыхъ въ семью членовъ, при чемъ право пользованія и владѣнія той или иной долей имущества соотвѣтствуетъ долѣ внесеннаго каждымъ членомъ труда — именно, какъ общее правило, и доставляющаго въ семью въ этой трудовой средѣ доходъ и имущество.

Эта выработавшаяся исторически семейно-трудовая собственность, вообще семейное (а не личное) право уже издавна, такъ же какъ и общинное право, были признаны государствомъ. Въ „Трудахъ ред. комиссіи по пересмотру законовъ о крестьянахъ“, т. V, стран. 61—62, приводится одно рѣшеніе сената, очень хорошо резюмирующее это исторически сложившееся значеніе семейнаго права и его признаніе писаннымъ закономъ:

„Еще до изданія положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 года сельскія общества составлялись изъ отдѣльныхъ семействъ, мірская земля распредѣлялась по семействамъ, при переселеніи крестьянъ отводились имъ семейные участки, самое народосчисленіе велось по семьямъ, отдѣльнымъ семьямъ писались ревизскія сказки, семейные списки, семейство отбывало рекрутскую и другія повинности, дѣти мужского пола составляли нераздѣльную часть семьи отца, хозяйство семьи составляло нераздѣльную принадлежность всего семейства.... Съ изданіемъ положенія 19 февраля 1861 г. законодательство не ввело никакихъ измѣненій во внутреннюю исторически сложившуюся жизнь крестьянскаго сословія; оно лишь издало правило объ улучшеніи быта крестьянъ, даровавъ имъ имущественныя и личныя права и не касаясь ихъ бытовой жизни...“

Само собою разумѣется, что это семейное право съ лежащимъ въ его основаніи трудовымъ началомъ такъ же не было и не могло быть создано государствомъ, какъ не была и не могла быть имъ создана и община: было бы ничѣмъ неоправдываемымъ „славянофобствомъ“ (постольку же апріорнымъ и фантастичнымъ, какъ и „славянофильство“), допуская этотъ трудовой семейно-родовой бытъ у всѣхъ народовъ, отрицать его почему-то у славянскихъ и иныхъ народностей Россіи, вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ исторіи и этнографіи. Все дѣло именно въ томъ, что для длиннаго историческаго періода крѣпостное государство сочло для себя выгоднымъ не трогать эти „первобытные“ обычаи трудового сельскаго населенія и дало имъ пустить такіе глубокіе и прочные корни, что ими эти обычаи продолжаютъ питаться и расти даже и тогда, когда бюрократическое государство уже сочло ихъ подозрительными, опасными, нежелательными.

А такое измѣненіе уже произошло. Семейное право является, съ одной стороны, продолженіемъ родового быта, а съ другой — трудового права. Какъ увидимъ дальше первое основаніе его: „патріархальная“ скрѣпа „большой семьи“, съ деспотической властью главы ея и съ подавленіемъ и обезличеніемъ остальныхъ членовъ — начало слабѣть и разлагаться еще до освобожденія крестьянъ. Начало же трудовое, на которомъ обоснованы именно права всѣхъ членовъ семьи, наоборотъ, не только не слабѣло, а именно ровно постольку выигрывало, поскольку проигрывала всеподавляющая неограниченная власть главы семьи... Мнѣ неясно, насколько бюрократія, которой, можетъ-быть, въ нѣкоторомъ смыслѣ выгодно семейное право

въ его патріархально-родовомъ началѣ, но для которой должно быть, по меньшей мѣрѣ, подозрительнымъ разлагающее его въ своемъ развитіи „трудовое право", — мнѣ неясно, поскольку такая не особенно критическая и дальновидная группа, какъ бюрократія, учуяла эту опасность, оцѣнила ли она ее, напр., хотя бы въ такой степени, какъ „общинную опасность", возвѣщенную очень настойчиво еще въ 1893 году однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ тогдашняго режима?... Но во всякомъ случаѣ извѣстное сознаніе опасности, извѣстныя колебанія не могли не быть и были, и для бюрократическаго государства во всякомъ случаѣ рѣчь могла идти не о созданіи или поддержкѣ семейнаго права, а лишь о направленіи уже имѣющагося въ выгодную для себя сторону, въ усиленіи желательныхъ и ослабленіи нежелательныхъ для бюрократіи сторонъ его. Эта зародившаяся подозрительность къ семейному праву необыкновенно ярко сформулирована въ двухъ особенно „консервативныхъ" отзывахъ „губернскихъ совѣщаній" — Нижегородскомъ и выше уже цитированномъ Полтавскомъ. Вотъ весь цѣликомъ, какъ нельзя болѣе категорическій отзывъ Нижегородскаго совѣщанія:

„Вводить въ законъ толкованіе о принадлежности подворнаго наслѣдственнаго участка цѣлому двору не слѣдуетъ. Такой законъ окончательно уничтожитъ и безъ того подорванную матеріальную власть родителей, превращая крестьянскую семью въ коммуну" (т. 3, стран. 349).

И вотъ затѣмъ отзывъ Полтавскаго совѣщанія:

„Внесеніе въ законъ толкованія, что подворный участокъ составляетъ собственность какого-то двора, а не главы семьи, противорѣчитъ народному воззрѣнію и подрываетъ авторитетъ отцовской власти. Хотя въ основѣ семейнаго начала лежатъ узы крови, но нельзя же отвергать, что авторитетъ отцовской власти — въ значительной степени держится матеріальной зависимостью членовъ семьи. Устранять матеріальную зависимость членовъ семьи отъ главы искусственнымъ законодательнымъ путемъ слишкомъ опасно. И безъ того новѣйшія теченія жизни значительно поколебали авторитетъ отцовской власти, а идти навстрѣчу этимъ теченіямъ съ законодательной помощью врядъ ли цѣлесообразно" (т. 3, стран. 352).

И послѣ этихъ великолѣпныхъ по откровенности словъ идетъ выше цитированное признаніе полнаго господства въ полтавскомъ крестьянствѣ трудового начала!

Итакъ, какъ видимъ, иные провинціальные чиновники, хоть немного освѣдомленные о народномъ правосознаніи или, быть

можетъ, случайно одаренные болѣе острымъ чутьемъ, начинаютъ очень опасливо ерзать и изо всѣхъ силъ раздраженно, даже прямо рѣзко и дерзко, отмахиваются отъ начальственнаго вопроса о полномъ признаніи закономъ „какого-то двора“, о созданіи какой-то „коммуны“...

И вотъ, предъ этимъ-то начинающимся опасливымъ отношеніемъ къ семейному праву, особенно знаменательнымъ мнѣ представляется, что „всемогущій“ бюрократическій „законъ“ беретъ его подъ свое мощное крыло. Семейная собственность, очень неясно и противорѣчиво обойденная въ основныхъ положеніяхъ о крестьянахъ, затѣмъ постепенно толкованіями сената намѣчалась все рельефнѣе, потомъ стала на очередь для законодательнаго признанія и, наконецъ, прямо и категорически введена въ проектъ закона — кѣмъ же? — учрежденной при Плеве комиссіей по пересмотру законовъ о крестьянахъ!... Конечно, народное семейное право берется этимъ немного запоздавшимъ законопроектомъ подъ свое крыло только для того, чтобы удобнѣе его придушить. Двухъ такихъ статей въ проектѣ, какъ требованіе для полученія паспорта членомъ двора согласія на это главы семьи (домохозяина) и дозволеніе выдѣла безъ согласія „домохозяина“ членамъ семьи не моложе 25 лѣтъ и безъ земельнаго надѣла, — двухъ такихъ петель, скручивающихъ членовъ семьи не только въ ту экономическую зависимость, на которой держится патріархальная власть отца, по откровенному мнѣнію Полтавскаго совѣщанія, но и въ прямое, такъ сказать, административное его распоряженіе, достаточно, чтобъ понять, какъ почувствовала бы себя выходящая или вышедшая изъ „патріархальности“ крестьянская семья подъ этимъ, нѣжно пригрѣвшимъ ее, крыломъ „закона“... Но именно потому, что этотъ законопроектъ есть плодъ послѣднихъ потугъ бюрократіи,—который, очевидно, такъ и погибнетъ отъ потрясеній жизни, какъ выкидышъ отъ слишкомъ дряхлой матери, — именно потому, что онъ такъ ясно идетъ къ всегдашней цѣли бюрократіи, — тѣмъ болѣе интересны тѣ уступки, которыя онъ долженъ былъ сдѣлать жизни. Вѣдь все-таки, какъ никакъ, этотъ законопроектъ уже очень далекъ отъ законовъ 80-хъ годовъ, все-таки онъ долженъ признать, напр., прямо и категорически непригодность выше разобраннаго закона 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ, все-

таки онъ долженъ былъ уже ввести не только самый принципъ семейнаго права, но и такія его примѣненія, какъ признаніе незаконнорожденныхъ членами двора, какъ избраніе всѣми членами главы его, „домохозяина“, когда въ немъ не останется прямого родоначальника и т. д.

Откуда же, спрашивается, всѣ эти уступки чему-то чуждому цѣлямъ бюрократіи: эти изворотливости, скрѣпя сердце, предъ чѣмъ-то, чего рѣшительно нельзя, какъ оказывается, грубымъ толчкомъ сбросить съ пути?

На этотъ вопросъ мотивы законопроекта, совершенно исключительно для такого рода работъ дѣльные и основательные, даютъ краснорѣчивѣйшій отвѣтъ, и я очень огорченъ, что могу лишь весьма кратко его процитировать. Вотъ нѣсколько наиболѣе интересныхъ резюме.

„*Семейное* начало, лежащее въ основѣ земельнаго строя крестьянъ, сложилось исторически подъ вліяніемъ земледѣльческаго быта и до сихъ поръ составляетъ своеобразную особенность нашего крестьянства, рѣзко отличающую его отъ прочихъ классовъ населенія... Семья у крестьянъ есть союзъ не только кровный, но и хозяйственный... Въ юридической литературѣ (Барыковъ, Ефименко, Оршанскій) существуетъ даже мнѣніе, разсматривающее крестьянскую семью, какъ чисто рабочую хозяйственную артель, въ которой узы кровнаго родства не имѣютъ почти никакого значенія. Съ мнѣніемъ этимъ, какъ крайнимъ, трудно согласиться, напротивъ, болѣе правильнымъ слѣдуетъ признать господствующій и въ юридической литературѣ нашей (Пахманъ, Якушкинъ, Мухинъ, Матвѣевъ) взглядъ на крестьянскую семью, какъ на союзъ, не исключительно хозяйственный... Однако и изслѣдователи, полагающіе въ основу крестьянской семьи кровное родство, не отрицаютъ вліянія, оказываемаго на нее *трудовымъ началомъ* (курсивъ подлинника). Вліяніе это находитъ себѣ объясненіе въ земледѣльческомъ бытѣ, требующемъ участія всѣхъ членовъ семьи въ общемъ хозяйствѣ ея. Общность труда и общность хозяйства неизбѣжно влекутъ за собой также и общность имущественныхъ правъ и интересовъ. *Участвуя собственнымъ трудомъ въ накопленіи и, такъ сказать, въ созиданіи семейнаго имущества, члены семьи не могутъ смотрѣть на это имущество какъ на чужое, какъ на собственность исключительно домохозяина; напротивъ, въ ихъ глазахъ оно является общимъ достояніемъ всей семьи, семейной собственностью* (курсивъ мой. *К. К.*). Это такъ называемое трудовое начало оказываетъ вліяніе и на самый составъ двора... Трудовое начало, съ одной стороны, *суживаетъ составъ крестьянскаго двора* (курсивъ подлинника), исключая изъ него отдѣлившихся отъ двора ближайшихъ кровныхъ родственниковъ (напр. выдѣлившихся сыновей, замужнихъ дочерей), а съ другой — расширяетъ его введеніемъ въ кругъ членовъ двора лицъ постороннихъ, напр. пріемышей“ („Труды Ред. ком. по пер. закон. о крест.“ т. V, стран. 61, 62, 63, 64 и т. д.).

Комментаріи излишни. Думаю, что и сама А. Я. Ефименко, съ такою страстью и силой ратовавшая за народное обычное право вообще и трудовое начало въ особенности, могла бы смѣло подписаться подъ этими и другими имъ подобными, чуть не дышащими народническимъ увлеченіемъ мотивировками къ послѣднему слову бюрократической мудрости, къ послѣднему извороту лавировавшаго надъ пропастью спасителя „твердой власти“!... Поистинѣ, велика сила жизни: вѣдь, даже бюрократію она кое-чему научила (немножко, правда, поздно, почти передъ смертью, но лучше поздно, чѣмъ никогда), даже ей открыла она глаза на то, какъ нетверда сила ея законовъ, какъ обширно и сильно „никому невѣдомое народное право“, какъ неизбѣжно стало съ нимъ считаться... Смѣшно только, конечно, наблюдать, какіе неожиданные выводы она дѣлала изъ этихъ огромныхъ посылокъ, какими петлями заметала она слѣды отъ нихъ, чтобъ сосредоточить ключи отъ этого народнаго права въ разныхъ надежно охраняющихъ рукахъ, точно нарочно задавшись цѣлью оправдать въ весьма курьезномъ смыслѣ поговорку: „вѣкъ живи, вѣкъ учись, дуракомъ помрешь“...

§ 3. Обычное право у неземледѣльческихъ трудовыхъ массъ.

Мнѣ осталось еще бѣгло указать на то, что обычное право отнюдь не ограничивается кругомъ чисто земледѣльческаго населенія. Это ясно уже изъ простого анализа, напр., „трудового начала“: уже въ только что приведенной его схемѣ ничѣмъ не мотивировано указаніе на связь его съ „земледѣльческимъ бытомъ“, а напротивъ, совершенно очевидно, что оно связано, если не со всякимъ *трудовымъ бытомъ вообще,* то, по крайней мѣрѣ, съ такимъ, когда и производство и потребленіе въ семьѣ совмѣстное, объединенное сожительствомъ и общими нераздѣльными средствами производства, или когда раздѣленіе въ производствѣ и потребленіи происходитъ лишь временно. Подъ эти же условія, съ одной стороны, почти всецѣло подходитъ фазисъ доземледѣльческій, — скотоводческій и охотничій, а съ другой — послѣземледѣльческій, — ремесленно-кустарной и отчасти фабрично-заводской промышленности.

Доземледѣльческій фазисъ охватываетъ значительную часть русскаго населенія на сѣверѣ и юго-востокѣ Европ. Россіи, въ Сибири и Средней Азіи: рыбной ловлей и охотой вполнѣ или отчасти живутъ въ Россіи, навѣрное, нѣсколько милліоновъ населенія, и, по большей части, отношенія этого населенія регулируются обычнымъ правомъ, давшимъ такіе грандіозные образы, какъ, напр., 80-тысячная рыболовная община уральскаго казачьяго войска, множество всевозможныхъ и разнообразныхъ общинныхъ и артельныхъ организацій по всѣмъ омывающимъ Россію океанамъ, морямъ, рѣкамъ и озерамъ и т. д.*). Затѣмъ скотоводческій бытъ кое-гдѣ встрѣчается даже у русскихъ въ Сибири и еще очень распространенъ, охватываетъ до сихъ поръ едва ли не большинство инородцевъ въ Сибири, Средней Азіи и кое-гдѣ на юго-востокѣ Европ. Россіи и на Кавказѣ. У многихъ инородческихъ племенъ, съ необыкновеннымъ разнообразіемъ исторической культуры и географическихъ условій, господствуютъ еще разныя формы родового быта и связанныхъ съ нимъ имущественныхъ отношеній. Накопившаяся уже огромная литература по этому обычному праву у инородцевъ, давшая нѣсколько выдающихся работъ, тщетно ждетъ, однако, до сихъ поръ объединяющаго изслѣдованія, которое бы притомъ сосредоточило главное вниманіе не на построеніи и провѣркѣ общихъ научныхъ историко-этнографическихъ схемъ, а на формулировкѣ практическаго современнаго значенія этого особаго права. Надо думать, что до 10 милліоновъ инородческаго населенія (однихъ киргизовъ по переписи 1897 г. оказалось 4,1 милліона, сартовъ 1 мил. и т. д.), т.-е. масса населенія большая, чѣмъ, напр., поляки (которыхъ по переписи около 8 милліоновъ), живутъ, какъ вообще почти вся Азіатская Россія, своимъ особымъ правомъ: очевидно, что, если только мы не зададимся чудовищной мыслью оставить эту массу совсѣмъ внѣ всякаго права и внѣ культурной и политической жизни, — то мы не можемъ игнорировать правосознаніе этой массы и должны спѣшить изучить ея обычное право, спѣшить найти и въ немъ

*) Нѣкоторыя указанія объ этихъ формахъ я далъ въ „Русской общинѣ", т. I, стран. 205—208.

подходящіе элементы для новаго народно-государственнаго права.

Еще гораздо большее политическое значеніе представляетъ и по количеству и по качеству та часть населенія, которая работаетъ въ обрабатывающей неземледѣльческой промышленности и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранила особое обычное право. Мы не знаемъ вѣдь въ сущности совершенно даже и того, нѣтъ ли хотя нѣкоторыхъ чертъ особаго обычнаго права у постоянныхъ городскихъ пролетаріевъ въ настоящемъ и полномъ смыслѣ слова; относительно городскихъ ремесленниковъ мы уже знаемъ нѣкоторыя такія черты; наконецъ, относительно такихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, ремесленниковъ и кустарей и тѣмъ болѣе, конечно, земледѣльческихъ рабочихъ, которые или только временно уходятъ изъ деревни, или живутъ на фабрикѣ недалеко отъ дома, или даже работаютъ дома, и которые, обыкновенно, соединяютъ въ томъ или иномъ сочетаніи промыселъ съ земледѣліемъ, — относительно такихъ, все еще составляющихъ основную массу неземледѣльческаго рабочаго населенія, мы прямо уже твердо можемъ указать, что особое трудовое обычное право, безусловно, живо у нихъ. Не имѣя опять-таки возможности входить въ подробности, укажу только одну сторону: перечислю для примѣра одни только *названія тѣхъ производствъ, объ артельныхъ организаціяхъ* которыхъ даны указанія въ вышеупомянутомъ библіографическомъ трудѣ Е. И. Якушкина. Артели земледѣльческихъ рабочихъ: косарей, табачницъ, для обработки льна (не считаю разныхъ артелей крестьянъ, работающихъ на своей землѣ); затѣмъ чернорабочіе разнаго рода: грузчики, бурлаки, пароходные рабочіе, ледоколы, портовыя артели, шквидорскія, балластныя, дрягильскія; нищіе, ловля дровъ во время половодья, тряпичники, старьевщики; прислуга разнаго рода: половые, офиціанты, банщики, полотеры; лоцманы, сплавныя артели; извозныя, содержатели почтъ и перевозовъ, лодочники; служащіе при желѣзной дорогѣ, извозчики, носильщики, продавцы газетъ; скотобойцы, разнаго рода торговыя, складочныя; офени, продавцы хлѣба; солепромышленники; кустарныя всякаго рода: ткацкія, женскихъ рукодѣлій, пушницы, шерстобиты, щетинники, овчинники, рогожники, гончары, гребенщики, иконописцы, бондари, колесники, дужники, солевары, добыча глины,

селитровары, смолокуры, дегтекуры, лѣсотехническія, стальнослесарныя для производства сельскохозяйственныхъ машинъ, товарищества кустарей для постройки мастерскихъ, товарищества гончаровъ для устройства горновъ, товарищества кирпичниковъ для устройства печей, товарищества для постройки и сооруженія мельницъ, для покупки овчинъ, для покупки щетины и т. д.; артели ремесленныя разнаго рода: портные, сапожники, переплетчики, точильщики, столяры, плотники, пильщики, рубщики дровъ, кузнецы; для заготовленія лѣсного матеріала и др. лѣсныхъ работъ, землекопы для рытья колодцевъ, для приготовленія кизяка, для приготовленія угля, пріисковыя для выломки камня при известковомъ промыслѣ, для выдѣлки кирпича; разнаго рода строительные рабочіе: каменотесы, каменщики, работники по мостовымъ, при постройкѣ судовъ, маляры; для выдѣлки жернововъ, кричныхъ мастеровъ для выплавки чугуна, изготовленія артиллерійскихъ снарядовъ, ударныхъ трубокъ, рабочихъ рыболовныхъ заводовъ... и, наконецъ, такіе своеобразные союзы, какъ богомольцевъ, бродягъ, солдатъ, арестантовъ, воровъ, конокрадовъ, скотокрадовъ и т. д.

Конечно, иныя изъ этихъ артельныхъ соединеній широки и прочны, другія — малы и слабы, одни возникаютъ и развиваются, другія исчезаютъ или, быть можетъ, уже исчезли (если изслѣдовались въ 60-е или 70-е, напр., годы); но если вдуматься въ этотъ далеко, конечно, не полный списокъ, въ эту огромную многосторонность проявленій одной только этой высшей стороны народнаго обычнаго права, союзнаго права, если сообразить, что въ неземледѣльческомъ трудовомъ населеніи, рядомъ съ этими высшими проявленіями, не можетъ не быть и множества другихъ проявленій обычнаго права, если вспомнить, что они охватываютъ преимущественно наиболѣе культурную часть трудовыхъ низовъ, продолжаютъ, напр., существовать и въ такихъ почти сплошь грамотныхъ мѣстностяхъ какъ Ярославская губернія и т. п. — то надо будетъ признать, что это продолженіе и дополненіе земледѣльческаго народнаго права въ неземледѣльческой промышленности имѣетъ очень большое значеніе и заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ знать рабочій народъ и его правосознаніе.

§ 4. Заключеніе.

Послѣ всего сказаннаго я думаю, что выводы у читателя готовы и онъ не нуждается въ подробномъ ихъ изложеніи. Ограничусь поэтому только краткими резюме, воспользовавшись словами умнаго и свѣдущаго бюрократа — С. Ю. Витте. Въ одномъ изъ засѣданій нынѣ упраздненнаго „Особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“ послѣ горячаго и очень интереснаго спора между бывшимъ министромъ земледѣлія Ермоловымъ и членомъ государственнаго совѣта П. П. Семеновымъ о томъ, способствуетъ ли община и передѣлы въ ней земли крестьянскимъ безпорядкамъ, г. Витте произнесъ весьма любопытную рѣчь, общій смыслъ которой резюмируется въ слѣдующихъ словахъ:

„Россія составляетъ въ одномъ отношеніи исключеніе изъ всѣхъ странъ міра... систематически въ теченіи двухъ поколѣній народъ воспитывается въ отсутствіи понятія о собственности и законности... Какія историческія событія явятся результатомъ этого, затрудняюсь сейчасъ сказать, но чую, что послѣдствія будутъ очень серьезныя... правоотношенія крестьянъ нормируются не точнымъ писаннымъ правомъ, а часто „никому невѣдомымъ“ по словамъ комитетовъ (о „нуждахъ сельско-х. промышленности“) обычаемъ... При такихъ условіяхъ для меня является огромный вопросительный знакъ: что можетъ представлять собою имперія со 100-милліоннымъ крестьянскимъ населеніемъ, въ средѣ котораго не воспитано ни понятія о правѣ земельной собственности, ни понятія о твердости права вообще?... Всѣ теперь говорятъ, что въ обществѣ замѣчается сильное разномысліе, у однихъ одни идеалы, у другихъ — другіе. Но у крестьянъ замѣтно полное единомысліе...“*)

Я приглашаю читателя поглубже вдуматься въ это драгоцѣнное въ своемъ родѣ свидѣтельство... Мы можемъ отнестись совершенно спокойно къ тѣмъ предсказаніямъ „серьезныхъ“, „опасныхъ“ и даже „грозныхъ“ событій, которыя „чуются“ этому государственному дѣятелю. При всемъ своемъ практическомъ смыслѣ г. Витте не избѣгъ все-таки свойственнаго

*) Цитирую по очерку въ „Руси“ 1905 г., № 191.

русскому человѣку утопизма, — ибо чѣмъ инымъ, какъ не самымъ заоблачнымъ мечтаніемъ, является тотъ идеалъ „просвѣщеннаго абсолютизма“, которому онъ до сихъ поръ служилъ и дальше, видимо, намѣренъ служить?... И вотъ, поскольку г. Витте дѣлится этими своими бюрократическими опасеніями, постольку эти опасенія мало трогаютъ насъ: что въ самомъ дѣлѣ грознаго должны мы ожидать? Долгой кровавой борьбы? Но сама жизнь уже поворачиваетъ Россію на легальный путь народнаго представительства и демократіи и тѣмъ скоро положитъ конецъ этой борьбѣ. Безрезультатности реформаторскихъ потугъ Россіи и безпощадной анархіи? Но вѣдь самъ г. Витте съ такой силой и ясностью указываетъ на единогласіе всего стомилліоннаго крестьянства рядомъ съ разбродомъ общества: какъ могло бы быть это единогласіе, если бы у народа дѣйствительно не было чувства права и совершенно опредѣленнаго правосознанія? И что же страшнаго въ томъ, что это новое право мирными легальными путями демократіи водворится въ жизнь? Противно ли оно интересамъ всего или большинства народа? Нѣтъ, въ немъ именно единственный выходъ для него... Конечно, тѣ или иныя весьма малочисленныя группы господствующаго нетрудового меньшинства потерпятъ тотъ или иной ущербъ въ политической и экономической своей власти, но что же тутъ страшнаго для Россіи въ цѣломъ?

Итакъ, приходится, отбросивши эти чисто субъективныя опасенія, взять изъ заявленій г. Витте объективное ихъ существо, столь знаменательно звучащее въ его устахъ: признаніе того, что „твердая сила законовъ“ не успѣла внѣдрить правосознаніе господствующихъ нетрудовыхъ слоевъ въ трудовую крестьянскую массу, что „невѣдомость“ права и правосознанія этой массы этимъ господствующимъ слоямъ не помѣшала стомилліонному народу сплотиться въ непоколебимо-твердомъ и нерасторжимо-единомъ правосознаніи. Мы видѣли, что всѣ факты и цифры съ рѣдкой силой подтверждаютъ эти заключенія г. Витте...

Поспѣшимъ перейти теперь къ обрисованію основныхъ чертъ этого народнаго права, пока дѣйствительно почти „никому невѣдомаго“ и тѣмъ болѣе страшнаго и представляющагося безправіемъ. Само собою разумѣется, что мнѣ придется быть

очень краткимъ: я могу пока только намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ сказать глазомѣрно, ясные выводы и тѣмъ самымъ предложить схему дальнѣйшаго индуктивнаго изслѣдованія болѣе сложныхъ и болѣе частныхъ вопросовъ и какъ бы пригласить къ скорѣйшему выполненію этого изслѣдованія.

ГЛАВА V.

Основныя черты народнаго права.

§ 1. Типъ и степень въ развитіи права.

Слова „народное право“ можно понять въ двухъ смыслахъ: или въ смыслѣ обычнаго неписаннаго права трудовыхъ низовъ, или еще въ смыслѣ того народно-трудового права, за которое борется идеалистическій авангардъ человѣчества и которое, напримѣръ, намѣчено въ замѣчательномъ трудѣ А. Менгера „Соціалистическое государство“ (усиленно рекомендую читателю эту единственную въ своемъ родѣ книгу). Основной интересующій насъ вопросъ объ обычномъ народномъ правѣ въ Россіи въ томъ именно и состоитъ, насколько близко оно къ этому идеальному народно-трудовому праву: имѣемъ ли мы дѣло лишь съ совпаденіемъ словъ, или съ болѣе или менѣе значительнымъ сходствомъ содержанія?... Вся суть вопроса, такимъ образомъ, въ томъ, представляетъ ли русское народно-обычное право особый, болѣе или менѣе опредѣленный и законченный, *типъ* правовыхъ отношеній? И если да, то каковы основныя черты этого *типа?*

Для полнаго освѣщенія этого труднаго вопроса, — какъ, впрочемъ, и вообще для всѣхъ сложныхъ соціальныхъ явленій и историческихъ періодовъ, — особенно необходимо приложить ученіе Михайловскаго о „типахъ и степеняхъ развитія“, — это, при всей простотѣ своей, очень глубокое и одно изъ плодотворнѣйшихъ его обобщеній. О каждомъ явленіи обычнаго права необходимо всегда задаваться вопросомъ, служитъ ли оно *необходимымъ проявленіемъ* даннаго правового типа, или связано съ той или иной *степенью его развитія.* Это простое условіе, казалось бы, элементарно необходимо для критическаго из-

слѣдованія: если, напр., для сравненія органовъ и функцій двухъ родовъ животныхъ естествоиспытатель не беретъ одну особь, только что родившуюся, а другую въ старости, а старается взять ихъ въ одномъ возрастѣ, равно какъ и въ прочихъ сходныхъ условіяхъ, такъ, очевидно, и соціологъ долженъ для правильнаго обрисованія типовъ разныхъ соціальныхъ формъ и сравненія ихъ между собою отвлечь въ наблюдаемыхъ явленіяхъ все то, что связано съ фазисомъ ихъ развитія, если фазисы эти разные. Только забвенію этого простого правила обязана, однако, соціологія множествомъ самыхъ элементарныхъ заблужденій и цѣлыхъ фантастическихъ теорій...

Въ нашемъ случаѣ сразу же бросается въ глаза огромная разница въ возрастѣ между нашими двумя типами права — закономъ и обычаемъ. Первый взятъ у Европы, которая заимствовала его у Рима; значитъ, больше двухъ тысячъ лѣтъ множество законодателей и ученыхъ разныхъ культуръ совершенствовали одни и тѣ же основныя начала. По сравненію съ такимъ, по меньшей мѣрѣ пожилого возраста, правомъ, у русскаго обычнаго права, можно сказать, молоко на губахъ не обсохло: если оно уже рядъ вѣковъ укрѣплялось вглубь, — безсознательной инерціей, привычкой, подражаніемъ, — то всего лишь меньше полувѣка получило оно возможность расти вверхъ, при свѣтѣ развивающейся (до сихъ поръ очень медленно) культуры, мало-мальски цѣлесознательно и планомѣрно. Немудрено, что первое сильнѣе второго на рядѣ пунктовъ уже одною своею техническою выработанностью. Эта разница, какъ и вообще необходимость различать въ правѣ типы и степени его, — прекрасно формулирована уже болѣе 20 лѣтъ тому назадъ А. Ефименко:

„...Степень развитія и характеръ развитія въ правѣ — двѣ вещи совершенно различныя... Конечно, мы не можемъ ожидать отъ крестьянскаго права той логической стройности, законченности, точности, всей той массы формальныхъ достоинствъ, которыми обладаетъ право высшихъ классовъ, сознательно культивированное множествомъ поколѣній, отшлифованное и отдѣланное до степени изящнѣйшаго chef d'œuvre'а. Что значитъ въ сравненіи съ нимъ грубый самородокъ, какимъ представляется обычное крестьянское право? Но едва ли будетъ разумно съ нашей стороны, если мы, увлекшись красотой и художественнымъ совершенствомъ chef d'œuvre'а, совсѣмъ оставимъ безъ вниманія самородокъ“*).

*) А. Ефименко, „Изслѣдованіе народной жизни“, в. I, стран. 138.

Надо ли указывать, что это неразличеніе типа отъ степени составляетъ чуть не общее правило въ ходячихъ мнѣніяхъ объ обычномъ правѣ. Всѣ эти презрительные отзывы объ его неопредѣленности, противорѣчивости, разнообразіи въ разныхъ мѣстахъ, измѣнчивости во времени, о грубомъ произволѣ въ его примѣненіи и т. д. — всѣ они, съ одной стороны, совершенно забываютъ, что имѣютъ дѣло съ темнымъ, только вступающимъ въ культуру населеніемъ, во всемъ своемъ бытѣ „неотесаннымъ“, а потому, естественно, не успѣвшимъ „отшлифовать“ своего права; съ другой же стороны, не обращая, такимъ образомъ, вниманія на *степень* развитія, настолько же не вдумываются и въ его *типъ*, ведя всю критику съ точки зрѣнія противоположнаго права, считая все время безсознательно это послѣднее мѣриломъ, а потому принимая за недостатки какъ разъ то, что является достоинствомъ съ другой точки зрѣнія: не замѣчая, напр., что часто неопредѣленность и противорѣчивость означаютъ характерное для этого особаго типа права „отсутствіе юридической догмы“ и „индивидуальное“, „субъективное“ (по выраженію А. Ефименко) примѣненіе къ огромному разнообразію жизни общихъ началъ справедливости; что разнообразіе обычнаго права въ разныхъ мѣстностяхъ означаетъ его приспособленіе къ различнымъ мѣстнымъ условіямъ, что измѣнчивость во времени означаетъ развитіе, совершенствованіе и т. д.

Когда бюрократъ, либералъ или марксистъ видятъ, какъ члены сельскаго схода пьютъ водку, какъ бѣдные изъ нихъ ступевываются передъ богатыми, какъ группа спорящихъ подралась; когда они слышатъ оглушительный ихъ ревъ и рѣшеніе дѣла тѣми же непонятными дикими криками, — то имъ и въ голову не приходитъ вспомнить, что и крики, и безпорядокъ, и случаи недобросовѣстности очень часты во всѣхъ европейскихъ парламентахъ, что даже и драки случались чуть не въ большинствѣ изъ нихъ; имъ не придетъ въ голову отнести эту мужицкую „неотесанность“ на счетъ его некультурности и на счетъ того произвола и насилія, которыми господствующій законъ давилъ народъ повсюду и которые обратили главный офиціальный органъ народнаго права, — волостной судъ, — по очень вѣрному и характерному выраженію того же г. Витте, въ „грубую форму расправы“ (см. выше ци-

тированную его рѣчь). Нѣтъ, ходячее мнѣніе не разбирается въ условіяхъ и слѣдствіяхъ, ему и въ голову не приходитъ вопросъ о томъ, что̀ можетъ получиться изъ даннаго *типа* права на высшей ступени его развитія, тогда, когда разрушится темный подвалъ бюрократическаго государства и надъ Россіей взойдетъ солнце свободы и просвѣщенія?... Куда проще отбросить самый *типъ* непонятнаго и несимпатичнаго права, заявивъ, напримѣръ, со словъ „хозяйственнаго мужичка“, — которому, можетъ-быть, только что этотъ самый дикій и нелѣпый сходъ пообрѣзалъ хищныя крылья, — что „міръ — дуракъ“.

Будущее, и очень близкое, покажетъ, насколько міръ — дуракъ. Но всѣ тѣ, кто не хочетъ самъ остаться въ дуракахъ, поступятъ благоразумнѣе, если не только перестанутъ закрывать глаза на существованіе народнаго обычнаго права, но и будутъ соблюдать элементарное различеніе типа отъ степени; не будутъ ставить въ счетъ самимъ принципамъ этого права того, что явно зависитъ отъ фазиса его развитія, отъ спеціальныхъ условій времени и мѣста; постараются, вообще, одинаково уберечься и отъ апріорной идеализаціи и отъ голословнаго отрицанія въ вопросѣ такой огромной важности...

У меня сейчасъ нѣтъ, конечно, возможности входить, хотя бы въ самыя краткія и схематическія *обобщенія* о самомъ *типѣ* народнаго права. Нѣкоторыя основныя черты его читатель отчасти могъ уже намѣтить выше, отчасти онѣ будутъ намѣчены ниже. Здѣсь же, чтобы закончить эти бѣглыя предварительныя замѣчанія, я хотѣлъ бы только сосредоточить вниманіе читателя на томъ основномъ и общемъ фактѣ, что мы, изучая народное право и правосознаніе, имѣемъ дѣло съ обычнымъ правомъ *трудовой массы*, т.-е. собственно изучаемъ *психологію извѣстной части рабочаго класса*.

Ясна огромная важность такого изученія, но, увы, эта трудовая „психологія“, о которой столько говорятъ и особенно много болтаютъ и кричатъ, совершенно не изслѣдована маломальски широко, критически и точно, хотя на цѣломъ рядѣ пунктовъ могла бы быть изслѣдована даже статистически. Только геніальные художники давали намъ яркія картины быта и пытались проникнуть въ духъ той или иной *отдѣльной группы* трудящихся: Успенскій обрисовалъ, напримѣръ

„власть земли“, Золя — власть, такъ сказать, угля. Первый показалъ, какъ люди добывающіе хлѣбъ живутъ въ своемъ земледѣльческомъ трудѣ одной жизнью съ органической природой; второй обрисовалъ, какой отпечатокъ кладетъ на людей добываніе „чернаго хлѣба“ изъ мертвыхъ нѣдръ земли, и какъ они борются за жизнь среди этого мертвящаго *шахтерскаго* труда. Но ни тотъ, ни другой, и никто вообще, не обрисовалъ того *общаго отпечатка,* который кладетъ на людей, помимо особыхъ отпечатковъ отъ особенностей каждаго вида труда, — *труда вообще,* т.-е. самый тотъ фактъ, что человѣкъ не можетъ прожить не трудясь, что большая часть его времени и силъ уходитъ на трудъ, независимо отъ того, будетъ ли это трудъ земледѣльца или шахтера, ткача или машиниста, чернорабочаго или учителя и т. д.; что, какъ общее правило, у всѣхъ этихъ людей труда способности сдавлены и потребности неудовлетворены; что вмѣстѣ съ тѣмъ имъ свойственъ тотъ особый видъ сознанія человѣческаго достоинства, который обусловливаетъ цѣлесообразность дѣйствій, именно и дѣлающую человѣка человѣкомъ (какъ „дѣлателя машинъ“, какъ господина ихъ, какъ покорителя природы); что, наконецъ, у нихъ всегда, хотя бы смутно, должно присутствовать сознаніе нѣкотораго права, основаннаго на тѣхъ вкладахъ въ общественныя богатства, безъ которыхъ не было бы и общественной жизни.

Итакъ, изучая народное обычное право основной части трудовой массы въ Россіи, мы должны a priori ожидать, что всѣ эти особенности ея „психологіи“ отразятся и въ ея правосознаніи и въ самихъ уже сложившихся и складывающихся обычно-правовыхъ нормахъ. Посмотримъ теперь, насколько это такъ въ дѣйствительности, и какія именно изъ этихъ особенностей наложили на обычное право наиболѣе глубокій отпечатокъ?

§ 2. Общія черты народнаго обычнаго права.

Необходимость ограничиться выясненіемъ лишь самыхъ общихъ признаковъ обычнаго народнаго права, въ отличіе отъ господствующаго государственнаго, заставляетъ сузить наше обозрѣніе одною только областью права: *имуществен-*

нымъ или хозяйственнымъ, экономическимъ правомъ. Въ немъ главныя и типичныя черты обычнаго права выразились наиболѣе полно и опредѣленно, тогда какъ въ другихъ областяхъ, — въ правѣ семейномъ, уголовномъ, въ зачаткахъ государственнаго права (въ обычно сложившихся нормахъ самоуправленія, въ правосознаніи гражданственномъ, — напр., въ воззрѣніяхъ на права личности, на вопросъ о свободѣ мнѣній и т. п., въ отношеніяхъ къ женщинамъ, къ дѣтямъ и т. д.) обычное право либо частью вытѣснено, искажено, заслонено писаннымъ закономъ, либо не можетъ проявиться въ рядѣ опредѣленныхъ фактовъ, въ системѣ конкретныхъ нормъ, а остается лишь болѣе или менѣе устойчивымъ мнѣніемъ, лишь правосознаніемъ, а не правомъ... Такимъ образомъ, сконцентрировавъ освѣщеніе на области наиболѣе чистаго и наиболѣе опредѣлившагося обычнаго права, мы меньше рискуемъ ошибиться въ нашемъ бѣгломъ обозрѣніи основного его рельефа, имѣемъ больше шансовъ замѣтить дѣйствительно все самое главное и характерное.

Итакъ, что прежде всего бросается въ глаза при обозрѣніи массы проявленій обычнаго права, какіе признаки наиболѣе постоянно повторяются во всѣхъ или почти во всѣхъ этихъ проявленіяхъ?

Та схема этихъ признаковъ, которая у меня получилась при первомъ еще бѣгломъ и неполномъ обозрѣніи (обычное право внѣ общины мною сравнительно еще недостаточно изучено), которую я отнюдь не предлагаю, какъ конечный результатъ своего изслѣдованія вопроса, а какъ первый его эскизъ, и которая, какъ легко замѣтитъ освѣдомленный читатель, составляетъ лишь нѣкоторое развитіе мыслей А. Ефименко, — эта предварительная гипотетическая схема можетъ быть выражена въ слѣдующей сжатой и наглядной формулѣ:

Отличительныя черты современнаго государственнаго и народно-обычнаго права въ Россіи.	
Государственное право:	Народное право:
1. формально,	существенно,
2. выводится изъ своихъ собственныхъ основаній,	выводится изъ особыхъ основаній,

Отличительныя черты современнаго государственнаго и народно-обычнаго права въ Россіи.	
Государственное право:	Народное право:
3. само себѣ является цѣлью,	связано съ опредѣленными общественными цѣлями,
4. не подчинено особымъ моральнымъ началамъ,	подчинено моральнымъ началамъ,
5. объективно, механично,	субъективно и органично,
6. формулировано очень подробно,	ограничено только болѣе или менѣе общими правилами,
7. единообразно,	разнообразно,
8. категорично и непримиримо,	условно, примиримо,
9. консервативно,	прогрессивно,
10. индивидуально.	соціально.

Я прошу читателя внимательно вчитаться и вдуматься въ эту гипотетическую схему и при всемъ послѣдующемъ изложеніи не выпускать ея изъ виду. При этомъ я прошу не смущаться тѣмъ, что нѣкоторые изъ пунктовъ очень близки, прочти тождественны между собой: эти оттѣнки, мнѣ кажется, соотвѣтствуютъ оттѣнкамъ самыхъ явленій, и пожертвовать однимъ изъ нихъ другому или совсѣмъ не различать ихъ, слившн въ болѣе общее понятіе, значило бы уклониться отъ полноты, точности, отчетливости анализа.

Разовьемъ теперь эту общую схему нѣсколько подробнѣе и конкретнѣе.

Всѣ проявленія имущественнаго, экономическаго права представляютъ два случая: 1) *либо образованія новаго права*, 2) *либо осуществленія уже дѣйствующаго*. Первый случай представляетъ первоначальную, а второй — производную форму дѣйствія имущественнаго права. Очевидна огромная разница между ними. Только въ первомъ случаѣ право должно отстаивать себя чѣмъ-либо внѣ его лежащимъ, во второмъ же — оно ограничивается простымъ, такъ сказать, само-констатированіемъ, простымъ доказательствомъ того, что данный случай есть проявленіе такого-то уже дѣйствующаго права. И вотъ, „писанный законъ“ рѣзко отличается отъ обычнаго права тѣмъ, что, во-первыхъ, въ немъ моментъ производный преобладаетъ, въ огромной степени, надъ первоначальнымъ, тогда

какъ въ обычаѣ моментъ первоначальный играетъ относительно гораздо бо́льшую, едва ли не преобладающую роль, и что, во-вторыхъ, когда моментъ первоначальный и наступалъ, и наступаетъ въ законѣ, то основаніями для образующагося права служили и служатъ въ немъ совсѣмъ другія начала, чѣмъ въ обычаѣ.

Эта разница происходитъ именно отъ того, что писанный законъ устанавливался до сихъ поръ господствующими нетрудовыми верхами, а обычай практиковался трудовыми низами соціальной пирамиды.

Нетрудовымъ верхамъ, пользующимся всѣми выгодами сложившагося неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ, конечно, желательно закрѣпить въ незыблемомъ правѣ этотъ порядокъ, установить законами, что то, что̀ есть, то и должно быть. Но изъ чего вывести это правило? Изъ чего проистекаетъ нетрудовое владѣніе? Мы хорошо знаемъ, что „первоначальное накопленіе“, которое правильнѣе было бы назвать юридическимъ терминомъ первоначальнаго „завладѣнія“, имѣло своимъ источникомъ простую силу; прекрасную формулу его я приводилъ уже въ „Русской общинѣ“, т. I. По преданіямъ малороссовъ, при казачьемъ „заимочномъ“ правѣ „полковникъ могъ занять такое пространство, какое съ одного мѣста окинетъ окомъ, сотникъ — сколько въ день объѣдетъ верхомъ, а казакъ — сколько въ день опашетъ сохою“*), т.-е., иначе говоря, больше всего получалъ тотъ, кто наименьше работалъ и рисковалъ, за нимъ слѣдуетъ тотъ, кто несъ „военные труды“, и уже затѣмъ люди производительнаго труда, при чемъ часто такъ захватывалась не „ничья“ земля, а то или иное чужое имущество. А разъ возникши, такое неравенство поддерживалось и развивалось уже этой „экономической властью“, охраняемой „закономъ“, опирающимся на вооруженную силу. Очевидно, что возвести этотъ способъ завладѣнія, — простымъ захватомъ,—въ принципъ, въ законное основаніе права, господствующіе слои не могли, такъ какъ этимъ давали бы право на такое же отобраніе земли и всѣхъ имуществъ у себя самихъ подчиненнымъ или рабочимъ слоямъ. Еще менѣе, очевидно, могли нетрудовыя группы вывести свое право изъ призна-

*) См. „Сб. стат. св.“ по Суражскому у. Черниг. губ., стран. 7.

ваемаго трудовымъ классомъ трудового завладѣнія. Такимъ образомъ господствующему праву, писанному закону, и не оставалось никакихъ основаній для самоутвержденія внѣ его самого, и приходилось освятить фактъ, не вдаваясь въ его происхожденіе, *освятить фактъ, какъ фактъ, какъ нѣчто, долженствующее существовать именно потому, что оно существуетъ.*

Нѣчто противоположное имѣло и имѣетъ мѣсто у трудовыхъ слоевъ, именно какъ таковыхъ. Этимъ слоямъ, создающимъ своимъ трудомъ всѣ средства производства и предметы потребленія, всѣ полезности (все равно, становятся ли онѣ общественными, мѣновыми цѣнностями, или нѣтъ), очень близокъ и ясенъ весь процессъ появленія ихъ на свѣтъ и перехода ихъ въ тѣ или другія руки; имъ, людямъ труда, ближе и яснѣе, чѣмъ кому бы то ни было, что безъ труда эти полезности не существовали бы, что, значитъ, причина ихъ существованія заключается въ тратѣ энергіи людей труда, что поэтому эти ихъ органическіе, такъ сказать, собственники, носители этой энергіи имѣютъ нѣкоторое право и на результатъ этой энергіи — на всѣ тѣ полезности, которыя созданы ихъ трудомъ. Поэтому, поскольку трудовые слои остаются таковыми, поскольку они отдѣлены отъ нетрудовыхъ и сохраняютъ особое правосознаніе и руководятся особымъ обычнымъ правомъ, постольку, очевидно, въ этомъ ихъ правѣ не можетъ не играть крупной роли, какъ основанія экономическихъ правъ, эта затрата труда. Помимо этого, поскольку въ правѣ ихъ, въ связи съ трудовымъ ихъ бытомъ вообще, исключено начало насильственнаго завладѣнія и вообще права сильнаго, постольку не могутъ не выступить наружу моральные принципы для установленія того, что есть право, а что неправо. Такимъ образомъ въ народно-обычномъ правѣ, какъ трудовомъ, незахватномъ, *необходимо выступаетъ надъ фактомъ то или иное высшее мѣрило, иначе говоря, то, что есть, критикуется съ точки зрѣнія того, что должно быть.*

Въ результатѣ этого то положенія и правосознанія нетрудовыхъ и трудовыхъ классовъ „законъ“ первыхъ и имѣетъ вышеуказанныя отличія отъ „обычая“ послѣднихъ. Перейдемъ къ болѣе конкретному обрисованію этихъ отличій.

§ 3. „Субъективизмъ“ народнаго права.

Если резюмировать эти отличія въ формальныхъ терминахъ, то они состоятъ именно въ томъ, что господствующее право руководится исключительно чисто *формальными* признаками, а народное право, по крайней мѣрѣ, поскольку оно остается чистымъ, типическимъ народнымъ правомъ, обращаетъ главное вниманіе на самое *существо* даннаго правоотношенія, на фактическое положеніе вещей, и руководится установленной формой только тогда, когда она не входитъ въ противорѣчіе съ существомъ, съ содержаніемъ даннаго явленія соціальной жизни. Этотъ признакъ, это отличіе мы найдемъ рѣшительно повсюду, и почти всѣ примѣры, приводимые ниже для выясненія другихъ особенностей народнаго права, являющихся собственно лишь частнымъ случаемъ этой его неформальности, содержательности, существенности, фактичности,—всѣ эти примѣры тѣмъ самымъ ясно выказываютъ и этотъ общій признакъ. Поэтому спеціально по этому первому пункту достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ.

Первое же, что тутъ бросается въ глаза, это — меньшая распространенность въ крестьянствѣ правовыхъ формъ и обрядностей вообще. Правда, съ теченіемъ времени и крестьянство все строже старается для всякаго своего права заручиться той или иной писанной формальной „бумагой“, но это вынуждается извнѣ „закономъ“, требующимъ буквально для каждаго шага мужика, начиная съ паспорта для выхода изъ родного села, того или иного письменнаго удостовѣренія его „права“ на данный шагъ. Поэтому отнюдь нельзя сказать, чтобы эта бумажно-формальная обклейка прошла и внутрь самого народнаго права. Правда и то, что извѣстный минимумъ бумажности и формализма, обусловливаемый осложненіемъ соціальной жизни, неизбѣжно явится и уже является, какъ необходимая *высшая степень* въ развитіи всякаго *типа* права, даже самаго антиформальнаго по своему духу. Но, во-первыхъ, складываніе извѣстныхъ *формъ* еще не означаетъ непремѣнно *формализма*, а во-вторыхъ, оно можетъ быть сведено и дѣйствительно сводится часто въ народномъ правѣ именно къ минимуму. Еще до сихъ поръ, напримѣръ, несмотря на усиленное вдалби-

ваніе канцелярщины земскими начальниками, употребившими на это чуть не главную энергію, значительная доля рѣшеній сходовъ,— особенно селенныхъ, т.-е. земельныхъ общинъ, — или вовсе не записываются, или записываются безъ требуемыхъ формальностей; такъ же, какъ мы уже видѣли, происходятъ и семейные раздѣлы. Это отчасти объясняется тѣмъ, что въ этихъ актахъ проявляется не только не писанное обычное, но еще, кромѣ того, тайное „самовольное", противозаконное народное право, какъ въ „самовольныхъ" раздѣлахъ, составляющихъ общее правило, какъ въ общинныхъ „свалкахъ-навалкахъ" надѣловъ, продолжающихся несмотря на запрещеніе, и т. д. Но отчасти въ этомъ проявляется и та общая черта русскаго народнаго права, что основное вниманіе устремляется на самую суть рѣшенія, договора и т. д., а не на форму его изложенія и закрѣпленія. Приведя въ примѣчаніи одинъ изъ множества подобныхъ примѣровъ, отмѣчу, что черта эта объясняется скорѣе всего не какими-либо особыми добродѣтелями русскаго народа, а просто общительностью, публичностью всей его жизни, благодаря чему всякая сдѣлка, рѣшеніе и т. п. сами собой всегда гласны и обставлены свидѣтелями, чѣмъ уменьшается возможность спора, а потому и важность письменной записи*).

Неформальность, существенность обычнаго права проявляется и въ томъ, что, установивъ извѣстныя нормы или подчиняясь извнѣ установленнымъ правовымъ формамъ, оно однако постоянно нарушаетъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ приходятъ въ противорѣчіе съ какими либо общими условіями народной жизни или моральными представленіями. Вотъ, напр., въ малороссійскихъ губерніяхъ крестьяне чуть не свято чтутъ права ревизскихъ душъ въ оставшемся здѣсь обыкновенно чисто формальнымъ, неподвижнымъ общинномъ владѣніи, и эти ревизскіе надѣлы переходятъ строжайше по наслѣдству. Поэтому, напр. по Гадячскому уѣзду Полтавской губ., указы-

*) Въ Гадячскомъ у. Полтавской губ. семейный раздѣлъ „если происходитъ мирно, безъ судебнаго разбирательства, то въ большинствѣ случаевъ совершается безъ всякихъ письменныхъ актовъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ раздѣляющіеся укрѣпляютъ раздѣлъ письменнымъ договоромъ. Къ довольно рѣдкимъ случаямъ должно быть отнесено также миролюбивое обращеніе всѣхъ участниковъ раздѣла къ суду съ просьбой о раздѣлѣ".

вается, что „соотвѣтственно столь широкому признанію правъ наслѣдниковъ, опирающихся на уставную грамоту, судъ утверждаетъ самовольное отобраніе наслѣдниками своего надѣла и отказываетъ принявшему надѣлъ въ жалобѣ, *дозволяя ему только снять урожай посѣяннаго хлѣба* (курсивъ мой. *К. К.*); что касается до правъ дочерей на отцовскіе надѣлы, то здѣсь уже *чаще встрѣчаемъ уклоненіе суда отъ прямолинейно-формальной справедливости* (курсивъ мой. *К. К.*) и отказъ дочерямъ въ отобраніи отцовскихъ надѣловъ при тѣхъ же иногда условіяхъ, при которыхъ права сыновей не подлежатъ для суда никакому сомнѣнію“*). Итакъ, какъ видимъ, даже и въ случаѣ господства формальнаго права, въ него просачивается постоянная свѣжая струя непосредственной живой дѣйствительности: нарушенное формальное право возстанавливается, но должная дань праву труда, затраченнаго нарушителемъ, все-таки отдается, и обычное понятіе о суженной вообще хозяйственной роли и о суженныхъ вообще наслѣдственныхъ правахъ женщинъ все-таки проводится и т. д.

Или, напр., установивъ вмѣсто принятыхъ закономъ $^1/_{14}$ и $^1/_7$ доли участія дочерей и вдовъ въ наслѣдованіи болѣе широкія нормы, отъ $^1/_5$—$^1/_4$ до $^1/_3$ и иногда даже больше, обычное право въ Малороссіи однако не проводитъ этой нормы всегда и во что бы то ни стало во всей чистотѣ. Встрѣчаются указанія, что часто „братья могутъ отклонить отъ себя выдѣлъ сестрѣ какой бы то ни было части земли, если только выдадутъ ее замужъ, снабдивъ необходимымъ приданымъ“**)... Ниже еще мы встрѣтимъ цѣлый рядъ подобныхъ же случаевъ, здѣсь же ограничимся указаніемъ только на два крупныхъ явленія народной жизни, въ которыхъ особенно ярко проявляется это торжество существа надъ формой.

Первое — это особое положеніе, которое занимаютъ въ народномъ обычномъ правѣ „внѣбрачныя дѣти“, „незаконнорожденные“. Въ противность писанному закону, лишающему ихъ правъ за „грѣхъ“ ихъ матерей, народный обычай опредѣляетъ ихъ права не этимъ признакомъ церковной обрядности, а фактическимъ положеніемъ ихъ въ семьѣ, и потому въ обычаѣ преобладаетъ полное или условное признаніе ихъ правъ.

*) „Сб. стат. св.“ по Гад. у. Полт. губ., стран. 21.

**) „Сб. стат. св.“ по Гад. у., Полт. губ. т. IV, стран. 14.

Такъ, даже чиновничьи „губ. совѣщанія“ признаютъ это: въ цитированныхъ уже „Трудахъ Ред. ком. по пер. зак. о кр.“ указаны только три совѣщанія, заявившія о непризнаніи общинами за незаконнорожденными правъ на надѣльную землю; только пять совѣщаній, констатировавшихъ лишь ограниченное право незаконнорожденныхъ, и, наконецъ, пятнадцать совѣщаній, указавшихъ на полноту правъ незаконнорожденныхъ на надѣльную землю. Пришлось поэтому и сенату въ своихъ разъясненіяхъ узаконить этотъ „пережитокъ“, пришлось даже и учрежденной при Плеве „Ред. комиссіи“ признать его. Вотъ что находимъ мы въ комментаріяхъ этой комиссіи: „Въ видѣ общаго явленія, удостовѣряемаго и большинствомъ изслѣдователей народнаго быта (Пахманъ, Мухинъ), можно отмѣтить весьма, по сравненію съ другими сословіями, снисходительное отношеніе крестьянъ къ внѣбрачнымъ дѣтямъ; явленіе это объясняется въ значительной степени *трудовымъ началомъ, предъ которымъ стушевывается нерѣдко законность рожденія, а на первый планъ выступаютъ участіе въ пріобрѣтеніи семейнаго имущества и фактическая принадлежность къ семьѣ*“ (курсивъ мой. *К. К.*)*). Вслѣдъ за такимъ утвердившимся обычаемъ и „Ред. комиссія“ предположила признать за незаконнорожденными равныя съ прочими членами семьи, общества и двора права. Въ этомъ случаѣ, такимъ образомъ, отнюдь нельзя сказать, что обычай просто не доразвился до *формы*, а совершенно ясно, напротивъ, что въ господствующемъ правѣ царитъ мертвящій жизнь *формализмъ*, отъ котораго свободенъ тотъ особый типъ права, который представляетъ собою обычай.

Интересно въ дополненіе къ этой терпимости къ несоблюденію формъ церковнаго брака указать на констатированный неоднократно въ народѣ обычай какъ бы гражданскаго развода супруговъ (въ случаѣ крайней жестокости мужа, измѣны и т. п.), такъ и называемаго „разводомъ“ или „расходомъ“. При этомъ „разводъ“ часто настолько окончателенъ, что разведенные могутъ вступить въ бракъ вторично при живомъ первомъ супругѣ. Въ старину въ извѣстныхъ случаяхъ и церковь признавала такіе браки. Но „...въ настоящее время вторые браки при жизни первой жены бываютъ обыкновенно

*) „Труды Ред. ком. по пер. зак. о кр.“, т. V, стран. 69.

безъ вѣнчанія. Въ одномъ случаѣ такой бракъ былъ совершенъ съ соблюденіемъ всѣхъ свадебныхъ обрядовъ. Въ другомъ случаѣ сельскій сходъ призналъ первый бракъ крестьянина, покинутаго женою, расторгнутымъ и дозволилъ этому крестьянину принять въ домъ крестьянку другого общества, на правахъ жены, съ тѣмъ, что если родится ребенокъ отъ второй жены, то онъ будетъ законнымъ наслѣдникомъ всего имущества своего отца. Наконецъ, былъ случай заключенія брака „по договору"... совершенно формальному, въ которомъ было предусмотрѣно, что, даже при возвращеніи ушедшей жены, хозяйкой въ домѣ и женой должна оставаться вторая „гражданская", такъ сказать, жена, и который былъ заключенъ съ согласія отца и родственниковъ, при свидѣтеляхъ и при сельскомъ старостѣ, подписавшемъ его и приложившемъ свою печать"*)... Какъ видимъ, въ этихъ случаяхъ дальше идти въ освобожденіи отъ церковной формы уже некуда...

Едва ли не еще интереснѣе, однако, второй характерный и распространенный случай торжества сущности надъ формой, въ которомъ этой „затушевываемой", по выраженію комиссіи, формой является уже не церковная обрядность, а сама семейная кровная связь: я говорю о широко распространенномъ обычаѣ „пріемышей", „пріймачества". Очень отчетливое описаніе этого типичнаго для народнаго права явленія я нашелъ по Хорольскому у. Полтавской губ. Здѣсь

„когда хозяинъ достигнетъ преклоннаго возраста и „почувствуетъ себя ближе къ смерти, нежели къ животу", а взрослыхъ дѣтей не имѣетъ, то обыкновенно онъ беретъ пріемыша (а если есть взрослая дочь, то зятя); на обязанность пріемыша возлагается поить и кормить пріемнаго отца и его жену, оказывать имъ должное уваженіе и послѣ смерти похоронить ихъ по христіанскому обряду. Если есть у принявшаго малолѣтнія дѣти, то пріемышъ обязуется воспитать ихъ, а дочерей выдать замужъ по достиженіи ими совершеннолѣтія, съ приданымъ „по возможности своей". При пріемѣ совершается письменное условіе, по которому „всѣ единодушно обязываются жить вмѣстѣ въ должной любви и согласіи, какъ законъ Божій и гражданскій указываютъ, за нарушеніе чего Богъ непростительно караетъ, а законъ гражданскій строго судитъ, въ твердость чего при упрошенныхъ свидѣтеляхъ и подписуются". Пріемышу передается право на имущество принявшаго, какъ движимое, такъ и недвижимое"**).

*) Е. И. Якушкинъ, „Обычное право". Выпускъ второй. Ярославль 1896 г., стран. XIX.

**) „Сб. ст. св." по Хорол. у. Полт. губ., стран. 37.

Итакъ, что же мы имѣемъ въ „пріймачествѣ“? Какъ бы искусственную семью, устраиваемую тѣми, кто не имѣетъ естественной, кровной: люди соединяются для совмѣстнаго производства и потребленія, для взаимопомощи и взаимозащиты, для совмѣстной, наконецъ, жизни вообще, для избѣжанія горькаго одиночества въ старости. И этой-то сути жизни и подчиняется всецѣло форма: очень часто, напр., въ пріемыши берутъ чужого, хотя есть дальніе родные... Если сравнить широкую, повторяю, распространенность этого обычая въ народѣ съ рѣдкостью усыновленій чужихъ, имѣющихъ притомъ часто совсѣмъ другой оттѣнокъ, въ быту господствующихъ классовъ, — или еще съ тѣмъ суррогатомъ семьи и борьбы съ одиночествомъ, какой представляютъ, напр., несчастные униженные наемники — „компаньонки“ и „компаньоны“ у богатыхъ людей, — то ясно станетъ, насколько тонка въ народномъ правѣ эта кора формализма, насколько оно полно жизненной сердцевиной, по сравненію съ господствующимъ писаннымъ правомъ, въ которомъ оболочка формы почти не оставляетъ мѣста содержанію.

Формалистическій писанный законъ составляетъ какъ бы схоластику права. Какъ схоластика дошла до совершенства въ отдѣлкѣ логической формы, такъ и этотъ законъ очень силенъ въ чеканкѣ формъ права. Но, какъ схоластика же, онъ почти игнорируетъ содержаніе этого права: для него, когда онъ чистъ и типиченъ, не можетъ быть и рѣчи, чтобы духъ восторжествовалъ надъ буквой; поскольку духъ начинаетъ иногда торжествовать надъ буквой даже и въ писанномъ законѣ, то это уже результатъ вліянія идущаго ему на смѣну новаго типа права, — народнаго права, — стремящагося влить жизнь въ правовыя формы, провѣрить и свести ихъ къ моральнымъ основаніямъ, направить ихъ къ соціальнымъ цѣлямъ.

Это стремленіе народнаго права: избѣгать вообще формы и допускать форму лишь такую, которая именно обезпечивала бы возможный минимумъ формализма, — эта характерная черта обрисована уже въ типичнѣйшемъ своемъ оттѣнкѣ Александрой Ефименко подъ терминомъ *субъктивизма* съ такой рельефностью, что мнѣ остается лишь привести эти образцово ясныя и яркія ея опредѣленія.

„Субъективизмъ и объективизмъ права — два типа правовыхъ воззрѣній, — типа, которые могутъ существовать и развиваться совершенно независимо одинъ отъ другого, хотя случается, что и смѣняютъ одинъ другого.

„...Пробѣгая всю область правовыхъ отношеній, мы замѣчаемъ, что крайнія звенья цѣпи правового міросозерцанія суть два рѣзко противоположныхъ направленія въ воззрѣніяхъ на право и справедливость. Первое направленіе прежде всего стремится къ возможно точнымъ опредѣленіямъ правовыхъ отношеній и затѣмъ къ строгому примѣненію условленныхъ правовыхъ опредѣленій; оно игнорируетъ субъективныя особенности каждаго случая — лишь бы было налицо въ данномъ фактѣ все, что входитъ въ правовую формулу. Второе направленіе не заботится объ опредѣленіяхъ и о безусловномъ примѣненіи ихъ, — его существенное стремленіе въ каждомъ данномъ случаѣ, по возможности, дать большее удовлетвореніе чувству естественной справедливости. Должна быть выполнена правовая формула, а тамъ — что за дѣло, что за этой формулой скрываются людскія страданія и наслажденія, бѣдствія и радости: „fiat justitia, pereat mundus“, говоритъ первое направленіе. „Какое дѣло до правовыхъ формулъ, лишь бы изъ людскихъ отношеній, по возможности, меньше вытекло для людей страданій и горя“, говоритъ другое. Первое направленіе беретъ своимъ девизомъ „suum cuique tribuere“ — каждый долженъ получить то, что ему слѣдуетъ по правому опредѣленію, ни больше ни меньше; девизъ второго — „чтобы никому не было обидно“. Все въ первомъ держится на умѣ и логикѣ, все объективно и формально; все во второмъ — на чувствѣ, все субъективно и индивидуально... Крайнимъ представителемъ перваго, объективнаго направленія является римское право, типичнымъ представителемъ второго — русское обычное право...

„На вопросы членовъ комиссіи, изслѣдовавшей волостные суды, судьи прямо отвѣчали, что они „судятъ по совѣсти“, что рѣшаютъ дѣла „глядя по человѣку“ и т. п. Въ дѣлахъ уголовныхъ народный судъ считаетъ себя въ правѣ какъ наказать, такъ и простить его, смотря по обстоятельствамъ дѣла. Затѣмъ, наказывая, онъ можетъ за одно и то же преступленіе опредѣлить самыя разныя наказанія — и выговоры, и денежный штрафъ, и арестъ, и розги — все „глядя по человѣку“ и по „дѣлу“, при чемъ, кромѣ личныхъ качествъ, могутъ быть приняты въ соображеніе и хозяйство преступника, и его платежныя отношенія къ обществу, и обязательства къ другимъ лицамъ, — однимъ словомъ, все можетъ такъ или иначе отразиться на опредѣленіи наказанія въ тѣхъ видахъ, чтобы наказаніе достигло лишь своей непосредственной цѣли, по возможности не отражаясь косвенно на интересахъ преступника или другихъ лицъ“*)...

Эта формулировка, къ которой въ общемъ мнѣ нечего прибавить, указываетъ общій признакъ неформальности, существенности народнаго права въ связи съ причиной его. Болѣе

---

*) А. Ефименко, „Изслѣд. народной жизни“. Выпускъ I. „Обычное право“. „Субъективизмъ въ русскомъ обычномъ правѣ“, стран. 173—174, 176—177.

или менѣе сознательно или болѣе или менѣе инстинктивно, но только народъ отказывается найти готовыя правовыя формулы для согласованія общихъ началъ своего правосознанія съ огромнымъ, безконечнымъ разнообразіемъ явленій соціальной жизни, безпрерывно притомъ измѣняющейся. Отсюда, очевидно, этотъ „субъективизмъ", „индивидуализація" обычнаго права. Этотъ субъективизмъ проявляется, во-первыхъ, въ томъ, что часто*) данное право сознается лишь въ самыхъ общихъ началахъ и вовсе не доходитъ до выработки твердо опредѣленныхъ, ясно сознанныхъ и болѣе или менѣе распространенныхъ обычаевъ. Во-вторыхъ, въ этихъ же случаяхъ, когда условія дозволятъ все-таки нѣкоторую кристаллизацію общихъ началъ въ опредѣленныя подробности, то эта кристаллизація даетъ огромное разнообразіе формъ, часто очень своеобразныхъ, даже причудливыхъ и противорѣчивыхъ между собой, но которыя въ общемъ преломляютъ все тѣ же общія начала въ пестрыхъ переливахъ соціальной среды.

Примѣрами для сказаннаго служатъ опять-таки чуть ли не всѣ факты, уже приведенные и ниже приводимые для иллюстраціи другихъ намѣченныхъ выше признаковъ, которые представляютъ тоже частные случаи этого общаго положенія о „субъективности" народнаго права. Поэтому приведу лишь нѣсколько примѣровъ спеціально для показанія или ограниченности обычая общими началами, или разнообразія его частныхъ правилъ, при чемъ, замѣчу заранѣе, оба эти случая часто, если не обыкновенно, практически сливаются.

Для примѣра рельефности общаго начала, при неопредѣленности или измѣнчивости частныхъ формулъ, возьмемъ хотя бы проявленія семейной собственности въ семейныхъ выдѣлахъ отцами сыновей. По Гадячскому уѣзду обычай выдѣла рисуется, напр., въ слѣдующихъ расплывчатыхъ чертахъ: „Хотя вообще имущество отца переходитъ къ дѣтямъ, но при жизни отца отъ его воли зависитъ, выдѣлить отдѣляющемуся сыну часть имущества (и какую именно), или нѣтъ. При этомъ, если отецъ не далъ сыну никакого имущества при отдѣлѣ, то не въ правѣ требовать и отвѣтственности сына за долги, сдѣланные для общаго хозяйства. Въ случаяхъ жалобъ сыно-

*) Въ извѣстныхъ сферахъ права, тамъ ли, гдѣ особенно велико разнообразіе конкретныхъ условій, или гдѣ ихъ особенно трудно обобщить, или гдѣ они особенно быстро измѣняются и т. д., — либо въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ или въ разные періоды, гдѣ и когда имѣютъ мѣсто эти неуловимыя колебанія соціальной жизни.

вей на отцовъ за вытѣсненіе изъ хаты безъ выдѣла имущества рѣшенія волостного суда не всегда одинаковы: иногда судъ ограничивается тѣмъ, что обязываетъ отца выдѣлить сыну изъ общаго имущества только часть хлѣба на пропитаніе, въ другихъ случаяхъ постановляетъ о выдѣлѣ сыновьямъ кромѣ хлѣба также извѣстной доли скота и земли (обыкновенно третью часть пахотной земли). Иногда же, въ виду прямого отказа отца выдѣлить сыну часть имущества, судъ ограничивается постановленіемъ о взысканіи съ отца въ пользу сына обычной рабочей платы за время, проработанное сыномъ у отца послѣ женитьбы"*).

Изъ этой расплывающейся схемы общее начало семейной, а не личной собственности выступаетъ однако совершенно рельефно: какъ ни широка власть отца „награждать" сыновей по своему, какъ ни неопредѣленны ихъ права, но что-нибудь они непремѣнно должны получить, и извѣстная доля общаго семейнаго имущества (или вознагражденія за него) непремѣнно должна быть выдѣлена, хотя, видимо, или переживаніе родового права, или вліяніе писаннаго закона замѣтно усилило здѣсь власть главы семьи.

Прекрасные затѣмъ примѣры находимъ у самой г-жи Ефименко. Разбирая права „пріемышей" и указывая, что они основаны на трудовомъ началѣ, г-жа Ефименко говоритъ:

„...Равное право на участіе въ имуществѣ съ постоянными членами семьи получаетъ посторонній, почему-либо принятый въ семью, лишь тогда, когда онъ проживетъ и проработаетъ въ семьѣ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, обыкновенно лѣтъ около 10, хотя и тутъ опредѣленной нормы нѣтъ, вслѣдствіе склонности народа къ преслѣдованію не формальной, а индивидуальной правды: или совѣсть самой семьи, или совѣсть міра рѣшаетъ, достаточенъ ли въ данномъ случаѣ тотъ или другой срокъ"**).

Такую же неопредѣленность сроковъ я нашелъ и въ опредѣленіи того, когда кровный членъ семьи, выбывши изъ нея и переставъ принимать въ ней потребительное и трудовое участіе, лишается поэтому и правъ на наслѣдованіе. Въ отзывѣ Минскаго губ. совѣщанія (вообще очень интересномъ) указывается:

„Въ средѣ крестьянъ наслѣдственное право пріобрѣтается не только однимъ родствомъ, но также общимъ трудомъ надъ землею въ составѣ семьи, а потому въ дѣлѣ наслѣдованія неминуемо должны имѣть значеніе давность состоянія въ семьѣ и общій трудъ надъ землею. Если же членъ семьи выбылъ изъ нея и не несъ общихъ трудовъ надъ землею и слѣдуемыхъ съ нея

*) См. „Сб. ст. св." по Гад. у. Полтавской губ., стран. 12.

**) А. Ефименко, „Изслѣдованіе нар. жизни", стран. 156—157.

повинностей, а равно инымъ способомъ не помогалъ своей семьѣ, то, по обычаю крестьянъ, по истеченіи десяти-пятнадцати лѣтъ онъ теряетъ свои наслѣдственныя права"*).

Итакъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ, что народное право намѣчаетъ лишь общую среднюю норму, дозволяя ей однако широко колебаться на волнахъ жизни въ разныхъ направленіяхъ... Перейдемъ теперь къ примѣрамъ разнообразія этихъ колебаній при условіяхъ разныхъ рѣшеній одной и той же задачи и по одному и тому же методу.

Возьмемъ прежде всего вопросъ о наслѣдованіи незаконнорожденныхъ. Мы уже установили общее правило о полнотѣ ихъ правъ. Но въ дѣйствительности это общее правило имѣетъ разныя исключенія. Такъ, напр., Вятское губ. совѣщаніе указываетъ, что „незаконнорожденный, прижитый вдовою послѣ смерти мужа, въ наслѣдованіи его имуществомъ не участвуетъ. Незаконнорожденные же, взятые въ домъ вмѣстѣ съ матерью при выходѣ ея въ замужество, участвуютъ наравнѣ съ сыновьями, прижитыми отъ законнаго брака"**). Ясно, что здѣсь отклоненіе отъ общаго правила признанія правъ незаконнорожденныхъ уступаетъ другому общему правилу, по которому, очевидно, общая мораль не допускаетъ, чтобы въ пользу незаконнорожденнаго платились дѣти изъ другой семьи; можно думать даже, что въ этомъ случаѣ и законнорожденные отъ второго мужа не должны наслѣдовать имущества перваго (часто или даже обыкновенно и сама жена лишается наслѣдства послѣ мужа въ случаѣ выхода во второй разъ замужъ), такъ что здѣсь лишеніе права наслѣдованія мотивируется собственно не формальностью незаконности рожденія, а самымъ существомъ родственныхъ и потребительно-трудовыхъ отношеній.

Крайне интересенъ и типиченъ затѣмъ подмѣченный тоже А. Ефименко случай противорѣчія въ отношеніи къ солдатамъ: „на солдатъ въ однихъ мѣстахъ смотрятъ какъ на выдѣлившихся, и потому они не участвуютъ въ имуществѣ, нажитомъ послѣ ихъ выхода изъ семьи; въ другихъ мѣстахъ солдаты участвуютъ, такъ какъ они „служили за семью, на службѣ страдали, а семья за нихъ работала"***). Несомнѣнно, что оба

*) „Сводъ заключ. губ. сов. и т. д.", т. III, стран. 290.

**) Тамъ же, стран. 282.

***) А. Ефименко, „Изслѣдованіе нар. жизни", стран. 158.

рѣшенія одинаково логичны, но только исходятъ изъ противоположныхъ морально-политическихъ началъ. Въ первомъ случаѣ основаніемъ служитъ индивидуалистическая точка зрѣнія,— голое, такъ сказать, лично-семейное трудовое право, отдѣленное отъ тѣхъ общественныхъ условій, въ которыя поставлена эта семья; въ другомъ же случаѣ крестьяне исходятъ изъ общественно-политическаго начала, неотдѣлимо связывая съ семьей ея обязанности предъ государствомъ и тѣмъ возводя солдатскую службу въ заслугу предъ семьей, въ трудъ на семью. Такимъ образомъ, въ зависимости отъ общей силы личнаго или союзнаго начала въ данномъ мѣстѣ или въ данный періодъ могутъ въ народномъ правѣ возобладать двѣ прямо противоположныя практическія правовыя нормы, но обѣ онѣ оказываются одинаково запечатлѣнными однимъ и тѣмъ же, только разно толкуемымъ, общимъ началомъ народнаго права.

Крайне затѣмъ типичными для этого *единства въ разнообразіи* представляются различные обычаи въ наслѣдованіи общинной земли (поскольку, разумѣется, наслѣдованіе вообще допускается общиной). Вотъ коллекція такихъ обычаевъ, представляющая цѣлую гамму рѣзкихъ различій, доходящихъ до прямой противоположности. Въ с. Колемасъ Сердобскаго у. Саратовской губ. „при ревизской развертцѣ по смерти домохозяина надѣлъ переходитъ къ женѣ, которая можетъ не дать его взрослому сыну, но обыкновенно уживаются мирно. По смерти матери — къ сыновьямъ. Даже вдова безъ дѣтей пользуется надѣломъ. Отецъ можетъ завѣщать одному изъ сыновей, между братьями надѣлъ дѣлится поровну“*). Въ с. Чубаровкѣ Саратовскаго у., гдѣ общинная земля дѣлится на рабочія души съ 18 лѣтъ, „послѣ смерти хозяина надѣлъ переходитъ къ женѣ, но обыкновенно женщины отказывались въ пользу сыновей. Дочери никакого права не имѣютъ на надѣлъ; сынъ, отдѣлившійся отъ отца, имѣетъ право на надѣлъ только въ томъ случаѣ, если попалъ въ ревизію“**). Въ д. Заборовьѣ Псковского у. „всѣ безъ различія возраста и пола имѣютъ одинаковыя наслѣдственныя права. Когда послѣдній членъ семьи умеръ — наслѣдуетъ деревня. Вдова наслѣдуетъ мужу, но только

*) Выборки изъ матеріаловъ Статист. отд. Сарат. губ. земства.

**) Выборки изъ матер. Стат .отд. Сарат. губ. земства.

до вторичнаго выхода замужъ"*). Такъ же различны, часто до противоположности, и принципы распредѣленія семейнаго имущества при семейныхъ раздѣлахъ (какъ увидимъ еще ниже).

Итакъ, что же мы имѣемъ здѣсь? Не наткнулись ли мы какъ разъ на такого характера разнообразіе „никому невѣдомаго" обычая, которое по мнѣнію г. Витте составляетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ обычнаго права и изъ-за котораго именно, между прочимъ, его совсѣмъ нельзя или почти нельзя кодифицировать, обратить въ государственное право, такъ какъ выведенныя изъ него нормы были бы слишкомъ отвлеченны и неприложимы**)? Какъ разъ наоборотъ. Всѣ эти различныя и противоположныя нормы приняты въ общинахъ съ различными же системами разверстки общинной земли: при безпередѣльной ревизской разверсткѣ, т.-е. при полномъ господствѣ въ данной общинѣ личнаго анти-общиннаго начала, настолько же господствуетъ это начало и въ наслѣдованіи; при общинно-передѣльномъ владѣніи по рабочимъ силамъ, когда землей мало дорожатъ, тѣ же отношенія устанавливаетъ и наслѣдованіе; при высшей, „потребительной" разверсткѣ по „ѣдокамъ" и право наслѣдованія—равно для всѣхъ „ѣдоковъ". Такимъ образомъ, помимо явнаго воздѣйствія обычнаго общиннаго права на все остальное право мы наглядно видимъ тутъ и связь этихъ противоположныхъ рѣшеній одной правовой задачи съ настолько же различными общими естественными, историческими, экономическими и культурными условіями, опредѣлившими все разнообразіе общинныхъ формъ и вмѣстѣ съ ними и чрезъ нихъ и остального права.

Мы подошли, такимъ образомъ, къ самому огромному и разительному примѣру разнообразія правовыхъ нормъ обычнаго права, —къ общинѣ, на каковомъ примѣрѣ и покончимъ этотъ пунктъ. Въ сотняхъ тысячъ общинъ у десятковъ милліоновъ населенія на пространствѣ отъ Архангельска до Тифлиса, отъ Кіева до Владивостока (т.-е. во всевозможныхъ естественныхъ условіяхъ) у десятковъ разныхъ народностей, имѣвшихъ разнообразнѣйшія историческія судьбы, сложившихъ своеобразнѣйшія культуры, находящихся во всѣхъ вообразимыхъ

*) Выборки изъ матер. Стат. отд. Псков. губ. земства.

**) См. С. Ю. Витте, „Записка по крестьянскому дѣлу", стран. 92—104.

типахъ и ступеняхъ экономическаго развитія вообще и земледѣлія въ частности, — въ этихъ безконечно разнообразныхъ условіяхъ складывается, дѣйствуетъ, развивается община. Какъ же могло бы случиться, чтобы на это колоссальное разнообразіе условій община не отвѣтила такимъ же колоссальнымъ разнообразіемъ своихъ формъ? Очевидно, что это могло бы случиться только тогда, если бы народное право стерлось подъ налегшимъ на него „закономъ“ или если бы само оно по типу своему было бы такимъ же формальнымъ, „объективнымъ“, буквоѣдскимъ и единообразнымъ, какъ этотъ законъ, лишенный моральнаго и соціальнаго содержанія, занятый однимъ констатированіемъ и освященіемъ установившагося хищническаго индивидуалистическаго господства нетрудовыхъ классовъ... И если на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что община дала нѣсколько *типовъ*, десятки видовъ, сотни оттѣнковъ рѣшенія одной и той же правовой задачи и безпрерывно даетъ все новыя и новыя, но что при этомъ огромное большинство этихъ рѣшеній (даже въ большинствѣ безпередѣльныхъ общинъ!) исходило изъ нѣсколькихъ основныхъ и особыхъ, именно народному праву свойственныхъ началъ, которыхъ отвлеченную алгебраическую форму разнообразіе жизни заполняло разнообразнымъ содержаніемъ, — то для насъ внѣ сомнѣнія становится особый типъ этого права. Бюрократамъ и доктринерамъ, которые строятъ свои формулы и думаютъ перестраивать жизнь Россіи чисто *механически*, никогда, конечно не понять этого права, которое зарождается, живетъ и растетъ органически и которое, разъ оно дѣйствительно живо, разорветъ и уничтожитъ какія бы то ни было политическія геометріи, все равно бюрократическія или марксистскія. Та же политическая формула, которая хочетъ побѣдить, должна дать народу не механическое единообразіе своей „стройной“, „простой“, „монистической“ и т. д. схемы, а органическое объединеніе этихъ выработанныхъ и вырабатываемыхъ самою жизнью *единыхъ въ своемъ разнообразіи* элементовъ, переплавленныхъ въ огнѣ *высшаго идеала*.

§ 4. Цѣль въ народномъ правѣ.

Подойдемъ теперь отъ того формальнаго разсмотрѣнія, которымъ мы ограничивались до сихъ поръ, ближе къ разсмот-

рѣнію по существу. Мы опредѣлили народное право, какъ существенное по преимуществу: посмотримъ теперь, въ чемъ заключается эта существенность? И изъ краткихъ раньше сдѣланныхъ замѣчаній, и изъ ряда приведенныхъ примѣровъ уже ясно, что это содержаніе народнаго права заключается въ томъ, что оно не выводится само изъ себя, состоитъ не изъ производныхъ по преимуществу моментовъ, а, какъ общее правило, состоитъ изъ моментовъ первоначальныхъ, исходитъ изъ основаній, лежащихъ внѣ самыхъ правовыхъ нормъ, т.-е. или изъ мотивовъ морали, или изъ цѣлей общественныхъ. Прослѣдимъ теперь на рядѣ примѣровъ сначала въ общемъ эту морально-соціальную обоснованность обычая, а затѣмъ уже выдѣлимъ и обрисуемъ отчетливѣе главныя изъ этихъ основаній и, наконецъ, сформулируемъ общій духъ народнаго права и правосознанія.

Чтобы рельефнѣе выставить это постоянное присутствіе въ обычномъ правѣ такихъ особыхъ основаній, которыхъ вовсе или почти не знаетъ, или развѣ только начинаетъ кое-гдѣ знать господствующее формально-объективное самоцѣльное право, возьмемъ опять въ примѣръ право наслѣдованія, какъ играющее особенно важную роль въ экономическомъ правѣ. Достаточно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, какъ радикально измѣнилось бы все современное экономическое строеніе общества, если бы вдругъ исчезло право наслѣдовать по завѣщанію и по родственнымъ связямъ, а вмѣсто того установились бы какія-нибудь другія основанія, чтобы понять все значеніе этихъ цементирующихъ господствующее право нормъ и всю важность тѣхъ отличій отъ этихъ нормъ, которыя существуютъ въ народномъ правѣ...

Итакъ, по господствующему праву, или завѣщаніе, или ближайшая степень родства являются *необходимыми* и *достаточными* основаніями для наслѣдованія. Не то въ народномъ правѣ: въ немъ оба эти момента играютъ значительную и очень часто рѣшающую роль, но ни первое, ни второе не составляютъ *ни необходимаго, ни достаточнаго* основанія, ибо въ длинномъ рядѣ случаевъ они уступаютъ мѣсто другимъ основаніямъ.

На то, что завѣщаніе не является въ народномъ быту безспорнымъ основаніемъ полученія наслѣдства, есть множе-

ство указаній. Приведу въ примѣръ два отзыва губ. совѣщаній, мало склонныхъ преувеличивать или идеализировать крестьянскіе обычаи. Могилевское совѣщаніе указываетъ, что „наслѣдованіе землей по завѣщанію, вообще, не въ крестьянскихъ нравахъ и является, обыкновенно результатомъ семейныхъ ссоръ и интригъ“*).

Показанія Тверского совѣщанія еще рѣшительнѣе: „утвержденіе окружными судами къ исполненію духовныхъ завѣщаній домохозяевъ влечетъ за собою нарушеніе основного принципа о принадлежности подворнаго участка не одному домохозяину, а всей его семьѣ, и всегда вызываетъ споры по этому поводу между членами семьи, разрѣшаемые нерѣдко волостными судами на основаніи обычая, вопреки выраженной въ завѣщаніи волѣ домохозяина“**).

Если таковъ обычай въ Могилевской губ., гдѣ нѣтъ общиннаго землевладѣнія (фактически, если не по формѣ), то тѣмъ болѣе часто я находилъ указанія даже на полное отсутствіе завѣщательнаго права на землю (хотя бы передѣловъ въ общинѣ лѣтъ 30 не было) въ моихъ матеріалахъ о мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, какъ Саратовская губ. и т. п. Итакъ, въ весьма значительномъ количествѣ случаевъ въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ Россіи завѣщаніе не является ни достаточнымъ, ни однимъ изъ необходимыхъ основаній наслѣдованія.

Совершенно то же приходится сказать и о родственной связи. Правда, въ несомнѣнномъ большинствѣ случаевъ ближайшее родство составляетъ по обычному праву *одно изъ необходимыхъ* основаній для наслѣдованія; правда, что очень часто (хотя уже и неизвѣстно, въ большинствѣ ли случаевъ) оно одно уже само по себѣ составляетъ и достаточное основаніе для наслѣдованія (иной разъ при этомъ въ противность закону, побивая силу завѣщанія). Но въ замѣтномъ меньшинствѣ случаевъ, — въ цѣлыхъ обширныхъ районахъ и особенно часто по отношенію къ главному средству земледѣльческаго производства — землѣ, — оно не составляетъ не только достаточнаго, но даже и необходимаго условія наслѣдованія. А именно,

---

*) „Сводъ заключеній губ. сов.“, т. III, стран. 292.

**) Тамъ же, стран. 304.

съ одной стороны встрѣчается огромное количество примѣровъ, что обычай лишаетъ права наслѣдованія отдаленныхъ родственниковъ (это составляетъ по отношенію къ землѣ общее правило при нѣкоторыхъ, охватывающихъ милліоны населенія, формахъ разверстки общинной земли),— всѣхъ или лишь тѣхъ, кто не жилъ вмѣстѣ съ наслѣдодателемъ, или тѣхъ, кто не участвовалъ въ трудѣ семьи наслѣдодателя; или же случается, что изъ наслѣдованія исключаются даже и всѣ родственники, даже самые прямые наслѣдники, какъ, напр., сыновья, если только они долгое время не жили и не участвовали своими трудами въ семьѣ.

Съ другой же стороны, наоборотъ, какъ уже указано, не связанные никакимъ родствомъ „пріемыши", пробывшіе и проработавшіе долго въ семьѣ, наслѣдуютъ наравнѣ съ родными, часто самыми близкими, съ сыновьями, причемъ могутъ даже оспорить права родныхъ, менѣе основанныя на трудовомъ правѣ (такъ, напр., по Полтавской губ. я встрѣтилъ характерный случай, когда одна изъ двухъ сестеръ не получила вовсе никакой доли изъ небольшого клочка, „спадавшаго" имъ отъ дѣда, потому что мужъ другой сестры доказалъ, что исполнилъ всѣ обязанности „пріймака" по отношенію къ своему тестю). Приводя еще въ примѣчаніи указываемыя г-жой Ефименко еще болѣе яркія проявленія этой подчиненности права наслѣдованія не формальному основанію родства, а фактическому, существенному основанію трудовой связи*), я считаю,

*) Вотъ какъ наслѣдуетъ, по описанію А. Ефименко („Изсл. нар. жизни" стран. 159—160) жена послѣ мужа по народному обычаю вмѣсто мертваго и ни на чемъ не основаннаго шаблона писаннаго закона: „Если женщина жила съ мужемъ недолго, ей или не дается ничего изъ имущества (разумѣется, ея имущество всегда при ней), или дается немногое, по добровольному соглашенію съ настоящими наслѣдниками или по приговору суда; все остальное идетъ въ семью, въ которой мужъ нажилъ свое имущество. Но если женщина жила съ мужемъ продолжительное время, значитъ, сдѣлалось уже возможнымъ смотрѣть на имущество не какъ на выдѣлъ изъ мужниной семьи, а какъ на результатъ совмѣстнаго труда супруговъ, тогда вдова является полноправной наслѣдницей всего имущества. Иногда мужъ, умирая, дѣлаетъ завѣщаніе въ пользу жены, обыкновенно мотивируя свое желаніе передать имущество или часть его женѣ тѣмъ, что она усердно трудилась,— это, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда супруги жили недолго; въ противномъ случаѣ, нѣтъ надобности въ завѣщаніяхъ. Не только законныя жены, даже любовницы, послѣ долговременнаго сожительства, имѣютъ право на имущество своихъ сожителей, и судъ

что этихъ примѣровъ достаточно для яркаго оттѣненія той огромной пропасти, которая отдѣляетъ наслѣдованіе „по закону“, — такое же случайное нетрудовое, какъ и вообще всѣ виды пріобрѣтенія по праву господствующихъ нетрудовыхъ слоевъ, — отъ того обычнаго наслѣдованія въ трудовомъ народѣ, которое является не столько полученіемъ чужого, сколько выдѣломъ своего же, своимъ же трудомъ скопленнаго имущества.

Но перейдемъ отъ этого общаго указанія на несомнѣнное присутствіе въ обычномъ правѣ особыхъ основаній, неизвѣстныхъ писанному закону, къ бѣглому обзору двухъ главнѣйшихъ видовъ этихъ основаній: мотивовъ морали и цѣлей общественныхъ. Остановимся сначала на первой категоріи. Если споръ въ правовыхъ столкновеніяхъ рѣшается не случаемъ и не силой, то, очевидно, только тотъ или иной видъ и та или иная доза нравственныхъ соображеній должны, какъ общее правило, склонять въ свою сторону чашу вѣсовъ. Тутъ уже не слѣпая Ѳемида самоцѣльнаго закона взвѣшиваетъ правовые споры, а зрячая и чуткая совѣсть общественнаго мнѣнія. Эта тѣсная связь между правомъ и моралью, вообще свойственная „первобытному“ народно-трудовому быту, сказывается даже и въ языкѣ: очень характерно, напримѣръ, что у киргизовъ слово „хакъ“ означаетъ одновременно, во-первыхъ, *истина*, во-вторыхъ — *Богъ* и, въ-третьихъ — *право на полученіе чего-либо**). Совершенно очевидно, какъ идеализировано должно быть такое право, насколько должны въ немъ перевѣшивать цѣлесознательность вообще и мораль въ частности. Мы ясно видимъ, что въ этомъ правѣ, находящемся на низкой *степени развитія*, легко разглядѣть тотъ самый *типъ* права, который является сейчасъ самымъ высокимъ идеаломъ для человѣчества...

Я очень далекъ отъ какой бы то ни было народнической идеализаціи, скажу даже прямо, что считаю ее въ настоящій

признаетъ за ними это право и защищаетъ отъ посягательства родственниковъ. Мы не знаемъ, имѣетъ ли этотъ фактъ повсемѣстное значеніе, но встрѣчаемъ его въ мѣстностяхъ, настолько удаленныхъ одна отъ другой, какъ Архангельская и Томская губ.“

*) См. выдающагося интереса этнографическій трудъ Н. И. Гродекова „Киргизы и Каракиргизы Сыръ-Дарьинской области“, т. I. Юридическій бытъ.

моментъ настолько же противорѣчащей дѣйствительности и чуть ли не еще болѣе вредной практически, чѣмъ антинародническое отрицаніе крестьянства, и мнѣ совершенно чуждо намѣреніе снабдить крестьянство особой высокой исторической „миссіей“ въ родѣ той, которая возложена ортодоксами марксизма на пролетаріатъ, — но не могу все-таки не констатировать того *факта*, что въ народномъ обычаѣ, рядомъ съ гнуснѣйшими пережитками дикости, почти звѣрства, выдѣляется, на нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ пунктахъ, довольно ясно и ярко это моральное освѣщеніе правовыхъ нормъ. Если бы кто хотѣлъ разобраться по этому пункту обстоятельнѣе, то я не нашелъ бы ничего лучшаго, какъ отослать его къ Глѣбу Успенскому, этому бытописателю „совѣсти и чести“; здѣсь же долженъ ограничиться двумя-тремя примѣрами только для болѣе конкретнаго поясненія моей мысли.

Возьмемъ отношенія половъ, отношенія супруговъ. Всѣ знаютъ звѣрскія истязанія женъ съ одобренія гогочущей толпы мужиковъ, слыхали, можетъ-быть, о продажахъ женъ мужьями въ полную собственность или какъ наложницъ и т. п. Я не закрываю глазъ на эти широкія темныя пятна, но долженъ указать на существованіе рядомъ съ ними и свѣтлыхъ полосъ, въ родѣ, напр., слѣдующихъ. Въ описаніи обычнаго права по Хорольскому у. Полтавской губ. указывается, что „приданое мужъ обязанъ возвращать также женѣ и въ томъ случаѣ, если она вслѣдствіе притѣсненій не желаетъ жить съ нимъ. Замѣчательно то постоянство, съ какимъ волостные суды всегда становятся на сторону жены, если только будетъ доказано, что ее притѣснялъ мужъ или его родственники: въ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріалахъ нѣтъ ни одного приговора, по которому судъ заставилъ бы жену жить въ такихъ случаяхъ съ мужемъ или чтобы онъ отказалъ въ отобраніи отъ мужа ея имущества; иногда судъ подвергаетъ даже мужа еще наказанію за жестокое обращеніе съ женой“ *). Кто знаетъ, каково положеніе женщины вообще и жены въ особенности почти по всѣмъ дѣйствующимъ кодексамъ, тотъ согласится, что народное право, по крайней мѣрѣ въ такихъ проявленіяхъ, по меньшей мѣрѣ не отстало отъ нихъ... Инте-

*) „Сб. ст. св.“ по Хор. у. Полтавской губ., стран. 37.

ресно еще одно характерное проявленіе неразличенія между мужчиной и женщиной, равноправности мужа и жены: зять-„пріймакъ“ часто также имѣетъ свое „приданое“, вступая въ домъ тестя, и имущественныя правила, напр. наслѣдственное право, по отношенію къ этому „приданому“ совершенно тѣ же, что и для приданаго жены. Напр., въ Гадячскомъ у. Полтавской губ. „въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ упоминается также о „приданомъ мужа“, т.-е. объ имуществѣ, приносимомъ съ собою мужемъ въ томъ случаѣ, когда онъ поступаетъ въ зятья, и что по отношенію къ этому „приданому“ примѣняется то же правило о возвратѣ онаго въ случаѣ бездѣтной смерти мужа женою покойнаго“ **).

Надо думать, что во всѣхъ такого рода человѣчныхъ правовыхъ нормахъ сказывается уже новая переформенная культура и нѣсколько уже выросшая и выпрямившаяся человѣческая личность. То же особенно проявляется въ семейныхъ раздѣлахъ, экономически обыкновенно невыгодныхъ, но имѣющихъ цѣлью хозяйственную и нравственную самостоятельность молодыхъ семей *).

Благопріятной средой для развитія этого моральнаго элемента въ правѣ является *общительность* и *общественность* трудового народа, особенно сильная въ крестьянствѣ. Невозможно отрицать, что въ народѣ и особенно въ деревнѣ живутъ съ болѣе, такъ сказать, открытой душой, чѣмъ въ „командующихъ классахъ“, что поэтому критика и самокритика морали тамъ настойчивѣе и роль общественнаго мнѣнія сильнѣе. Первый попавшійся примѣръ по опекамъ въ обычномъ правѣ пояснитъ это. По тому же Хорольскому у. Полтавской губ. указывается на рѣдкость злоупотребленій при опекахъ, и объясняется это такъ:

Сравнительная рѣдкость злоупотребленій въ крестьянскихъ опекахъ, по всей вѣроятности, въ значительной степени зависитъ отъ условій крестьян-

*) Тамъ же.

**) Вотъ что пишетъ, напр., въ своемъ отзывѣ по этому вопросу Минское губ. совѣщаніе: „Все крестьянское населеніе смотритъ на семейные раздѣлы, какъ на обыкновенныя и даже необходимыя условія для прекращенія домашнихъ раздоровъ, а потому и стремится къ достиженію семейнаго спокойствія и нравственной самостоятельности, хотя бы даже съ потерею нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ и въ ущербъ своего хозяйственнаго благосостоянія“. („Сводъ закл. губ. сов.“, стран. 218).

ской жизни; при несложности крестьянскаго хозяйства всѣ сдѣлки и продажи, совершаемыя опекунами, легко запоминаются сосѣдями и родственниками сиротъ, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ въ деревнѣ совершаются открыто. Запоминается все это не потому, чтобы сосѣди и родственники сироть имѣли въ виду контролировать опекуновъ, но все запоминается само собою, такъ какъ одному приходилось самому арендовать сиротскую землю, другой жалъ за снопъ хлѣбъ у арендатора и знаетъ, что тотъ заплатилъ за аренду сиротской земли; третій лично присутствовалъ при распродажѣ движимаго сиротскаго имущества, а можетъ-быть и самъ что-нибудь купилъ и т. п. Благодаря всему этому, опекуну довольно трудно утаить какой-нибудь доходъ отъ сиротскаго имущества; въ с. Кривой Рудѣ заявляли, что для опекуна возможно развѣ утаить полученную имъ плату за службу сироты, но и это очень рѣдко дѣлается" *).

При такихъ условіяхъ слова: „общественная совѣсть" заключаютъ, представляется мнѣ, въ крестьянствѣ больше содержанія и вѣса, чѣмъ въ правящихъ верхахъ. Эта крестьянская „общественная совѣсть", выражающаяся обычно въ „общинной совѣсти", далеко, конечно, не свободна отъ множества темныхъ и грязныхъ пятенъ, очень и очень нерѣдко распродается она съ публичнаго торга и пропивается оптомъ и въ розницу. Но въ этомъ сказывается какъ бы безволіе ребенка или дикаря, это надо приписать „власти тьмы", а не „власти земли", не власти земледѣльческаго труда, не власти труда вообще и меньше всего власти общины; именно всѣ эти контрасты съ наглядностью вскрываютъ за *низкой степенью* развитія *высоту типа* его. Характерно во всякомъ случаѣ, что въ общинныхъ разверсткахъ земли, ставящихъ цѣлью разравнять землю по населенію и вывести равнодѣйствующую разныхъ группъ общинниковъ, очень распространены особые виды разверстокъ, такъ и называющіеся „по совѣсти", „по согласію", „по милу", „любя" и т. п. Правда, еще изъ перваго тома „Русской общины" читатель могъ усмотрѣть, что иногда лишь внѣшнія условія (а именно—равнодушное отношеніе къ надѣлу, почти не оправдывающему податей) приводятъ къ этой идилліи и что часто она остается таковой лишь на словахъ; но довольно и того, что хотя въ нѣкоторомъ, все-таки замѣтномъ, числѣ случаевъ эта ультра—моральная правовая общинная норма существуетъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ,—чтобы показать, что въ народномъ правѣ и право-

*) „Сб. ст. св." по Хор. у. Полтавской губ., стран. 41.

сознаніи присутствуетъ моральный элементъ въ такомъ выраженіи и въ такой степени, какихъ нѣтъ и не можетъ быть у живущихъ по писанному закону „хозяевъ жизни“.

Чтобы показать, какъ высоко иногда поднимается эта „общинная совѣсть“, это моральное право, выберу примѣръ, особенно типичный именно по соединенію въ немъ темнаго пережитка съ этимъ какъ бы прообразомъ будущаго высшаго права. Крестьяне одной деревни заподозрили одного своего общинника въ конокрадствѣ и, воспользовавшись даннымъ имъ „закономъ“ правомъ, выслали его въ Сибирь. Но затѣмъ оказалось, что его обвинили напрасно. Крестьянинъ былъ возвращенъ, но уже совершенно разбитымъ, неспособнымъ къ труду. Тогда община рѣшила въ возмѣщеніе своего грѣха предъ нимъ сообща обрабатывать его надѣлъ. Повторяю, пусть послѣдствія грѣха легализированнаго самосуда тутъ не покрываются покаяніемъ, пусть вообще *степень* осуществляемаго права низка, но *типъ* его высокъ: трудно требовать отъ крестьянъ, чтобы они различали судъ отъ самосуда, когда „законъ“ этого не различаетъ; но важно то, что загладили они свою вину уже безъ всякаго понужденія извнѣ и что элементъ высокой общественной морали въ этомъ актѣ неоспоримъ. И кто знаетъ, какіе всходы дадутъ эти зерна моральнаго права, согрѣтые солнцемъ свободы и просвѣщенія?...

Читатель замѣтилъ, что уже въ этомъ бѣгломъ обзорѣ моральныхъ основъ народнаго права выступила сама собой *общественная* мораль, *общинная* совѣсть и т. д. Это характерно и очень важно: въ томъ все и дѣло, что эта мораль имѣетъ не индивидуалистическій, а въ значительной степени соціальный характеръ, такъ что, напр., подбирая доказательства проявленія общественныхъ цѣлей въ обычаѣ, я постоянно останавливался въ колебаніи, не будутъ ли представлявшіеся примѣры еще болѣе типическими для показанія этого моральнаго элемента. Перейдемъ теперь къ этимъ опять-таки бѣглымъ замѣчаніямъ о томъ, какъ въ трудовомъ народѣ отражаются сквозь призму его интересовъ соціальныя цѣли, соціальные идеалы.

Само собою разумѣется, что главный очагъ, въ которомъ выплавляются элементы общественнаго сознанія, общественной цѣлесознательности, представляетъ община, — ниже мы вы-

яснимъ подробнѣе, какъ складываются въ ней два основные мотива народнаго права — „право труда“ и „право на трудъ“. Пока же я подчеркну только, что этотъ главный очагъ, какъ и слѣдовало ожидать, не остается изолированнымъ отъ остальной сферы права и что и внѣ общины ставятся и посильно рѣшаются тѣ же задачи приспособленія общественныхъ формъ къ интересамъ труда и трудящихся.

Начнемъ съ мало замѣтнаго на первый взглядъ проявленія, съ обычая пріймачества: вдумаемся точнѣе въ указанный уже выше хозяйственно-общественный смыслъ и результатъ его. Вотъ какъ резюмируется этотъ смыслъ въ одномъ изъ уже цитированныхъ очерковъ по Полтавской губ.: „Обычай принятія пріемышей состоитъ въ томъ, что старики, имѣя землю и орудія труда (постройки, скотъ и пр.), но не располагая достаточною рабочей силой, принимаютъ къ себѣ молодыхъ; или же молодые, располагая только рабочей силой и желая усилить свое хозяйство пріобрѣтеніемъ земли, рабочаго инвентаря и т. п., принимаютъ къ себѣ стариковъ, имѣющихъ землю и т. п. *Въ обоихъ случаяхъ бывшіе разрозненными элементы хозяйства соединяются въ одно цѣлое, въ чемъ и заключается идея принятія пріемышей*“*) (курсивъ мой. *К. К.*).

Итакъ, пріймачество по самой сути своей дѣлаетъ то же, что община, что семейная собственность: соединяетъ землю съ рабочей силой, средства производства съ трудомъ, т.-е. возстанавливаетъ трудовой строй, нарушившійся случайностями естественнаго движенія населенія. Эта цѣль съ усиленной яркостью сказывается въ наблюдающихся иногда предварительныхъ опытахъ ея достиженія. Такъ, въ Хорольскомъ у. Полтавской губ. наблюдается слѣдующій обычай: „Вѣроятно частыя несогласія и ссоры между пріемышами и принявшими заставляютъ нѣкоторыхъ принимать къ себѣ пріемышей сначала условно, съ тѣмъ, что окончательная сдѣлка будетъ совершена впослѣдствіи, когда пріемышъ окажется подходящимъ“**). Какъ необыченъ и смѣлъ въ своей простотѣ для нетрудового правосознанія, съ прикрытыми лично-хищническими цѣлями, этотъ обычай спокойныхъ, методическихъ опытовъ

*) „Сб. ст. св.“ по Полтавской губ. т. IV, стран. 22.

**) См. „Сб. ст. св.“ по Хор. у. Полтавской губ. стран. 38.

для искусственнаго возсозданія разрозненнаго семейно-трудового гнѣзда!...

Тѣ же трудовые интересы и трудовые идеалы ярко просвѣчиваютъ въ выработанныхъ обычнымъ правомъ нормахъ распредѣленія налоговъ и отбыванія натуральныхъ повинностей и общественной службы. Платежи раскладываются почти всегда *на землю, т.-е., значитъ, на ренту отъ земли*; часто къ обложенію привлекаются (помимо и даже вопреки всякаго закона) представители торговаго и денежнаго капитала въ разныхъ формахъ приблизительно — глазомѣрнаго или основаннаго на точныхъ признакахъ подоходнаго налога. Отсылая за нѣкоторыми подробностями выработанныхъ крестьянскимъ правомъ нормъ обложенія къ I тому „Русской общины“ (страницы 177—181), прибавлю здѣсь, что подобныя же нормы вырабатываются и внѣ общины въ мѣстностяхъ, какъ Малороссія. Чрезвычайно интересное распространеніе того принципа, что земля должна нести общественные расходы, состоитъ въ уплатѣ съ нея даже и расходовъ, связанныхъ съ семейно-родовой жизнью. Напр., по Полтавской губ. указывается, что

„Похороны землевладѣльца оплачиваются по народно-обычнымъ понятіямъ рентою отъ земли: она несетъ эту повинность для выполненія обряда, тѣсно связаннаго съ учрежденіемъ рода и семьи. Въ сферѣ отбыванія болѣе широкихъ повинностей — общественныхъ и государственныхъ — недвижимость сохраняетъ ту же роль и уплачиваетъ недоимку стараго владѣльца даже по переходѣ въ третьи руки; такой случай былъ въ Глинской волости, гдѣ, впрочемъ, судъ (1886 г., 6 марта) въ виду того, что покупщикъ сжегъ половину дома за его полною негодностью, и руководясь правиломъ „грѣхъ пополамъ“, разложилъ недоимку поровну на перваго и послѣдняго владѣльца“*).

Затѣмъ всякаго рода натуральныя „отбыванія“ трудомъ или службой частью раскладываются на капиталъ производственный, напр. на лошадей и т. п., если данная повинность даетъ особыя выгоды, пропорціональныя этому капиталу (напр., устройство гатей на дорогахъ и т. д.), частью же развертываются по семьямъ, пропорціонально ихъ рабочимъ силамъ. При этомъ опять-таки эта трудовая уравнительность не является спеціальнымъ слѣдствіемъ общины, а вырабатывается въ законченномъ видѣ и внѣ ея, напр., въ Малороссіи (при-

*) „Сб. ст. св. по Полтавской губ.“, Роменскій у., стран. 47.

вожу въ примѣчаніи очеркъ этихъ порядковъ по Роменскому у. Полтавской губ.*).

Закончу эти бѣглыя замѣчанія вторымъ изъ двухъ встрѣтившихся мнѣ случаевъ ссылки крестьянами въ Сибирь своего однообщественника: мы увидимъ, что этотъ случай настолько же ярко рисуетъ соціальныя цѣли трудового крестьянства, какъ предыдущій рисовалъ его моральный духъ. Въ очеркѣ по Роменскому у. Полтавской губ. сообщается:

„Приговоръ общества о высылкѣ въ Сибирь цѣлой семьи мы встрѣтили только одинъ разъ: Хоружевское общество крестьянъ приговорило къ ссылкѣ одну вдову съ женатымъ ея сыномъ и двумя дѣтьми, принявъ на себя расходы по ссылкѣ, за то, что вдова эта вела постоянныя тяжбы съ цѣлымъ обществомъ, т.-е. отличалась тоже „невжиточнымъ характеромъ“ и своими жалобами отвлекала многихъ въ самое горячее время отъ работы. Однажды по ея настоянію къ мировому судьѣ за 18 верстъ вызвано было 25 человѣкъ, другой разъ — 30 человѣкъ въ мировой съѣздъ за 35 верстъ“**)...

Каждый буржуа и каждый марксистъ съ высоты своей просвѣщенности обрушитъ, конечно, презрѣніе и негодованіе на

*) „Но вотъ другія фазы проявленія громадскихъ умоначертаній и взглядовъ на жизнь, гдѣ на сцену выступаетъ принципъ не собственности, а личнаго труда, производящаго цѣнности. Общество разсуждаетъ о раскладкѣ повинностей сельскихъ, волостныхъ, стоично-пунктовыхъ, о раскладкѣ сборовъ на постройку моста, школы и т. п. Общественное сознаніе, воспитанное на уваженіи личной собственности каждаго своего члена, съ такимъ же уваженіемъ относится и къ эквиваленту его — личному труду ихъ. Въ многообразныхъ постановленіяхъ громадъ Роменскаго уѣзда по вопросамъ объ отбываніи денежныхъ или натуральныхъ повинностей, о службѣ обществу на той или другой должности вездѣ соблюдается справедливость въ исчисленіи числа рабочихъ душъ отъ 18 до 60-лѣтняго возраста, не вызывающая никогда требованій о кассаціи постановленій, переносимыхъ на разсмотрѣніе высшей инстанціи — крестьянскаго присутствія. Нѣтъ нужды перечислять всѣ громадскія рѣшенія по этимъ вопросамъ или приводить примѣры для подкрѣпленія мысли, что внутри самой громады есть достаточно нравственнаго и политическаго развитія для установки общественныхъ отношеній текущей жизни. Мы приведемъ лишь одинъ примѣръ, который поясняетъ громадское воззрѣніе на трудъ, посвящаемый обществу — „міру“. Засульскій волостной засѣдатель по хозяйственной части просилъ волостной сходъ по обстоятельствамъ личнаго свойства уволить его отъ занимаемой имъ должности ранѣе срока. Сходъ, принявъ во вниманіе, что у просителя есть три брата-работника, отказалъ ему въ исполненіи просьбы, рѣшивъ, что при такой хозяйственной обстановкѣ онъ можетъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, дослужить опредѣленное трехлѣтіе“ („Сб. ст. св.“ по Роменскому у., стран. 50).

**) „Сб. ст. св.“ по Роменскому у., стран. 48.

„этотъ міръ, который"... есть грубая расправа, который безпощадно губитъ людей посредствомъ даннаго ему государствомъ полицейскаго права и т. д. Всѣ эти обличенія представляются мнѣ, однако, можетъ-быть, и благородными, но не очень умными. Осмѣливаюсь думать, что прописи о правовыхъ гарантіяхъ личности, объ элементарныхъ условіяхъ правосудія и т. п. извѣстны мнѣ не хуже, чѣмъ имъ; а что *средство*, употребленное крестьянами, обличаетъ низкую *степень* въ развитіи права, объ этомъ я почти излишнимъ считаю и упоминать. Но упрощенно-мыслящіе противники народнаго права хорошо бы сдѣлали, если бы вспомнили, что кромѣ средства тутъ есть и *цѣль*, что кромѣ степени развитія тутъ вырисовывается и *типъ* этого права. Поэтому для меня этотъ необыкновенно яркій случай представляется не предлогомъ для элементарнаго и дешеваго либерализма по адресу культивируемаго бюрократическимъ государствомъ пережитка безправія въ правѣ, а поводомъ для самаго настойчиваго и глубокаго вниманія къ той дружной и рѣшительной даже до жестокости организаціи трудового крестьянства, которая не останавливается въ защитѣ интересовъ и правъ своего труда ни предъ какими средствами, которая пока не находитъ для этой цѣли легальныхъ и человѣчныхъ средствъ, но которая, надо думать, не отвернется же во имя какого-то звѣрства ради звѣрства отъ тѣхъ путей свободнаго легальнаго права, которые ей скоро откроются. Очевидно, какую огромную важность для этого столь уже близкаго момента имѣютъ трудовой типъ и трудовыя цѣли народнаго права, съ необыкновенной яркостью вскрывающіяся въ случаяхъ, подобныхъ описанному.

Мнѣ осталось дорисовать въ этомъ бѣгломъ эскизѣ еще одну типическую черту: указать на господствующій въ народномъ правѣ духъ мира, примиренія. Съ одной стороны, это результатъ его неформальности, отсутствія въ немъ подробныхъ объективныхъ неподвижныхъ нормъ: его нормы общи, а поэтому при столкновеніи упруги, отступаютъ одна передъ другой; кромѣ того, нормы народнаго права условны, ибо выводятся каждый разъ изъ общихъ основаній, такъ что борьба идетъ не между категорическими и, такъ сказать, несоизмѣримыми, ибо не мотивированными, правами, а между общими

основаніями правъ, объединяющимися въ общихъ началахъ морали и общественныхъ интересовъ. Съ другой стороны тутъ вліяютъ указанныя уже общительность и общественность, выносящія личные и семейные споры „на міръ“, на судъ общественнаго мнѣнія, которое и воздѣйствуетъ примиряюще на спорящихъ. Община, напр., хотя и пріучаетъ каждаго отстаивать свои интересы, но почти всегда въ связи съ интересами другихъ, т.-е., во-первыхъ, пріучаетъ къ солидарности (съ тѣми, у кого тѣ же интересы) и къ общей мотивировкѣ права общественно-моральными основаніями (противъ интересовъ противной стороны); вообще говоря, община стремится прекратить индивидуалистическую борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, такъ что съ этой точки зрѣнія можно сказать, что *„міръ“ есть „миръ“*. Отсюда и примирительное начало въ частныхъ тяжбахъ.

Только исходя изъ сказаннаго, можно понять совершенно особенный характеръ народнаго правосознанія и суда, поражающихъ самыми своеобразными контрастами... Вотъ, напр., попадаетъ къ народу кто-нибудь съ самыми добрыми „народническими“ чувствами и узнаетъ вдругъ слѣдующую поражающую вещь: за тѣ три года, что Н. А. Астыревъ былъ волостнымъ писаремъ, чрезъ его руки прошло около 600 дѣлъ, а всего хозяевъ въ той волости до 1800 дворовъ; такимъ образомъ (внося взаимно-уничтожающіяся, по словамъ Астырева, поправки о томъ, что нѣкоторые судились по нѣсколько разъ, но за то въ нѣкоторыхъ дѣлахъ участвовало по нѣсколько лицъ) получаемъ, что въ годъ успѣваетъ пересудиться болѣе 10% населенія, т.-е. менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ перебываетъ въ волостномъ судѣ все населеніе (если не поименно, то по числу тяжбъ)!... Народникъ, увидѣвъ „на цифрахъ“ это чудовищное сутяжничество „народа“, спѣшитъ разочароваться и констатировать паденіе „устоевъ“... Но вотъ другія цифры того же Астырева: оказывается, что не менѣе трети заявленныхъ споровъ рѣшаются до и безъ суда миромъ сторонъ и что затѣмъ очень много споровъ рѣшаются миромъ въ самомъ судѣ по его „увѣщанію“ и даже послѣ суда, т.-е. въ отмѣну его рѣшенія, съ отказомъ выигравшаго отъ всего или части его выигрыша! Итакъ, что же это значитъ? не долженъ ли народникъ опять спѣшить очароваться „устоями“?. На самомъ

дѣлѣ нѣтъ основаній ни для очарованія, ни для разочарованія: есть только сложное явленіе, которое можно понять, лишь изучивъ его...

Впредь до такого изученія мнѣ дѣло представляется, приблизительно, такъ. Что нѣкоторый вкусъ къ тяжбамъ проявляется въ приведенныхъ фактахъ, это, повидимому, безспорно; но какой характеръ имѣетъ это сутяжничество? Проявляется ли въ немъ та типическая собственническая жадность, то обостренное почти до безумія индивидуалистическое чувство отстаиванія „своего“ во что бы то ни стало, которыя такъ характерны для западно-европейскаго, особенно, напр., французскаго, мелкаго землевладѣльца? Мнѣ кажется, что нѣтъ, скорѣе даже наоборотъ. Мы ясно видимъ, что этотъ спорщикъ, какъ общее правило, отнюдь не упорствуетъ до конца, что попавши на публичное правовое состязаніе, онъ очень часто и очень быстро самъ ограничиваетъ свои притязанія, что, попавши на міръ, онъ заключаетъ миръ... Не ясно ли въ такомъ случаѣ, что въ этомъ большомъ количествѣ споровъ приходится видѣть не переразвитіе собственническаго индивидуализма, а, наоборотъ, скорѣе отсутствіе его,—отсутствіе этой особенно свойственной, напр., англичанамъ привычки и способности къ-лично-частнымъ соглашеніямъ, стремленіе все всегда выносить „на міръ“?

До какой степени это упорное индивидуалистическое сутяжничество чуждо народному праву даже въ „индивидуалистической“ Малороссіи, это необыкновенно ярко освѣщается слѣдующимъ точно нарочно попавшимся мнѣ случаемъ: по Гадячскому уѣзду Полтавской губ. сообщается, что иной разъ, именно въ такихъ случаяхъ упорныхъ непримиримыхъ личныхъ тяжбъ, волостной судъ, наскучивъ постоянными ссорами двухъ братьевъ, отказываетъ рьянымъ спорщикамъ въ дальнѣйшихъ разбирательствахъ*)... Опять-таки я охотно предоставляю противникамъ народнаго права негодовать на этотъ оригинальный юридическій методъ разрубанія узла вмѣсто его распутыванія, но намъ и на этотъ разъ важенъ не простой вопросъ о средствахъ и степени,— кто споритъ о томъ, что они слабы и низки?— а гораздо болѣе сложный и важный

*) „Сб. ст. св.“ по Гад. у. Полтавской губ., стран. 15—16.

вопросъ о *цѣли* и *типѣ* народнаго права. И вотъ тутъ мы видимъ, что типичное для западно-европейскаго крестьянина индивидуалистическое сутяжничество не только не свойственно русскому крестьянскому правосознанію, но даже настолько чуждо и противно ему, что судъ относится къ нему въ родѣ какъ къ психической ненормальности*).

Но не только сами спорящіе такъ склонны къ миру, не только судъ прежде всего склоняетъ и такъ часто успѣваетъ склонить къ миру: кромѣ того, въ рѣшеніяхъ своихъ онъ держится примирительнаго начала, останавливаясь на какомъ-либо компромиссѣ между притязаніями спорящихъ всегда, когда не очевидна полная правота одной какой-либо стороны. Въ такихъ случаяхъ, по крестьянскому выраженію, онъ дѣлитъ „грѣхъ пополамъ“.

Но уступаю здѣсь слово А. Ефименко:

„Грѣхъ пополамъ“ не есть какое-либо случайное вдохновеніе деревенскаго юриста — „старика“. Это институтъ, вполнѣ способный къ юридическому развитію. Мы его встрѣчаемъ и въ правѣ другихъ народовъ, напр., въ древнегерманскомъ; но тамъ онъ представляетъ нѣчто случайное и неразвитое. Въ русскомъ же народномъ правѣ онъ получилъ широкое разви-

*) Привожу еще мѣткія и яркія указанія Н. А. Астырева по этому вопросу. „Убѣдительнѣйшимъ же доказательствомъ тому, что въ судъ обращаются преимущественно съ справедливыми исками, служитъ масса мировыхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ какъ до разбора дѣла, такъ во время самаго разбора и даже послѣ разбора. До суда доходитъ не болѣе двухъ третей заявленныхъ въ волостномъ правленіи жалобъ: одна треть кончается миромъ безъ всякой помощи правосудія, если не называть помощью посылку отвѣтчику повѣстки; эта послѣдняя какъ бы напоминаетъ ему о существованіи и на него „управы“, и онъ спѣшитъ мириться, если настолько честенъ, чтобы безусловно признать свою вину или долгъ. Но еще характернѣе мировыя сдѣлки, заключаемыя послѣ постановки рѣшенія суда. Нерѣдко случается, что судъ присудитъ Ивану съ Петра, скажемъ, пять рублей за потравленное у него сѣно; черезъ полчаса или болѣе по объявленіи рѣшенія, когда начинается разборъ третьяго или четвертаго послѣ этого дѣла, въ „залу засѣданія“ врываются Иванъ съ Петромъ.

— Вамъ что?

— Да вотъ просимъ покорнѣйше нашъ судъ помарать, потому мы помирились...

— На какихъ условіяхъ?

— Рублевку съ него беру. Что его обижать, Господь съ нимъ!

Это говоритъ истецъ, оцѣнившій сначала потравленное у него сѣно въ десять рублей и оставшійся сильно недовольнымъ, когда судъ присудилъ ему „по таксѣ“, т.-е. по закону, только пять рублей...“

тіе и примѣняется ко всѣмъ случаямъ, когда чувство естественной справедливости не позволяетъ безусловно признать право одной стороны, напр., когда иску недостаетъ доказательствъ, но судъ признаетъ его заслуживающимъ уваженія по условіямъ дѣла и личности истца, затѣмъ когда кто нанесъ ненамѣренно и случайно ущербъ имуществу другого и т. д."

На этомъ свидѣтельствѣ столь компетентнаго лица и на приводимыхъ для иллюстраціи его въ примѣчаніи примѣрахъ *) я долженъ и покончить съ этой послѣдней изъ характерныхъ чертъ того „духа народнаго права", который живетъ въ Россіи и который потому заслуживалъ бы, кажется, не меньше изслѣдованія, чѣмъ внѣдряемый съ каѳедры въ юристовъ, служащихъ „закону", „духъ римскаго права". Это народное право живетъ, значитъ безъ него не обойдется новое творчество жизни, значитъ надо понять поглубже его типъ...

Перейдемъ теперь къ двумъ главнымъ основаніямъ этого права: *праву труда* и *праву на трудъ*.

---

*) Примѣры опять относятся къ Малороссіи, къ Роменскому у. Полтавской губ. Привожу ихъ подробно безъ поясненій, такъ какъ они сами говорятъ за себя.

„Въ Талалаевской вол. одинъ крестьянинъ далъ другому для его работъ на время лошадь, а та у него пала неизвѣстно по какой причинѣ. Четыре свидѣтеля подтвердили, что лошадь была вполнѣ здорова во время посылки ея и что она дѣйствительно стоитъ, какъ показывалъ истецъ, 48 рублей, а два свидѣтеля высказались, что она уже до передачи была больна, почему и померла. Самъ истецъ послѣ этого заявилъ, что онъ будетъ доволенъ, если ему присудятъ только 20 руб., подаривъ 28 руб. отвѣтчику. Судъ такъ и рѣшилъ это дѣло".

Или: „Въ Глинской вол. одинъ казакъ сдалъ другому свою ниву съ половины. Тотъ не вспахалъ ея сначала потому, что была засуха, а когда пошли дожди и явилась возможность жать, онъ самъ заболѣлъ, о чемъ и заявилъ сдатчику земли. Но послѣдній требовалъ на судѣ вознагражденія въ размѣрѣ, какой получилъ отъ другого скопщика за такую же ниву. Судъ присудилъ скопщика къ уплатѣ, по оцѣнкѣ постороннихъ, не всей ренты, а за вычетомъ стоимости сѣмянъ, т.-е. не 4 руб. 55 коп., а только половины этой суммы — 2 руб. 22½ коп. Въ Хустянской вол. былъ подобный же случай дѣленія убытка пополамъ, но вытекающій изъ другихъ основаній, а именно изъ разсчета времени, по какое пользуется данное лицо испольною землею. Здѣсь одинъ крестьянинъ далъ взаймы другому 140 руб., а вмѣсто процентовъ на этотъ „столбъ" дома взялъ у него 2¼ дес. въ свое пользованіе. Хозяинъ заложенной такимъ образомъ земли деньги заимодавцу возвратилъ весною, и по снятіи урожая просилъ судъ присудить ему половину урожая, такъ какъ съ весны земля его находилась уже въ его пользованіи. Судъ такъ и рѣшилъ, что половина урожая принадлежитъ истцу" (стран. 49).

ГЛАВА VI.

Право труда.

Уже выше на длинномъ рядѣ примѣровъ мы получили понятіе о томъ, что я называю правомъ труда, и объ огромной роли его въ народномъ обычномъ правѣ. *Подъ сокращеннымъ выраженіемъ „права труда“ я подразумѣваю то право, которое дается на предметы потребленія и на средства производства затраченнымъ въ нихъ трудомъ субъекту этого труда.* И мы видѣли, что какія бы права мы ни обрисовывали, какіе бы примѣры ни находили для характеристики разныхъ особенностей типа народнаго права, почти повсюду мы наталкивались на это право *затраченнаго* труда, какъ на основаніе всевозможныхъ правъ, какъ на атмосферу, въ которой живетъ все народное право и правосознаніе. Теперь намъ остается собрать воедино всѣ эти разбросанныя черты и сдѣлать болѣе отчетливую и систематическую характеристику этого права труда. А именно: во-первыхъ, указать его историческое положеніе по отношенію къ нетрудовому „римскому праву“; во-вторыхъ, разсмотрѣть его съ точки зрѣнія этого господствующаго въ юридической „наукѣ“, какъ и въ жизни, формальнаго права; въ-третьихъ, выяснить всю глубину и силу этого трудового основанія; въ-четвертыхъ, конкретнѣе обрисовать его распространенность въ обычномъ правѣ; въ-пятыхъ, выдѣлить и сопоставить личный и коллективный элементъ въ правѣ труда и, въ-шестыхъ, резюмировать возможную его общую соціальную и политическую роль.

Сейчасъ мы и перейдемъ къ этимъ важнымъ пунктамъ въ только что указанномъ порядкѣ.

§ 1. Право затраченнаго труда и антитрудовое право, какъ классовыя правосознанія.

Читатель, я увѣренъ, не посѣтуетъ на меня, что по этому первому пункту я уступлю слово г-жѣ Александрѣ Ефименко: съ одной стороны, начерченная ею — уже четверть вѣка назадъ! — общая схема представляется настолько вѣрной, что остается лишь развивать ее въ подробностяхъ (для чего, однако,

какъ разъ сейчасъ у меня нѣтъ мѣста), съ другой же стороны, было бы для меня совершенно тщетнымъ пытаться изложить эту схему болѣе ясно и ярко, чѣмъ это сдѣлано замѣчательнѣйшей изслѣдовательницей на поприщѣ русскаго обществовѣдѣнія; къ тому же трудъ г-жи Ефименко теперь вышелъ изъ обращенія, кажется даже изъ продажи, и я не могу пропустить случая дать о немъ хотя нѣкоторое понятіе. Итакъ, вотъ какъ характеризуетъ г-жа Ефименко установленное исторіей взаимоотношеніе трудового и нетрудового, — или даже точнѣе, можетъ-быть, было бы сказать — антитрудового, права.

„...Всякій, кто признаетъ за правомъ органическое развитіе и допускаетъ вліяніе на него историческихъ и бытовыхъ условій, долженъ, кажется, согласиться и съ тѣмъ, что существуетъ тѣсная связь между юридическими понятіями даннаго общества и его экономическимъ строемъ, такъ какъ одно и то же отношеніе лица къ вещи входитъ какъ основное и въ юридическую и въ экономическую среду. Отсюда понятно, что при двухъ экономическихъ строяхъ, въ которыхъ это основное отношеніе различно, напр., когда продуктъ труда принадлежитъ производителю и когда онъ принадлежитъ другому лицу, — и юридическія воззрѣнія должны быть совершенно различны*)...

„...Законодательство находилось всегда въ рукахъ нетрудящихся классовъ. Понятно, что люди, права собственности которыхъ истекали изъ наслѣдованія, сдѣлки, завладѣнія (напр., относительно военной добычи), почти никогда изъ труда, легко могли просмотрѣть, что и трудъ нуждается въ юридическомъ признаніи...

„Конечно, такое общество должно было дать правовую санкцію оккупаціи и лишить этой санкціи трудъ; первая была для него символомъ господства, благородства, правоспособности, второй — зависимости, низкорожденности. Давленіе высшихъ слоевъ на низшіе въ Западной Европѣ было такъ ве-

*) „Но могутъ намъ возразить, — говоритъ далѣе по этому пункту г-жа Ефименко, — какъ же могло римское право, созданное при натуральномъ рабскомъ хозяйствѣ, привиться такъ хорошо къ юридическимъ воззрѣніямъ всей Европы и можетъ держаться до сихъ поръ при совершенно иномъ экономическомъ строѣ? Намъ кажется, что между высказаннымъ нами положеніемъ и выше приведеннымъ фактомъ нѣтъ противорѣчія; основное отношеніе, отношеніе лица къ вещи и при римскомъ натуральномъ правѣ, и при западноевропейскомъ капиталистическомъ хозяйственномъ строѣ остается одно и то же, т.-е. продуктъ труда принадлежитъ не производителю. Къ тому же, была одна черта политически — общественнаго сродства, которая облегчила Западной Европѣ усвоеніе римскаго права: римскій народъ былъ народъ завоевателей, а не мирныхъ работниковъ, и передалъ свое право тоже классу завоевателей, который уже навязалъ его классу трудящемуся. Въ средѣ послѣдняго долго держались и даже до сихъ поръ еще держатся остатки стараго права по отношенію къ труду“... („Изсл. нар. жизни“, стран. 137).

лико, что успѣло задавить въ нихъ зачатки тѣхъ юридическихъ воззрѣній, которыя были имъ естественно присущи, какъ трудящимся. Помогло уничтоженію этихъ воззрѣній и дальнѣйшее развитіе экономическаго строя, которое оторвало крестьянина отъ земли, трудящагося отъ продукта его труда, сдѣлало трудъ лишь косвеннымъ, а не прямымъ непосредственнымъ способомъ удовлетворенія потребностей трудящихся. Такъ на Западѣ; но въ Россіи положеніе дѣлъ въ значительной степени иное. Въ нашемъ крестьянствѣ, сидящемъ на своей землѣ, сохранилась въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ на Западѣ, непосредственная связь между трудящимся и продуктомъ его труда, сохранились и юридическія отношенія особаго трудового типа... На Западѣ сохранились только остатки, случайныя воспоминанія стараго типа юридическихъ воззрѣній, остальное стерто было налегшею силой; у насъ же въ Россіи, гдѣ завоеваніе не участвовало въ выработкѣ склада общественныхъ отношеній, гдѣ, слѣдовательно, не было такой необходимости въ насильственномъ навязываніи трудящемуся классу иныхъ юридическихъ воззрѣній, крестьянство могло цѣльно сохранить воззрѣнія того типа, который мы можемъ назвать трудовымъ, — и, дѣйствительно, сохранило ихъ“...*)

*) А. Ефименко, „Изслѣдованіе народной жизни“, стран. 137—138. Вып. I. Обычное право.—Не могу удержаться, чтобы не привести еще два отрывка изъ краткаго отвѣта г-жи Ефименко ея критикамъ.

„Давно уже про насъ, русскихъ, говорится, что мы ничего не можемъ знать, что нѣмцемъ не написано въ книжкѣ. И я, признаться, устанавливая свои положенія, не мало смущалась, что не могу, подобно моимъ оппонентамъ, сослаться ни на какого нѣмца. Зато какъ же обрадовалась, когда узнала, что наконецъ-таки и на моей улицѣ праздникъ, что нѣмецъ нашелся. Нѣмецъ этотъ—Робертъ Шелльвинъ. Въ прошломъ году появилось его сочиненіе: „Трудъ и его право“ („Arbeit und sein Recht, rechtlich volkswirtschaftliche Studien zur socialen Frage“. Berlin.), сочиненіе, какъ разъ трактующее, хотя съ иныхъ сторонъ и съ иныхъ точекъ зрѣнія, о томъ щекотливомъ вопросѣ, который служитъ содержаніемъ моей статьи. Работа Шелльвина — не публицистика, тѣмъ болѣе не памфлетъ: это настоящій нѣмецкій добросовѣстный ученый трудъ. Одна изъ главныхъ цѣлей его сочиненія доказать, что трудъ можетъ и долженъ имѣть правовое значеніе; разумѣется, авторъ не знаетъ, что въ народномъ русскомъ правѣ — да, вѣроятно, и въ другихъ народныхъ правахъ, гдѣ они еще не вытѣснены окончательно — осуществляется, хоть и въ примитивномъ видѣ, то, что онъ считаетъ возможнымъ и обязательнымъ для права культурнаго. Вообще, Шелльвинъ высказывается во многихъ мѣстахъ своего труда въ очень близкомъ моимъ положеніямъ смыслѣ, и высказывается не голословно, а во всеоружіи европейской юридической и экономической науки. Онъ утверждаетъ, что для римскихъ юристовъ было само собою подразумѣвающимся, что трудъ несвободенъ и что собственность есть господствующая правовая категорія; что современное культурное право еще не вышло изъ-подъ давленія правовыхъ институтовъ римскаго рабскаго государства; что все наше частное право, которое въ такомъ совершенствѣ разработало институтъ собственности и обязательства, почти не затронуло право личности и труда; что вообще

Повторяю, не умѣю ничего прибавить къ этой характеристикѣ, — развѣ только отослать читателя къ подлиннику... Сдѣлаю только одну оговорку: завоеваніе было, мнѣ кажется, и въ Россіи, — какъ иначе назвать „собираніе“ русской земли московской властью, получившею ее прямо изъ татарскихъ рукъ? Напомню затѣмъ, что обычное народное право живо и въ томъ широкомъ инородческомъ поясѣ, который охватываетъ Россію со всѣхъ сторонъ и который сейчасъ стиснутъ кандалами завоевателя... Дѣло, мнѣ кажется, не въ этомъ, а, какъ я указалъ выше, въ некультурности этого господствующаго слоя, не сумѣвшаго и не успѣвшаго отчеканить весь свой бытъ, а въ томъ числѣ и хищническое захватное свое право, въ отчетливыя нормы, и державшаго Россію не въ тонкой сѣти римскаго права, а просто зажавшаго ее въ кулакъ произвола, въ своего рода „кулачное право“ крѣпостного государства, и только въ пореформенный періодъ начавшаго — слишкомъ поздно! — плести эту сѣть... Но отъ этой частной поправки не измѣняется общая картина этого грандіознаго „внутренняго противорѣчія“, которое сложилось исторически въ Россіи между правомъ и правосознаніемъ трудовыхъ низовъ и господствующихъ верховъ, — противорѣчія, которое неминуемо дастъ огромную соціальную перемѣну, разъ только типъ трудового права не умретъ и какъ только онъ, перейдя

наше современное право объявляетъ трудъ за неправоспособный; что это огромный пробѣлъ и общественное зло, которое должно быть устранено законодательнымъ признаніемъ самостоятельнаго юридическаго значенія труда, какъ право производящаго факта (стран. VII, 138—149, 241 и сл.).

„Разумѣется, я не имѣю возможности слѣдить за аргументаціей Шелльвина и только могу отослать любопытствующаго читателя къ его талантливо написанной книгѣ. Мнѣ тутъ важно лишь слѣдующее: 1) что мои выводы уже совсѣмъ не такая Америка, 2) что они могутъ не казаться абсурдными, даже если стоять исключительно на почвѣ права культурнаго...

„...Я не имѣю ни малѣйшихъ притязаній на ученость въ юридическомъ смыслѣ, но все-таки уже настолько вкусила отъ плодовъ юридической науки, что мысль о введеніи въ юридическую область труда, какъ правового принципа, не могла не казаться мнѣ самой очень дерзкою. Трудно прать противъ рожна вѣками сложившейся науки съ безчисленнымъ множествомъ авторитетныхъ именъ, книгъ, традицій, съ массой затраченной умственной работы. Но я не видѣла выхода, не видѣла возможности объяснить ту массу фактовъ, какая была у меня передъ глазами, не сдѣлавши извѣстнаго, дерзкаго допущенія“.

на высшую ступень развитія, столкнется лицомъ къ лицу съ угнетающимъ его хищническимъ правомъ.

§ 2. Принципъ права труда и господствующее право.

Но здѣсь мы должны пройти черезъ одну дверь, которая никакъ не хочетъ открыться передъ правомъ труда, какъ особымъ основаніемъ права. Не только современная государственная власть, оставляя это право существовать, какъ фактъ, у извѣстной части населенія, ни за что, однако, не возводитъ и не возведетъ его въ общій принципъ права, не построитъ на немъ въ той или иной части законодательства, но и остающаяся въ огромной долѣ своей на службѣ у нынѣшнихъ „хозяевъ жизни“ юридическая „наука“ тоже не только не знаетъ, но и не желаетъ знать этого права труда. „Законъ“ только и дѣлаетъ, что все нервнѣе и поспѣшнѣе ему могилу копаетъ, „юриспруденція“ же заживо сдаетъ его въ исторію, въ архивъ, въ этнографію, какъ какой-то пережитокъ, не составляющій особаго, неизвѣстнаго официальной „наукѣ“ права. Съ той же яркостью мысли А. Ефименко переходитъ въ наступленіе противъ этого негостепріимнаго официальнаго правовѣдѣнія и заставляетъ его потѣсниться и дать мѣсто несимпатичному для него пришельцу изъ другого міра, о которомъ ужъ сама исторія, получше профессоровъ, рѣшитъ, составляетъ ли онъ пережитокъ прошлаго, или зародышъ будущаго... Такъ какъ здѣсь у меня не хватитъ мѣста процитировать доводы А. Ефименко текстуально, то срезюмирую ихъ суть, которая сводится по-моему къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ:

Первый — это то, что даже становясь на точку зрѣнія формальнаго права, даже допуская всѣ его чисто схоластическія фикціи, всѣ эти дѣтскіе quasi-контракты въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣдомо никакихъ контрактовъ не было и быть не могло, и т. п. — даже признавая всѣ эти, какъ остроумно выражается А. Ефименко, quasi-основанія, — все-таки, даже съ самыми смѣлыми натяжками этой хитросплетенной сѣти, ею не покрывается цѣлый рядъ несомнѣнныхъ и распространенныхъ случаевъ, когда народное право принимаетъ трудъ за свое основаніе и когда онъ не можетъ быть замѣненъ ни-

какимъ извѣстнымъ офиціальному праву основаніемъ. Ограничимся вмѣстѣ съ г-жей Ефименко указаніемъ одного примѣра: случаями запашки, закоса, засѣва на чужой землѣ, въ которыхъ трудъ этого захватчика крестьянскимъ судомъ всегда вознаграждается, даже тогда, когда захватъ былъ самовольнымъ или даже завѣдомо недобросовѣстнымъ. Виднѣйшій представитель юридической науки, занимавшійся русскимъ обычнымъ правомъ, г. Пахманъ, какъ бы признаетъ тоже на словахъ значеніе труда, какъ правооснованія *), но при анализѣ фактовъ никакъ не хочетъ дать ему мѣста, и въ частности, указанный случай вознагражденія труда подводитъ подъ готовую римскую формулу: „nemo locupletior fieri potest cum alterius damno aut detrimento“ („никто не въ правѣ обогащаться къ чужому ущербу“). Г-жа Ефименко отвѣчаетъ, что врядъ ли народъ могъ предвосхитить такую юридическую тонкость, что онъ просто примѣняетъ свое право труда. Я не совсѣмъ согласенъ на этотъ разъ съ уважаемой изслѣдовательницей; мнѣ кажется, что одно вовсе не исключаетъ другого, что все трудовое право именно и есть расширенное и углубленное примѣненіе этого принципа, проскользнувшаго даже и въ римское право и составляющаго какъ бы одинъ изъ просвѣтовъ въ принципіальное и идеалистическое право изъ сферы формализма и схоластики: не подходитъ ли въ самомъ дѣлѣ даже все соціалистическое право подъ эту общую и растяжимую формулу?... И если г. Пахманъ успокаивается на этой ложной формулѣ и думаетъ, что отдѣлался отъ труда, какъ основанія права, введя принципіальное признаніе его

*) „...Нѣтъ, конечно, нужды доказывать экономическое значеніе труда въ дѣлѣ пріобрѣтенія и накопленія имущества. Справедливо также, что при низкомъ уровнѣ экономической жизни трудъ является не только главнымъ, но почти единственнымъ источникомъ или орудіемъ добыванія средствъ жизни. Таково же, несомнѣнно, значеніе труда и въ нашемъ сельскомъ населеніи: какъ въ семьѣ, такъ и внѣ ея, каждый человѣкъ цѣнится, прежде всего, какъ трудовая сила; въ немъ самомъ, и преимущественно въ его физической силѣ, коренятся всѣ средства жизни и благосостоянія. Не подлежитъ также сомнѣнію, что, по тѣсной связи экономическихъ условій быта съ областью права, трудъ находитъ себѣ обширное примѣненіе и въ сферѣ правоотношеній, составляющихъ предметъ гражданскаго права. Такимъ образомъ трудъ получаетъ и значеніе юридическое“ (стран. 43 и 44). Цитирую по А. Ефименко „Изслѣдованіе народной жизни“, стран. 168.

чрезъ этотъ просвѣтъ въ святилище офиціальнаго права, — то чего же лучше? Мы съ гг. Пахманами говоримъ на разныхъ языкахъ, — они по-латыни, мы по-русски; удовольствуемся же тѣмъ, что и они, какъ и мы, хоть по-латыни, если не по-русски, вынуждены признать существованіе трудового правосознанія... Въ примѣчаніи я привожу иллюстраціи г-жи Ефименко къ этому обычаю вознагражденія всегда и всякаго труда, даже недобросовѣстнаго захватчика*); здѣсь же только добавлю, что совершенно подобные же случаи встрѣтилъ и я при изслѣдованіи землевладѣнія въ Сибири. И здѣсь это неуклонное, дошедшее даже до высокой *степени* тонкости и выработанности признаніе труда, какъ правоосновапія, нашло себѣ въ одномъ изъ приговоровъ волостного суда даже формулу, почти буквально переводящую вышеприведенный латинскій священный текстъ: „*никто не долженъ обогащаться на чужой счетъ*“, — пишетъ въ своихъ мотивахъ волостной судъ Енисейской губерніи**).

---

*) „...Общее начало, по которому рѣшаются подобныя дѣла, то, что потраченный трудъ „во всякомъ случаѣ“ долженъ быть вознагражденъ: умышленно ли, или по ошибкѣ дѣло произошло, это отражается лишь на степени вознагражденія; самый принципъ не страдаетъ отъ такого различія въ обстоятельствахъ. Такъ какъ крестьянскій судъ всегда преслѣдуетъ не формальную, а индивидуальную, естественную справедливость, то упомянутый принципъ прилагается крайне разнообразно. Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ рѣшеній.

„Два крестьянина захватили самоуправно у третьяго полъ десятины; по рѣшенію суда виновные должны были отдать обиженному весь урожай, каждый съ четверти десятины; но обиженный обязался возвратить имъ сѣмена и уплатить за работу. Засѣявшій по ошибкѣ чужое поле получаетъ весь урожай, но платитъ собственнику арендныя деньги по существующимъ цѣнамъ или вообще вознаграждаетъ владѣльца за убытки. Иногда хозяину земли присуждается лишь половина, иногда треть урожая, иногда весь урожай, но зато онъ обязывается отработать такой же участокъ у того, кто вспахалъ его поле, и т. д.; вообще допускаются различныя комбинаціи, при которыхъ, однако же, трудъ непремѣнно вознаграждается. Отвѣтчикъ нарубилъ дровъ въ лѣсу истца по ошибкѣ; дрова признаются собственностью вырубившаго, а хозяину лѣса уплачивается вознагражденіе, опредѣленное судомъ, — значитъ трудъ порубки признается достаточнымъ, чтобы дать порубщику право собственности на дрова и т. д.“

(Эти факты заимствованы изъ „Трудовъ комиссіи по изслѣдованію положенія волостныхъ судовъ“ и напечатанныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ Архангельской губерніи.)

**) См. мою работу „Русская община“, т. I, стран. 142 и др.

Итакъ, попытка затянуть трудовое правооснованіе въ сѣть римскаго права оканчивается самымъ неожиданнымъ образомъ: для этого пришлось растянуть (даже разорвать) одну изъ петель до такой степени, что ужъ никакого прикрытія на этомъ пунктѣ не осталось; пришлось для сохраненія формы и формулы пожертвовать содержаніемъ, самымъ „духомъ римскаго права“. Но, какъ очень правильно и мѣтко указываетъ г-жа Ефименко, уже и внутри этого римскаго права имѣется червь трудового начала въ видѣ признанія правопроизводящимъ фактомъ труда писателя, художника и т. п. видовъ духовнаго творчества: „очевидно, — говоритъ г-жа Ефименко, — что наука права должна признать трудъ въ данномъ случаѣ за юридическое основаніе права собственности, хотя ни юридическая теорія, ни законодательство не выговариваютъ этого“. Настолько же очевидно, поэтому, что признавая и защищая фактически права собственности на произведенія науки, поэзіи, искусства, пріоткрывъ двери этимъ привилегированнымъ изъ міра труда, господствующему праву не удастся втихомолку скрыть этотъ фактъ, и ему нечего отвѣтить мускульному и всѣмъ вообще видамъ непривилегированнаго труда, когда, увлеченные духомъ нашего демократическаго времени, они постучатся въ эти двери, куда уже проскользнула трудовая аристократія. А они уже стучатся...

Поставимъ, наконецъ, вопросъ общѣе: на какомъ бы основаніи можно было оставить за порогомъ законодательства и служащей ему офиціальной науки это право затраченнаго труда, какъ правооснованіе? Со спокойной и твердой логичностью г-жа Ефименко доказываетъ, что это было бы возможно только тогда, если бы вообще господствующее право замкнулось совершенно въ области чисто формальнаго установленія однихъ лишь *производныхъ* правооснованій и не допускало никакихъ *первоначальныхъ*. Но оно допускаетъ эти первоначальныя основанія, оно признаетъ, напр., оккупацію такимъ первоначальнымъ основаніемъ: почему же голая оккупація есть достаточное основаніе для завладѣнія, а трудовая оккупація перестаетъ быть таковымъ? Почему за случайно нашедшимъ на улицѣ бумажникъ со ста тысячами рублей и доставившимъ его владѣльцу признается право на 33⅓ тысячи, а за потерявшимъ силы, здоровье, жизнь на работѣ для какого-

нибудь предпринимателя не признается права ни на какую долю барышей послѣдняго? Почему простой захватъ земли и владѣніе ею въ теченіи десяти лѣтъ даютъ право на эту землю, а трудовой захватъ, — расчистка изъ-подъ лѣса, всякія улучшенія и т. п., — и трудовое владѣніе цѣлаго ряда поколѣній не даютъ никакого права на такую же „ничью“ землю? Не выходитъ ли, значитъ, такъ, что по господствующему праву затрата труда не только не прибавляетъ ничего къ праву завладѣнія, но даже уменьшаетъ, даже уничтожаетъ его? Да, такъ дѣло обстоитъ *фактически* въ современномъ обществѣ, основанномъ на правѣ *нетрудового*, болѣе того — *противотрудового захвата;* но пусть осмѣлится даже господствующее право предъ лицомъ поднявшихъ уже выше голову трудовыхъ массъ возвести въ правило, въ принципъ этотъ вопіющій фактъ!... А если не осмѣлится, если оно не рѣшится прямо установить, что только случайный или насильственный (прямой или замаскированный) захватъ есть основаніе права,— то придется даже и ему потѣсниться и дать мѣсто труду, какъ основанію права. Впрочемъ, это будетъ поздно: какъ захватное право не церемонилось съ трудовымъ, такъ, надо ожидать, и трудовое не поцеремонится съ захватнымъ...

§ 3. Основанія права затраченнаго труда.

Но почему же трудъ можетъ и долженъ быть основаніемъ права? Почему именно ощущаетъ крестьянинъ какое-то право на то, во что вложенъ его трудъ? Подробно разбирать этотъ вопросъ и трудно, — такъ какъ это были бы уже тонкости соціальной психологіи, еще почти не затронутыя обществовѣдѣніемъ, — да и безполезно, ибо чувство это крайне субъективно: нетрудовому человѣку его вполнѣ не втолкуешь, а трудовой въ этомъ и не нуждается. Ограничусь здѣсь поэтому тѣмъ краткимъ резюме, которое я сдѣлалъ еще въ I томѣ „Русской общины“. Анализируя борьбу личнаго и общиннаго начала въ складываніи общинно-передѣльныхъ изъ семейно-захватныхъ формъ землевладѣнія, я формулировалъ силу и глубину права затраченнаго труда слѣдующимъ образомъ:

„Мнѣ кажется, что основаніе права на землю у обработавшаго ее, собственно говоря, совершенно аналогично съ правомъ родителей на ихъ ре-

бенка. Какъ ребенокъ есть органическая и функціональная частица организма отца и матери, есть матеріальная частица ихъ, такъ и *земля въ обработанномъ видѣ относится къ земледѣльцу какъ слѣдствіе къ причинѣ, есть матеріальная частица его, ибо она заключаетъ въ себѣ въ превращенной формѣ часть энергіи его организма.*

„Понятно, что болѣе глубокаго и твердаго основанія для права владѣнія не можетъ быть, и это основаніе, дѣйствительно, столь же глубоко сознается самимъ земледѣльцемъ и даже почти буквально формулируется имъ, когда онъ отстаиваетъ свои права на землю, „орошенную его потомъ", или, по замѣчательному выраженію корана, „оживленную" имъ. На этомъ-то болѣе или менѣе ясномъ сознаніи, что обработанная земля неотъемлемо принадлежитъ обработавшему ее, такъ какъ въ нее *неотдѣлимо включена частица его самого,* и основывалось трудовое право на землю, существовавшее едва ли не у всѣхъ народовъ въ извѣстный, по крайней мѣрѣ, періодъ ихъ исторіи; это право, собственно, вполнѣ теоретически всѣми признаваемое и въ настоящее время, съ особенной ясностью выступаетъ именно въ захватный періодъ, — когда земельныя права только зарождаются и складываются"*).

Прибавлю еще, что если въ первоначальные моменты самая простота отношеній, обнаженность того факта, что трудъ рождаетъ почти всѣ полезности, облегчаетъ это, такъ сказать, трудовое правосознаніе, то въ усложнившихся и замутнившихся волнахъ современной соціальной жизни, гдѣ этотъ фактъ какъ бы распыленъ въ соціальной атмосферѣ, возрастаетъ за то и культурность, развивается острота соціальнаго, такъ сказать, зрѣнія трудовыхъ слоевъ, такъ что сознаніе его, временно затемняющееся, затѣмъ вновь является уже въ новой болѣе общей и болѣе широкой формулировкѣ. Первый случай мы имѣемъ въ лицѣ крестьянства, воспитаннаго исторіей въ нераздѣльности труда отъ первыхъ его средствъ и отъ конечныхъ его продуктовъ, второе — мы видимъ въ пролетаріатѣ, передъ которымъ культура и критическая мысль, словно при помощи Х-лучей, проявляютъ скелетъ поработившаго ихъ хищнаго чудовища — капитала, рисуютъ ярко, какъ всецѣло живетъ послѣдній потомъ и кровью рабочаго. И это трудовое

*) „Русская община", т. I, стран. 219—220. Тамъ же я указывалъ, что чувства земледѣльца (называющаго землю вообще матерью) къ обработанному имъ участку очень близки и подобны чувствамъ родителей къ ребенку: это выражаютъ иной разъ прямо и сами крестьяне. Вотъ что, напр., говорилъ одинъ крестьянинъ, отвѣчая на вопросы о выгодахъ подворнаго землевладѣнія: „раздѣла земли навѣчно пожелали бы многіе въ виду того, что земля была бы тогда у земледѣльца какъ родное дитя, а потому онъ бы больше имѣлъ заботъ объ ея уходѣ и удобреніи".

правосознаніе поднимается все выше и выше, захватывая постепенно отчасти даже и нетрудовые верхи соціальной пирамиды. Все уже становится та верхушка ея, гдѣ боятся и стыдятся труда, все болѣе распространяется уваженіе къ труду даже у нетрудящихся, все быстрѣе подготовляется вся соціальная атмосфера къ тому важному времени, когда на мѣсто „царя-пушки", „царя-голода", „царя-капитала" и другихъ подобныхъ царей утвердится царь-трудъ...

§ 4. Распространенность права труда.

Право затраченнаго труда, какъ основаніе разнаго рода имущественныхъ правъ, присутствуетъ рѣшительно во всѣхъ проявленіяхъ народнаго обычнаго права. Поэтому кругъ распространенія трудового права совпадаетъ съ областью обычнаго права вообще. Такъ какъ точныхъ статистическихъ данныхъ для ограниченія этой области не имѣется, то мнѣ приходится только повторить уже выше сдѣланное глазомѣрное опредѣленіе, что во всякомъ случаѣ труднѣе находить примѣры отсутствія этого права, чѣмъ присутствія его. Такъ, по крайней мѣрѣ, рисуется дѣло тѣми матеріалами, которыми я располагалъ до сихъ поръ, и я искреннѣйше былъ бы благодаренъ тому изъ либеральныхъ или ортодоксальныхъ отрицателей обычая вообще и трудового права въ особенности, который, не ограничиваясь общими утвержденіями объ исчезаніи или даже исчезновеніи этого права, показалъ бы это хоть на небольшомъ рядѣ *точныхъ фактовъ* и тѣмъ пополнилъ бы скудную мою коллекцію примѣровъ такого рода.

Чтобы все-таки немного точнѣе оріентировать читателя, добавлю еще слѣдующія бѣглыя и общія указанія.

Всякій, кто прочтетъ II, III и IVглавы моей книги „Русская община" (т. I, стран. 93—252), рисующія происходящее нынѣ въ многоземельныхъ мѣстностяхъ развитіе общинно-передѣльнаго землевладѣнія изъ семейно-захватнаго, убѣдится, до какой степени этотъ процессъ, чрезъ который въ пореформенный періодъ прошли и сейчасъ проходятъ добрыхъ десятка два милліона крестьянъ, — весь покоится на правѣ труда и на ниже описываемомъ правѣ на трудъ. Я не знаю изслѣдователя (изъ десятковъ ихъ), который хотя отчасти отрицалъ бы это

присутствіе права затраченнаго труда въ огромномъ большинствѣ всѣхъ тѣхъ актовъ, изъ которыхъ слагалось и слагается это огромное правовое преобразованіе; мнѣ извѣстно (а я изучилъ этотъ вопросъ очень подробно) только одно явленіе, въ которомъ нѣкоторые видѣли исключеніе изъ этого правила, но и это явленіе, какъ я показалъ (и какъ со мной потомъ согласился авторитетнѣйшій изъ изслѣдователей этихъ формъ общины А. А. Кауфманъ), представляетъ не исключеніе, а именно самое яркое подтвержденіе общаго правила*). Въ изображеніи остальныхъ формъ общины я не могъ обрисовывать эти правовыя основанія съ такою подробностью, но это не значитъ, чтобы ихъ не было или чтобы они были слабѣе. Уже на формахъ владѣнія остальными, кромѣ пашни, угодьями (сѣнокосами, лѣсомъ, выгономъ, усадьбой и другими, какъ, напр., охотничьими мѣстами, рыбными ловлями и т. д. и т. д.) я съ очевидностью показалъ (см. „Русская Общ.“, т. I, стран. 181—216), съ какой неуклонной правильностью слѣдуютъ эти формы за малѣйшими напряженіями и ослабленіями, за всѣми изгибами права затраченнаго труда. И я могъ бы еще цѣлый томъ посвятить всевозможнымъ другимъ проявленіямъ этого права труда въ выработанныхъ обычнымъ правомъ распорядкахъ въ сложившейся уже общинѣ Европейской Россіи. Таковы, напр., всевозможные правила и пріемы, которыми община стремится обезпечить каждому хозяину возможно болѣе долгое и прочное владѣніе одними и тѣми же участками для вознагражденія затраченныхъ въ нихъ трудовъ. Таковы тѣ разнообразнѣйшія ограниченія въ надѣленіи отсутствующихъ, безлошадныхъ, безхозяйныхъ, безпосѣвныхъ, бездомовыхъ, безрабочихъ, имѣющихъ купчую землю, промышленниковъ, всѣхъ вообще, сдающихъ надѣлы въ аренду и т. д., которыми сотни и тысячи общинъ, изъ тѣхъ, которыя начали 10—20 лѣтъ тому назадъ уравнительные передѣлы, стремятся теперь сдѣлать это равненіе чисто, такъ сказать, трудовымъ, т.-е. по-

*) Дѣло шло о томъ, что помимо захватыванія пустой земли запахиваніемъ ея, „зачерчиваніемъ“ деревьевъ и т. п., — въ чемъ очевидна затрата труда, — считаются также захваченными участки вокругъ „заимокъ“, т.-е. хуторскихъ построекъ отдѣльныхъ хозяевъ, хотя и не запаханные. Очевидно, что болѣе внимательное разсмотрѣніе открываетъ и здѣсь затрату труда и даже большую, чѣмъ въ запахиваніи: самую постройку усадьбы.

ставить самоличную обработку надѣла необходимымъ условіемъ его полученія и тѣмъ сдѣлать совершенно невозможнымъ полученіе не трудовой ренты отъ земли. Однимъ словомъ, что касается общины, то осмѣлюсь сказать, что тутъ совершенно невозможенъ даже никакой серьезный споръ о значеніи права труда, какъ одного изъ основаній этой формы обычнаго права: отрицаніе или хотя бы сомнѣніе въ такомъ рѣшающемъ его значеніи можетъ объясняться исключительно незнаніемъ фактовъ, столь обычно, увы, сопровождающимся и нежеланіемъ ихъ знать.

Но нѣтъ никакихъ данныхъ связывать это права затраченнаго труда съ общиной: наоборотъ, по самому существу своему оно вообще при данныхъ условіяхъ (какъ сейчасъ подробнѣе будетъ разъяснено) является чисто личнымъ, и въ частности передѣльное владѣніе развивается изъ захватнаго именно потому, что идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія со стороны права затраченнаго труда. Такимъ образомъ уже a priori мы должны ожидать, что и внѣ общины право труда должно быть, по меньшей мѣрѣ, не слабѣе, а скорѣе сильнѣе, чѣмъ въ связи съ общиной. И дѣйствительно, на длинномъ рядѣ примѣровъ, разбросанныхъ во всемъ предыдущемъ изложеніи, мы могли уже убѣдиться, какъ сильно это право въ Малороссіи. Прибавлю теперь еще нѣсколько примѣровъ, чтобы показать, какъ сильно оно и въ другихъ областяхъ внѣ коренного великорусско-общиннаго населенія.

Возьмемъ два крайнихъ и географически, и исторически района: съ одной стороны, крайній востокъ — киргизовъ Средней Азіи, съ другой — западъ, смѣшанное славянское (и частью литовское) населеніе сѣверо-западныхъ губерній — Минской и Могилевской. Вотъ что находимъ мы у киргизовъ, только еще переходящихъ отъ скотоводческаго быта къ земледѣльческому:

„До русскаго владычества земля не считалась личной собственностью. Она принадлежала лицу только до тѣхъ поръ, пока оно на ней находилось или ее обрабатывалъ. До сихъ поръ въ сѣверныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области земля не переходитъ по наслѣдству... Арыки (оросительныя канавы *К. К.*) со всею орошенною ими землей принадлежатъ тѣмъ, кто ихъ провелъ, и ихъ наслѣдникамъ. У каракиргизовъ продаются лишь тѣ участки, на которыхъ есть насажденія и постройки... Для проведенія новаго арыка, смотря по количеству работъ, выходятъ по одному или болѣе работниковъ

изъ каждой кибитки того десятка, пятидесятка, аула, вообще той группы людей, которая между собой согласилась быть пайщиками („кумалокъ"). Изъ орошенной земли каждая участвовавшая кибитка получаетъ участокъ, соразмѣрный съ числомъ ея работниковъ, дней работы, потраченному труду („михнатъ"). Не участвовавшему въ проведеніи арыка не дается участка. Пайщикъ можетъ, по случаю отъѣзда, отдавать свой участокъ въ аренду или переуступать его со всѣми правами и повинностями другому, отъ котораго получаетъ вознагражденіе за потраченный трудъ"*).

Такова преобладающая роль труда въ только еще складывающемся владѣніи. Не меньше она и въ уже давнымъ-давно сложившемся подворномъ владѣніи. Нѣкоторыя черты послѣдняго въ Западномъ Краѣ мы уже видѣли; подчеркну распространенность и здѣсь трудового права. Минское и Могилевское губернскія совѣщанія, одно независимо отъ другого, высказываются на этотъ счетъ одинаково:

Минское: „...если отецъ при жизни принимаетъ къ себѣ, по женитьбѣ на дочери, зятя, и тотъ обрабатываетъ землю и отбываетъ повинности въ составѣ семьи въ теченіи болѣе десяти лѣтъ, то за нимъ признаются права на часть земельнаго участка, одинаковыя съ роднымъ сыномъ"... „Права пріемышей и усыновленныхъ на земельное наслѣдованіе признаются обычаемъ въ зависимости отъ того, когда и на какихъ основаніяхъ они были приняты. Незаконнорожденные, матери которыхъ вышли замужъ за отцомъ ихъ, признаются равноправными съ другими законнорожденными дѣтьми, если же женщина имѣла незаконнорожденнаго отъ другого лица и впослѣдствіи вышла замужъ за земельнаго крестьянина, то права такого незаконнорожденнаго по наслѣдованію опредѣляются положеніемъ, которое онъ занималъ въ семьѣ, какъ членъ семьи и работникъ, при чемъ давность состоянія работникомъ въ семьѣ, не менѣе, напримѣръ, 10 лѣтъ, признается основаніемъ къ признанію наслѣдственныхъ правъ".

Могилевское губернское совѣщаніе: „...Усыновленные и незаконнорожденные пользуются правами родныхъ сыновей, если они проживали въ семьѣ. Замужнія дочери, вышедшія замужъ въ другія семьи или селенія, лишаются права наслѣдованія землей, точно такъ же, какъ и незамужнія; тѣ же изъ замужнихъ дочерей, мужья коихъ вступили въ семью, наслѣдуютъ иногда наравнѣ съ родными братьями"**)...

Я думаю, безполезно умножать примѣры. Въ заключеніе сказаннаго приведу еще лишь нѣсколько особенно яркихъ случаевъ, показывающихъ, до какой тонкости и выработанности и до какой непреодолимой силы поднимается это право.

---

*) Н. И. Гродековъ, „Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области", т. I, Юридическій бытъ, стран. 102—103.

**) См. „Сводъ закл. губ. совѣщ. и т. д.", стран. 189 и 191.

Прежде всего, слѣдующіе примѣры скрупулезности примѣненія права труда, которые я беру у А. Ефименко.

„Вознаграждается не только трудъ, совершенный уже, но и трудъ въ возможности, т.-е. рабочее время: по чьей винѣ оно потрачено непроизводительно, тотъ обязанъ вознаградить за время, какъ за трудъ, для него исполненный. По рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, виновный удовлетворяетъ обиженнаго, между прочимъ, и „за прогульные дни по случаю процесса“, и „за рабочій день на разысканіе украденнаго“, „за лишній трудъ при перекосѣ травы, смятой скотомъ“, и т. д.; даже женихъ требуетъ съ невѣсты, которая нарушила заключенный свадебный договоръ, вознагражденія за рабочій день, потраченный на проѣздъ къ ней. При пріобрѣтеніи имущества посредствомъ находки также принимается во вниманіе трудъ. Такъ, въ Сибири, при находкѣ домашнихъ животныхъ, домашнихъ птицъ, улетѣвшихъ пчелиныхъ роевъ, всегда соображается: сдѣлана ли находка случайно, слѣдовательно, безъ всякаго труда со стороны нашедшаго, или же онъ предпринималъ для ея отысканія какой-нибудь трудъ, напримѣръ, ѣздилъ куда-нибудь, отвлекался отъ домашнихъ занятій и т. п.; въ первомъ случаѣ, вознагражденіе ограничивается угощеніемъ, во второмъ — уплачивается, сверхъ угощенія, цѣнность потраченнаго труда и издержекъ“*).

Другой примѣръ, приводимый г-жею Ефименко, какъ бы рисуетъ логическій конецъ, до котораго можетъ доразвиться право затраченнаго труда. Правда, что онъ взятъ не изъ русской жизни, но отъ этого не теряетъ, а скорѣе даже выигрываетъ въ доказательности, указывая на независимую отъ частныхъ внѣшнихъ условій и присущую самому принципу силу права труда всюду, гдѣ есть трудовая масса и гдѣ право ея не раздавлено извнѣ хищническимъ правомъ. Въ Болгаріи затраченный въ землю трудъ даетъ такое огромное право, что зажиточные крестьяне стараются не держать слишкомъ долго одного и того же батрака, такъ какъ кое-гдѣ обычай признаетъ за нимъ *послѣ десятилѣтней работы у даннаго хозяина уже извѣстное право на землю послѣдняго!*

Нѣчто очень близкое къ этому, — предпослѣднюю, такъ сказать, ступень, — мы уже видѣли въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда неучастіе въ обработкѣ земли (приблизительно, тѣ же10 лѣтъ) лишаетъ родного члена права на наслѣдованіе, и, напротивъ, участіе въ этой обработкѣ (опять-таки, примѣрно, около 10 лѣтъ) даетъ это право постороннему, принятому въ

*) „Изсл. нар. жизни“, стран. 150—151.

семью. Но здѣсь мы видимъ, что право труда поднимается и на послѣднюю, высшую ступень: что это право *трудовой оккупаціи, трудового захвата* распространяется не только на „ничью“ землю, и признается не только за принятымъ въ семью, но даже за наемнымъ, чужимъ владѣльцу земли батракомъ...

Обозрѣвши, такимъ образомъ, это огромное развитіе права затраченнаго труда и въ ширь и въ высь, перейдемъ теперь къ опредѣленіямъ соціально-политическаго его характера.

§ 5. Право труда и личное и общинное начала.

Общественное значеніе права, даваемаго трудомъ его субъекту на средства производства, къ которымъ трудъ прилагается, и на предметы потребленія, которые отъ него получаются, очевидно, зависитъ, во-первыхъ, *отъ формы владѣнія*, во-вторыхъ, *отъ формы производства*. Ясно, что когда такъ или иначе установилось уже личное трудовое владѣніе землей (или другими средствами производства), то этотъ земледѣлецъ-землевладѣлецъ, съ каждой новой затратой труда въ свой участокъ, усиливаетъ *личное* свое на него право. Затѣмъ, въ случаѣ нетрудового капиталистическаго владѣнія у работающихъ на него можетъ слагаться сознаніе трудового права на средства производства, *или личнаго или коллективнаго въ зависимости отъ формы*, въ которой, напримѣръ, помѣщикъ сдаетъ свою землю (отдѣльнымъ лицамъ или группамъ), или въ которой идетъ производство (впрочемъ, эта форма уже почти всегда въ большей своей части коллективна). Ясно, затѣмъ, что при общинномъ владѣніи, допускающемъ въ принципѣ одинаково и личную, и коллективную работу, именно этой формой опредѣляется и тотъ характеръ, который принимаетъ право труда: если онъ не коллективный, если земля (или другое средство производства) дѣлится на доли между общинниками и каждый ведетъ работу отдѣльно, то, очевидно, и право труда является личнымъ, соединяетъ отдѣльныхъ общинниковъ съ отдѣльными ихъ участками; если же обработка общинниками ведется сообща, то и право труда можетъ стать коллективнымъ, — невыдѣлимо перемѣшавшійся, обезличившійся трудъ всѣхъ общинниковъ утвердитъ общее право всѣхъ трудившихся на общее ихъ средство производства, и уже продуктъ труда передѣлится между ними въ той или иной уравнительной пропорціи.

Теперь, установивши всѣ эти гипотетически возможные случаи, мы ясно можемъ видѣть, какова преобладающая роль права затраченнаго труда въ дѣйствительности.

Ограничиваясь областью землевладѣнія и земледѣлія, мы можемъ сказать слѣдующее: 1) Почти всѣ безъ исключенія средства производства сверхъ земли находятся въ личномъ (подворномъ) владѣніи. 2) Значительную долю, не менѣе $^1/_5$ всего земледѣльческаго населенія составляютъ чистые подворные владѣльцы. 3) Приблизительно столько же надо считать населенія въ общинахъ неподвижныхъ или мало подвижныхъ, въ которыхъ, несомнѣнно, по крайней мѣрѣ сейчасъ, преобладаетъ индивидуалистическое право надъ общиннымъ. 4) У нѣкоторой (небольшой, впрочемъ) части населенія въ общинахъ, отнесенныхъ выше къ типу активному въ томъ смыслѣ, что личное начало въ нихъ быстро вытѣсняется или отчасти уже вытѣснено общиннымъ, все-таки въ данный моментъ преобладаетъ въ землевладѣніи личное право: такъ обстоитъ дѣло во всемъ значительномъ районѣ семейно-захватнаго и ограниченно-захватнаго владѣнія, отчасти такимъ же должно быть правосознаніе и у нѣкоторой части общинниковъ, купившихъ землю лично или товариществами и т. п. 5) Наконецъ, и у населенія, состоящаго и сейчасъ въ активномъ общинно-передѣльномъ владѣніи, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, самое производство ведется не коллективно, а подворно, и, значитъ, затраченный трудъ связываетъ не совокупность общинниковъ со всей общинной землей, а отдѣльныхъ общинниковъ съ отдѣльными ихъ участками. Вотъ какъ поэтому долженъ былъ я еще въ I томѣ „Русской общины“ резюмировать эту роль права затраченнаго труда даже при активномъ общинно-передѣльномъ владѣніи: „Было бы грубѣйшей ошибкой думать, напр., что въ высшихъ уравнительно — передѣльныхъ формахъ личное право всецѣло искоренено общиннымъ. Оно только заглушено, а не искоренено, но вѣчно живетъ въ немъ и вѣчно обновляется. Каждый количественно-качественный передѣлъ вырываетъ съ корнемъ личное право труда, а затѣмъ это право труда съ каждой вспашкой, посѣвомъ, съ каждой телѣгой навоза и т. д. снова пускаетъ корни. Всѣ „держатели“ надѣловъ, которымъ выгодно данное распредѣленіе земли, снова приростаютъ къ своимъ надѣламъ, и новый передѣлъ лишь

съ усиліемъ, съ болью и борьбой, отрываетъ опять эти корни личнаго права труда, съ тѣмъ чтобы сейчасъ опять началось новое ихъ прорастаніе" *).

Такимъ образомъ, надо принять за несомнѣнный фактъ, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ *право труда* или, точнѣе, *право затраченнаго труда проникнуто личнымъ началомъ и представляетъ собою индивидуалистическое право.*

Иллюстрировать это особыми примѣрами излишне, такъ какъ всѣ вышеприведенные примѣры (даже и случай *коллективнаго* проведенія оросительныхъ канавъ киргизами) проявляютъ именно личное, а не коллективное право. Только для того, чтобы подчеркнуть, какъ въѣдливо это личное начало затраченнаго труда и съ какой необыкновенной силой и глубиной вкореняется оно, какъ основаніе земельнаго права, приведу слѣдующій фактъ. По сообщенію статистика Владимірскаго земства, крестьянамъ одной деревни Рогачевской волости Александровскаго уѣзда Владимірской губ. при выходѣ ихъ на волю былъ подаренъ сверхъ надѣла лѣсъ, за который они отрабатывали помѣщику въ теченіи трехъ лѣтъ,— косили траву всѣмъ обществомъ, причемъ, однако, нѣкоторые хозяева отказались участвовать въ этой отработкѣ. Теперь этотъ лѣсъ дѣлится крестьянами по „*отработаннымъ душамъ*". При этомъ въ подробностяхъ высчитывается, что такой-то хозяинъ одинъ годъ работалъ, а другой не работалъ,— соотвѣтственно этому они и получаютъ. Тѣ же, которые въ отработкѣ не участвовали, теперь вовсе лѣса не получили. Право на лѣсъ переходитъ по наслѣдству, дѣлится при семейныхъ раздѣлахъ и т. п. Такимъ образомъ, несмотря даже на коллективность формальнаго владѣнія (лѣсъ формально данъ всей деревнѣ), несмотря на коллективность затраты труда, несмотря, наконецъ, на формально-юридическое право не участвовавшихъ въ отработкѣ крестьянъ на лѣсъ, отведенный всей общинѣ, а въ томъ числѣ, значитъ, и имъ,— несмотря ни на эти формально общинныя, ни на обычно-общинныя, ни на формально личныя основанія, корни личнаго права затраченнаго труда вотъ уже 35—40 лѣтъ, какъ приросли къ землѣ и держатся неискоренимо.

Чрезвычайно также характерны отвѣты самихъ крестьянъ,—

---

*) „Русская община", т. I, стран. 317.

состоящихъ корреспондентами земствъ по текущей статистикѣ или опрошенныхъ этими корреспондентами, — на разосланные нѣкоторыми земствами по моей просьбѣ опросные бланки объ отношеніи крестьянъ къ общинному владѣнію и о томъ, нѣтъ ли желанія перейти къ подворному владѣнію. Хотя большинство высказалось повсюду за общину, но многіе очень горячо стоятъ за переходъ къ подворному владѣнію, и главнымъ мотивомъ послѣдняго — и по количеству отвѣтовъ, и по ясности, настойчивости и страстности выраженій — является именно мотивъ спокойнаго труда и возможности улучшеній для отдѣльныхъ хозяевъ на ихъ участкахъ безъ боязни, что послѣдніе будутъ при передѣлѣ отобраны другими, т.-е. желаніе именно полнаго и чистаго осуществленія права затраченнаго труда.

Въ этихъ мнѣніяхъ рѣзко индивидуалистически настроенныхъ крестьянъ есть цѣлый рядъ оттѣнковъ. Иные просто выставляютъ трудовое право: „считаю переходъ къ подворному владѣнію возможнымъ и желательнымъ, потому что каждый крестьянинъ будетъ обрабатывать и удобрять землю безъ опасенія, что дѣлаетъ это для другихъ“ *). „Желаніе трудящихся всѣхъ одинаково: быть собственникомъ вѣчно-потомственныхъ надѣловъ, которые охотно стали бы обрабатывать, не боясь того, что это когда-нибудь отъ него отнимутъ“ **). „Отъ души и съ радостью бы встрѣтилъ (подворное владѣніе)... Какое же удовольствіе и интересъ быть совладѣльцемъ негодяю, тормазящему путь голосомъ лучшему труженику и дальновидному хозяину, котораго совѣты никогда не нравятся лѣнтяю и *чужеспиннику*, привыкшему строить благополучіе на счетъ ближняго. Онъ въ общемъ владѣніи скорѣе покорствуетъ чужимъ; въ покосахъ — лучшая часть горлановъ; такъ и во всемъ прочемъ. Лучшіе люди лучше отойдутъ отъ грѣха“ ***). „Желаю (перехода къ подворн. влад.), потому желаю, — не успѣю удобрить загона, который не далъ настоящаго плода, какъ онъ переходитъ въ руки нерадивцамъ, обществен-

*) Отзывъ по сел. Высокову Любим. у. Яросл. губ. Привожу какъ этотъ, такъ и всѣ вообще отзывы съ исправленіемъ орѳографіи и съ нѣкоторыми поясненіями.

**) Отзывъ по с. Романово-Покровскому Угличскаго у. Ярославской губ.

***) Отзывъ по сел. Шепелеву Переяславскаго у. Владимірской губ.

наго трутня и пьяницы, который продаетъ за дешевую цѣну и пропиваетъ". „Общее владѣніе—то самое: работникъ работаетъ на поденной работѣ и глядитъ, скоро ли солнце сядетъ, скоро ли бросать работу и итти домой. Поденно — жалованье подай, на своей работѣ работаетъ — всякъ говоритъ: какъ скоро день прошелъ! Итакъ, — общее владѣніе и свое владѣніе"*).

Другіе обостряютъ этотъ же мотивъ довольно яснымъ оттѣнкомъ уже мелко-капиталистическаго индивидуализма. Вотъ примѣры такихъ отвѣтовъ: „болѣе зажиточный крестьянинъ удобритъ землю хорошо, а нерадивецъ надѣется на передѣлы, чтобы завладѣть удобренной землей". „Не удобренная земля какого-либо пролетарія достанется и не родитъ; въ періодъ двѣнадцатилѣтній (т.-е. отъ передѣла до передѣла) надо удобрить. А она опять перейдетъ къ пролетарію, — вотъ и хорошій старательный крестьянинъ остается безъ хлѣба"**).

*) Отзывъ по сел. Мосееву Ковровскаго у. Владимірской губ.

**) Отзывы по сел. Коробкову Муромскаго у. Владимірской губ. и по с. Скомову Юрьевскаго у. Владимірской губ.

Надо вообще замѣтить, что въ этомъ чисто, обостренно личномъ типѣ права труда очень характеренъ полукапиталистическій мотивъ. Напоминаю то, что уже было мною сказано по этому поводу въ I т. „Русской общины": „Мы должны дополнить сказанное выше о правѣ труда еще однимъ только замѣчаніемъ объ общемъ его характерѣ, — а именно, что оно несомнѣнно имѣетъ до извѣстной степени капиталистическій, такъ сказать, характеръ. Крестьяне (какъ, впрочемъ, и всѣ) уважаютъ, конечно, только производительный трудъ и именно постольку, поскольку онъ производителенъ. Такимъ образомъ, сила права труда обусловливается не только количествомъ, но и качествомъ этого труда. Трудъ „маломочнаго", „худого пахаря", обыкновенно однолошаднаго, а то и безлошаднаго, пашущаго наймомъ, который какъ бы ни бился надъ своимъ надѣломъ, какъ бы ни „ковырялъ" сохой землю, требующую, положимъ, плужной вспашки, и сколько бы „пота ни пролилъ" на землѣ, не родящей безъ навоза, все равно только „измотаетъ", „спустуетъ", „испакоститъ" свой надѣлъ, — этотъ трудъ со слабыми средствами производства всегда будетъ вѣсить въ глазахъ крестьянъ меньше, чѣмъ трудъ многолошаднаго „заможнаго", „добраго пахаря", который „что добра-то (навоза) ввалилъ въ свой надѣлъ", „угонилъ", „снабдилъ его". Насколько плугъ беретъ глубже сохи, настолько глубже укореняется и личное право; аргументъ: „сколько я пота пролилъ" — уступаетъ предъ аргументомъ: „сколько я навоза ввалилъ"; въ правѣ труда выступаетъ за человѣческой силой затрата силы лошадиной и другихъ средствъ производства. И это трудовое право, доставляемое лошадиной силой, служитъ рычагомъ, все рѣзче разлагающимъ общину и застопоривающимъ уравнительно-передѣльный ея механизмъ" (стран. 388—389).

У другихъ этотъ же мотивъ прорывается, какъ задушевная мечта „любителей земледѣлія“, „настоящихъ земледѣльцевъ“, „любителей крестьянства“, вообще любовно относящихся къ землѣ, которые бы стали при переходѣ къ подворному владѣнію „прилежнѣе наблюдать и удобрять вѣчную свою полоску или же, сказать, земельку“... Многіе же, наконецъ, этотъ переходъ и эту обезпеченность вознагражденія труда и свободу его, свободу всякихъ въ немъ улучшеній, разсматриваютъ, какъ благо для всего крестьянства: „При подворномъ владѣніи можно было бы клочокъ задарма пустующей земли использовать съ выгодой, и для любознательныхъ хозяевъ просторъ для пытливаго ума, и само собою явились бы опытныя или показательныя поля“*)... Нѣкоторые, наконецъ, и (насколько я могъ замѣтить на тысячѣ съ лишкомъ просмотрѣнныхъ мною отвѣтовъ) наиболѣе сознательные и интеллигентные, отрицаютъ общину условно, проектируя вмѣсто нея не полную личную собственность, а особаго рода замкнутую, только для *лично трудящихся* отгороженную закономъ форму землевладѣнія, свободную вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всѣхъ общинныхъ стѣсненій личной иниціативы и отъ всѣхъ нарушеній ею личныхъ правъ труда. (Въ примѣчаніи привожу нѣсколько образцовъ такихъ проектовъ**).)

---

*) Отзывъ по сел. Ламоницѣ Рыбинскаго у. Яросл. губ.

**) Отзывъ по с. Ѳедюшину Роман.-Борисоглѣбскаго у. Яросл. губ.:

„Вѣчная собственность на крестьянскіе надѣлы желательна, но съ нѣкоторыми ограниченіями... Ограниченія при вѣчной собственности должны быть слѣдующія: 1) не продавать и не отказывать по духовному завѣщанію надѣльной земли лицамъ не своего семейства. 2) Не продавать и не отказывать по духовному завѣщанію лицамъ, хотя и своего семейства, но имѣющимъ надѣлы“.

Отзывъ по с. Кирюшину Владимірскаго у.:

„Беру на себя смѣлость высказать свое личное мнѣніе относительно разверстки земли на подворно-участковыя владѣнія, все мною сказанное будетъ относиться къ нашему селенію.

„Чтобы не вполнѣ сразу перейти къ подворно-участковому владѣнію, пахотную землю раздѣлить на подворные участки не всю, а половину ея, такъ, чтобы каждый дворъ получилъ половину причитающейся ему пахотной земли въ одномъ мѣстѣ въ вѣчно подворныя владѣнія, а другая половина пахотной земли должна состоять въ общинномъ чрезполосномъ владѣніи, точно такъ же какъ луговая, лѣсная и выгонная земля, при чемъ крестьянинъ, имѣющій одинъ земельный надѣлъ, таковой весь получаетъ въ подворное владѣніе, за исключеніемъ, конечно, покоса и выгона. Подобный порядокъ разверстки земли

Но не упуская ни на минуту изъ вида этотъ личный элементъ въ правѣ труда и тотъ собственническій духъ, который должно вносить это едва ли не наиболѣе распространенное и едва ли не наиболѣе сильное и ясное всему крестьянству правооснованіе въ правосознаніе трудовой массы деревни, — мы должны, однако, сдѣлать очень существенную оговорку о томъ, что очень часто этотъ духъ исключительнаго обладанія принимаетъ силою вещей форму не чисто-личнаго и даже не семейно-подворнаго, а *узко-группового общиннаго собственническаго правосознанія.*

даетъ возможность обществу производить уравненія надѣловъ, при увеличеніи или уменьшеніи семейства, той землей, которая будетъ находиться въ общинномъ владѣніи, а иногда и подворнымъ участкомъ выморочнымъ, оставшимся въ пользу общества".

Отзывъ по с. Липовкѣ Пошехонскаго у. Ярославской губ.:

„Конечно, надѣлить разъ навсегда лучше, чѣмъ частые передѣлы; при этомъ всегда нужно имѣть мірскую оброчную статью на случай требованія. Примѣрно такъ по нашему мѣсту: на каждый душевой надѣлъ 5½ десятинъ, изъ таковыхъ 2½ дес. слѣдовало бы имѣть въ подворномъ владѣніи и къ одному мѣсту, оставшуюся—въ общемъ пользованіи, на случай у кого прироста семьи и для постояннаго пастбища скота, но только съ тѣмъ, чтобы подворный участокъ не могъ быть проданъ или переданъ въ пользованіе кому-либо кромѣ общественниковъ, если таковые не откажутся сами".

Очень интересно и характерно, что если, съ одной стороны, часть общинниковъ выбивается къ болѣе свободному полуподворному земельному праву, то, съ другой, подворники нерѣдко тоже идутъ къ этому полуобщинному владѣнію. Мы ниже еще увидимъ образчикъ этого на обычаяхъ наслѣдованія въ Бессарабіи, гдѣ, какъ разъ согласно съ первымъ изъ цитированныхъ проектовъ по Ярославской губ., въ нѣкоторыхъ случаяхъ спеціально наслѣдуютъ безземельные и не наслѣдуютъ земельные. Привожу еще одинъ типическій примѣръ, въ которомъ сельскій сходъ *подворниковъ* пытается запретить одному изъ владѣльцевъ продажу его участка и установить трудовое и какъ бы общинное имъ распоряженіе. Этотъ случай имѣлъ мѣсто у *подворныхъ* владѣльцевъ, образованныхъ изъ бывшихъ питомцевъ Московскаго воспитательнаго дома, составляющихъ цѣлую волость въ Саратовскомъ уѣздѣ.

Сельское общество с. Николаевскаго „имѣло сужденіе" о томъ, что нѣкій Петръ Кирилловъ, старикъ 80 лѣтъ, который самъ земледѣліемъ почти не занимался, а свой участокъ предоставилъ въ пользованіе зятю своему Платонову (безземельному), теперь хочетъ продать свой участокъ „постороннему лицу" и тѣмъ лишить земли дѣтей умершаго Платонова и своихъ внуковъ. Входя въ разсмотрѣніе правъ на землю старика Кириллова и его внуковъ отъ зятя Платонова, сходъ излагаетъ, съ одной стороны, что „у питомцевъ былъ обычай съ дозволенія начальства принимать къ себѣ въ домъ зятей. Зятья эти утверждались начальствомъ въ правахъ родныхъ сыновей, хотя бы у тестя и

Это можно было предвидѣть уже a priori. Какое въ самомъ дѣлѣ положеніе получается въ общинѣ въ результатѣ ряда передѣловъ, представляющихъ рядъ побѣдъ общиннаго права на землю, на трудъ, надъ личнымъ правомъ затраченнаго труда? Когда участокъ перемѣнитъ нѣсколько хозяевъ, то *всѣ они имѣютъ на него право затраченнаго труда,* — или, какъ особый обостренный и формализованный видъ этого права, — право уплаченнаго за него выкупа (для надѣльной или денегъ, затраченныхъ на купчія земли). Такимъ образомъ, когда въ результатѣ ряда передѣловъ повыдерганъ цѣлый рядъ однихъ корней права труда и внѣдренъ рядъ другихъ, то становится постепенно немыслимымъ выдѣлить точную трудовую долю каждаго какъ на данные отдѣльные участки, такъ и на всю общинно-передѣльную землю въ цѣломъ. Поэтому всѣ эти корни обезличившихся затраченныхъ трудовъ срастаются въ одинъ мощный клубень *общаго права труда всей общины на всю ея землю,* какъ въ силу затраченнаго въ нее труда, такъ и уплаченнаго выкупа, а вновь возникающее право труда, сталкиваясь съ этимъ правомъ, въ которомъ слились всѣ сплавившіяся во едино предыдущія трудовыя затраты, — уже, очевидно, не можетъ притязать на *полное овладѣніе* даннымъ участкомъ *въ собственность,* а лишь на возможно болѣе долгое, удобное, обезпеченное имъ *пользованіе*... Какъ, такимъ образомъ, затрата труда и уплата выкупа становятся аргументомъ не противъ передѣловъ и общины, а наоборотъ, именно за передѣлы и общину и противъ перехода къ подворному владѣнію, — это съ характерной непосредственностью и яркостью

были дѣти мужского пола, и имѣли право на все хозяйство наравнѣ съ родными сыновьями. Примѣровъ такихъ было множество. Такъ и Кириловъ принялъ къ себѣ въ зятья въ домъ свой питомца С. Платонова, который и получилъ права родного сына“... Съ другой же стороны, сходъ указываетъ, что Кириловъ „хозяйствомъ не занимался пристально, хотя и велъ его, но очень короткое время, *своими руками земли не обрабатывалъ*“. Поэтому сходъ постановилъ: „воспретить Кириллову продать его земельный надѣлъ, отобрать его отъ него, *какъ отъ никогда не бывшаго способнымъ къ труду,* а вручить надѣлъ внукамъ его и сестрѣ ихъ, обязать ихъ кормить его. Если же начальство найдетъ невозможнымъ утвердить этотъ приговоръ, то просить начальство оставить этотъ участокъ за обществомъ для надѣла малоземельныхъ крестьянъ нашего общества по нашему усмотрѣнію“. (Выборки изъ матеріаловъ Стат. Отд. Сарат. губ. земства.)

выражаетъ слѣдующій отзывъ одного изъ упомянутыхъ крестьянъ-корреспондентовъ:

Перейти къ подворному владѣнію „нельзя, по моему мнѣнію. Мнѣ бы и самому лучше было, какъ въ меня теперь большое семейство (и, значитъ, скопилось много надѣловъ. *К. К*). Но какъ въ другого послѣ народится много народу, тогда ему негдѣ будетъ взять земли и купить не за что, тогда онъ долженъ скитаться, Богъ знаетъ гдѣ, а я или же мои наслѣдники будутъ блаженствовать. *А прадѣды (предки) его платили выкупъ за землю, то и мнѣ, я считаю, будетъ грѣхъ владѣть чужимъ трудомъ*“ *).

Отбросьте первую половину этой характерной формулы земельнаго права, представляющую мотивъ права на жизнь и на трудъ, который будетъ очерченъ въ послѣдующемъ параграфѣ, и предположите, что это правооснованіе слабо и затерто второй, отмѣченной курсивомъ формулой *общиннаго права затраченнаго труда*. Не очевидна ли совершенно особая соціальная психологія этого общинно-трудового собственника? Не ясно ли, что, если основной корень его права формулируется: *мои труды плюсъ наши, кисляковцевъ, труды*, — то онъ если и будетъ защищать эту свою общинно-трудовую собственность противъ всякихъ хищническихъ нетрудовыхъ поползновеній, если онъ способенъ и перейти въ наступленіе вообще на хищническую земельную собственность, — то *настолько же непримиримо и исходя изъ того же права онъ дастъ отпоръ и сосѣднему голодаевцу*, который, не успѣвши

*) Отзывъ по с. Кисляки Краснинскаго у. Смоленской губ. Привожу еще два отвѣта такого же рода, не менѣе интересныхъ и характерныхъ въ своей прямотѣ: „желанія перейти къ наслѣдственному владѣнію надѣлами, послѣ того какъ выкупъ его продолжается у насъ съ 1866 года — не было. Раздѣлъ надѣловъ на постоянные участки былъ бы несправедливъ, такъ какъ выкупъ его производится не по разъ опредѣленному числу душъ, а по разному количеству ихъ... многіе, прежде платившіе за 6 душъ, теперь (послѣ передѣла) остались при одной душѣ и наоборотъ, такъ что первымъ получать надѣлъ по послѣднимъ душамъ обидно, а послѣднимъ слишкомъ хорошо“. (Отзывъ по с. Карылюгину Меленк. у. Влад. губ.). Особенно типиченъ, наконецъ, въ своей прямотѣ и наивности слѣдующій отзывъ: „развѣ только тѣ бы желали (перейти къ подворн. влад.), у кого нѣтъ дѣтей. Немного такихъ, потому что у него не отняли бы его участка; желали бы и мы, мы бездѣтны. Невыгода (перехода къ подв. вл.) только въ томъ: иной крестьянинъ окупалъ землю 40 лѣтъ, три или четыре души, а въ настоящее время онъ получаетъ одну душу или двѣ, а прежній выкупъ его пропалъ безслѣдно“. (Отзывъ по с. Максимову, Меленк. у. Влад. губ.)

захватить земли даже и для прокормленія, потребуетъ, чтобы кисляковецъ подѣлился съ нимъ своимъ, предположимъ, дошедшимъ до трудовой нормы, т.-е. вдвое-втрое большимъ надѣломъ... Страшныя звѣрскія междоусобія между общинами, съ вооруженными битвами, съ ранеными и убитыми—увы—очень и очень нерѣдки, и они грозятъ намъ *безпросвѣтно-темной, безплоднокровавой* перспективой въ томъ случаѣ, если бы въ будущемъ взялъ верхъ въ народномъ правосознаніи *одинъ этотъ голый мотивъ личнаго и общиннаго права затраченнаго труда**).

---

*) Привожу отрывокъ изъ отвѣта одного крестьянина-корреспондента (молодого, очень толковаго и симпатичнаго, живущаго вольнымъ, такъ сказать, учительствомъ „въ своей хатѣ“ крестьянскихъ ребятъ, число которыхъ доходитъ до 45). Читатель усмотритъ, что значитъ раздробленіе крестьянства на общины и до какой степени оно на руку „хозяевамъ жизни“.

„Не хватаетъ у нихъ башки улучшить свою жизнь, а толковаго человѣка, какъ овцы, и слушать не хотятъ. Много разъ изъ нѣкоторыхъ панщинъ (земельныхъ общинъ. *К. К.*) крестьяне порывались выпускать голоса на сходѣ, чтобы хотя не передѣлять землю, а для удобства сойтиться всѣмъ шести панщинамъ въ мѣсто, слова сіи отъ безумія многихъ голосовъ гасли безъ всякаго на то согласія, такъ какъ у нѣкоторыхъ изъ панщинъ лишняя какая-то земля, напр. у панщинъ гг. Храповицкихъ по 15 дес. на душевой надѣлъ, и съ ними съ шестью голосами сей панщины ничего не сладимъ, намъ де панъ столько далъ, а у двухъ панщинъ еще и по 4 десятины нѣтъ на душу, это у панщинъ гг. Жуковыхъ и г. Орелъ, какъ бывшіе господа сдѣлали у нашей деревни только нарѣзку земли для смѣха *и навѣки должно-быть для ссоры крестьянъ*, такъ не знаю, какъ и прекратить эти безпорядки! За сіе дѣленіе земли всѣ наши крестьяне зовутъ бывшихъ господъ бунтовщиками“.

Эти междуобщинныя распри иногда прямо разоряютъ крестьянъ. Напр., въ одномъ уѣздѣ Казанской губ. цѣлый рядъ общинъ просуживали десятки тысячъ рублей на земельныхъ тяжбахъ и буквально разорились, силою мѣшая другъ другу пользоваться спорной землей... Какъ низко часто падаетъ здѣсь община, это показываютъ слѣдующіе примѣры уже не только индивидуалистическаго оттѣнка права труда, но прямо-таки формально-хищническаго кулаческаго барышничества. Яркость ихъ усиливается еще тѣмъ, что приводятся они столь мало склоннымъ клеветать на общину Н. Н. Златовратскимъ („Деревенскіе будни“, „Отеч. Зап.“ 79-го г., 12-я кн. стран. 547). „Одна изъ общинъ какъ-то собралась съ силами и, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, приведшихъ кулака къ необходимости продать землю, скупила у него всю землю общиной и сдѣлалась, такимъ образомъ, довольно крупнымъ собственникомъ. Занявъ мѣсто кулака, община принялась „хозяйствовать“ совершенно въ томъ же духѣ, какъ нѣкогда хозяйствовалъ самъ кулакъ. Ея сосѣдки-общины не вздохнули легче... всѣ эти „ремни“, „барышки“, „полосы“, „поженки“, пересѣкавшія владѣнія то тѣхъ, то другихъ, мѣнялись, перепродавались, пропивались и въ концѣ концовъ подбирались хозяйственными мужичками или сто-

§ 6. Соціально-политическая роль права труда.

Изъ сказаннаго въ общемъ ясны и размѣры, и характеръ гого элемента народнаго права и правосознанія, который я называю правомъ труда.

Мы видѣли, что и распространенность и жизненность его чрезвычайно велики, такъ что этотъ элементъ едва ли не является главнымъ, около котораго кристаллизуются уже другіе элементы народнаго права. Такимъ образомъ очевидно, что въ томъ переустройствѣ русской жизни, въ которомъ народное право и народное правосознаніе сыграютъ, надо думать, рѣшающую роль, настолько же крупную роль сыграетъ и этотъ основной правовой мотивъ.

Въ какую же сторону будетъ толкать это право труда? Мы видѣли ясно, что при принадлежности только части средствъ производства и то только такой узко-групповой коллективности,

---

ронними лицами къ своему хозяйству и группировались въ ихъ рукахъ въ большіе „куски“. Сходки принимали страстный характеръ „коммерческой игры“: изъ всякаго куска выжималось все, что только можно было выжать; община донимала сосѣднюю общину; товарищество изъ „хозяйственныхъ мужичковъ“ брало аренды и вновь пускало ихъ въ торги; отдѣльныя лица донимали въ свою очередь общины и товарищества, а послѣднія донимали ихъ... Здѣсь, въ атмосферѣ „хозяйственнаго мужичка“ самая эта *общность* является только прекрасной почвой для эксплуатаціи. Нижнелопухинцы рѣшаютъ косить этотъ покосъ послѣ Петрова дня. Квашнинцы говорятъ — косите, но оставьте наши части: мы будемъ косить послѣ жнитва. Скосили свою часть нижнелопухинцы, но ремень и часть квашнинцевъ остается нескошенною, а у нижнелопухинцевъ некуда скотину выгнать! Прекрасная отава пропадаетъ даромъ. Нужно снять отаву у сосѣдей. Торги, переторжки, аукціоны идутъ одинъ за другимъ изъ году въ годъ. Тяжбы, ссоры, крайнее обособленіе интересовъ — вотъ ихъ послѣдствія. Паденіе межъ-общинной солидарности — ихъ конечный результатъ.— „Братцы мои, — говорилъ я по этому поводу съ нижнелопухинцами: — да чего вы не помѣняетесь землями? Что вы ихъ всѣ къ одному мѣсту не соберете, чѣмъ каждый разъ эти базары у себя заводить“? — „Эва! Да развѣ квашнинцы, или, теперь, тѣ, что ремнемъ владѣютъ, дураки? Съ чего это они станутъ мѣняться, когда видимая ихъ тутъ польза? Мы уже имъ отрѣзали за лугъ поле, что около ихъ межи лежитъ... Такъ они ломятъ за десятину три! Тоже у нихъ, слава Богу, эта смекалка-то есть! Ихъ тоже на кривой не объѣдешь! Ежели закономъ не прикажутъ, мы никогда не размежуемся“... И совершенно резонно: съ какой стати имъ дураками себя оказывать? Хозяйственный мужичекъ никогда себя до этого не допуститъ! „Видимая его польза, а онъ, — наткось! — изъ рукъ ее выпуститъ? За это и Господь-Богъ не похвалитъ!...“

какъ община, и при крайне слабомъ сравнительно до сихъ поръ распространеніи разныхъ формъ коллективнаго производства, трудъ затрачивается, какъ общее правило, индивидуально, а потому создаетъ индивидуальное, а не коллективное право; что въ лучшемъ случаѣ обезличившіяся въ общинѣ трудовыя затраты даютъ узко-коллективное общинно-собственническое правосознаніе, которое, *поскольку исходитъ изъ одного только этого права затраченнаго труда*, не только не представляетъ ступени къ высшему идеалу обобществленія и коллективизма, но скорѣе отходитъ дальше въ сторону отъ него.

Такимъ образомъ, резюмируя кратко соціально-политическое значеніе права труда, можно, мнѣ кажется, сказать, что *оно представляетъ начало демократическое, но не коллективистическое.* Вошедшее прочно въ народное правосознаніе право затратившаго трудъ и на орудія, и на продуктъ труда, развитое до логическаго конца, несомнѣнно даетъ нѣкотораго рода идеалъ „освобожденія труда“ отъ всякаго нетрудового права, т.-е. отъ всякой эксплуатаціи его хищническимъ государствомъ и капитализмомъ. Но отрицая антитрудовое строеніе давящей его соціальной пирамиды, чистое и голое право затраченнаго труда замѣнило бы, если бы побѣдило, эту пирамиду своеобразнымъ царствомъ необъединеннаго, раздробленнаго труда, господствомъ, такъ сказать, равенства безъ братства, какимъ-то особеннымъ видомъ жесткаго, суроваго, противообщественнаго анархизма. А главное, смогло ли бы оно побѣдить? Вѣдь „сила въ единеніи“, а въ разъединеніи—безсиліе; а если такъ, то много ли выигралъ бы трудовой народъ, если бъ даже повелъ борьбу за право затраченнаго труда не „безсвязными толпами“ лично-трудовыхъ единицъ, а разбросанными общинно-трудовыми кучками, разслоенными уже теперь и разслояющимися все болѣе по мѣрѣ частичныхъ успѣховъ болѣе сильныхъ или болѣе удачливыхъ изъ нихъ? „Divide et impera“ — „раздѣляй и властвуй“ — вотъ та оборотная сторона формулы „въ единеніи сила“, которую даетъ въ руки „хозяевамъ жизни“, если они не примѣняютъ ее сознательно, стихійный ходъ исторіи, раздробившій, разслоившій правосознаніе трудовыхъ массъ и уложившій ихъ поэтому — покорными, другъ друга давящими и удерживающими пластами — въ низы соціальной пирамиды. И очевидно, что объединить эти обез-

силенныя разъединеніемъ массы можетъ только широкій соціальный идеалъ, сливающій въ общую формулу всѣ частные ихъ интересы и направляющій на осуществленіе этой формулы сразу всѣ группы этой массы; право же личностей и группъ не объединяетъ, а разъединяетъ и, значитъ, не приближаетъ, а отдаляетъ побѣду...

Я усиленно подчеркиваю эти выводы, потому что они имѣютъ огромное практическое значеніе. Передъ крестьянствомъ уже пріоткрытъ выходъ на арену политической борьбы, оно такъ страдаетъ и такъ устало терпѣть, что не замедлитъ ни одной минуты выйти на эту арену. Мы уже знаемъ, что оно выйдетъ съ правосознаніемъ, наполненнымъ личнымъ и узко-общиннымъ правомъ труда: не очевидна ли опасность, что оно сгруппируется подъ индивидуалистическимъ знаменемъ? Болѣе состоятельные и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сознательные верхи крестьянства уже организуютъ кадры этой арміи „аграрнаго демократизма“ (употребляя мѣткое выраженіе Маркса), этого неколлективистическаго „освобожденія труда“; въ примѣчаніи я привожу одно „письмо крестьянина“, представляющее уже какъ бы готовую программу этого направленія, гдѣ съ яснымъ и яркимъ демократизмомъ, — *не только политическимъ, но и экономическимъ*, — соединяется столь же ясное и яркое провозглашеніе уничтоженія общины и введенія частной собственности на землю*) (хотя и трудовой, хотя и съ прекрас-

*) „Нужно объединить наши экономическіе интересы въ землевладѣніи, которые въ настоящее время страдаютъ отъ раздвоенія нашего землевладѣнія на общинно-подворное и частное, отдачею намъ общинныхъ земель въ частную собственность, и установить въ землевладѣніи опредѣленныя права и увѣренность въ незыблемости ихъ, которыхъ въ настоящее время не существуетъ, чтобы дать каждому свободу пользоваться землей, кто какъ умѣетъ, и вводить техническія усовершенствованія и интенсивное веденіе хозяйства безъ опасенія по какой-нибудь непредвидѣнной случайности или капризу односельцевъ лишиться возможности примѣнить свои знанія, средства и трудъ, и чтобы все (давало?) лишь увѣренность, что средства и трудъ, затраченные на поднятіе производства земли, не только могутъ быть использованы и переданы своимъ по наслѣдству, но если почему-либо владѣлецъ найдетъ нужнымъ получить ихъ обратно полностью или съ выгодой вообще, когда найдетъ это нужнымъ, и заняться другимъ дѣломъ, то дать ему полную возможность безъ всякаго ущерба для его правъ ликвидировать дѣла — а чтобы достигнуть этого, надо отдать намъ землю въ полную частную собственность съ полнымъ правомъ пользованія ею и съ правомъ отчужденія каждому гражданину Россіи, безъ

ными словами объ артели и кооперації, встрѣчающимися, впрочемъ, и въ „запискѣ“ г. Витте тоже какъ разъ рядомъ съ доводами объ уничтоженіи общины)... Эта программа способна объединить весьма обширный, хотя и очень своеобразный „союзъ союзовъ“: и г. Витте, несомнѣнно, признаетъ въ ней наименьшее зло, и у умѣренныхъ либераловъ, особенно изъ землевладѣльцевъ, забьется отъ нея бодрѣе упавшее было сердце, и „хозяйственный мужичекъ“ весьма одобритъ предлагаемое уничтоженіе общины, въ надеждѣ, что нужное ему остальное „приложится само собою“, и соціалъ-демократы въ своемъ потерявшемъ голову демагогизмѣ могутъ прильнуть къ этой, хотя и трудовой, но зато антиобщественной „платформѣ“, наконецъ, даже анархически и, сказалъ бы я, „филантропически“ настроенная часть „крайней лѣвой“ можетъ ухва-

---

различія его принадлежности къ сословіямъ, но съ предпочтеніемъ передъ прочими родственникамъ, а за неимѣніемъ ихъ односельцевъ, но безъ ущерба для продавца, даровать полную свободу въ землепользованіи, распространеніи на насъ артельныхъ правъ и дѣйствія общихъ законовъ, отмѣнить всѣ общинные законы и постановленія, отмѣнить исключительно для крестьянъ установленную администрацію и судъ, съ замѣной ихъ общими для всѣхъ сословій органами и преимущественно выборными: нужны, кромѣ того, отмѣна выкупныхъ платежей, введеніе подоходнаго налога, предоставить деревнѣ доступный и дешевый кредитъ, обязательное размежеваніе и содѣйствіе къ переселенію.

„И еще нужно принять во вниманіе то, что земля у крестьянъ служитъ не для спекуляціи, а для поддержанія существованія и поэтому необходимо сдѣлать невозможнымъ капиталистамъ эксплуатировать ее для наживы, а посему нужно установить особую душевую норму, необходимую для существованія отдѣльнаго жителя безъ различія пола и выше этой душевой нормы запретить пріобрѣтеніе мелковладѣльческихъ земель, и сообразно этой душевой нормы производить прирѣзку земли съ правомъ обязательнаго выкупа и только желающимъ безъ различія принадлежности къ сословіямъ; полное сліяніе крестьянъ въ правахъ съ прочими сословіями безъ всякихъ изъятій и обязательное безплатное достаточное общее и спеціальное народное образованіе, а для выборовъ въ будущую палату депутатовъ прямое, равное для всѣхъ мужчинъ и тайное избирательное право, безъ всякаго ценза. Вотъ совмѣстно съ этими реформами прирѣзка земли будетъ не палліативомъ, а благодѣяніемъ, и навсегда поставитъ прочно земледѣльцевъ на ноги, и дастъ возможность проявить имъ свои способности и прилежаніе. Я увѣренъ, что съ введеніемъ этихъ реформъ, при нашей любви къ земледѣлію, мелковладѣльческія земли превзойдутъ въ доходности земли крупныхъ хозяевъ, такъ какъ лично для себя трудъ производительнѣе, и будетъ полная возможность кооперації и частнаго почина и возможность пользованія кредитомъ, свободная осѣдлость, да и гарантія отъ кулака деревни, а дальнѣйшее процвѣтаніе деревни приложится само собою“.

титься за тотъ „трудовой идеалъ“ крестьянства, котораго она хотя не знаетъ и не понимаетъ, но который ей такъ сладко кружитъ голову, въ надеждѣ, что онъ проявится революціонно и что второй ея идолъ — община, готовая перескочить въ коммуну, приложится уже сама собой въ самомъ процессѣ „захвата“.

Какъ ни серьезна, какъ ни грозна, однако, опасность такого союза элементовъ, враждебныхъ немедленному построенію въ Россіи одного изъ устоевъ чистаго и полнаго коллективизма, — я говорю, конечно, *о народно-государственномъ* обобществленіи земли, — все-таки можно, кажется, надѣяться, что у извѣстной части крайней лѣвой активность не затемнитъ критицизма и она во-время твердо ухватится не за тотъ рычагъ, который соблазняетъ внѣшними эффектами революціонности, кружитъ голову программной, чисто словесной „максимальностью“ и покоряетъ сердце филантропическими надеждами на быстрое утоленіе народныхъ страданій, но который вмѣстѣ съ тѣмъ разбилъ бы всѣ эти иллюзіи, ибо отклонилъ бы движеніе отъ *высшаго и чистаго* типа коллективизма къ низшему его типу и даже отчасти къ укрѣпленію индивидуализма, — а за тотъ единственно вѣрный рычагъ, гдѣ принципъ коллективизма всего шире, глубже, чище и полнѣе, гдѣ минимумъ компромиссовъ съ идеаломъ... Этотъ рычагъ я вижу въ другомъ мощномъ элементѣ народнаго права, который я называю *правомъ на трудъ*.

Намѣтимъ теперь основныя его черты.

ГЛАВА VII.

Право на трудъ.

§ 1. Общее опредѣленіе права на трудъ.

Общее опредѣленіе того, что я понимаю подъ правомъ на трудъ, дано мною уже въ „Русской Общинѣ“, и сейчасъ мнѣ остается только повторить его и развить затѣмъ нѣсколько подробнѣе. Вотъ это опредѣленіе:

„Каковы основанія этого права на трудъ? Общее его основаніе — это право всѣхъ людей на существованіе, т.-е. на удовлетвореніе всѣхъ потребностей. Это послѣднее право въ общемъ смыслѣ признается, собственно

говоря, всѣми цивилизованными людьми: всякій возмущается смертью бѣдняковъ, умершихъ отъ голода, истощенія или холода и т. п., и въ этомъ возмущеніи необходимо подразумѣвается признаніе права за всякимъ человѣкомъ на существованіе. Но такого рода „право“ имѣетъ, во-первыхъ, скорѣе моральный, а не политико-юридическій характеръ, и поэтому, во-вторыхъ, изъ него выводится не право на *производительный трудъ*, обезпечивающій существованіе, но лишь право на извѣстный минимумъ *продуктовъ потребленія*, минимально удовлетворяющихъ потребности и предохраняющихъ на время отъ смертныхъ случаевъ (такое имѣетъ значеніе, напр., помощь пищей и одеждой голодающимъ и т. п.). Только это моральноблаготворительное пониманіе права на существованіе и господствуетъ теперь въ обществѣ; политическое же его толкованіе, выводящее изъ права каждаго человѣка на существованіе право каждаго *на трудъ* и, значитъ, въ той или иной формѣ, *на пользованіе орудіями труда*, лишь косвенно начинаетъ признаваться государствомъ и господствующими слоями населенія и лишь частично иногда осуществляется въ видѣ, напр., мѣръ противъ безработицы, страхованія работающихъ или хотя бы, напр., общественныхъ работъ въ извѣстныхъ случаяхъ, или организуемаго государствомъ и земствомъ снабженія лошадьми обезсилѣвшихъ крестьянскихъ хозяйствъ и т. п.“*)...

Условія, при которыхъ печаталась моя книга (она посвящена, напр., памяти не „Н. Г. Чернышевскаго“, а „Н. Г. Чер-шевскаго“), заставили меня ограничиться такимъ урѣзаннымъ выраженіемъ моей мысли. Не могу я выразить ее совершенно полно и свободно и сейчасъ, но попытаюсь, по крайней мѣрѣ, подчеркнуть ту основную мысль, что это сознаніе права на трудъ, какъ единственной человѣчески достойной формулировки общаго права всѣхъ людей на жизнь, естественно, гораздо сильнѣе и гораздо рѣзче у тѣхъ, для кого это признаніе и проведеніе въ дѣйствующій законъ права на трудъ есть вопросъ жизни: у всѣхъ трудящихся и страдающихъ.

И кажется мнѣ, что значеніе этого, все тверже складывающагося во всемъ рабочемъ классѣ, по мѣрѣ культурнаго его роста, сознанія своего права на жизнь, — на *человѣческую* жизнь! въ формѣ права на трудъ,—на *человѣческій* трудъ! въ связи съ правомъ труда — на *полный* продуктъ труда!— значеніе этого трудового правосознанія еще далеко не понято въ господствующихъ программахъ рабочихъ партій. Проникнутыя до сихъ поръ духомъ экономическаго матеріализма, выработанныя людьми книги и кабинета, а не самой молодой интел-

*) См. „Русская община“, т. I, стран. 216—217.

лигенціей изъ широкихъ массъ труда, эти программы строятъ формулы требованій на одной категоріи необходимаго, оставляя категорію желательнаго въ тѣни и безъ непосредственнаго моральнаго обоснованія. .

Само собою разумѣется, что это забвеніе категоріи желательнаго въ пользу категоріи необходимаго въ изживающемъ послѣдніе, надо думать, годы марксизмѣ еще не причина для новаго программнаго „діалектическаго“ „постановленія на голову“, предпринимаемаго анархизмомъ, который, поддаваясь настроенію, понятному психологически, но абсурдному логически, выбрасываетъ необходимость для желательности. Только синтезъ обѣихъ категорій,—и синтезъ, не вымышленный дедукціей, а взятый индукціей изъ жизни,—только синтезъ интереса и идеала можетъ дать максимумъ активности и критичности въ политической программѣ. А этотъ синтезъ интереса и идеала заключается въ томъ, что объединяетъ *экономику и моралъ — въ правѣ*. И въ наше время, когда великій идеалъ народно-трудового государства, пройдя чрезъ фазисъ *моральный*,— въ проповѣди „утопистовъ“, выходя уже изъ фазиса *экономическаго*,—стихійнаго подготовленія обобществленія развитіемъ капитализма и культуры, подошелъ уже къ фазису *юридическому*, — къ формулированію и проведенію въ жизнь точныхъ конкретныхъ правовыхъ нормъ,—въ этотъ новый поворотный моментъ, должны, конечно, явиться и новыя формулы, новыя программы, и онѣ должны быть *юридическими*, онѣ должны дать этотъ *синтезъ народно-трудовыхъ интересовъ и идеаловъ, новую „декларацію правъ“, декларацію новаго народнаго права*... Въ этой-то декларации право на жизнь и право на трудъ должно занять центральное мѣсто.

Если читатель такъ привыкъ связывать каждую идею съ какимъ-нибудь симпатичнымъ авторитетомъ, что непремѣнно потребуетъ такового и для „права на трудъ“, то укажу ему на Луи Блана и боровшихся съ нимъ въ 1848 году французскихъ рабочихъ. Для настоящаго же времени еще разъ подчеркну первую попытку построенія грядущаго права А. Менгера и укажу, что въ Швейцаріи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, впервые былъ поставленъ на народный референдумъ (правда, въ узкомъ толкованіи) этотъ принципъ *права на трудъ*. Спѣшу оговориться, что эти первыя программныя формулировки,— осо-

бенно, конечно, столь давнія, какъ Луи Блана,—далеко неполны и несовершенны и что вообще я не умѣю указать настолько готовыхъ формулъ, которыя сейчасъ же можно было бы начать заучивать наизустъ. Но я обращаюсь къ читателямъ, не ослѣпленнымъ ни авторитетами ни догмами, а за высшую инстанцію признающимъ жизнь. Сейчасъ и пора уже обратиться отъ этихъ бѣглыхъ общихъ замѣчаній къ вопросу о томъ, насколько вообще въ самой жизни,—въ нашей русской народной жизни,—наблюдаются проявленія этого права на трудъ.

§ 2. Общія проявленія въ народномъ правосознаніи права на жизнь.

Корень права на трудъ безконечно глубокъ: онъ заключается въ правѣ на жизнь, а право на жизнь если не сознается, то чувствуется каждымъ человѣкомъ, сливаясь съ инстинктомъ жизни. Но все дѣло въ томъ, что долгая соціальная жизнь, долгое давленіе разнаго рода соціальныхъ пирамидъ задавило и завалило всякимъ историческимъ мусоромъ эти глубокіе корни, безпрерывно заглушало безпрерывно же появлявшіеся отъ этого корня ростки. Но все-таки мало-по-малу эти ростки поднимались и укрѣплялись. Уже въ возстаніяхъ рабовъ въ Римѣ видно сознаніе равноцѣнности всѣхъ человѣческихъ жизней. Христіанство уже громко и ясно провозгласило эту идею. Какъ ни долго тлѣла она подъ пепломъ безплодныхъ соціальныхъ пожаровъ, но уже больше не угасала и разгоралась все ярче и шире. Одинъ изъ 12 тезисовъ требованій колоссальнаго возстанія крестьянъ въ 1525 году гласилъ: „уничтоженіе крѣпостного права, такъ какъ кровь Христа одинаково искупила всѣхъ“. Еще въ XIV столѣтіи, французскіе крестьяне пѣли: „мы такіе же люди, какъ и они (т.-е. дворяне): у насъ такія же кости и кровь, такіе же члены, какъ и у нихъ“. И крѣпостное право медленно подтачивалось и, наконецъ, рухнуло подъ напоромъ этого правосознанія людей „черной кости“, что они—„такіе же люди“, какъ и захватившіе ихъ въ неволю люди „бѣлой кости“. И сбрасывая одно придавившее его ярмо за другимъ, съ каждымъ новымъ освобожденіемъ все выше поднималъ голову трудовой человѣкъ, все ярче сознавалъ, что и онъ такой же человѣкъ, какъ захватившіе вершину соціальной пирамиды „хозяева жизни“.

То же происходило и происходитъ и у насъ, въ Россіи. Сомнительно, чтобы когда бы то ни было крѣпостные въ массѣ своей (о развращенной полутунеядской дворнѣ я не говорю) считали себя иными существами, нежели ихъ господа. Несомнѣнно, что за полвѣка, прошедшихъ отъ „перваго освобожденія“ до стоящаго уже на порогѣ „второго освобожденія“, русскій трудовой народъ уже сознаетъ себя такимъ же человѣкомъ, какъ люди „командующихъ классовъ“. Множество объективныхъ признаковъ о томъ говорятъ: и почти полное исчезновеніе тѣлесныхъ наказаній изъ приговоровъ волостного суда, и „своевольство“ молодого поколѣнія, и „своевольство женъ“ и т. д., и множество мелкихъ повседневныхъ проявленій развившагося чувства собственнаго достоинства по отношенію къ стоящимъ выше него на соціальной лѣстницѣ, и обрисованный отчасти выше длинный рядъ „самовольныхъ“ нарушеній „закона“, — тамъ, гдѣ онъ затрогиваетъ вопросы самой жизни — какъ въ переселеніи, духовно-моральныя потребности личности — какъ въ семьѣ, общественно-правовые идеалы — какъ въ общинѣ, — и, наконецъ, эта общая усталость народа „претерпѣвать“ „законъ“, это смутное томленіе и исканіе „правовъ“... Эту общую перемѣну настроенія въ трудовыхъ низахъ вообще и въ крестьянствѣ въ частности очень хорошо охарактеризовалъ нѣкій публицистъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, какъ *перестановку центра въ крестьянскомъ сознаніи:*

„Современное крестьянство, — говоритъ онъ, — насыщено и пресыщено сознаніемъ своихъ *правъ* (курсивъ, какъ и ниже, автора), и въ этомъ его существенное отличіе отъ крестьянства еще сравнительно недавняго прошлаго, но совсѣмъ утратило сознаніе, столь энергичное въ немъ во времена былыя своихъ *обязанностей*... Это сознаніе своихъ правъ у него какое-то отвлеченное, пустое, доктринерское: *какія* именно его права, — этого онъ совсѣмъ не знаетъ, не знаетъ и того, на чемъ они основываются и изъ чего вытекаютъ... „*Наши* права, а *ваши* обязанности“ такова формула, которою, какъ мнѣ кажется, можно было бы выразить внутреннюю логику отношеній современнаго крестьянства къ землевладѣльцамъ“*).

Мнѣ почти нечего прибавить къ этой характеристикѣ чуткаго реакціонера: именно такъ, именно „перемѣстился центръ“ крестьянскаго правосознанія отъ былой „энергіи“ обязанности

*) Фельетонъ г-на А. В. подъ заглавіемъ „Кошмаръ“, въ „Моск. Вѣд.“, № 237, 1904 г.

къ настолько же энергичному добыванію права. И именно не конкретныхъ мелкихъ правъ, а права вообще.

Невѣрно только, чтобы право это было „отвлеченное, пустое, доктринерское“ (откуда бы отвлеченность и доктринерство у темнаго мужика?) и чтобы онъ не зналъ, на чемъ оно основывается. Изъ господской усадьбы, въ которой гостилъ авторъ приведенной характеристики, этого содержанія и этихъ основаній, конечно, не разглядѣть, но если спуститься въ самый народъ, то сразу же они бросаются въ глаза съ необычайной яркостью.

Во второй же деревнѣ, въ которую 4 года тому назадъ я пріѣхалъ разспрашивать объ общинныхъ распорядкахъ, желая оживить личными впечатлѣніями сухой скелетъ фактовъ и цифръ, среди собравшихся 4—5 десятковъ разныхъ возрастовъ, состояній и развитія мужиковъ, выдѣлилось два прямо противоположныхъ выразителя мнѣній и настроенія значительнаго большинства: одинъ лѣтъ 35, приземистый, скромный и съ дѣтскими, добрыми до смѣшного глазками, а другой лѣтъ 30, здоровенный, черный, съ злобно-дерзкимъ взглядомъ, сильно подвыпившій. Мужичекъ приземистый, въ отвѣтъ на вопросы о землѣ, о способахъ обработки и пр., все повторялъ: „обрабатываемъ! Ужъ такъ мы ее обрабатываемъ — лучше нельзя! А не даетъ больше!...“ Черный же, уже черезъ четверть часа послѣ начала опроса, сталъ сильно мѣшать ему, стараясь свести разговоръ на общіе порядки и, наконецъ, пользуясь паузой, когда я записывалъ, сталъ наступать на меня: „нѣтъ, ты вотъ что мнѣ скажи: ты къ купцу поѣдешь, что рядомъ съ нами? Какъ ты насчетъ этого купца полагаешь: такой же онъ человѣкъ, какъ и мы? Одинъ у него носъ, два глаза, одно брюхо, — вотъ все равно, что у меня? Вѣрно я говорю, али нѣтъ? Такъ скажи жъ ты мнѣ: отчего у него полторы тысячи десятинъ на одного, а у насъ на все село? А? Почему это такъ?...“ Среди примолкшихъ мужиковъ прошелъ робкій, но явно сочувственный ропотъ; вдумчиво и кротко, но твердо отозвался только мужичекъ-хлѣбопашецъ: „ничего другого нѣтъ, какъ къ купцу самовольно идти пахать“.. Итакъ, во второй же деревнѣ, какъ нельзя яснѣе, услышалъ я, въ чемъ содержаніе и основаніе крестьянскаго правосознанія: оно вылилось буквально словами мятежной пѣсни французскихъ крестьянъ XIV вѣка: *мы такіе же люди, какъ и они!...*

Я могъ бы еще много привести иллюстрацій, но ограничусь только одной, — не изъ мѣстности черноземной, гдѣ имѣлъ мѣсто только что приведенный разговоръ, а промышленной: одинъ изъ вышецитированныхъ уже крестьянъ-корреспондентовъ, изъ Мышкинскаго у. Ярославской губ., гдѣ развитъ отходъ въ трактирные половые, на вопросъ объ общихъ нуждахъ крестьянъ, выдвигаетъ особенно образованіе и заканчиваетъ такъ: „нужно расширить кругозоръ и дать человѣку возможность понять, что онъ рожденъ такимъ же, какъ и всѣ, а не просто трактирнымъ человѣкомъ между болѣе богатыми“...

Итакъ, „доктринерскія“ основанія крестьянскаго правосознанія сводятся къ тому, что трактирный „чела-экъ“ созналъ себя человѣкомъ, „рожденнымъ какъ и всѣ“, что хлѣбопашецъ не можетъ понять, почему „его брюхо“ опоясано земельной полосой въ 5 десятинъ, а „купецкое“ — въ полторы тысячи, когда „мы — такіе же люди, какъ и они“ Можно не соглашаться съ этимъ основаніемъ, можно называть „отвлеченнымъ“ и „пустымъ“ этотъ голосъ голоднаго пустого „мужицкаго брюха“ и „доктринерскимъ“ это желаніе быть человѣкомъ „какъ и всѣ“, но отрицать то, что такое настроеніе, такая мысль явилась и быстро растетъ въ народно-рабочемъ правосознаніи, никакъ нельзя.

Чтобы перейти отъ этихъ мнѣній, въ которыхъ выражается правосознаніе, къ фактамъ права, гдѣ оно должно проявиться болѣе положительно и конкретно, приведу еще два примѣра изъ „никому невѣдомаго обычая“. Г-жа Ефименко указываетъ, что:

„Въ Землѣ Войска Донского въ неурожайные годы, когда бѣдняки находятся въ совсѣмъ безвыходномъ положеніи — купить хлѣба не на что, занять не у кого, они прибѣгаютъ къ самовольному, такъ сказать, займу у богатыхъ. Изъ хлѣба, который зажиточные держатъ необмолоченнымъ въ степи на току, вдругъ исчезаетъ нѣсколько копенъ, взятыхъ неизвѣстно кѣмъ, а на другой или даже на третій годъ, при урожаѣ, хлѣбъ привозится опять, всегда 2—3 копнами больше, чѣмъ было взято, и складывается на томъ же самомъ мѣстѣ Когда берутъ хлѣбъ, иногда оставляютъ на мѣстѣ записку, въ которой говорится, что заставила взять хлѣбъ крайняя нужда и что онъ будетъ непремѣнно возвращенъ при урожаѣ“ („Труды областного Войска Донского статистическаго комитета“. Вып. II, 1874 г.)*).

*) А. Ефименко, „Изслѣдованіе народной жизни“. Вып. I. „Обычное право“, стран. 144.

Этотъ обычай прямо отвѣчаетъ на опасеніе сотрудника „Московскихъ Вѣдомостей“, что мужикъ знаетъ только права, но не обязанности: бѣднякъ въ неурожай твердо увѣренъ въ своемъ правѣ не умирать съ голоду и не заморить жену и дѣтей, онъ сознаетъ свое право на жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уважаетъ право затраченнаго труда у владѣльца „самовольно занятаго“ имъ хлѣба и потому при первой возможности его возвращаетъ, чего, весьма вѣроятно, не счелъ бы себя обязаннымъ сдѣлать, если бы „самовольно позаимствовался“ тѣмъ хлѣбомъ сосѣдняго помѣщика, который взращенъ его же, „самовольца“, трудами, въ которомъ онъ нуждается, по его мнѣнію, больше помѣщика и на который, по его внутреннему, затаенному отъ карающаго „закона“ убѣжденію, онъ имѣетъ „по совѣсти“ большее право, чѣмъ помѣщикъ. Наконецъ, я вспоминаю еще одинъ примѣръ столь характернаго для Россіи особаго, такъ сказать, „голоднаго обычнаго права“. Это — строго, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ прямо-таки свято соблюдаемый обычай не смотрѣть на сбираніе милостыни, на „хожденіе въ кусочки“, какъ на нѣчто постыдное — съ одной стороны, а съ другой — до такой степени никогда не отказывать въ этихъ „кусочкахъ“ хлѣба просящимъ, что даже буквально отъ послѣдняго куска хлѣба, предъ тѣмъ какъ завтра самимъ пойти сбирать, отрѣзается кусочекъ и подается постучавшему въ окошко голодающему... Предъ лицомъ надвигающейся голодной смерти, право на жизнь вопіетъ все громче и сплачиваетъ страдающій народъ все тѣснѣе...

§ 3. Право на трудъ, какъ коллективное право.

Мы намѣтили просвѣчивающее въ крестьянскомъ правосознаніи *право на жизнь*, иногда какъ ясно и ярко заявленное право, иногда какъ скрыто само собою подразумѣвающееся. Но до сихъ поръ мы не видѣли еще примѣровъ фактическаго осуществленія *права на трудъ:* только что приведенные „голодные обычаи“ представляютъ *морально-филантропическій* выходъ изъ права на жизнь, — помощь предметами потребленія, — а не *политико-юридическій*, — предоставленіе того или иного права на *средства производства;* а вѣдь только

въ послѣднемъ осуществляется право на *трудъ*. Ясно, что разъ дѣйствительно среди населенія, обладающаго средствами производства, распространено и сильно такое сознаніе права каждаго на жизнь, то, чтобы не остаться одной изъ почти не исполняющихся моральныхъ заповѣдей, а наложить печать на весь бытъ населенія, оно должно выразиться въ установленіи этимъ населеніемъ такихъ *нормъ распредѣленія находящихся у него средствъ производства, чтобы всѣ получили средства къ жизни черезъ приложеніе къ нимъ своего труда.*

Въ противность праву затраченнаго труда, являющемуся, въ зависимости отъ формы владѣнія и производства, то личнымъ, то коллективнымъ началомъ, *право на трудъ, по самому существу своему, коллективно.* Понятно почему. Обезпеченіе результата затраченнаго труда обезпечиваетъ лишь *результатъ уже совершившагося,* тогда какъ обезпеченіе возможности жить своимъ трудомъ, подразумѣвающее доставленіе средствъ производства (въ пользованіе или владѣніе) тѣмъ, кто ихъ не имѣетъ, или уравненіе ихъ между неравномѣрно владѣющими (т.-е. означающее, конкретно говоря, обезпеченіе каждому пользованія средствами производства, минимумъ въ размѣрѣ, необходимомъ для существованія, и максимумъ въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ размѣромъ его рабочей силы), — такое регулированіе пользованія средствами производства, въ предѣлахъ между *минимальной — потребительной* и *максимальной — трудовой* нормой, есть, очевидно, не что иное, какъ *заново создаваемое распредѣленіе средствъ производства,* и оно, понятно, можетъ происходить только между нѣсколькими людьми, т.-е. въ той или иной коллективности. Такими коллективными формами, вмѣщающими и осуществляющими право на трудъ, явились въ Россіи общинное и государственное землевладѣніе.

Такимъ образомъ, мы сразу же видимъ, что право на трудъ есть начало не только *отдѣльное* отъ права затраченнаго труда, не только *независимо* отъ него складывающееся, мотивирующееся и дѣйствующее, но даже очень часто, въ зависимости отъ конкретныхъ условій права труда, враждебно съ нимъ сталкивающееся. Неразличеніе этого крайне важнаго факта, пониманіе подъ народнымъ „трудовымъ правомъ“, „трудовымъ началомъ“ и т. п. исключительно одного *права труда* (затраченнаго) и составляетъ, съ одной стороны, слѣдствіе ничтож-

ной освѣдомленности ходячихъ мнѣній о народномъ правѣ, а съ другой — причину той удивительной смутности въ пониманіи „трудового права“, того приписыванія ему всего, что только желательно тому или иному энтузіасту, — вообще превращеніе его иными въ какой-то фетишъ, которому тѣмъ болѣе поклоняются, чѣмъ менѣе понимаютъ. Вполнѣ понятно, что первыя работы, — а въ томъ числѣ даже замѣчательнѣйшія во всей литературѣ предмета работы г-жи Ефименко, — страдали этимъ пробѣломъ: изслѣдователи не замѣчали, что исключительно занимавшее ихъ право затраченнаго труда можетъ быть и личнымъ и коллективнымъ, а при данныхъ въ Россіи условіяхъ, преимущественно является личнымъ или лишь узко коллективнымъ, и проглядѣли стоящее рядомъ и отчасти сплетающееся съ нимъ другое правоосноваціе, которое я не умѣю иначе назвать, какъ правомъ на трудъ, и изъ котораго единственно только и могутъ быть объяснены развившіяся въ народѣ коллективныя формы права. Но теперь, когда это народное право уже такъ многообразно проявилось, когда его такъ легко сравнительно изучить и когда уже такъ близокъ моментъ, когда оно ляжетъ основными камнями въ новое зданіе народногосударственнаго права — теперь пора разглядѣть его съ полной отчетливостью.

Всякій, кто читалъ мою первую работу — т. I „Русской общины“, уже знаетъ, какое огромное количество проявленій обычнаго права, — до основного общинно-передѣльнаго механизма въ томъ числѣ и главнымъ образомъ, — не только не укладываются въ рамки права затраченнаго труда, но составляютъ прямое отрицаніе этого начала. Отсылая читателя къ этимъ фактамъ, ограничусь здѣсь, за недостаткомъ мѣста, лишь однимъ примѣромъ: вышеприведеннымъ самовольнымъ займомъ продукта чужого труда. Такъ какъ г-жа Ефименко сосредоточивала все свое вниманіе на правѣ затраченнаго труда, то ее интересуетъ въ этомъ обычаѣ не самый тотъ фактъ, что хлѣбъ самовольно *берется безъ всякаго труда* и это не считается предосудительнымъ, а то, что хлѣбъ, въ уваженіе затраченнаго въ него чужого труда, обязательно *возвращается*. Хорошо, *возвращеніе* хлѣба являетъ силу права затраченнаго труда; но на чемъ же основано самое *взятіе* хлѣба? Вѣдь оно отрицаетъ не только формальное право собственности, но и

право затраченнаго труда*), значитъ должно имѣть какое-нибудь другое основаніе, разъ обычай не считаетъ его простой кражей, а нѣкоторымъ образомъ легализируетъ? И какое же другое основаніе можно тутъ найти, кромѣ того права на жизнь, изъ котораго исходитъ и съ которымъ сливается право на трудъ?... Легко затѣмъ видѣть, что въ каждомъ общинномъ передѣлѣ, отбирающемъ у части хозяевъ затраченные ими въ ихъ надѣлы „труды", совершается та же „экспропріація" во имя того же права на жизнь въ ясной и чистой уже формѣ права на трудъ.

Итакъ, во всѣхъ случаяхъ мы должны строго различать эти два основныя начала народнаго права: въ значительномъ большинствѣ чистыхъ проявленій этого права мы откроемъ ту или иную ихъ равнодѣйствующую. При этомъ очевидно, что въ зависимости отъ относительной силы того и другого при разныхъ конкретныхъ условіяхъ эта равнодѣйствующая склоняется то въ одну, то въ другую сторону, иногда доводя одно изъ нихъ до ничтожнаго минимума, но никогда не стирая окончательно. Длинный рядъ яркихъ примѣровъ того, съ какой правильностью въ общинной жизни колеблются эти равнодѣйствующія, опять-таки данъ уже мною въ I томѣ „Русской общины": тамъ я довольно подробно прослѣдилъ, какъ различна степень проявленія общинно-уравнительнаго начала по отношенію къ разнымъ угодьямъ въ зависимости отъ того, насколько, съ одной стороны, они интенсивны и потому попадаютъ подъ власть затраченнаго труда, и съ другой — насколько развивается нужда въ нихъ, недонадѣленность ими у части общинниковъ, и насколько настойчивы поэтому притязанія на нихъ права на трудъ. Здѣсь на двухъ-трехъ примѣрахъ покажу такія же комбинаціи и въ другихъ общинныхъ формахъ.

Подчеркну прежде всего, что право на трудъ въ зачаточ-

*) Что хлѣбъ возвращается съ процентомъ, — это еще не доказываетъ ненарушенія интересовъ владѣльца: если бы самовольный заемъ производился на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ согласился бы на него самъ владѣлецъ, то почему же ему не произойти открыто и легально? Ясно, что самовольный заемщикъ беретъ на какихъ условіяхъ, на какихъ бы ему добровольно не дали, т.-е. нарушаетъ интересы затратившаго трудъ, какъ бы частично экспропріируетъ его.

номъ видѣ проявляется иногда даже при подворномъ владѣніи. Выше я уже приводилъ такой случай попытки отобранія надѣла у подворниковъ, бывшихъ питомцевъ воспитательнаго дома. Еще характернѣе цѣлый опредѣленно установившійся обычай наслѣдованія въ Бессарабской губерніи. Здѣсь по отзыву губернскаго совѣщанія:

„У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (молдаванъ и малороссовъ) болѣе укоренившимся обычаемъ, заимствованнымъ отчасти отъ древнихъ мѣстныхъ мелкихъ собственниковъ-резешей Бессарабіи, является въ дѣлѣ наслѣдованія тотъ, что подворный участокъ раздѣляется поровну между всѣми членами семьи мужского пола, *не получившими отдѣльно самостоятельныхъ семейныхъ надѣловъ*, съ предоставленіемъ всегда усадьбы младшему сыну; дочерямъ, вышедшимъ замужъ за членовъ другихъ обществъ или мѣстныхъ поселянъ, *обезпеченныхъ землей*, равно вдовамъ, вышедшимъ вторично замужъ, надѣльной земли по наслѣдству не предоставляется, но онѣ участвуютъ въ наслѣдованіи только движимымъ имуществомъ. Дочери же, вышедшія замужъ *за мѣстныхъ безземельныхъ* односельцевъ поселянъ, равно незамужнія — допускаются или къ наслѣдованію части полевыхъ угодій подворнаго участка, или взамѣнъ этого получаютъ соотвѣтственное своимъ долямъ денежное вознагражденіе либо иное движимое имущество".

Какъ видимъ, наслѣдованіе совершенно опредѣленно направляетъ имущества въ сторону наименьше обезпеченныхъ, т.-е. какъ бы осуществляетъ общинную функцію проведенія всеобщаго права на трудъ, при чемъ даже нѣтъ указаній на препятствія этому со стороны права затраченнаго труда тѣхъ или иныхъ наслѣдниковъ.

Очень интересно затѣмъ прослѣдить, какъ являются первые зачатки права на трудъ какъ разъ тамъ, гдѣ всего слабѣе право труда или другія личныя начала, и какъ они развиваются по линіи наименьшаго сопротивленія со стороны этихъ началъ. Въ безпередѣльныхъ уже 30—40 лѣтъ общинахъ накопляется много обдѣленныхъ, образуется партія за уравнительный передѣлъ, эта партія неуклонно растетъ вмѣстѣ съ ростомъ населенія и дѣло идетъ настолько же неуклонно къ ея побѣдѣ, къ полному „равненію" земли на „новыя" „наличныя" души (по тому или иному принципу), т.-е. къ полному осуществленію общиннаго права на трудъ. Но задолго до этой окончательной побѣды это право пробиваетъ первыя бреши въ застывшемъ лично-наслѣдственномъ владѣніи тамъ, гдѣ оно всего слабѣе, а такихъ пунктовъ два. Первый — ограниченіе

круга родственниковъ, имѣющихъ право наслѣдовать: народное право, стоя на почвѣ фактическихъ, а не формальныхъ семейныхъ и хозяйственныхъ связей, слабо уважаетъ наслѣдственныя права отдаленныхъ родственниковъ; вотъ, напримѣръ, описывается безпередѣльная община, гдѣ „братъ брату наслѣдуетъ, дядя — племяннику, пока все колѣно не переведется, и на женокъ и то наслѣдство идетъ“... Но такой порядокъ уже у многихъ возбуждаетъ недовольство: „мы вотъ *за аренду* (земли внѣ общины) *деньги плати*, а онъ и *родственникъ небольшой*, а даромъ держитъ“...

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ усиливается напоръ этихъ обдѣленныхъ, этого обиженнаго права на трудъ, принужденнаго на сторонѣ дорого арендовать землю, — по мѣрѣ этого и начинаетъ ограничиваться кругъ наслѣдниковъ, постепенно сводящихся часто до однихъ прямыхъ потомковъ, въ остальныхъ же случаяхъ земля объявляется выморочно-общинной и отдается наиболѣе въ ней нуждающимся. Другая брешь пробивается въ указанномъ уже пунктѣ — въ отобраніи надѣловъ у сдающихъ ихъ въ аренду, вообще пользующихся ея рентой безъ своего труда, т.-е. у которыхъ поэтому нѣтъ ни права затраченнаго труда, ни права на трудъ, а развѣ лишь (разъ они не могутъ трудиться) — на филантропическое осуществленіе права на жизнь, — „на пропитаніе“. Община и передаетъ такіе надѣлы обдѣленнымъ въ трудовое пользованіе, либо вовсе лишая земли сдатчиковъ, — если они вообще могутъ прожить своимъ трудомъ, — либо оставляя имъ часть надѣла „на пропитаніе“, или, отобравъ надѣлъ, прямо назначая отъ общины помощь хлѣбомъ или деньгами на прокормленіе не могущимъ зарабатывать.

Но понятно, что въ этихъ первыхъ стычкахъ между правомъ на трудъ и правомъ труда и другими личными началами, первое формулируется еще смутно и частично, и лишь въ тѣхъ генеральныхъ сраженіяхъ, которыя завязываются въ борьбѣ за общій уравнительный передѣлъ послѣ долгаго неуравнительно-наслѣдственнаго владѣнія, — развертывается полно и ярко вся аргументація права на трудъ. Объ этихъ „первыхъ передѣлахъ“, волна которыхъ сразу высоко поднялась съ 1881 года и до сихъ поръ безпрерывно разливается и обращаетъ въ общинной жизни тысячи общинъ, десятки

лѣтъ пробывшихъ въ омертвѣніи, было много споровъ: „народники“ видѣли во многихъ ихъ проявленіяхъ, — особенно въ томъ, что очень часто, даже, повидимому, въ большинствѣ случаевъ за эти уравнительные передѣлы голосовала часть хозяевъ, терпѣвшихъ при передѣлѣ убавку надѣла,— извѣстнаго рода „альтруизмъ“, присущій русскому крестьянству; марксистскіе же сторонники пролетаріата и пролетаризаціи старались доказать, что въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ голаго „эгоизма“. При свѣтѣ установленныхъ нами правовыхъ принциповъ ясно, что не только голое невѣжество и плоское шутовство г. Волгина и ему подобныхъ, но и поддержанная широкимъ и серьезнымъ изученіемъ схема г. В. В. безсильны объяснить дѣйствительность, ибо слишкомъ упрощаютъ ее. Въ дѣйствительности и *у сторонниковъ и у противниковъ передѣла* мы не находимъ въ чистомъ видѣ ни *тезиса* общиннаго *идеала*, ни *антитезиса* личнаго *интереса*, а открываемъ *синтезъ права*, въ которомъ въ извѣстныхъ сочетаніяхъ слиты и „альтруизмъ“ и „эгоизмъ“, и идеалъ и интересъ. Вѣдь и идеалъ выгоденъ, и интересъ можетъ быть идеализированъ: то и другое получается въ широко-общественныхъ групповыхъ правосознаніяхъ, выражающихся формулой: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“.

Въ этой, выражаясь понятнымъ для марксистовъ терминомъ, групповой „идеологіи“ и лежитъ объясненіе характера борьбы за передѣлъ, — которая не есть ни борьба за чистый нравственный идеалъ, ни за голый интересъ, а за синтезирующую ихъ правовую норму: каждая сторона отстаиваетъ свой *интересъ*, — обдѣленные хотятъ прибавки земли, перенадѣленные не хотятъ убавки, — но каждая сторона имѣетъ за себя и *право*, выведенное изъ общепризнаваемыхъ въ трудовыхъ массахъ *моральныхъ* мотивовъ: первые — право на трудъ, исходящее изъ права на жизнь, вторые — право труда, связанное со вложенной въ средства производства частицей этой жизненной энергіи трудящихся. Оба эти права одинаково не оспоримы и потому не могутъ вполнѣ побѣдить одно другое, а могутъ лишь складываться, сплетаться, часто сливаться въ разныхъ сочетаніяхъ...

Приведу нѣсколько образцовъ формулировокъ этого общиннаго уравнительно-передѣльнаго права на трудъ и личнаго антипередѣльнаго права труда.

Вотъ какъ описываетъ эту борьбу за передѣлъ одинъ корреспондентъ Балашевскаго у. Саратовской губ. въ отвѣтѣ на разосланныя мною программы по общиннымъ распорядкамъ:

„Требующіе передѣла основываютъ свои требованія на томъ, что въ обществѣ должны быть всѣ равны и владѣть землею поровну, что если землю раздѣлять правильно по наличнымъ душамъ, то всякій будетъ платить за свою землю, что слѣдуетъ. „Или и вы хотите сдѣлаться помѣщиками между нами? Чѣмъ мы виноваты, что у насъ семьи большія народились? Душить намъ что ли своихъ дѣтей или съ голоду помирать?“, говорятъ они владѣющимъ незаконно большимъ количествомъ „душъ“. Тѣ имъ возражаютъ, что земли своей они дѣлить не дадутъ, такъ какъ владѣютъ ею „давно“, что она ужъ имъ „досталась“, что они много переплатили за нее податей и земля скоро перейдетъ къ нимъ „навѣчно“. „Какъ же ты возьмешь теперь мою землю, когда съ меня за нее кнутомъ да палкой деньги выколачивали, десятую шкуру сдирали, послѣднюю лошаденку продавали съ торговъ за недоимку? За что же я терпѣлъ всю эту муку? Развѣ для того, чтобы земля, за которую меня пороли столько, тебѣ досталась?“ Извѣстное значеніе имѣетъ при этомъ и желаніе нѣкоторой власти многоземельныхъ надъ малоземельными, вліянія на рѣшеніе общественныхъ дѣлъ сходомъ и т. п. Я думаю, что уравнительный передѣлъ въ нашей общинѣ рано или поздно долженъ быть, такъ какъ неправильность теперешняго порядка владѣнія слишкомъ очевидна, и недовольство имъ растетъ изъ года въ годъ“...

Въ одномъ большомъ украинскомъ селѣ я въ своихъ разъѣздахъ засталъ какъ разъ эту борьбу въ самомъ разгарѣ, и она рѣзко запечатлѣлась у меня въ памяти. У этихъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ общаго передѣла не было 40 лѣтъ съ надѣленія землей, а были лишь надѣленія небольшимъ числомъ выморочныхъ душъ, да и тѣ съ какими-то, очень озлоблявшими большинство, злоупотребленіями со стороны богатыхъ воротилъ. По вызову старосты сборня стала быстро наполняться сытыми и чистыми мужиками, иногда почти купеческаго вида,—это была земельная и торговая аристократія большого въ 3—4 тысячи душъ села,—они чинно и спокойно устанавливались вокругъ стола. Но черезъ нѣсколько минутъ плотные ряды ихъ стали колыхаться, и началъ разрастаться смутный говоръ, ропотъ и гулъ; тамъ и сямъ стали втискиваться бѣдные кафтаны, грязныя рубахи; вся комната наполнилась поспѣшно сбѣжавшейся „голтепой“, прослышавшей, что пріѣхалъ какой-то „чиновникъ“ для какого-то опроса, и, не дожидаясь даже моихъ вопросовъ, толпа стала кричать и ревѣть, какъ бы продолжая только что шедшій у нея отчаян-

ный споръ, близкій къ ссорѣ, къ дракѣ, и въ воздухѣ залетали и зазвучали аргументы двухъ столкнувшихся правъ: „Мы никогда ни у чемъ не маемъ голосу, це воны горлопаны кричать, а насъ впередъ не пускають“, отчаянно кричитъ на испорченномъ малорусскомъ языкѣ, протискиваясь впередъ, какой-то растерзанный молодой парень. — „Укажи законъ! — внушительно отвѣчаетъ ему сѣдобородый синекафтанникъ, — якъ государь владѣеть, а за нимъ другій государь — винъ по наслѣдству владѣе? Ну?... То такъ и намъ нужно“... — „Брешешь! обчественная земля!“ оретъ кто-то хрипло въ другомъ концѣ... „Обчественная? а кто ее работаетъ? Поживи, да поработай, якъ я!...“ Какой-то мужикъ съ усталымъ почернѣвшимъ лицомъ кричитъ со слезами ярости въ голосѣ: „якъ же мини житы, якъ же мини житы?“, наступая съ кулаками на другого, тоже бѣднаго на видъ, который мрачно огрызается: „та мовчи ты! Не переспоришь, не дадимъ своей выкупной земли!“ — „Нѣтъ, брешешь, переспоримъ, скоро вже переспоримъ!... Вѣдь ты топиться заставляешь или въ петлю лѣзть!... Или красть?... Я исты хочу, якъ же мини житы!...“ Этотъ отчаянный вопль: „я ѣсть хочу, какъ же мнѣ жить!“ стоитъ у меня въ ушахъ до сихъ поръ, не только душу щемящимъ призывомъ народныхъ страданій, но и яснымъ откровеніемъ народнаго правосознанія: земля для мужика не только *вопросъ жизни*, она для него единственное воплощеніе *его права на жизнь, права на трудъ для жизни*... Скоро плотные ряды „заможныхъ“ антипередѣльцевъ какъ-то разрознились и сжались островками среди волнующихся и напиравшихъ на нихъ сторонниковъ передѣла, лица ихъ помрачнѣли, голоса охрипли и потонули въ ревѣ толпы: видно было, что за передѣлъ стоитъ значительное большинство, что требуемыя закономъ $^2/_3$ голосовъ за него уже почти накопились, и, я думаю, теперь онъ уже произошелъ (описываемое происходило въ 1901 г.)*).

*) Привожу еще два примѣра изъ полученныхъ мною крестьянскихъ отвѣтовъ на опросныя программы по Ельнинскому у. Смоленской губ., гдѣ теперь какъ разъ идетъ сильная борьба за передѣлы по ѣдокамъ (по всѣмъ душамъ обоего пола) въ неподвижныхъ ранѣе безпередѣльныхъ общинахъ. Первый отзывъ за право труда: „...По моему мнѣнію лучше было бы, и меньше суетъ было бы, когда бы кто сколько надѣловъ получилъ, со вскрытія вольной, чтобы

§ 4. Право на трудъ, какъ „общинный духъ".

Такъ какъ право на трудъ въ народномъ правѣ впервые систематически формулируется мною*), то я долженъ привести для него нѣсколько больше примѣровъ, чѣмъ для сравнительно гораздо болѣе яснаго и установленнаго права затраченнаго труда, при чемъ особенно подробно обрисую проявленія права на трудъ въ общинѣ. Надѣюсь, что читатель съ самымъ живымъ и неослабнымъ интересомъ будетъ вчитываться и вдумываться въ ниже приводимыя формулы крестьянскаго правосознанія, исходящія отъ самихъ крестьянъ, тоже корреспондентовъ по текущей статистикѣ, отвѣчающихъ на составленные мною вопросы о переходѣ къ подворному владѣнію, преимущественно по промышленнымъ, Владимірской и Ярославской губ.

Надо прежде всего подчеркнуть категоричность значительнаго числа отвѣтовъ, какъ бы отмахивающихся отъ самаго даже вопроса. Цѣлый рядъ отзывовъ отвѣчаютъ на вопросъ о томъ, возможенъ ли и желателенъ ли переходъ къ подворному владѣнію отъ общиннаго, двумя-тремя словами: „нельзя, будетъ несправедливо" и т. п. Одинъ корреспондентъ пишетъ:

„Мнѣ, нижеподписавшемуся, пришлось быть съ этими вопросами въ семи селеніяхъ, въ большихъ и малыхъ, въ деревняхъ домовъ до 60 и болѣе, говорить съ мужичками и опрашивать ихъ по этимъ вопросамъ. Отвѣты получались вездѣ, какъ въ большихъ деревняхъ, такъ и въ малыхъ, за маленькими исключеніями, почти одинаковые: о подворномъ или наслѣдственномъ надѣлѣ и слышать не хотятъ. Всѣ одно говорятъ, что земля должна быть

они переходили по наслѣдству своимъ сродственникамъ навсегда, то меньше было бы споровъ и суетъ отъ тѣхъ хозяевъ, у которыхъ семьи теперь увеличились, а земли умаленіе; а кто за него виноватъ? Хотя такихъ хозяевъ найдется и меньшее число, которые желали бы подѣлить землю навѣчно, но они желаютъ справедливости, такъ какъ получили надѣлы и за нихъ почти уже уплатили, то они и желаютъ своимъ пользоваться, не желая чужихъ трудовъ, и своихъ не хотятъ попустить". (Отзывъ по селу Покровскому.)

И вотъ отзывъ за право на трудъ отъ сторонника передѣла по ѣдокамъ: „Такъ какъ земля пріобрѣтена обществомъ, а общество считается какъ одно семейство, то слѣдуетъ землю раздѣлить по ѣдокамъ, потому что, напр., у одного хозяина 4 надѣла и 5 ѣдоковъ, а у нѣкоторыхъ 1 надѣлъ и 6 ѣдоковъ; очевидно, что послѣднему нечѣмъ питаться". (Отзывъ по сел. Кукуеву.)

*) Образчики отдѣльныхъ, очень бѣглыхъ замѣчаній разныхъ писателей по этому вопросу см. въ I томѣ „Русской общины", стран. 218—219.

при селеніи, значитъ должна быть общественная, селенская, а не наслѣдственная"*).

Чувствуется изъ этихъ отзывовъ очень густая, плотная атмосфера этого общиннаго права на трудъ въ цѣлыхъ районахъ (конечно, тамъ, гдѣ община живетъ уравнительно-передѣльной жизнью).

Привожу теперь нѣсколько образцовъ разныхъ оттѣнковъ мотивировки общинно-уравнительнаго права на трудъ, на землю для трудовой жизни. Преобладающій доводъ въ пользу общины — простое и краткое, но иногда, какъ увидитъ читатель, очень сильное и глубокое въ своей сжатости указаніе на то, что естественное движеніе населенія безпрерывно мѣняетъ составъ семей и потому создаетъ неравенство въ надѣленности ихъ землей, если община не станетъ передвигать землю за этимъ движущимся населеніемъ. Вотъ нѣсколько (изъ массы ихъ) отзывовъ съ этой мотивировкой:

„Выгоды крестьянскаго общиннаго владѣнія въ томъ, что при каждомъ общемъ передѣлѣ мірской земли сходъ получаетъ право равнять землю, уменьшать и увеличивать надѣлы отдѣльныхъ крестьянъ, не обращая вниманія на то, чѣмъ они владѣли до передѣла" (с. Денятино Меленк. уѣзда Влад. губ.). „Выгоды крестьянскаго общиннаго владѣнія въ томъ, что землю можно разверстывать всегда по усмотрѣнію общества и въ силу необходимости. При подворномъ же владѣніи землей будетъ неудобно, потому что въ нѣсколько разъ въ семьяхъ народу прибудетъ и въ нѣсколько разъ убудетъ; въ первыхъ семьяхъ земли будетъ недостатокъ, а въ послѣднихъ излишекъ, и поравнять землю будетъ нельзя" (с. Балгино Юрьевск. у. Влад. губ.). „Выгоды (общины) въ томъ, что съ умершихъ черезъ 12 лѣтъ земли снимаютъ и надѣляютъ новорожденныхъ, а посему въ обществѣ и не имѣется несчастныхъ, а всѣ равны во владѣніи землей" (с. Курчево Юрьевск. у. Влад. губ.). „Если я останусь одинъ, то проживу и на одной душѣ, а если насъ будетъ пять братьевъ?" (с. Ильинское Мышкинскаго у., Яросл. губ.). „Если будутъ молодое поколѣніе, гдѣ же они земли возьмутъ? По моему мнѣнію, должна земля переходить изъ хозяйства въ хозяйство" (с. Митюшино Мышкинск. уѣзда Яросл. губ.). „Невозможно (перейти къ подворному владѣнію) по очень простой причинѣ, у однихъ со временемъ земля будетъ лишняя, а у другихъ ея будетъ мало" с. Орѣшково Угличскаго уѣзда Яросл. губ.). „Общинное владѣніе, по-мо-

*) Отзывъ по сел. Игнатову Моложскаго у. Ярославской губ.

Привожу еще 2 подобныхъ же отвѣта:

„Нѣтъ и не допустятъ" (сел. Курганиха Александр. у. Влад. губ.).

„...По мѣстному обычаю не принято и думать о томъ, а болѣе потому, что младшіе выростаютъ, а старшіе вымираютъ" (с. Пильны Покровск. у. Влад. губ.).

ему, лучше, потому что семейство, въ настоящее время большое, а потомъ черезъ десять лѣтъ или 15 лѣтъ малое стало, убирать некому и въ аренду сдать тоже некому, да и трудно (здѣсь, очевидно, мало дорожатъ надѣломъ. *К. К.*), земля своей работы не оправдываетъ; и, наоборотъ, если семейство малое, то черезъ 10 или 15 лѣтъ стало большое, можно будетъ у кого взять, или нѣтъ — этотъ вопросъ непредвидѣнный трудно разрѣшить, а самое лучшее, какъ дѣлили на 12 лѣтъ, то прибавить, если можно, 3 или 6 лѣтъ; но въ вѣчно наслѣдственное, то это только будутъ суды, да суды" (с. Финляндино Влад. у. Влад. губ.). „Подворное владѣніе для насъ неудобно, потому что не равны семьи и впередъ не узнано, какъ измѣнится семья какая" (с. Рыбино Моложск. у. Яросл. губ.). „Въ селеніи нельзя установить непереходимой земли, потому что одни худаютъ, другіе подростаютъ въ силу къ обработкѣ. Считаемъ правильнымъ быть переходимой" (с. Княгинино Пошехонск. у. Яросл. губ.). „(Подворье не считаю удобнымъ.) А потому — нынѣ одинокъ, а поживи — семеенъ будешь. Общее владѣніе — согласіе въ жизни" (с. Измаилово Переславск. у. Влад. губ.). „Немыслимо наслѣдственное владѣніе землею надѣльною, ибо поколѣнія людей освѣжаются, болѣе или менѣе, соразмѣрно этому и земля должна раздѣляться. Семейное положеніе, т.-е. взрослыхъ мужчинъ, можетъ прибыть и убыть, а равно и души земли слѣдуетъ убавлять или прибавлять" (с. Зиновьево Покровск. у., Влад. губ.). „(Подворное владѣніе неудобно), потому что одни семейства разрождаются, а другія идутъ на убыль. Тогда только можно бы это сдѣлать, когда бы мы не умирали и другіе бы не нарождались" (с. Полтинино Даниловск. у. Яросл. губ.). „(Перейти къ подворному владѣнію) невозможно. Въ мірѣ, какъ въ морѣ, люди умираютъ и нарождаются" (с. Киселево Рыбинск. у. Яросл. губ.).

Другіе отвѣты, принимая это возникновеніе разобщенія между землей и населеніемъ, какъ само собой подразумѣвающійся результатъ прекращенія общины, подчеркиваютъ общія соціальныя его послѣдствія, а именно — указываютъ на то, что этимъ самымъ увеличится пропасть между богатыми и бѣдными, усилится власть капиталистовъ надъ трудящимися. Такого типа слѣдующіе, напр., отвѣты:

„Можно, конечно, прекратить передѣлы и перейти къ вѣчному наслѣдственному владѣнію; только, какъ я думаю, тогда появится много нищихъ, которые продадутъ или какимъ-нибудь инымъ образомъ утратятъ свой надѣлъ. Поэтому и я лично, и мои односельчане считаемъ такой переходъ невозможнымъ" (с. Кашино Покр. у. Влад. губ.). „(Перейти къ подворному владѣнію) найдутся желающіе; тѣ, у которыхъ дочери, дочерей раздастъ и будетъ вѣчно одинъ владѣть землею; а у кого 6 сыновей — они выростутъ — подѣлятся на 6 домовъ, а земли приходится дѣлить все столько же, тогда этимъ будетъ очень плохо. Для богатаго будетъ выгодно, онъ, послѣ раздѣла въ вѣчное владѣніе, у бѣдныхъ крестьянъ накупитъ земли и будетъ жить какъ помѣщикъ. По моему мнѣнію, это неудобно, т.-е. вѣчное владѣніе"

с. Синжалы Меленк. у. Влад. губ.). „Такого желанія, чтобы подѣлить землю въ вѣчное владѣніе, и допустить нельзя, это произведетъ безпорядокъ; за смертію домохозяина, безъ прямого наслѣдника, явятся наслѣдники изъ другихъ обществъ, даже волостей, начнется продажа наслѣдственнаго надѣла, который, конечно, перейдетъ въ руки зажиточнаго крестьянина, а многосемейный и бѣдный будетъ терпѣть недостатокъ, явятся пролетаріи, продавъ свой надѣлъ, какъ собственность“ (с. Явлашево Пошех. у. Яросл. губ.). „Считаю нежелательнымъ (подв. влад.) въ виду измѣненій семьи. Общинное владѣніе земли удобнѣе сохраняетъ благосостояніе крестьянскаго хозяйства, въ немъ никогда не можетъ быть рѣзкихъ измѣненій, какъ въ отдѣльныхъ семьяхъ, именно немыслима частная продажа имущества, развѣ только пріобрѣтеніе“ (с. Осинки Меленк. у. Влад. губ.). „Подобнаго разговора хотя и нѣтъ (о переходѣ къ подв. влад.), но надо полагать, что этого многіе бы пожелали, потому есть бездѣтные или малосемейные, имъ то есть на руку, но какія будутъ послѣдствія для нашихъ дѣтей, если мы перемѣряемъ навѣчно, сколько останется обездоленныхъ, а чѣмъ они виноваты? а тѣ желаютъ (перейти къ подворному влад.), которые только себѣ желаютъ, а до другихъ имъ дѣла нѣтъ. По-моему же, совершенно невозможно, потому что у однихъ будетъ густо, а у другихъ пусто, а у третьихъ — ничего. Очень просто, имѣя отдѣльную собственность, всякій долженъ ее охранять отъ сосѣда, и затѣмъ нѣкоторыя семьи уменьшаются, а нѣкоторыя увеличиваются; однихъ дѣлать счастливыми, другихъ — несчастными и вѣчные скандалы. Я нахожу это совершенно невозможнымъ, всматриваясь въ будущее“ (с. Аферово Данил. у. Яросл. губ.). „Объ отмѣнѣ передѣловъ не было и рѣчи; подѣлить же землю въ потомственное вѣчное владѣніе только на руку богачамъ“ (с. Перемилово Данил. у. Яросл. губ.). „Богатые хотѣли бы (подв. влад.) и желали, но средніе вовсе противъ этого, особенно бѣдные. Нѣкоторымъ очень будетъ хорошо, а прочимъ будетъ очень худо, и они будутъ страдать вѣчно“ (с. Середа Данил. у. Яросл. губ.). „Не желательно (перейти къ подв. влад.), потому что у кого земли много, тѣ царствуютъ, а у кого мало, тѣ бѣдствуютъ“ (д. Житьева Кадник. у. Волог. губ.). „Неудобнымъ находимъ въ томъ (подв. влад.), что земля перейдетъ въ богатыя руки, почему бѣдные будутъ въ порабощеніи вѣчно“ (д. Велинови Мол. у. Яросл. губ.).

Привожу затѣмъ нѣсколько отзывовъ, гдѣ особенно ярко выраженъ мотивъ *равенства, равное право на жизнь всѣхъ „живыхъ существъ“*.

„Умершая душа ничего не желаетъ, и ничего съ нея не спрашивается. А живой, въ особенности мужчина, какъ военную службу, такъ и мірскія должности обязанъ исправлять, кто на очереди“ (с. Θекино Суздал. у. Влад. губ.). „Говорили мы обществу: „молодыхъ привязывайте, на кладбище нѣдь земли не понесете“ (мнѣніе сторонниковъ отобранія надѣловъ отъ семей съ умершими членами и передачи подрастающимъ, с. Поляна Ардат. у. Нижегор. г.). „Такъ какъ умершіе уже не имѣютъ нужды въ пропитаніи, то необходимо нужно продовольствовать живыя существа, которыя имѣютъ нужду. Самый

лучшій порядокъ — заботиться о людяхъ, какъ о всѣхъ одинаково равныхъ и имѣющихъ нужду въ жизненныхъ припасахъ, и не должно лишать равенства неимущихъ" (с. Новые Бурасы Сарат. у. Сарат. губ.). „Къ наслѣдственному владѣнію въ вѣчную собственность считаю неудобнымъ. Потому сегодня нужна мнѣ, а завтра тебѣ" (с. Мало-Троицкое Рыб. у. Яросл. губ.). „Никогда мы не желали, никогда и не перейдемъ. Невозможнаго сдѣлать нельзя. На общемъ владѣньи никогда нѣтъ нужды: у меня есть 5 душъ, если прибудутъ, дадутъ шестую, — а если убудутъ — *чужого* не нужно" (с. Кишкино Александр. у. Влад. губ.).

Наконецъ, закончу отзывами, характерными, во-первыхъ, потому, что очень сознательно выдвигаютъ принципъ какъ бы страхованія трудового существованія общинно-передѣльнымъ правомъ на трудъ; во-вторыхъ, тѣмъ, что авторы ихъ допускаютъ, что для улучшенія обработки подворное владѣніе, можетъ-быть, и было бы лучше, но сознательно ставятъ мотивъ уравнительнаго распредѣленія выше отвлеченной производительности, и, въ-третьихъ, тѣмъ, что авторы считаютъ долгомъ высказаться за то, что считаютъ правомъ, хотя лично имъ это право и менѣе выгодно.

„По моему мнѣнію совершенно прекратить передѣлы, свалки и навалки, перейти къ наслѣдственному владѣнію, подѣлить землю вѣчно — нельзя, потому что прибывшее количество людей будутъ обижаться на насъ, стариковъ. Съ моей стороны я считаю для меня полезнымъ, но для будущаго поколѣнія совершенно обиднымъ и безполезнымъ" (с. Холмъ-Огаревъ Яросл. у Яросл. губ.). „Лично для меня возможно перейти къ наслѣдственному владѣнію; знаю, очень многіе въ нашемъ обществѣ этому будутъ рады. Разъ навсегда лишить будущія поколѣнія права на уравненіе земельныхъ надѣловъ будетъ несправедливо или, вѣрнѣе, преждевременно. Теперь маленькая семья можетъ разрости, а большая, обратно, уменьшиться, слѣдовательно одна другой въ правѣ продавать земельные надѣлы. Тогда, пожалуй, явятся барышники-торговцы землей и безземельная нищета" (с. Берелево Данил. у. Яросл. губ.). „Я не желаю зла крестьянамъ, желающимъ перейти въ подворное вѣчное владѣніе землей или же дѣленія на старыя ревизскія души,— при такомъ дѣленіи я получу болѣе земли нынѣ владѣемой, но надо сказать въ пользу впереди текущей жизни. Многіе согласятся перейти въ вѣчное владѣніе землей, предполагая, получивъ землю, каждый сумѣетъ и явится охота улучшить пахоту, сберечь лѣсъ... Правда, можно согласиться. Но какъ только осмыслить впереди грядущую жизнь, приходится отказаться отъ согласія,— возьмемъ примѣръ изъ стараго ревизскаго надѣла, существующаго по сіе время. Крестьянинъ получилъ на одну душу ревизскаго надѣла 4 десятины пахоты и 2 десятины лѣса. Не расплодившійся крестьянинъ доволенъ и теперь, расплодившійся въ 5 и 6 сыновей жалуется на недостатокъ надѣла, приходится арендовать у малосемейныхъ крестьянъ, и у нихъ же покупать лѣсу, а если не арендовать, надо идти на фабрику. Это неравен-

ство получилось черезъ 40 лѣтъ, каковъ же результатъ окажется черезъ 100 лѣтъ? При этомъ большесемейный крестьянинъ много расходуется на воинскія повинности (отправка дѣтей на военную службу и посылки туда денегъ). Выходитъ такъ, что малосемейный крестьянинъ крѣпко защищенъ большесемейнымъ крестьяниномъ отъ воинской повинности, живетъ покойно, съ этой же защиты будетъ получать деньги за землю и лѣсъ; такое возмездіе падаетъ на долю нашихъ защитниковъ родины" (с. Дровосѣкъ Покр. у. Влад. губ.).

Особенно интересна еще та наиболѣе рѣшительная и смѣлая защита права на трудъ, которая прямо отрицаетъ право затраченнаго труда и именно въ этомъ отрицаніи видитъ благо для крестьянства; впрочемъ, такихъ отзывовъ я встрѣтилъ всего два или три на тысячу. Вотъ одинъ изъ нихъ:

„Никто не желаетъ (перейти къ подворному владѣнію). Я не считаю (этотъ переходъ) желательнымъ, потому что общинное владѣніе составляетъ больше удобства по удобренію. Если у кого мало будетъ по какой-либо причинѣ удобренія, то другой удобритъ, а въ слѣдующій передѣлъ можетъ исправиться несостоятельный, болѣе будетъ удобрять; а поэтому надѣльная земля равно удобреніемъ поддерживается"... (с. Вырси Владим. у.)

Какъ видимъ, здѣсь съ большой смѣлостью возводится въ принципъ и въ выгоду для общей средней производительности общинной земли какъ разъ та смѣна полосъ удобренныхъ на неудобренныя и обратно, при которой всего радикальнѣе нарушается право затраченнаго труда и которая, по ходячему мнѣнію, именно и составляетъ одинъ изъ главныхъ тормазовъ, ставимыхъ общиной сельскохозяйственной культурѣ: весь смыслъ этого разсужденія въ томъ, что оно беретъ уровень не отдѣльныхъ лучшихъ хозяйствъ (что дѣлаютъ всегда всѣ противники общины), а всѣ вмѣстѣ въ совокупности и въ среднемъ. Такимъ образомъ община отстаивается не только съ точки зрѣнія уравнительности *распредѣленія*, но и интересовъ *производства*, развитія производительности.

Я еще разъ настойчиво приглашаю читателя хорошенько вчитаться и вдуматься въ смыслъ этихъ своеобразныхъ исповѣданій мужицкаго правосознанія... „У меня есть пять душъ; если прибудутъ, дадутъ шестую, а если убудутъ, — *чужого не нужно*". На этой формулѣ мы можемъ провѣрить справедливость утвержденій сотрудника „Московскихъ Вѣдомостей", будто мужикъ знаетъ только права, а не обязанности и заявленій г. Витте, — повторяющаго лишь въ данномъ случаѣ пре-

обладающее мнѣніе чиновничье — помѣщичье — кулацкаго большинства созванныхъ имъ комитетовъ, — что въ крестьянствѣ „не воспитано ни понятія о правѣ земельной собственности, ни понятія о твердости права вообще“ и т. д. Вѣдь вотъ же существуетъ у этого отрицающаго всякое право „грабителя“ чужой собственности понятіе о *чужомъ*, и онъ говоритъ твердо, что ему этого *чужого не нужно:* очевидно, что рядомъ со своимъ правомъ онъ признаетъ и свою обязанность, онъ защищаетъ не только свою, но и „чужую“ собственность. Все дѣло, значитъ, только въ томъ, что̀ именно онъ понимаетъ подъ „чужимъ“ и „своимъ“. *Своимъ* онъ считаетъ тотъ надѣлъ, который причитается на шестую явившуюся на свѣтъ душу въ его семьѣ, *чужимъ* онъ считаетъ тотъ пятый надѣлъ, который окажется у него лишнимъ, если въ семьѣ останется четыре души вмѣсто пяти, и который онъ считаетъ поэтому уже не своимъ, а по праву принадлежащимъ тѣмъ семьямъ, у которыхъ душъ прибыло; само собою подразумѣвается, что съ этимъ сознаніемъ права на жизнь отъ земли связано и сознаніе права затраченнаго труда, такъ что „чужимъ“ явится и все созданное *чужимъ трудомъ*. Такимъ образомъ, этотъ разнузданный грабитель не такъ ужъ страшенъ для всего того огромнаго большинства населенія, которое живетъ своимъ трудомъ и пользуется землей въ доляхъ, только осуществляющихъ право на жизнь и на трудъ. Если же тѣмъ, кто сжился съ индивидуальнымъ хищническимъ правомъ и кто, главное, живетъ — и очень припѣваючи живетъ! — имъ, трудно, а главное, ужасно какъ не хочется понять это своеобразное мужицкое право, — то въ такомъ случаѣ и мужикъ съ полнѣйшей логичностью можетъ отвѣтить на это тоже непониманіемъ и отрицаніемъ всякаго права въ этомъ хищническомъ законѣ, въ этой антитрудовой „твердой“ — да, какъ кандалы желѣзные, твердой! — собственности...

Итакъ, естественнымъ очагомъ этого уравнительнаго земельнаго права является общинно-передѣльное владѣніе. „Въ мірѣ, какъ въ морѣ“ — течетъ безпредѣльный измѣнчивый людской потокъ, мѣняющій размѣры основныхъ соціальныхъ ячеекъ семей-хозяевъ и тѣмъ отдѣляющій населеніе отъ земли. Исторически выработался въ лицѣ общины огромный уравнительно-распредѣлительный механизмъ, безпрерывно возстановляющій

это безпрерывно возникающее разобщеніе земли и населенія. Такимъ образомъ, если мы не только вмѣстѣ съ Глѣбомъ Успенскимъ вдумаемся во „власть земли“, т.-е. во власть самого обусловливаемаго природой земледѣльческаго *производства,* но обратимъ такое же вниманіе и на вліяніе на крестьянскую жизнь этого уравнительнаго *распредѣленія* земли общиной,— то точнѣе и глубже поймемъ общую психологію и соціальное правосознаніе основного ядра населенія Россіи, великорусско-общиннаго крестьянства, — психологію и правосознаніе, опредѣляемыя не просто властью *земли,* а властью *общинной* земли.

Тамъ, гдѣ община уже вполнѣ проснулась и ведетъ регулярно свои „самовольныя ревизіи“ (какъ называютъ крестьяне теперешніе общинные передѣлы въ отличіе отъ прежнихъ, совершавшихся по даваемому свыше сигналу ревизій — переписей крестьянскаго населенія), — а проснулась уже вся государственная и добрая доля помѣщичьей общины, — тамъ эта власть общинной земли вошла уже въ плоть и кровь и отражается даже во всѣхъ мелочахъ; тамъ живая мужицкая „душа“ уже нераздѣльно слилась съ причитающейся по уравнительному передѣлу „земельной душой“, и первая безъ второй уже какъ-то и существовать не можетъ въ крестьянскомъ представленіи, все равно, какъ она и въ дѣйствительности не можетъ существовать безъ земли, — ибо она „ѣсть хочетъ, какъ же ей жить?...“ Вотъ, напр., на югѣ, уже съ 70-хъ годовъ, идутъ черезъ 3—6—12 лѣтъ въ общинахъ государственныхъ крестьянъ передѣлы по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ, и къ этому крестьяне такъ привыкли, что привѣтствуютъ съ родившимся мальчикомъ и новую земельную душу и потому нерады рожденію дѣвочки, такъ что, по словамъ крестьянъ, „не одна жінка і підъ бікъ получыть“*) отъ мужа за рожденіе дѣвочки, а не мальчика; начинается, впрочемъ, уже кое-гдѣ и тутъ борьба за передѣлы по душамъ обоего пола, что избавитъ бѣдныхъ „жінокъ“ отъ страданій рождать непремѣнно мальчиковъ. Большія также семейныя драмы разыгрываются въ семьяхъ, гдѣ баба собирается родить какъ разъ во время

*) С. Олексенко, „Народное обычное право въ общинномъ землевладѣніи Бердянскаго у. Таврической губ.“, стран. 9.

сходовъ, рѣшающихъ передѣлъ: успѣетъ или не успѣетъ соединиться эта новая душа съ земельной душой тотчасъ же по появленіи на свѣтъ, или придется ей ждать до новаго передѣла? — разсчетъ не малый; и вотъ счастливецъ, у котораго жена успѣла родить какъ разъ во время схода, прибѣгаетъ безъ шапки прежде всего на сходъ, а уже потомъ идетъ къ попу звать крестить... Очень также ярко символиченъ другой встрѣтившійся мнѣ обычай (впрочемъ, повидимому, рѣдкій): въ дер. Чеботаевкѣ Сердобскаго уѣзда Саратовской губерніи дается на хозяина, *имѣющаго право голоса* на сходѣ, двѣ души „независимо отъ величины его семьи, а остальные работники мужского пола получаютъ съ 18 лѣтъ по одной душѣ. Послѣ 60 лѣтъ хозяинъ теряетъ право голоса на сходѣ, и съ него одна душа снимается и передается тому, кто замѣнитъ его на сходѣ“ *), т.-е., значитъ, земельное надѣленіе срослось въ одно цѣлое съ гражданской какъ бы правоспособностью, которой оригинальнымъ образомъ крестьяне, вопреки пресловутой „архаичности“ и „патріархальности“ общины, кладутъ предѣлъ не только снизу, — возрастомъ незрѣлости, — но и сверху, — возрастомъ, такъ сказать, перезрѣлости...

Только представивъ себѣ во всю величину огромные размѣры дѣятельности общины вообще и уравнительно-распредѣлительной въ особенности, — дѣятельности, представляющей постоянно въ той или иной формѣ проявленіе или отраженіе права на трудъ, — поймемъ мы всю нелѣпость этихъ ходячихъ мнѣній объ отсутствіи права въ народѣ, о его „доктринерствѣ“ и „отвлеченности“. Въ томъ все и дѣло, что право на трудъ не только таится въ потенціи въ глубинахъ народнаго правосознанія, — нѣтъ, оно дѣйствуетъ и упражняется ежедневно и ежечасно въ живомъ и растущемъ народномъ общинномъ правѣ, что *оно уже теперь составляетъ одну изъ нормъ, формующихъ всю народно-хозяйственную жизнь*. И для меня вопросъ формулируется не такъ: существуетъ ли особое народное обычное право, имѣются ли въ немъ такія особыя начала, какъ выше обрисованное право на трудъ? — а только такъ: *насколько именно* распространено и сильно вообще

*) Выборки изъ матеріаловъ Статистическаго отдѣла Саратовскаго губернскаго земства.

народное право по сравненію съ формальнымъ закономъ? *Насколько именно* относительно распространены и сильны въ народномъ правѣ отдѣльныя различныя и отчасти противоположныя его начала, — главнымъ образомъ, право труда и право на трудъ? *Насколько именно* способны послѣднія къ болѣе широкой и болѣе общей формулировкѣ, къ приближенію къ „народно-трудовому праву“ въ идеальномъ смыслѣ этого слова?

Разберемъ теперь въ приблизительныхъ чертахъ послѣдній вопросъ.

§ 5. „Черный передѣлъ“.

Если право на трудъ формулируется и господствуетъ въ общинѣ, то способно ли оно распространиться на высшую ступень коллективности, — напр., на все крестьянство, какъ классъ, или еще выше — на все Россійское народное государство? Вотъ огромный и очень щекотливый вопросъ, который я постараюсь вкратцѣ разобрать здѣсь съ должнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ.

С. Ю. Витте въ цитированной уже рѣчи очень близко подходитъ къ прямой и ясной постановкѣ этого вопроса. „Въ послѣднее время, — говоритъ онъ, — мнѣ приходится получать массу крестьянскихъ писемъ и записокъ. Читая выраженныя въ нихъ убѣжденія крестьянъ о правѣ дополучить землю, такъ какъ надѣльной не хватаетъ, я часто задавалъ себѣ вопросъ: что это — полная наивность? Но въ концѣ концовъ, кажется, можно прійти къ заключенію, что это вовсе не наивность, а убѣжденіе, какъ бы внѣдренное въ сознаніе крестьянъ самимъ государствомъ“... И затѣмъ: „Всѣ крестьяне твердятъ въ одинъ голосъ: намъ нужно только одно — земля. И въ этомъ голосѣ я столь же мало вижу хорошаго, сколько *и неожиданнаго. Само государство какъ бы воспитало въ крестьянствѣ эту идею* (курсивъ мой. *К. К.*), которая можетъ привести къ очень опаснымъ послѣдствіямъ“ *)...

Въ этомъ признаніи столь освѣдомленнаго лица я подчеркну не только указаніе на единогласіе этихъ требованій крестьянами земли (невѣрно, впрочемъ, что крестьяне требуютъ „только“ земли: они требуютъ и „воли“, но только хотятъ, чтобы это „второе освобожденіе“ было непремѣнно *съ землей*), — но особенно указаніе на то, что это требованіе „воспитано“ исторически самимъ государствомъ. Я долженъ

*) См. „Русь“, № 191, 1905 г.

однако замѣтить, что эта роль государства сразу и преуменьшена и преувеличена въ разбираемой рѣчи: съ одной стороны, это вліяніе государства не ограничивается пореформенной эпохой (когда оно, наоборотъ, стало дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ), а уходитъ далеко въ глубь исторіи; съ другой же стороны, это воздѣйствіе государства было лишь однимъ изъ звеньевъ цѣлаго ряда причинъ, дѣйствовавшихъ въ томъ же направленіи.

Основную изъ этихъ историческихъ особенностей Россіи составляетъ то, что ея вѣковое колоссальное расширеніе шло не на счетъ занятыхъ осѣдлымъ и культурнымъ населеніемъ мѣстностей, а на счетъ земель, либо вовсе не заселенныхъ и представлявшихъ „дикое поле“, либо заселенныхъ почти исключительно кочевыми или охотничьими народами. Такимъ образомъ русское крѣпостное государство, благодаря особымъ своимъ географическимъ и историческимъ условіямъ, просто не находило на своемъ пути „твердой земельной собственности“ и, спѣша утвердить свою власть, объявляло (сразу или постепенно) занимаемыя безграничныя территоріи государственными землями. Какъ ни щедро затѣмъ раздавало крѣпостное государство эти земли, частью вмѣстѣ съ населеніемъ, дворянамъ (вспомнимъ только, какія помѣстья, величиной съ нѣмецкія княжества, получали „любимцы“ Екатерины II, сколько успѣлъ раздать земли даже Павелъ, сколько милліоновъ десятинъ роздано уже въ 60-е и 70-е годы въ восточныхъ и юго-восточныхъ степяхъ Европейской Россіи и т. д.), — однако земли было такъ страшно много, что все-таки къ XIX вѣку коренная Россія оказалась опоясанной съ трехъ сторонъ, — на сѣверъ, востокъ и югъ, — огромной полосой земли „ничьей“, т.-е. объявленной государственною. И по этой-то огромной территоріи стало разселяться и государствомъ, и „самовольно“ крестьянское населеніе. И вотъ тутъ-то, — какъ я указывалъ еще въ I томѣ „Русской общины“, — и „воспиталось“ и вкоренилось у этого населенія это „право на трудъ“:

„Исторія Россіи — исторія колонизаціи“. И въ теченіи всей этой долгой колонизаціонной исторіи Россіи значительныя массы крестьянъ, разселявшихся по окраинамъ, воспитывались въ привычкѣ „права на трудъ“: они видѣли вокругъ себя „вольную“, „ничью“, „Божью“, „царскую“ землю, свободную отъ личнаго права затраченнаго труда, открытую для „вольнаго

захвата“ каждому, и безсознательно изъ поколѣнія въ поколѣніе усваивали взглядъ, что поскольку каждый крестьянинъ имѣетъ право существовать, постольку онъ имѣетъ право добывать себѣ все необходимое обработкой этой „ничьей“ земли; право жить слилось съ правомъ обрабатывать землю, „кормиться отъ земли“*)...

Итакъ, не только и не столько государство, сколько особыя историко-географическія условія Россіи, выведшія ее на сцену исторіи раскинутою на колоссальной территоріи пустыхъ или дикихъ земель, — создали относительную слабость „твердой земельной собственности“ и силу народнаго права на трудъ. Но государство усилило и углубило корни этого права наложеніемъ „тягла“ податей и повинностей на населеніе. Какъ опять-таки я уже писалъ, —

сложившееся на ничьихъ земляхъ право на трудъ врядъ ли могло бы и само по себѣ „сразу уступить мѣсто праву труда послѣ занятія всей земли подъ обработку, но въ дѣйствительности оно обыкновенно и совсѣмъ не уступало, такъ какъ всегда, кромѣ этого сравнительно, быть можетъ, смутнаго и отвлеченнаго мотива, искони существовалъ еще и другой крайне конкретный и глубокій корень права на трудъ: это тѣ наложенныя на крестьянство *обязанности,* податныя и личныя, которыя безусловно были бы невыполнимы безъ пользованія извѣстнымъ количествомъ земли. Такъ что даже допустивъ, что крестьянинъ не сознаетъ своего права *жить* отъ земли, мы никакъ уже не можемъ отрицать у него сознанія своего права *платить* съ земли... Полагаю, что въ этомъ изображеніи „права на трудъ“ никто не найдетъ „подкрашиванія мужицкихъ идеаловъ“, такъ какъ такого сорта „правосознаніе“ предположимо не только „на границѣ человѣка“, но, пожалуй, и у служащихъ человѣку животныхъ“**).

Такимъ образомъ, замкнутые мелкіе резервуары уравнительно-передѣльнаго права на трудъ питались извнѣ изъ того огромнаго резервуара этого права, который представляла государственная земля, тоже періодически „при ревизіяхъ“ и въ выше обрисованной организаціи переселеній распредѣлявшаяся по крестьянскому населенію. Нѣчто подобное этому же надѣленію совершалось, наконецъ, даже и помѣщиками, тоже снабжавшими крестьянъ землей за отбываніе барщины или оброка, такъ что даже и у крѣпостного крестьянства сложилась та же формула, въ которой просвѣчивало хотя и искаженное и изу-

*) „Русская община“, т. I, стран. 217.
**) „Русская община“, т. I, стран. 217—218.

родованное, но все-таки извѣстнаго рода право на трудъ: „мы ваши, а земля наша“ *).

Особо еще слѣдуетъ также подчеркнуть выдающееся значеніе одной изъ повинностей, лежащихъ на крестьянствѣ: военной службы. Искони она давала въ мнѣніи крестьянъ сугубое право на земельное награжденіе. И при облегченіи этой службы она очень тяжело чувствуется населеніемъ и очень усиливаетъ право на землю. Такъ, напр., повсюду поднявшаяся въ 1881 г. волна передѣловъ въ значительной степени объясняется тѣмъ, что при безпередѣльной разверсткѣ по ревизскимъ душамъ (записаннымъ при послѣдней ревизіи въ 1858 г.) „сыны на службу пошли, а земли не имѣютъ“; у нѣмцевъ же колонистовъ, болѣе культурныхъ и потому тоньше и логичнѣе проводящихъ усвоенное ими русско-крестьянское правосознаніе, доведшихъ этотъ *типъ* права до болѣе высокой *ступени*, передѣлы начались даже съ 1874—75 гг., т.-е. сейчасъ же по введеніи закона о всеобщей воинской повинности и произведеннымъ для введенія ея переписямъ. Надо также думать, что народъ рѣзко замѣчаетъ обостренную тяготу воинской повинности во время войны, когда эта служба изъ потери нѣсколькихъ лѣтъ труда обращается въ потерю здоровья или жизни, и что Русско-турецкая война въ этомъ смыслѣ много прибавила энергіи общинно-передѣльной волнѣ, спѣшившей удовлетворить обострившееся на данномъ пунктѣ право на трудъ. Надо, наконецъ, ожидать, что нынѣшняя война напряжетъ эти притязанія права на трудъ настолько же шире и энергичнѣе, насколько огромнѣе теперь принесенныя народомъ жертвы; характерны въ этомъ отношеніи „наивныя“ разсужденія одной крестьянки, у которой мужа „угнали“ на войну: „говорятъ, царь сказалъ: не перестану воевать, пока всѣхъ до одного у

*) Интересно, какъ эта обосновка видоизмѣнилась въ настоящее время, напр., въ слѣдующей записанной мною аргументаціи въ пользу общинно-передѣльнаго владѣнія при борьбѣ за передѣлъ въ одной деревнѣ: „Вотъ, скажемъ, какъ прокармливать въ голодный годъ? Съ меня не возьмутъ — за мной недоимка, за нимъ недоимка — съ кого брать? Съ меня нельзя — значитъ съ общества? Не съ семьи, значитъ, а съ надѣла, то-есть *земли* же? Такъ значитъ, что *мы — земскіе, а земля — обчественная*“... Интересна также запись одного корреспондента, пишущаго озлобленнымъ тономъ, очевидно, выражающимъ протестъ того же права на трудъ, рѣзко нарушаемаго господствующимъ строемъ: „У насъ порядки одни: за землю заплати, а ѣсть не проси!...“

меня не перебьютъ... А зачѣмъ ему тогда и земля, когда людей не будетъ?... А я говорю своимъ мужикамъ: что вы жидовъ бьете, они такіе же бѣдные, какъ и мы. Скажите лучше царю, что безъ земли не можемъ на войну идти, пусть дастъ землю, тогда и воевать будемъ“ *)...

И г. Чижевскій въ своемъ замѣчательномъ (ниже подробнѣе цитируемомъ) очеркѣ крестьянскихъ „аграрныхъ направленій“ тоже сообщаетъ, что, по ожиданіямъ крестьянъ, „какъ только кончится война, крестьянству дадутъ землю“ **).

Если мы прибавимъ къ сказанному еще ту огромную быстроту прироста населенія, тотъ бурный приливъ „мірского моря“, на который я уже выше указывалъ и который такъ обостряетъ нужду въ землѣ, какъ единственномъ средствѣ обезпечить существованіе крестьянства и несеніе имъ государственнаго „тягла“, — то мы поймемъ, на какихъ мощныхъ историческихъ устояхъ укрѣпилось это право на трудъ***). Этихъ устоевъ уже не могли поколебать тѣ подкопы и тѣ бреши, которые слишкомъ нерѣшительно повело противъ нихъ пореформенное бюрократическое государство. Правда, и г. Витте совершенно, мнѣ кажется, неправъ, когда упрекаетъ его въ томъ, что по освобожденіи крестьянъ оно „воспитывало ихъ въ „условіяхъ уравнительнаго землепользованія“, что оно дало имъ землю не въ собственность, а въ пользованіе“. Неужели переводъ на выкупъ всѣхъ крестьянъ съ требованіемъ для об-

*) Передаю подслушанный въ вагонѣ и точно записанный разговоръ.

**) Фельетонъ „Сына Отечества“: „О чемъ заговорила деревня“. Апрѣль 1905 г.

***) Привожу еще мнѣніе г. Васильчикова, котораго никто не заподозритъ въ утопическомъ преувеличеніи особенностей народнаго права. „Нигдѣ,—говоритъ г. Васильчиковъ,— понятіе о поземельной собственности не было, даже до новѣйшихъ временъ, такъ смутно и шатко, какъ у насъ, не только въ сознаніи народа, но и правительства. Въ Россіи съ древнихъ временъ очень твердо было пониманіе владѣнія въ смыслѣ держанія, занятія, пользованія землей, но выраженіе „собственность“ едва ли и существовало: въ лѣтописяхъ и грамотахъ, какъ и въ современномъ языкѣ крестьянства, не встрѣчается выраженія, соотвѣтствующаго этому слову. Напротивъ, фактъ владѣнія имѣлъ твердое основаніе: земля считалась принадлежностью земледѣльца, рыболова или звѣролова, который на ней сидѣлъ. Хотя такое отношеніе къ землѣ встрѣчается у всѣхъ первобытныхъ народовъ при ихъ первоначальномъ осѣданіи, но нигдѣ оно не сохранилось такъ долго, какъ въ Россіи, нигдѣ право собственности не было такъ шатко, а право владѣнія, напротивъ, такъ твердо, какъ у насъ“. Цитирую по А. Ефименко, l. c., стран. 147.

щиныхъ передѣловъ, т.-е. для нормальной функціи общиннаго „уравнительнаго землепользованія“, тѣхъ же $^2/_3$ голосовъ, какъ и для перехода къ подворному владѣнію, неужели затѣмъ полное запрещеніе свалокъ-навалокъ и требованіе 12-лѣтняго срока для общихъ передѣловъ (по закону 1893 г.), неужели отчаянныя усилія въ теченіи трехъ десятилѣтій не допустить развитія переселенія на государственныя земли, — неужели все это и многое другое составляетъ проведеніе „пользованія“, да еще „уравнительнаго“ вмѣсто поощренія „собственности“?.. Но во всякомъ случаѣ бюрократическое государство не рѣшилось прямо попробовать отмѣнить общину при самомъ освобожденіи и тѣмъ, повидимому, упустило послѣдній случай къ тому, чтобы задавить коллективное право на трудъ въ неразвитомъ еще видѣ и „перевоспитать“ крестьянство въ духѣ хищническаго индивидуализма: теперь „перевоспитывать“ крестьянство, — къ чему какъ будто призываетъ г. Витте, — будетъ, пожалуй, уже поздно.

Пореформенное крестьянство, попавши въ тяжкія условія жизни, немедленно стало ожидать отъ власти, чтобъ она лучше и полнѣе осуществила его право на трудъ, его право „жить и платить съ земли“, но затѣмъ, уставши ожидать, стало осуществлять это право „самовольно“. Долго ждало оно „ревизіи“, съ ея прирѣзкой малоземельнымъ общинамъ, и какъ сигнала для *внутри-общиннаго земельнаго поравненія*, но такъ и не дождалось. И начались по всей Россіи „самовольныя ревивизіи“, „самовольные передѣлы“; вначалѣ они были такими только въ смыслѣ самопроизвольности, но послѣ закона 1893 г., пошедшаго уже прямо противъ общинно-уравнительнаго права на трудъ, — стали въ значительной степени, дѣйствительно, „самовольными“, т.-е. нелегальными. Долго ждало крестьянство помощи къ разселенію, производившей раньше *внутри-государственное земельное поравненіе*, но такъ и не дождалось и начало „самовольное“ переселеніе, опять-таки бывшее таковымъ сначала больше по имени, а затѣмъ ставшее уже на самомъ дѣлѣ остро и упорно нелегальнымъ. Долго, — дольше всего! — ждало крестьянство осуществленія сложившейся у него завѣтной мечты о самой высшей и полной формѣ осуществленія права на трудъ: ждало того „слушнаго часа“, когда царь объявитъ „черный передѣлъ“, т.-е. переходъ всей земли въ

руки трудящагося крестьянства, — ждало и тоже не дождалось, и тоже на нашихъ глазахъ начало „самовольный черный передѣлъ“...

Какъ бы кто ни смотрѣлъ на эти насильственныя дѣйствія противъ помѣщиковъ или, точнѣе, противъ помѣщичьей собственности, — *со всѣхъ точекъ зрѣнія* важно и необходимо спокойное и углубленное изученіе „психологіи“ крестьянъ, ихъ совершающихъ. Поэтому я считаю своимъ долгомъ очертить на рядѣ примѣровъ назрѣваніе того настроенія и того правосознанія, которое невозможно, конечно, понять по однимъ этимъ чисто внѣшнимъ и, по большей части, полустихійнымъ пока проявленіямъ.

Съ самаго освобожденія, условія котораго такъ далеки были отъ надеждъ крестьянства и отъ его правосознанія и которыя вызвали столько „недоразумѣній“, „сопротивленій“ и „сажаній на землю“ полицейской и военной силой,— еще съ этой, по народнымъ понятіямъ, неполной, „ненастоящей“, „обманной“ воли,— народъ ждетъ изъ года въ годъ,—временами буквально изо дня въ день,—новой „настоящей воли“, которая и будетъ состоять въ „черномъ передѣлѣ“, т.-е. въ уравнительномъ распредѣленіи всей земли въ трудовыя руки. Ожиданіе это формулируется крестьянами то неопредѣленно, смутно и нерѣшительно, то ярко и категорически (въ зависимости отъ мѣста и времени и особенно отъ того, насколько крестьяне откровенны съ даннымъ собесѣдникомъ), но суть и тѣхъ, и другихъ одинакова. Привожу нѣсколько образчиковъ тѣхъ и другихъ.

Вотъ, напр., рядъ записей статистиковъ, съ которыми, въ отвѣтъ на ихъ вопросы о передѣлахъ земель въ общинахъ, крестьяне подѣлились своими туманными, таинственными чаяніями, настолько однако упорными, что заставляютъ даже откладывать передѣлы общинной земли и т. п.:

С. Турчаниновка, Ливенскаго у. Орловской губ.: „Передѣла нѣтъ. Ждутъ вмѣшательства власти: „казна знаетъ, что мужику нужно“... С. Галопъ Сѣвскаго у. Орловской губ.: „Думаютъ о передѣлѣ, да какъ другіе, такъ и мы. А можетъ Императоръ что-нибудь прибавитъ“... Д. Татариновка Болх. у. Орловской губ.: „При освобожденіи крестьянамъ кто-то сказалъ: „не берите земли, придетъ пора, земля нипочемъ будетъ, даромъ получите!“ Они и отказались отъ полнаго надѣла, остались на томъ, какимъ владѣли до „Положенія“. Теперь жалѣютъ, но тѣмъ не менѣе, въ виду пониженія доходности имѣнія и мобилизаціи земли въ руки купцовъ,

не теряютъ надежды на то, что тѣ слова оправдаются"... С. Михалевка Хвалынскаго у. Саратовской губ.: „При всѣхъ земельныхъ повѣркахъ и переписяхъ крестьяне думаютъ, что будетъ какое-нибудь уравненіе или „ревизія". С. Шаховское Хвалынскаго у. Саратовской губ.: „На всѣ новыя распоряженія крестьяне смотрятъ съ недоумѣніемъ, но при такихъ дѣйствіяхъ, какъ перепись и т. п., крестьяне думаютъ, что скоро что-нибудь будетъ: ревизія или уравненіе земель"... С. Некрасиха Сычевскаго у. Смоленской губ.: „Разговоровъ о передѣлѣ было мало: все ждутъ, что изъ Смоленска придетъ предписаніе о прибавкѣ земли"*)... и т. д. и т. д.

Въ другихъ случахъ ожиданія крестьянъ выступаютъ яснѣе и гораздо настойчивѣе и увѣреннѣе, и они какъ бы въ воображеніи уже дѣлятъ земли сосѣднихъ владѣльцевъ:

Въ одной общинѣ по Козельскому у. Калужской губ. на вопросъ о передѣлѣ, котораго не было съ воли, отвѣчаютъ: „Кто его знаетъ? — можетъ права какія выйдутъ??... Развѣ мы ее удержимъ, если права выйдутъ на передѣлъ?... А теперь многіе не желаютъ: я, говоритъ, ее выкупилъ, а ты хочешь задаромъ взять... Кабы у купца отнять можно, — у него 1000 десятинъ, а у насъ земли мало, снять не съ кого"... Также и въ деревнѣ Клюевкѣ Хвалынскаго у. Саратовской губ.: „Обостренію борьбы за передѣлъ, повидимому, сильно противодѣйствуетъ надежда, что скоро будутъ отбирать землю у сосѣднихъ частновладѣльцевъ и передадутъ ее крестьянамъ. Въ такомъ случаѣ одновременно и свою раздѣлили бы"... Въ другой деревнѣ Козельскаго у. Калужской губ. „въ первое время послѣ воли не захотѣли получить лишней земли съ тяжелыми платежами: *„царь далъ волю, — дастъ и землю"*... Одинъ изъ корреспондентовъ по Пошехонскому у. Ярославской губ. пишетъ: „Говорятъ, будетъ ревизія, прибавятъ земли. И *ждутъ, какъ воли ждали"*.

Послѣднія двѣ фразы характеризуютъ необыкновенно ярко и сильно и эту логику, которая не такъ наивна, какъ сразу кажется, и ту напряженность ожиданія, которая назрѣвала десятками лѣтъ нужды и голоданія и теперь ужъ начинаетъ лопаться: „Царь далъ волю — дастъ и землю" разсуждало и отчасти еще разсуждаетъ крестьянство — „и ждутъ, *какъ воли ждали*"... Представляете ли вы себѣ, читатель, какъ крѣпостные ждали воли въ сознаніи своего права на свободную человѣческую жизнь? Вотъ такъ и теперь безземельное и малоземельное крестьянство ждетъ земли въ сознаніи своего права „кормиться" отъ нея, въ сознаніи права на трудъ...

Это „ожиданіе земли" имѣетъ уже цѣлую исторію, цѣлую литературу, цѣлый рядъ актовъ правительства. Въ 1878 году

*) Выборки изъ матеріаловъ Орловск., Саратовск. и Смоленск. статист. отд. губ. земствъ.

начались усиленные слухи и толки въ крестьянствѣ о предстоящемъ безотлагательно отобраніи земель отъ помѣщиковъ крестьянамъ, — очевидно, какъ я уже указалъ, въ связи съ возбужденіемъ сознанія права на трудъ жертвами народа въ Русско-турецкую войну. Это взволнованное ожиданіе народа было такъ повсемѣстно и настойчиво, что бюрократія обезпокоилась и министръ внутреннихъ дѣлъ напечаталъ въ 1879 г. спеціальное объявленіе о полной неосновательности этихъ слуховъ. Но это ни малѣйше, конечно, не подѣйствовало. Наоборотъ, въ связи съ потрясающими событіями 1880 и 1881 гг. и со вступленіемъ на престолъ Александра III эти „неосновательные слухи и толки“ еще болѣе усилились и вызвали, какъ извѣстно, такую экстраординарную мѣру, какъ знаменитая рѣчь самого ново-короновавшагося императора къ волостнымъ старшинамъ, собраннымъ со всей Россіи на коронацію. Затѣмъ цѣлыхъ лѣтъ десять спустившаяся на Россію свинцовая туча реакціи не пропускала почти въ печать никакихъ „превратныхъ слуховъ“, и они какъ будто замерли и въ самомъ крестьянствѣ, какъ будто ушли въ эту самую землю, о которой мечталъ изнывшій мужикъ. Но вотъ опять и опять выходитъ изъ земли этотъ призракъ „чернаго передѣла“, опять и опять вызываетъ рядъ административныхъ заклинаній, и, наконецъ, на этотъ разъ уже не скрывается больше отъ нихъ вглубь, а наоборотъ — разражается „самовольными“ попытками захвата земли...

Достаточно вдуматься въ эту „исторію вопроса“, достаточно вглядѣться въ безграничную распространенность и страшную напряженность этихъ ожиданій „земли“, чтобы понять, съ какой роковой неизбѣжностью назрѣвало десятилѣтіе за десятилѣтіемъ „самовольное“ крестьянское движеніе. Распространенность ожиданія „чернаго передѣла“ въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ общеизвѣстна, но такова же она и на окраинахъ: вотъ, напр., случайныя разрозненныя газетныя и журнальныя замѣтки указываютъ ихъ въ 1882 г. въ Новгородской губ. („Сельскій Вѣстникъ“ 1882 г., № 20), въ 1886 г. вообще на югѣ Россіи („Кіевская Старина“ 1886 г., ст. 14) и въ 1893 г. особенно въ Елисаветградскомъ у. Херсонской г. („Юрид. Газета“ 1897 г., № 36), въ 1895 г. въ Оренбургской губ. и т. д. и т. д. Напряженность же ожиданія иллюстрируется хотя бы слѣдую-

щей картиной, нарисованной Н. Астыревымъ *еще 20 лѣтъ тому назадъ:*

„Мужикъ разсчитывается съ бариномъ вообще только тогда, когда чувствуетъ себя окончательно припертымъ къ стѣнѣ, во все же остальное время втайнѣ питаетъ надежду — „авось де до разсчета выйдетъ какая перемѣна...“ Ожиданіе „перемѣны“ и есть единственная причина массы неисполняемыхъ обязательствъ за отработки, массы нарушаемыхъ „зимнихъ“ условій подъ лѣтнюю работу. Лѣность, пьянство, нерадѣніе (офиціальные мотивы) суть лишь второстепенныя причины этихъ неотработокъ; хозяйственный разсчетъ, присущій всякому мужику, — вотъ главная причина подобныхъ явленій. Беря зимой работу, огромное большинство, почти всѣ подряжающіеся искренно намѣреваются исполнить взятыя на себя обязательства; но настаетъ рабочая пора — и вдругъ разносятся слухи, что „вышелъ указъ не работать на господъ“, или — „работать, но не дешевле 40 руб. за десятину“, или — „черезъ мѣсяцъ, въ такой-то день будетъ общее поравненье“.

Еще разъ подчеркну: такъ было уже 20 лѣтъ назадъ!... Отсюда ясно, какъ насыщена атмосфера деревни этимъ ожиданіемъ „слушнаго часа“ теперь, и какъ слухомъ о немъ вмѣстѣ со „стономъ народнымъ“ „переполнилась наша земля“...

Но всякому ожиданію, какъ и всякому терпѣнію, приходитъ конецъ. Вотъ что пророчески писала почти четверть вѣка тому назадъ А. Ефименко:

„Спрашивается, гдѣ можно больше ждать уваженія къ праву собственности: тамъ ли, гдѣ это право достигается счастливымъ случаемъ, при тѣхъ новыхъ экономическихъ условіяхъ, которыя мы такъ стараемся къ себѣ пересадить, или тамъ, гдѣ оно, это право, держится на такомъ естественно-справедливомъ началѣ, т.-е. на отношеніи трудящагося лица къ продукту своего труда, какъ въ крестьянствѣ? Вопросъ не требуетъ отвѣта. Если *въ близкомъ будущемъ* (курсивъ мой. *К. К.*) понятію о собственности не угрожаетъ, повидимому, никакая серьезная опасность, то только потому, что въ народѣ слишкомъ крѣпко коренится уваженіе къ этому праву. *Но затѣмъ мы должны считаться съ тѣми особенностями, какія народъ вкладываетъ въ свои понятія о собственности**)

---

*) А. Ефименко „Изсл. нар. жизни“ стран. 140.

Привожу кстати еще нѣсколько по обыкновенію очень яркихъ строкъ, которыми А. Ефименко рисуетъ эту черту народнаго правосознанія для 70-хъ и 80-хъ годовъ. — „Убѣжденіе въ необходимости или, точнѣе сказать, въ неизбѣжности всеобщаго дѣлежа земель господствуетъ повсемѣстно одинаково въ общинной Великороссіи и въ участковой Малороссіи. Оно коренится въ той особенности крестьянскихъ воззрѣній на собственность, по которой земля есть мірская да Божія; поэтому не можетъ быть права частной собственности на землю, а можетъ быть лишь право пользованія землей, которое дается трудомъ, въ нее вкладываемымъ. Община ли является въ данную минуту владѣль-

Это „затѣмъ“ уже наступаетъ. Уже въ отвѣтахъ крестьянъ статистикамъ и на разосланныя программы по общинѣ часто проскальзываетъ нота ожиданія, переходящаго, съ одной стороны, въ сомнѣніе и разочарованіе, съ другой — въ страстное озлобленное домогательство: „По нашему мнѣнію, земли должны дать... а сейчасъ дѣлить нечего“, сухо и рѣзко отвѣчаетъ одинъ корреспондентъ. „Такъ и гнемъ горбъ — гдѣ ѣвши, а гдѣ — не ѣвши“... „Мы уже къ этому рождены: платить, платить и платить“... „У насъ такіе порядки: платить — плати, а ѣсть не проси!“... „Землю несемъ, какъ крестъ“... „Ждемъ земли, какъ вороны — крови!“ — пишутъ другіе корреспонденты. Уже 10 лѣтъ тому назадъ по тому же Сѣвскому уѣзду Орловской губ., гдѣ были крупные безпорядки, по одной общинѣ земскіе статистики записали слѣдующія злобно-ироническія замѣчанія крестьянъ, рѣзко рисующія начало перелома въ народныхъ ожиданіяхъ: „Все ожидаемъ милости отъ императора: земли ли дадутъ, али выгонятъ куда, али продадутъ кому?“ И вотъ, наконецъ, два особенно типичныхъ отвѣта отъ двухъ священниковъ Саратовской губ. Первый отзывъ: „По сравненію съ предыдущимъ временемъ крестьяне замѣтно развились. Крестьяне смотрятъ на свое положеніе такъ: „мы — чернорабочіе, запачканные. Хоть и говорятъ, что равные всякому барину, но на самомъ дѣлѣ гнущіеся передъ нимъ, кланяющіеся ему, — иначе часто пло-

---

цемъ земли, или отдѣльное лицо — все равно: право на землю безусловно связано съ трудомъ, который вкладывается въ землю, и разъ эта связь порвана, порвано и право. По своему глубокому чувству легальности, крестьяне спокойно смотрятъ на настоящій порядокъ землевладѣнія, противорѣчащій ихъ основнымъ воззрѣніямъ, тѣмъ болѣе спокойно, что они вполнѣ убѣждены, что ихъ summum jus на землю находится въ надежныхъ рукахъ верховной власти, которая ждетъ лишь удобнаго момента для осуществленія этого ихъ права... „Какъ же господа то будутъ жить, если отъ нихъ отберутъ землю?“ спрашиваетъ крестьянина одинъ наблюдатель. „Мужикамъ — земля, панамъ — жалованье“, т.-е. для крестьянства страстно желанный „слушный часъ“ вовсе не есть какой-нибудь коренной соціальный переворотъ, какимъ онъ можетъ представляться иному напуганному воображенію: крестьянинъ работаетъ по старому и платитъ подати, только трудъ его будетъ успѣшнѣе, потому что у него въ рукахъ будетъ главное орудіе его труда — вотъ и все. „Вишь ты какой умный панъ: не ждетъ дѣлежа, самъ своими руками отдаетъ“, толковали крестьяне про одного помѣщика Черниговской губ., который подарилъ имъ кусокъ земли“.

А. Ефименко. „Изслѣдованія народной жизни“, стран. 141—142.

ховато бываетъ... Нѣтъ этому положенію, развѣ случай какой, конца... Эхъ, хоть землицы бы откуда-нибудь еще найти!".. Другой священникъ пишетъ: „Сами крестьяне смотрятъ на себя, какъ на весьма угнетенныхъ. Главное ихъ желаніе: „земли побольше. Всеобщій русскій передѣлъ земли на наличныя души"...

И уже съ 70-хъ годовъ тамъ и сямъ все чаще и чаще, все настойчивѣе прорываются попытки „самовольнаго" „всеобщаго русскаго передѣла земли"...

Если знать всѣ эти факты (а подобныхъ примѣровъ, конечно, я еще могъ бы привести множество), если не закрывать глаза на рисуемое ими постепенное, но упорное, неуклонное движеніе крестьянской мысли и крестьянскаго настроенія все въ одну сторону,—къ землѣ, къ „полной", „настоящей", такъ сказать, „земельной волѣ",—то мы должны признать и то, что огромно разросшееся въ послѣдній годъ крестьянское движеніе не представляетъ стихійнаго волненія оголодавшихъ толпъ, для котораго есть, конечно, причины, но у котораго нѣтъ цѣлей. Нѣтъ, цѣль есть, она ясно и ярко бьетъ въ глаза въ тысячахъ проявленій, и она связана со всѣмъ воспитаннымъ исторіей особымъ правосознаніемъ русскихъ крестьянскихъ трудовыхъ низовъ: народъ идетъ „самовольно" осуществлять свое право на трудъ. Гдѣ только можетъ, повсюду онъ самъ заявляетъ это. Какимъ яркимъ символомъ развертывается такая, напр., картина: въ селѣ Гламаздинѣ *„для порядку"* выкинули красный флагъ. Такъ въ Юзовскихъ шахтахъ дѣлали. Крестьяне были увѣрены, что *флагъ является символомъ порядка:* „для того и вывѣсили флагъ, чтобы знали, что мы идемъ не на разбой, не для озорства, а за дѣломъ"!!*)

Итакъ, пусть успокоятся сторонники „порядка": не для безцѣльнаго разрушенія и грабежа двинулись эти крестьянскія толпы, а „для порядка",—но только, конечно, не для стараго, а для новаго, трудового порядка...

§ 6. Соціально-политическое значеніе права на трудъ.

Послѣ всего сказаннаго выше, намъ въ общихъ чертахъ ясно, какова роль права на трудъ по сравненію съ правомъ

*) По сообщенію въ „Руси"; цитирую по статьѣ г. Прокоповича: „Аграрный вопросъ и аграрное движеніе", „Образованіе", 6 кн. 1905 г. (стран. 70).

труда во всемъ правосознаніи крестьянства и особенно въ выдвинувшемся и заслонившемъ въ немъ все остальное вопросѣ о землѣ, о борьбѣ за землю. Мы разсмотрѣли только что идеалъ „чернаго передѣла“, какъ наиболѣе крупное и типическое проявленіе права на трудъ, но этимъ отнюдь не было сказано, чтобы въ немъ не было и права труда. Въ разныхъ оттѣнкахъ своихъ этотъ идеалъ сочетаетъ въ разныхъ отношеніяхъ оба эти элемента и въ зависимости отъ относительной ихъ силы соціально-политическое значеніе этого идеала можетъ быть совершенно различнымъ. И отчетливое пониманіе этого представляетъ огромную важность.

На одномъ основномъ пунктѣ, — на *отрицаніи* существующей частной *капиталистической* земельной собственности, — и право труда, и право на трудъ совершенно совпадаютъ. *Право труда* говоритъ, что такъ какъ владѣльцы-капиталисты не обрабатываютъ сами земли, то не имѣютъ права ни на нее, ни на ея продуктъ, а имѣютъ это право тѣ, кто ее обрабатываетъ. *Право на трудъ* заявляетъ, что капиталистическая земельная собственность нарушаетъ равномѣрность распредѣленія между людьми основного, необходимаго для ихъ жизни блага, и требуетъ уравнительнаго его распредѣленія сообразно равному праву всѣхъ людей. Такимъ образомъ, разными путями оба правооснованія приходятъ къ одному и тому же выводу. Но когда изъ этого отрицанія существующихъ формъ землевладѣнія мы перейдемъ къ построенію положительнаго его идеала, то тутъ два различныхъ начала приводятъ къ совершенно различнымъ и даже противоположнымъ выводамъ. *Право труда*, какъ уже указано, отрицая нетрудовое капиталистическое землевладѣніе, не только не замѣняетъ его необходимо трудовымъ *коллективнымъ* владѣніемъ, но наоборотъ, благодаря неколлективности мелкаго земледѣльческаго производства, стремится или къ совершенно личной (подворной) собственности, или къ узко-коллективной-общинной. *Право же на трудъ*, напротивъ, немыслимо безъ уравнительнаго распредѣленія, а значитъ, и безъ той или иной *широкой формы коллективнаго владѣнія*. Употребляя образныя крестьянскія выраженія, право труда стремится раздробить землю на участки, становящіеся какъ бы „родными дѣтьми“ земледѣльца, право же на трудъ хочетъ обратить землю въ „мать-кормилицу“, вѣчно

равно пекущуюся обо всѣхъ своихъ дѣтяхъ-людяхъ и равно питающую ихъ*).

Въ дополненіе къ выше уже приведенной „аграрно-демократической“ неколлективистской политической программѣ, построенной на правѣ труда, привожу еще болѣе характерныя формулы такого же рода и противоположныя имъ формулы права на трудъ изъ замѣчательнаго очерка г. Чижевскаго**) о формулирующемся въ политическія программы крестьянскомъ правосознаніи. Г-нъ Чижевскій разбиваетъ въ этомъ отношеніи крестьянство на нѣсколько группъ, среди которыхъ, какъ основныя и наиболѣе для насъ сейчасъ интересныя, выдѣляются двѣ. Первая полагаетъ, что „земля, какъ воздухъ и вода, не должна составлять.... предмета чьей бы то ни было собственности. Всѣ земельныя пространства должны быть постепенно выкуплены казной отъ частныхъ владѣльцевъ и предоставлены затѣмъ въ пользованіе того, кто занимается лично хлѣбопашествомъ“. Въ такого рода мнѣніяхъ „замѣчается одна общая черта: упроченіе народнаго благосостоянія и водвореніе справедливости ожидается *отъ закона*; достиже-

*) Поскольку даже такая изслѣдовательница, какъ г-жа А. Ефименко, неотличаетъ, какъ особаго правооснованія, права на трудъ, постольку и ея сведеніе „чернаго передѣла“ къ „трудовому основанію“, т.-е., по ея взгляду, къ одному только *праву затраченнаго труда*, — совершенно не объясняетъ цѣлаго ряда явленій крестьянскаго правосознанія и крайне идеализируетъ право затраченнаго труда. Вотъ ея формула: „Взглядъ крестьянина на землю вытекаетъ изъ его взгляда на трудъ, какъ на единственный всегда признаваемый и справедливый источникъ собственности. Земля — не продуктъ труда человѣка, слѣдовательно, на нее и не можетъ быть того безусловнаго и естественнаго права собственности, какое имѣетъ трудящійся на продуктъ своего труда“. *Безусловнаго и естественнаго*... Ну, а *условное и искусственное* можетъ быть право собственности на землю? Мнѣ не ясно, какъ отвѣтила бы на этотъ вопросъ уважаемая изслѣдовательница, но ясно, что какъ ни называть его, но такъ или иначе эту земельную собственность право затраченнаго труда несомнѣнно признаетъ: хотя вся земля не продуктъ труда, но тѣ *свойства* земли, — плодородіе и пр., — которыя и составляютъ цѣнность земледѣльческой поверхности земли въ глазахъ людей, именно въ значительной степени являются продуктомъ труда, а значитъ, въ этой же значительной степени даютъ право на невыдѣлимо связанные съ ними участки земли авторамъ этихъ затратъ, „отцамъ“ этихъ „оживленныхъ“ ими участковъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло по огромно-распространенному народному воззрѣнію.

**) „О чемъ заговорила деревня“. „Сынъ Отеч“. Апрѣль 1905 г. Очень рекомендую. читателю этотъ единственный въ своемъ родѣ по отчетливости очеркъ.

ніе цѣли признается возможнымъ чрезъ посредство извѣстныхъ законодательныхъ актовъ, проведенныхъ *при участіи народа въ лицѣ его представителей*...“ (Курсивъ автора.)

Другая группа „...къ которой, быть можетъ, принадлежитъ большинство крестьянъ, не строитъ проектовъ, ничего пока не предпринимаетъ. Она замерла въ ожиданіи. Она одержима какой-то стихійной вѣрой въ то, что вся земля, вся безъ остатка, должна быть отдана имъ, крестьянамъ. „Наши предки сидѣли на землѣ и работали. Ихъ подарили потомъ вельможамъ, подарили со всѣми земельными угодьями. Началось крѣпостное право; мы сдѣлались „панскими“, сдѣлалась панской и земля. Была допущена неправда. Потомъ насъ отпустили отъ „пановъ“, возвратили намъ и часть земли. Теперь вотъ кончится война, — намъ отдадутъ и остальное... Разсужденія на подобныя темы часто бываютъ наивны. Деревня отмежевываетъ, намѣчаетъ для себя извѣстную площадь: отсюда и досюда все когда-то было наше, и опять должно сдѣлаться нашимъ. Другой же, сосѣдней деревнѣ высказывается соболѣзнованіе по поводу отсутствія у нея такихъ правъ, освященныхъ сѣдой давностью: намъ будетъ хорошо, а что они, бѣдные, станутъ дѣлать? И страшно подумать, чѣмъ все это можетъ кончиться, когда крестьянская масса убѣдится въ тщетности своихъ надеждъ...“

Итакъ, мы необыкновенно ясно и ярко видимъ два основныхъ теченія въ крестьянскомъ правосознаніи. Первое совершенно отрицаетъ не только личную, но и узко-коллективную собственность на землю: оно приравниваетъ ее къ воздуху и водѣ, т.-е. отправляется отъ такого синтеза права труда и права на трудъ, гдѣ первое совершенно подчинено послѣднему, и ждетъ осуществленія этого высшаго земельнаго права отъ *высшей коллективности* — отъ *народнаго* государства. Второе же отрицаетъ капиталистическую земельную собственность не во имя всеобщаго, т.-е. всѣхъ людей, права на жизнь, на трудъ, а значитъ, и на землю, а во имя отчасти права затраченнаго труда, отчасти же даже простого историческаго права перваго захвата, перваго завладѣнія, а потому и стремится не къ высшей формѣ обобществленія, а къ простому возстановленію докрѣпостного личнаго или общиннаго трудового владѣнія, совершенно неравномѣрнаго, при которомъ иные оста-

нутся совершенно обдѣленными. Надо ли пояснять, что если первое теченіе совершенно попутно коллективистскому направленію, то второе, будучи вполнѣ демократическимъ, трудовымъ, усвоило, однако, такую *слабую дозу* коллективистскаго начала и такого *низшаго типа*, что его практическая формула, оставляющая обдѣленными „бѣдныхъ“ сосѣдей, — только потому, что они не имѣютъ историческаго захватнаго права, — является прямо антиколлективистской. И соціально-политическое значеніе этого послѣдняго факта усиливается въ огромной степени тѣмъ, что (какъ мнѣ кажется, совершенно вѣрно опредѣляетъ г. Чижевскій) эта неколлективистская и въ извѣстномъ смыслѣ антиколлективистская группа въ настоящее время охватываетъ, благодаря „власти тьмы“, власти хищническаго права и особенно власти права затраченнаго труда, — *большинство крестьянства*. Не сомнѣваюсь, что всѣ тѣ, чей взглядъ не застланъ дымкой энтузіазма, кто не жертвуетъ активности критицизмомъ, вдумаются серьезно и настойчиво въ эти выводы изъ всего сдѣланнаго выше фактическаго анализа, столь ярко резюмирующіеся въ только что приведенныхъ формулировкахъ „крестьянскихъ направленій“; всѣ тѣ, кто не считаетъ крестьянъ готовыми уже коллективистами и кто понимаетъ невозможность передѣлать въ нѣсколько лѣтъ или даже мѣсяцевъ сложенное тысячелѣтней исторіей міровоззрѣніе народа, — тѣ поймутъ, до какой степени каждый фактъ всего предыдущаго изложенія вопіетъ противъ попытокъ рѣшить аграрный вопросъ и обобществить землевладѣніе до и помимо народно-государственнаго его рѣшенія, — тѣ увидятъ, какъ глубоко правъ А. В. Пѣшехоновъ въ своей аргументаціи противъ „аполитизма“ *).

Если бы даже захватъ произошелъ всецѣло подъ флагомъ коллективизма, то подъ этимъ флагомъ сразу же прошла бы огромная контрабанда личнаго начала въ видѣ неуравнительности захвата, ибо сила, случай и фактическое распредѣленіе земли и населенія создали бы огромную неравномѣрность среди отдѣльныхъ захватчиковъ, общинъ, уѣздовъ, губерній, областей. Отсюда на слѣдующій же день безъисходная междоусобица между захватчиками. Ибо отдадутъ ли удачно захватившія об-

---

[1]) См. „Русское Богатство“ 1905 г. 6-я, 7-я, 8-я книги.

щины (я беру лучшій случай общиннаго захвата, хотя трудно его себѣ представить у 20 милліоновъ подворныхъ владѣльцевъ) то, что имъ принадлежитъ по праву давности и двойного захвата, — когда то историческаго, а теперь революціоннаго, неизбѣжно сопряженнаго съ рискомъ и жертвами и освященнаго торжественностью разъ въ сотни лѣтъ являющагося историческаго момента? Отдадутъ ли добровольно эти общины захваченное тѣмъ „бѣднымъ“, которыхъ онѣ заранѣе жалѣютъ, и, съ другой стороны, примирятся ли эти „бѣдные“ со своей „обдѣленностью“? Но мало того, эта новая, созданная случайностями захвата „историческая несправедливость“ моментально пуститъ корни права труда въ захваченные участки: каждая борозда, каждая телѣга навоза, каждая выкопанная канава, каждое посаженное дерево, каждая изгородь и тѣмъ болѣе, конечно, каждая нововыстроенная молодыми дворами усадьба затратами энергіи земледѣльца сроднятъ съ ними ихъ участки, сдѣлаютъ ихъ „родными дѣтьми“, и противъ этого огромноусиленнаго права труда ничего не сможетъ возразить затоптанное въ суматохѣ захватовъ право на трудъ.

Когда же и какъ возродится коллективистское право на трудъ послѣ такой катастрофы? Въ погонѣ за скорѣйшимъ утоленіемъ народныхъ страданій будетъ произведена легчайшая и наипростѣйшая изъ формъ перевода земли въ руки трудящихся, но наихудшая, какъ въ томъ смыслѣ, что часть все-таки останется относительно обдѣленной, и, значитъ, народныя страданія окажутся только отчасти и временно смягченными, но не радикально и навсегда прекращенными, такъ и въ томъ, что массы народныя останутся разобщенными и даже враждебно разслоенными. Изъ страха предъ чисто отвлеченной возможностью въ будущемъ какихъ-то махинацій хищническихъ слоевъ, которыми они постараются исказить народногосударственное обобществленіе земли, будетъ сейчасъ же, немедленно, собственными руками (реформаторовъ) оставлена и даже усилена дѣйствительная вѣковѣчная и основная причина экономическаго и политическаго угнетенія трудящихся: разслоенность, раздробленность ихъ самихъ прочиворѣчіями интересовъ и правосознанія. И мало того, тогда эта разслоенность рискуетъ принять наихудшую изъ всѣхъ возможныхъ формъ: *удовлетворенность большинства*, такъ сказать, „четвертаго со-

словія“ съ обдѣленностью лишь меньшинства трудящихся въ видѣ особаго „пятаго сословія“... Надо ли пояснять, что если борьба огромнаго большинства трудящихся съ ничтожнымъ хищническимъ меньшинствомъ длилась безплодно такъ долго, то каковы же шансы на побѣду этого меньшинства противъ большинства, противъ массы самого трудового крестьянства, опирающагося на право труда и ставшаго, подобно французскимъ крестьянамъ послѣ великой революціи, довольнымъ, удовлетвореннымъ, консервативнымъ? Надо ли пояснять, что такая перестройка современной соціальной пирамиды очень далека отъ идеала коллективизма?

Но, скажутъ мнѣ, можно ли, если такъ сильны право труда и другія личныя начала, вообще ожидать коллективистскаго разрѣшенія аграрнаго вопроса даже и въ формѣ народно-государственнаго обобществленія? И чѣмъ именно облегчитъ и улучшитъ дѣло послѣдняя? Это разрѣшеніе въ духѣ всеобщаго права на трудъ вполнѣ возможно и весьма вѣроятно по слѣдующимъ болѣе или менѣе, прямо или косвенно обоснованнымъ выше соображеніямъ: 1) Экономическій интересъ значительнаго большинства крестьянства огромно напряженъ, и очевидно, что это напряженіе не упадетъ, пока не получитъ *радикальнаго* рѣшенія. 2) Народно-государственное обобществленіе непосредственно выгодно (или, по крайней мѣрѣ, непосредственно безразлично) для значительнаго большинства крестьянства. 3) Повсюду въ крестьянствѣ распространенное въ большей или меньшей степени, въ той или иной формѣ сознаніе права на трудъ облегчитъ и ускоритъ въ огромной степени усвоеніе массой крестьянства точной политической программы народно-государственнаго обобществленія земли. 4) Реформа эта перестанетъ быть дѣломъ одного крестьянства, въ ней примутъ участіе два другіе слоя трудящихся, пролетаріатъ и интеллигенція, — тоже значительно заинтересованные матеріально и идейно въ этой реформѣ и притомъ именно въ государственной ея формѣ (ибо только тогда земля станетъ собственностью *всѣхъ*, а не *только теперешнихъ земледѣльцевъ*)... Выгодность же огосударствленія предъ „коммунализаціей“ съ точки зрѣнія коллективизма состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Земля окончательно становится собственностью не части населенія, — хотя бы и большинства непосредственно

трудящихся земледѣльцевъ, — и не отдѣльныхъ лицъ или узкихъ коллективностей, какъ общины, — а всего народа въ его цѣломъ, т.-е. наивысшей и наиболѣе широкой изъ всѣхъ исторически въ ближайшемъ будущемъ возможныхъ коллективностей. 2) Послѣ этого огосударствленія земли совершенно немыслимо никакое отступленіе, никакое возвращеніе назадъ къ неколлективистскимъ или болѣе узко коллективистскимъ формамъ землевладѣнія, немыслимо также и неосуществленіе перехода земли въ руки трудящихся, такъ какъ это невозможно безъ нарушенія интересовъ огромнаго большинства населенія, что теперь уже явно немыслимо.

Итакъ, анализъ главныхъ формъ и основаній народнаго права и общаго характера народнаго правосознанія приводитъ къ рѣшительному выводу о томъ, что это право и правосознаніе колеблются между элементами взаимно противорѣчивыми и что, слѣдовательно, только вполнѣ цѣлесознательное и цѣлесообразное воздѣйствіе извнѣ можетъ вывести ихъ на торную дорогу. Ясно поэтому, что задача такого цѣлесознательнаго вмѣшательства не въ томъ, чтобы разрубить узелъ, не въ томъ, чтобы просто присоединить усилія цѣлесознательнаго авангарда къ стихійнымъ формамъ начавшагося „чернаго передѣла“, а въ томъ, чтобы сознательно распутаться въ сложныхъ нитяхъ народнаго правосознанія, критически выдѣлить подходящіе элементы для переплавки въ *максимально коллективистскую* программу и, наконецъ, рѣшительно бросить всю мощную силу сознательности и организованности на ту чашу вѣсовъ колеблющагося между индивидуализмомъ и коллективизмомъ народнаго правосознанія, гдѣ исторія сконцентрировала высшее начало права на трудъ.

ГЛАВА VIII.

Соціальность народнаго права.

Намъ осталось теперь сдѣлать практическіе выводы изъ общаго обзора распространенности и характера народнаго права въ Россіи. Для этого же, для того чтобы обобщить окончательно ту роль, которую должно играть народное обычное право

въ предстоящемъ Россіи соціальномъ творчествѣ (на что мы уже намѣтили выше частичные отвѣты),— пропустимъ еще разъ предъ собой многообразныя его проявленія (конечно, лишь въ нѣсколькихъ самыхъ выпуклыхъ чертахъ) съ цѣлью освѣтить съ двухъ особенно важныхъ *практически, для оцѣнки* права сторонъ. Подведемъ, во первыхъ, такъ сказать, балансъ относительной силы въ немъ элемента коллективнаго и личнаго. Намѣтимъ, во вторыхъ, въ какой мѣрѣ это народное право есть пережитокъ „первобытной культуры", а въ какой оно воплотило въ себѣ уже новую культуру и насколько способно къ дальнѣйшему развитію.

§ 1. Анти-коллективистскіе элементы.

Какъ я уже не разъ указывалъ, въ настоящее время больше приходится бояться идеализаціи мужика энтузіастами *„этизма"*, нежели отрицанія его уже совершенно растерявшимися догматиками *экономизма*. Поэтому для поддержанія твердости и реальности отстаиваемой мною *юридической* точки зрѣнія, я начну съ резюмированія *отрицательной* стороны, съ указанія на рядъ очень крупныхъ фактовъ, доказывающихъ силу личнаго начала и долженствующихъ нѣсколько охладить пылъ слишкомъ ужъ утопическаго энтузіазма....

Первое самое общее указаніе — это о слабости вообще въ среднемъ человѣкѣ нравственнаго начала, о томъ, что въ массѣ, какъ общее правило, интересъ господствуетъ надъ идеаломъ. Всѣмъ извѣстна эта простая истина, но она обязательно забывается, разъ дѣло касается не толпы вообще и не толпы высшихъ классовъ, а толпы рабочаго народа. Правда, можетъ быть и есть какія нибудь особыя нравственныя достоинства въ трудящихся, воспитанныя особенностями ихъ жизни и исторіи, но всетаки нельзя себѣ представить, чтобы интересъ у нихъ подчинялся, какъ общее правило, идеалу или хотя бы былъ равносиленъ ему. Необыкновенно глубокую и мѣткую формулу я услышалъ въ деревнѣ, отъ одного молодого парня, съ горечью обличавшаго односельцевъ: „когда съ нами поступаютъ, то мы требуемъ къ себѣ отношенія по евангелію, а сами съ другими поступаемъ по библіи!"... Да, именно такъ, и мужикъ, какъ и огромное большинство человѣчества, предоставляетъ, какъ общее правило, другимъ „воз-

любить ближняго больше самого себя", а самъ слишкомъ часто практикуетъ свирѣпо эгоистическую борьбу „око за око"... даже по отношенію къ своимъ же братьямъ, къ слабѣйшимъ въ борьбѣ.

Итакъ, если не изъ высшаго моральнаго уровня, то изъ чего еще могла бы развиться высшая, такъ сказать, соціальность мужика? Очевидно, только изъ разсчета конечной выгодности ея въ томъ же смыслѣ, какъ выгодно, напр., страхованіе и т. п. Но для такого разсчета нужно или высокое культурное развитіе, или особыя облегчающія его усвоеніе историческія условія. Послѣднія дѣйствительно имѣли мѣсто, но за то первое запоздало появленіемъ, и уже по этому одному даже въ самомъ лучшемъ случаѣ мы не можемъ не ожидать широкихъ проявленій эгоистическихъ, хищническихъ отношеній въ крестьянскомъ быту вообще и широкаго развитія индивидуализма въ экономическихъ и другихъ соціальныхъ отношеніяхъ въ особенности. Каждый припомнитъ по изображеніямъ такихъ художниковъ, какъ Успенскій, Златовратскій и др., какъ легко, напр., совершается превращеніе мухи-бѣдняка въ паука-кулака, раба въ самодура (формула „либо въ зубы, либо ручку пожалуйте" — глубоко внѣдрена крѣпостничествомъ) и т. д. Однимъ словомъ, хищническая мораль и хищническое право выростаютъ и въ самомъ народѣ, и еще пышнѣе, конечно, разростаются тамъ, гдѣ обильно заносятся сѣмена ихъ извнѣ.

Такимъ образомъ, отнюдь нельзя сказать, чтобы въ крестьянствѣ совсѣмъ не пахло „римскимъ правомъ": наоборотъ, очень сильный „духъ" его слышенъ на каждомъ шагу. Вотъ какъ изображается современное состояніе народнаго права однимъ изъ вышецитированныхъ губернскихъ совѣщаній (Тульскимъ), давшимъ одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ и обоснованныхъ отвѣтовъ:

Разнообразіе и неопредѣленность обычаевъ наслѣдованія подворными земельными участками объясняются, по его словамъ, отчасти „продолжительнымъ участіемъ въ разрѣшеніи таковыхъ дѣлъ окружныхъ судовъ, которые совершенно игнорировали примѣненіе какихъ-либо обычаевъ и, принимая къ своему разсмотрѣнію просьбы крестьянъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства и раздѣлахъ на основаніи правилъ т. X ч. I, вносили въ крестьянскую жизнь чуждыя ей условія въ порядкахъ наслѣдованія земельными подворными участками; свободная же продажа окружными судами подворныхъ участковъ государственныхъ крестьянъ съ аукціона за частные

долги еще болѣе внесла въ это дѣло безпорядковъ, облегчивъ, путемъ выдачи векселя и продажи за симъ участка за долгъ по такому фиктивному векселю, переходъ участковъ, совершаемый внѣ обычнаго порядка наслѣдованія. Несмотря на это, обычный порядокъ, хотя не всегда и вездѣ строго опредѣленный, продолжаетъ и нынѣ примѣняться въ порядкѣ наслѣдованія подворными участками“ *).

Въ приведенномъ отзывѣ рѣчь шла объ обычаяхъ наслѣдованія подворными участками, но приблизительно такъ же вѣетъ „духомъ римскаго права“ и въ общинахъ, 30—40—45 лѣтъ не дѣлившихъ земли, гдѣ права „ревизской души“ и выкупа такъ укрѣпили лично-наслѣдственное владѣніе, что къ передѣлу относятся, какъ къ „денному грабежу“. Въ „Русской общинѣ“ (въ главѣ о „семейно-выкупномъ“ владѣніи) я уже описалъ довольно подробно индивидуалистическіе порядки, установившіеся въ такихъ общинахъ; теперь дополню сказанное тамъ однимъ-двумя примѣрами. Вотъ, напр., по записи земскаго статистика, въ д. Подмощицѣ Сычевскаго уѣзда Смоленской губерніи, по обычаю, отдѣльнымъ хозяевамъ дозволяется ихъ надѣлы „отдавать исполу, закладывать, мѣнять, продавать, передавать по наслѣдству однообщинникамъ. Въ настоящее время установился почти взглядъ на мірскую землю, какъ на личную собственность“ **)... Очень характерны затѣмъ такіе случаи, когда община сама проникается настолько частноправовыми понятіями „писаннаго закона“, что даже выдумываетъ несуществующія ограниченія своего уравнительно-передѣльнаго права. Напр., въ одной общинѣ Судогодскаго уѣзда Владимірской губерніи записанъ такой отзывъ, что „передѣла не производятъ, полагая, что разъ не дѣлили больше 10 лѣтъ,— то не имѣютъ уже права дѣлить. Прошла,— говорятъ,— уже гражданская давность“ ***)... и т. д. Такое же рѣзко индивидуализирующее вліяніе оказываетъ на крестьянъ и покупка земли, столь огромно усилившаяся за послѣднее время:

*) Въ частности же, напр., „право наслѣдованія дочерьми, вышедшими замужъ въ другія селенія, и особенно случаи выдѣла имъ части наслѣдства, даже при живыхъ сыновьяхъ, не могутъ быть отнесены къ числу обычныхъ правъ, а скорѣе объясняются примѣненіемъ общаго закона, когда наслѣдницы обращались о признаніи ихъ наслѣдственныхъ правъ въ общія судебныя мѣста“. („Сводъ закл. губ. сов.,“ т. III, стран. 305).

**) Выборки изъ матеріаловъ Статист. отд. Смоленской. губ. земской управы.

***) Выборки изъ матеріаловъ Статист. отд. Владим. губ. земской управы.

не только покупки въ личную собственность (сравнительно малочисленныя), но и покупки товариществами, а отчасти даже и общинами, замѣтно внѣдряютъ лично-собственническій духъ въ крестьянъ.

Насколько значительно въ нѣкоторыхъ районахъ и въ нѣкоторыхъ разрядахъ крестьянъ распространеніе этого личнособственническаго права и правосознанія, это доказывается хотя бы тѣмъ, что въ иныхъ уѣздахъ до 30—40% крестьянъ имѣютъ купчую землю. Это же явствуетъ и изъ слѣдующихъ, напр., цифръ о процентѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ общинахъ съ разными разверстками въ центральномъ черноземномъ, южномъ и западномъ районахъ, т.-е. какъ разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя являются главнымъ очагомъ крестьянскихъ волненій (при чемъ послѣднія въ значительномъ большинствѣ случаевъ производятся именно крестьянами бывшими помѣщичьими).

Районы.	% населенія въ общинахъ съ разверстками:					
	Безпередѣльно ревизскими.	Почти безпередѣльными.	Со слабымъ передѣльнымъ движеніемъ.	По неопредѣленнымъ и смѣшаннымъ принципамъ.	По рабочимъ силамъ.	По потребительному принципу.
	1	2	3	4	5	6
Центральный черноземный.	48,0	6,9	8,9	4,7	2,2	29,3
Южный степной.....	55,7	7,4	10,2	6,9	4,0	15,7
Западный....	42,1	12,3	14,2	9,2	15,0	7,2

Какъ видимъ, больше половины крестьянъ въ этихъ районахъ (разверстки 1-я + 2-я) живутъ пока фактически скорѣе въ подворномъ, чѣмъ въ общинномъ земельномъ правѣ, и, стало-быть, съ такимъ же правосознаніемъ ихъ пришлось бы считаться въ случаяхъ „самовольныхъ" захватовъ... О губерніяхъ же чисто малорусскихъ, — какъ Полтавская, половина Черниговской, — и западныхъ и юго-западныхъ, какъ часть Витебской, Виленская, Минская, Могилевская, Кіевская, Подольская, Волынская, — и говорить нечего: здѣсь значительное

большинство населенія живетъ совсѣмъ внѣ общины, а у остальныхъ отъ нея почти повсюду не осталось ничего, кромѣ имени (да и то, кажется, неизвѣстнаго населенію или забытаго имъ).

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности въ крестьянской жизни имѣется достаточный запасъ элементовъ индивидуализма для охлажденія чрезмѣрныхъ „коммуналистическихъ“ увлеченій. Правда, впрочемъ, и въ этихъ застывшихъ общинахъ, какъ я уже указывалъ, постепенно назрѣваетъ борьба за передѣлъ, мало-по-малу побѣждаетъ партія его сторонниковъ, и, такимъ образомъ, и эти общины, наконецъ, одна за другой просыпаются къ общинной жизни. Но процессъ этотъ медленный; если онъ будетъ идти, какъ шелъ до сихъ поръ, то потребовалось бы не менѣе двухъ десятилѣтій для его завершенія хотя въ главныхъ чертахъ, а вѣдь событія не ждутъ, и вся рѣчь у насъ идетъ о ближайшихъ годахъ или даже мѣсяцахъ. При такихъ условіяхъ было бы благоразумнѣе и согласнѣе съ исторически даннымъ положеніемъ постараться прежде всего пробудить внутри-общинную жизнь въ застывшихъ помѣщичьихъ общинахъ, особенно въ вышеуказанныхъ областяхъ, подготовить ихъ внутренними уравнительными передѣлами къ грядущему великому народно-государственному „земельному равненію“. Задача эта, при существованіи въ нихъ почти повсюду большей половины обдѣленныхъ даннымъ распредѣленіемъ и при приподнятомъ активномъ настроеніи крестьянства, сравнительно не трудна. А между тѣмъ только на этой передѣльной самодѣятельности организуется большинство обдѣленныхъ; только лишившись при передѣлѣ приросшихъ къ нимъ участковъ, и перенадѣленные, — сейчасъ консервативный элементъ, — получатъ интересъ и толчекъ добиваться всеобщей всероссійской аграрной реформы. И только такимъ путемъ Россія избавится отъ возможности, даже болѣе — отъ крайней вѣроятности, — этой „Вандеи“ мелко-крестьянскаго индивидуализма, представляющаго сейчасъ едва ли не самую серьезную опасность... Эта опасность усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что то же самое „земельное утѣсненіе“, которое, обостряя нужду въ землѣ, такъ мощно напрягаетъ право на трудъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ затрату труда въ землю и тѣмъ самымъ настолько же глубже вкореняетъ

индивидуалистическое право труда фактическихъ ея владѣльцевъ. Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, земля становится все болѣе необходимой „матерью", то, съ другой, надѣлъ хозяина становится все болѣе дорогимъ его „дитемъ". Въ этомъ-то „внутреннемъ противорѣчіи" народнаго права и правосознанія и лежитъ центръ борьбы коллективнаго и личнаго въ немъ начала, и оно и создаетъ то колебаніе между двумя чашами вѣсовъ, которое можетъ рѣшительно склонить въ желательную сторону *только дѣйствительно цѣлесознательное* и *дѣйствительно цѣлесообразное* вмѣшательство организованныхъ группъ извнѣ.

§ 2. Элементы коллективизма внѣ общины.

Но выставивши во весь ростъ всю силу элементовъ, враждебныхъ коллективизму, и подчеркнувши всю необходимость точно ихъ знать и въ полной мѣрѣ считаться съ ними, не станемъ преуменьшать и тѣ элементы коллективнаго права и правосознанія, на которыхъ можно строить разсчеты на осуществленіе тѣхъ или иныхъ формъ, той или иной степени хозяйственнаго и правового обобществленія. Эти элементы уже частично обрисованы выше, всюду мы уже встрѣчали ихъ, они окрасили собою весь фонъ набросанной нами картины народнаго правосознанія. Объединимъ теперь эти разбросанные штрихи въ одну общую схему.

Выставимъ рельефнѣе прежде всего то, что не разъ уже упоминалось по разнымъ поводамъ выше: а именно, что община не является единственнымъ и изолированнымъ очагомъ коллективнаго права, что кромѣ нея, рядомъ съ ней и внутри ея живетъ и движется *семейное коллективное право*. Еще А. Ефименко съ полной отчетливостью установила это:

„Большая часть вещей, которыми пользуется крестьянинъ,— говоритъ она,— не его личная собственность, а коллективная, семейная, между тѣмъ какъ въ культурныхъ слояхъ мы видимъ какъ разъ обратное. Отсюда и особенности въ характерѣ крестьянскаго наслѣдованія: оно чаще представляетъ раздѣлъ общей собственности, по поводу ли смерти или даже безъ такого повода, чѣмъ собственно наслѣдованіе въ современномъ юридическомъ смыслѣ этого слова. Соискатели крестьянскаго наслѣдства являются прежде всего членами одной трудовой ассоціаціи, семьи и участниками ея общей собственности" *).

*) А. Ефименко „Изсл. народной жизни" стр. 153.

Такъ же изображаетъ семейное право и Н. Астыревъ — съ той только разницей, что по его наблюденіямъ (въ Воронежской губ.) оно строго примѣняется только по отношенію къ землѣ, а движимое имущество состоитъ часто въ исключительномъ обладаніи главы семьи:

„Никогда крестьянинъ не смотритъ на землю, находящуюся во владѣніи семьи, какъ на собственность главы семьи — дѣда или отца. Всякій знаетъ, что въ случаѣ отдѣленія его отъ семьи, его доля — не душа, а доля — должна пойти съ нимъ и никакъ не можетъ быть удержана старшимъ въ семьѣ, и въ случаѣ малѣйшаго отступленія отъ существующихъ обычаевъ дѣло непремѣнно доходитъ до суда; случалось, напр., что отцы выгоняли своихъ сыновей изъ дому, не давая имъ „ни синь-пороху“, изъ движимаго имущества, но земли удержать при себѣ не могли“ *).

Наконецъ, кромѣ этихъ и выше уже приведенныхъ указаній, что и теперь повсюду господствуетъ у крестьянъ семейная, а не личная собственность, могу указать на цѣлый рядъ выше цитированныхъ „губернскихъ совѣщаній“, очень отчетливо настаивающихъ на существованіи этого права въ крестьянствѣ и на необходимости рѣшительно и формально признать и въ законѣ начало семейной собственности у крестьянъ, что и дѣлаетъ, наконецъ, согласно съ отзывами совѣщаній, выше указанный законопроектъ бюрократической редакціонной комиссіи. Привожу въ примѣчаніи эти отзывы по такимъ разнообразнымъ мѣстностямъ, какъ Тверская, Вятская, Пермская и Минская губерніи **).

---

*) Н. Астыревъ, „Въ волостныхъ писаряхъ“.

**) *Минское губ. сов.*: „Минское губернское совѣщаніе и уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, имѣя въ виду ст. 81 Мѣстн. Пол. 19 февраля 1861 г. и прим. 2-е къ ст. 58 Инструкціи 6 февраля 1868 г., не могли иначе понимать принадлежности подворнаго участка, какъ крестьянскому семейству, имъ надѣленному, такъ какъ и по закону таковой былъ предоставленъ въ пользованіе семейства, но не лица.

„Такъ понимали совершившуюся реформу и сами крестьяне Минской губерніи, слѣдовательно, измѣненіе, сообразно дѣйствительному положенію этого вопроса, ст. 166 Пол. о выкупѣ, гдѣ говорится лишь о личной собственности домохозяина, безъ упоминанія семьи, только подтвердитъ право, нынѣ существующее“. („Свод. закл.“ т. II, стран. 347).

Вятское губ. сов.: „Подворный участокъ, по понятіямъ мѣстнаго населенія, есть собственность не одного домохозяина, а всей семьи, составляющей дворъ, пока кто либо изъ членовъ семьи не выйдетъ (чрезъ раздѣлъ, выходъ въ замужество) изъ состава этого двора“ („Свод. закл.“, стран. 282).

Хотя отъ этого факта семейной собственности еще очень далеко до того призрака семейной „коммуны“, который уже грезится, какъ мы выше видѣли, нѣкоторымъ чиновникамъ, но все-таки этотъ фактъ имѣетъ большое экономическое и правовое значеніе. Такъ какъ повсюду эта семейная собственность основана на трудѣ,то поэтому при семейныхъ раздѣлахъ и при наслѣдованіи общая собственность распредѣляется по рабочимъ мужскимъ силамъ, а отчасти по женскимъ и, значитъ, представляетъ, собственно говоря, такое же уравниваніе земли и прочаго имущества по населенію (по рабочему принципу), какое производитъ и община. Такимъ образомъ, эта форма семейной собственности помогаетъ трудовому общинному равненію тамъ, гдѣ есть община, и служитъ хотя нѣкоторымъ суррогатомъ его тамъ, гдѣ общины нѣтъ, и тѣмъ закрѣпляетъ позиціи трудового крестьянства, способствуя общему экономическому теченію въ земледѣліи. Съ другой же стороны, какъ ни затемнены соціально-трудовыя отношенія въ семьѣ родственными, однако все-таки извѣстные навыки

Тверское губ. сов.: „Домохозяева при подворно-наслѣдственномъ владѣніи не должны пріобрѣтать больше правъ на находящійся въ ихъ пользованіи участокъ, чѣмъ при общинномъ. Подворное и общинное владѣніе только *формы пользованія отведенной крестьянамъ въ надѣлъ землей* (курсивъ мой. *К. К.*), имѣющія между собой лишь то различіе, что при подворномъ владѣніи извѣстный участокъ поступаетъ въ наслѣдственное пользованіе крестьянской семьи и не можетъ быть уменьшаемъ, тогда какъ при общинномъ владѣніи отъ воли сельскаго схода зависитъ увеличить количество земли, находящейся во владѣніи домохозяина. Домохозяинъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ является лишь представителемъ крестьянскаго двора, какъ экономической единицы, а потому не можетъ быть и рѣчи о принадлежности подворнаго участка лично домохозяину; отсюда логически вытекаетъ, что домохозяинъ не имѣетъ права ни отчуждать ни завѣщать участка, какъ принадлежащаго цѣлому двору“ (Свод. закл.“ стран. 355).

Пермское губ. сов.: „По сохранившимся до сего времени воззрѣніямъ крестьянъ, подворный участокъ принадлежитъ цѣлому крестьянскому двору, если онъ не былъ пріобрѣтенъ домохозяиномъ путемъ покупки, а или поступилъ въ надѣлъ, или перешелъ по наслѣдству. Такіе участки, по принятому обычаю, отчуждаются не иначе, какъ съ согласія всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи: жены и сыновей. Обычай этотъ настолько глубоко вкоренился въ сознаніе крестьянъ, что волостнымъ судамъ нерѣдко приходится разбирать даже со стороны достигшихъ совершеннолѣтія сыновей жалобы на неправильное отчужденіе родителями ихъ наслѣдственнаго участка во время малолѣтства ихъ“. („Свод. закл.,“ стран. 351).

коллективизма и извѣстный соціальный слѣдъ въ общемъ правосознаніи крестьянъ, извѣстный вообще вкладъ въ общую копилку коллективистскаго народнаго права отъ нихъ не можетъ не оставаться.

Но само собою разумѣется, что *главнымъ и по распространенности, и по силѣ дѣйствія кристалломъ коллективизма въ крестьянствѣ является до сихъ поръ община.*

§ 3. Элементы коллективизма въ общинѣ.

О распространенности общины уже дано выше приблизительное понятіе. Здѣсь добавлю еще, что не только по фактическимъ правовымъ проявленіямъ, какъ уравнительные передѣлы и т. п., община представляется въ общемъ живой и жизнедѣятельной, но и по преобладающимъ общимъ мнѣніямъ общинниковъ объ общинномъ и подворномъ началѣ, т.-е. по болѣе или менѣе ясно сформулировавшемуся правосознанію ихъ. Это очень ярко рисуется, напр., слѣдующими цифрами (о выше уже приведенныхъ крестьянскихъ отвѣтахъ по Владимірской и по Ярославской губерніямъ), представляющими статистическіе итоги этого какъ бы крестьянскаго голосованія въ миніатюрѣ по вопросу объ общинѣ:

Губерніи.	Общее число полученныхъ отвѣтовъ, поступившихъ въ обработку.	Изъ нихъ высказались категорически за или противъ общины.	Изъ нихъ высказались:				
			за общину		за подворное владѣніе		Неопредѣленно или неясно.
			абсол. число	% къ общ. числу высказ. категорически.	абсол. число	% къ общ. числу высказ. категорически.	
Владимірская.....	381	266	165	62,0	101	38,0	115
Ярославская.....	531	447	307	68,5	140	31,5	84
Итого...	912	713	472	66,2	241	33,8	199

При анализѣ этихъ цифръ необходимо имѣть въ виду три главныхъ факта: 1) мы имѣемъ дѣло въ лицѣ корреспондентовъ по текущей земской статистикѣ не со средней крестьянской массой, а съ тѣмъ ея слоемъ, который стоитъ въ общемъ выше средняго уровня по зажиточности и находится въ наиболѣе тѣсномъ общеніи съ той сферой „командующихъ клас-

совъ", гдѣ господствуетъ индивидуалистическое право; 2) въ двухъ взятыхъ нами наиболѣе промышленныхъ губерніяхъ это извнѣ разлагающее начало индивидуализма особенно сильно дѣйствуетъ какъ на всю массу крестьянства, такъ въ особенности на этотъ выдавшійся изъ крестьянства слой; 3) отвѣты, отнесенные къ категоріи неясныхъ или неопредѣленныхъ, въ огромномъ большинствѣ стоятъ гораздо ближе къ положительному, чѣмъ къ отрицательному отношенію къ общинѣ, и выдѣлены особо только для того, чтобы не упустить даже и тонкихъ оттѣнковъ въ типахъ отвѣтовъ.

Если помнить эти три обстоятельства, т.-е. если принять, такимъ образомъ, во вниманіе, что взрѣзанный нами на пробу пластъ крестьянскаго правосознанія представляетъ какъ бы пунктъ наименьшей коллективности, то тогда $^2/_3$ голосовъ за общину (если взять только 713 отвѣтовъ, высказавшихся категорически, и вовсе отбросить 199 отвѣтовъ неясныхъ и неопредѣленныхъ, но въ общемъ говорящихъ за общину) представятъ блестящій для общиннаго принципа результатъ, ибо означаютъ, что массовой опросъ и по всѣмъ мѣстностямъ далъ бы, по крайней мѣрѣ, $^4/_5$, а скорѣе даже $^9/_{10}$ или около того голосовъ за общину и противъ подворнаго владѣнія. Такимъ образомъ, мы смѣло можемъ ожидать такого всеобщаго голосованія, когда явится, наконецъ, для него возможность ясно и свободно произнести свой рѣшающій приговоръ.

Еще яснѣе становится эта реальная сила „общиннаго духа" (беру для марксистовъ въ кавычки это народническое выраженіе, за которое меня опять, навѣрно, обвинятъ въ „модернизованномъ утопизмѣ" и т. п.), когда вчитываешься въ подлинные отвѣты крестьянъ и слѣдишь за всѣми этими неуклюжими, но упорными поворотами мужицкой мысли.

Иные изъ крестьянъ не могутъ и не хотятъ взять въ толкъ самаго вопроса:

„Въ Лучинскомъ обществѣ желающихъ перейти къ вѣчно-наслѣдственному подворному владѣнію никого не находится... Потому что сильно зажиточныхъ хозяевъ у насъ нѣтъ... (самъ я переходъ къ подворному владѣнію) совсѣмъ не считаю желательнымъ ... А выгоды общины въ томъ, что въ обществѣ жить и мірское творить и правильно въ обществѣ поразсудить—вотъ наша и выгода... Болѣе разъяснить не могу, потому что человѣкъ малограмотный. Извините меня на моихъ ошибкахъ" (Отзывъ по с. Лучинскому Юрьевск. у. Владимірской губ.). Или вотъ какой отвѣтъ записалъ я самъ при опросѣ по Сара-

товской губ.: „О подворномъ владѣніи не было разговоровъ никакихъ: этого невозможно! Мы и то двѣнадцать лѣтъ не можемъ потерпѣть (безъ уравнительныхъ передѣловъ земли), а гдѣ же тамъ совсѣмъ раздѣлить?“..

Другіе же часто очень ярко и сильно выдвигаютъ, что держатся за начало союзности какъ за высшее благо, — и это одинаково и въ черноземныхъ — чисто земледѣльческихъ, и въ промышленныхъ мѣстностяхъ. Вотъ, напр., моя запись по черноземной части Саратовской губ.: „О подворномъ владѣніи никакихъ разговоровъ не было: „не знаютъ этого“, „въ голову не приходило“... „Намъ это нельзя: вѣдь отдай каждому, — онъ, гляди, землю изъ рукъ и выпуститъ, а теперь-то мы всѣ за нее держимся, вотъ какъ уцѣпились, ужъ мы ея не выпустимъ!“ И вотъ отвѣтъ корреспондента по одному изъ наиболѣе промышленныхъ уѣздовъ Владимірской губерніи „(разговоровъ о переходѣ къ подворному владѣнію) совсѣмъ не слышится. Потому что всѣ промышляютъ, другъ отъ дружки едва ли кто бы захотѣлъ отойти, одной землей у насъ не прокормишься“... Итакъ, одна земля-кормилица, — надо „уцѣпиться“ за нее сообща, лежитъ ли спасеніе отъ плохого надѣла въ промыслахъ, — опять „другъ отъ дружки“ не отойти... Или вотъ что пишетъ корреспондентъ по Владимірской губ. „Въ томъ есть выгодность общиннаго крестьянскаго владѣнія землей, что всякій общественный вопросъ, какъ въ отдѣльномъ хозяйствѣ, обсуждается сообща на мірскихъ сходахъ... почему общество и представляетъ собою какъ бы одно семейство“. И вотъ буквально такая же, записанная по Саратовской губ. формула: „Общество, какъ одна семья: куда хочетъ, туда и поворотитъ все сразу...“

Закончу, наконецъ, двумя особенно сознательными и характерными отзывами рѣзкихъ обличителей той же общины въ ея теперешнемъ темномъ видѣ:

„Я самъ перехода къ подворному владѣнію совсѣмъ не желаю. Выгоды общиннаго владѣнія могутъ быть велики тѣмъ, что сила общественная большая; это видно изъ того, что иногда дѣло общественное, хотя и неправое, держится иногда довольно прочно и долго, а ужъ если правильно, такъ всякое общественное дѣло несокрушимо. Только (болѣе) трудно пріобрѣсти на болѣе правильное и полезное дѣло согласіе, чѣмъ наоборотъ“ (отзывъ по дер. Королятинѣ Шуйскаго у. Владимірской губ.).

„Въ общинномъ владѣніи особыхъ выгодъ нѣтъ, только община есть средство къ отбою отъ всѣхъ враговъ крестьянства“ (также по Владим. губ.).

Какъ видимъ, въ послѣднихъ двухъ отзывахъ *полупротивниковъ* общины сказывается уже прямое пониманіе ея возможной высшей роли, какъ *средства* для осуществленія высшихъ интересовъ и идеаловъ крестьянства...

Подчеркнувши такимъ образомъ огромность распространенія общины въ ширь,—по количеству охватываемыхъ ею земли и населенія, и крѣпость ея внутренняго духа, — самосознанія ея членовъ,—мы подошли къ послѣднему пункту въ этомъ резюме роли общины, какъ основного кристалла коллективизма: именно къ кристаллизующей, такъ сказать, силѣ ея, — силѣ соціализующаго воздѣйствія, проникновенія ея въ весь бытъ крестьянства. Опять и тутъ я ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами.

Очень сильна и важна, прежде всего, та сила кристаллизаціи расплывшихся, разрѣдившихся въ безпередѣльныхъ общинахъ элементовъ общинно-уравнительнаго права, которая распространяется отъ первыхъ начавшихъ передѣлы общинъ на запоздавшія. Помимо того, что одна за другой начинаютъ передѣлы и другія общины, даже и въ тѣхъ, которыя еще не начинаютъ передѣловъ, возникаетъ смутное броженіе, попытки поравненія отдѣльными надѣлами и т. д., вообще семейно-выкупное личное право труда начинаетъ въ нихъ какъ-то таять и шататься, и неминуемость поравненія чувствуется уже во всей атмосферѣ. Очень характерные эпизоды такого рода я нашелъ въ дѣлахъ одного волостного суда по Саратовской губ. Сила подворно-наслѣдственнаго владѣнія въ помѣщичьихъ общинахъ этой волости такъ еще велика, что волостной судъ, нисколько не сомнѣваясь, принимаетъ жалобы отдѣльныхъ хозяевъ на общину, отобравшую у нихъ надѣлъ (хотя, конечно, вовсе не въ компетенціи волостного суда перерѣшать распорядительство общинъ ихъ землей). Но поддаваясь такимъ образомъ по внѣшности царящей еще въ волости индивидуалистической атмосферѣ, судъ въ существѣ своихъ рѣшеній, наоборотъ, проявляетъ чисто общинно-передѣльный духъ. Вотъ два типическихъ примѣра его рѣшеній: крестьянинъ Сенькинъ ищетъ съ общества 2 надѣла своихъ двухъ *двоюродныхъ* дядей (одинъ умеръ, а другой, слѣпой, живетъ у него на прокормленіи); общество объяснило, что отобрало надѣлы у этихъ дядей, какъ безхозяйственныхъ и

неаккуратныхъ плательщиковъ. Судъ присудилъ надѣлъ умершаго дяди оставить обществу, а живого — Сенькину, такъ какъ хоть онъ и дальній родственникъ, но обязался прокармливать его до смерти, а главное, *самъ совершенно безземельный;* если бы не послѣднее, то, по словамъ писаря, не присудили бы. Второе дѣло: отказано въ искѣ двоюроднаго брата, такъ какъ надѣломъ этимъ и самъ тотъ братъ ужъ не пользовался, а затѣмъ ситель имѣетъ, кромѣ того, два надѣла... Какъ видимъ, волостной судъ, проникшійся уже тѣмъ духомъ земельнаго „равненія", который распространился отъ бывшихъ въ нѣсколькихъ общинахъ государственныхъ крестьянъ передѣловъ, хотя и принимаетъ частныя жалобы на общину, но только для того, чтобы рѣшить дѣло чисто въ духѣ этого же самаго общинно-передѣльнаго поравненія.

Понятно, что внутри активно передѣльныхъ общинъ это поравненіе воздѣйствуетъ еще сильнѣе и многостороннѣе и опредѣляетъ въ значительной степени тѣ обычаи наслѣдованія и семейныхъ раздѣловъ, которые собственно формально не опредѣляются общиной, предоставляющей распоряженіе надѣлами отъ передѣла до передѣла отдѣльнымъ хозяевамъ. Такъ, напр., по Псковскому уѣзду множество записей земскихъ статистиковъ указываютъ, что „при семейныхъ дѣлежахъ дѣлятъ землю либо по душамъ, либо пропорціонально наличному числу населенія обоего пола; принципъ дѣленія — тотъ же, что при передѣлахъ" (дер. Загорье Псковского у.). То же и при наслѣдованіи. Такъ, напр., въ дер. Кендеши Псковского у. „наслѣдованіе совершается сообразно принципу разверстки: раньше,при разверсткѣ по наличнымъ мужскимъ душамъ, бездѣтная вдова могла не получить, теперь же, при разверсткѣ на ѣдоковъ, получаетъ..."

Наконецъ, это же союзно-уравнительное правосознаніе, этотъ „общинный духъ" сказывается и еще во множествѣ крупныхъ и мелкихъ проявленій внѣ собственно круга обычнаго права. Укажу бѣгло на нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы хотя отчасти дать читателю понятіе, какъ они характерны и многообразны.

§ 4. Разныя проявленія „общиннаго духа".

Сами собой бросаются, прежде всего, въ глаза разнаго рода артельныя, вообще кооперативныя соединенія. Нельзя сказать,

чтобъ они были очень крупны и многочисленны, и несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., свыше устраивавшіяся общинныя запашки для засыпки хлѣбныхъ магазиновъ, идутъ на убыль и даже почти исчезли. Но все-таки цѣлый рядъ проявленій кооперації остается, а часто и развивается. Крупное явленіе составляетъ, напр., „супряга“ (спряганіе быками для совмѣстной вспашки), охватывающая на югѣ въ иныхъ уѣздахъ до $^1/_3$ крестьянскихъ хозяйствъ; очень распространена кое-гдѣ косьба общинныхъ луговъ группами общинниковъ съ дѣленіемъ между ними уже сѣна, общинныя отработки помѣщикамъ за луга, выгонъ и т. п., распространяется артельная работа молотилками, вѣялками, встрѣчаются изрѣдка случаи даже полной кооперації для всѣхъ работъ, извѣстны (единичные пока) случаи групповыхъ или общинныхъ запашекъ для покупки книгъ, для содержанія семей арестованныхъ общинниковъ; существуетъ, затѣмъ, рядъ кустарныхъ и ремесленныхъ артелей, рыболовныхъ, охотничьихъ и т. д. и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что всего этого безконечно мало по сравненію съ грандіозной задачей обобществленія земледѣльческаго производства (а также жизнеспособныхъ другихъ некапиталистическихъ производствъ), но если сравнить съ тѣмъ, что имѣется въ этомъ родѣ на Западѣ, гдѣ широко растутъ кооперативы потребительные и вообще торгово-посредническіе, но гдѣ кооперативы въ собственномъ смыслѣ, т.-е. для производства, находятся еще въ самомъ зародышѣ, то это скорѣе много, чѣмъ мало. И такъ какъ эту разницу нельзя объяснить тѣмъ, чтобы русско-крестьянская культура была выше западно-европейской по *степени развитія*, то приходится признать, что она *соціальнѣе* по своему *типу*...

Какъ затѣмъ мужикъ ведетъ свое тяжкое исканіе земли? Опять-таки постоянно группами, товариществами, общинами, вообще „міромъ“, „скопомъ“. Арендуетъ ли онъ земли у сосѣдняго помѣщика, — аренды товариществами и общинами преобладаютъ надъ личными. Такой же характеръ имѣютъ и покупки земли, при чемъ здѣсь съ теченіемъ времени даже общинныя покупки съ помощью крестьянскаго банка вытѣсняютъ не только личныя, но и товарищескія (представляющія общее, но не уравнительное долевое владѣніе). Трогаются ли крестьяне съ мѣста въ переселеніе на вольныя земли,—опять

въ огромномъ большинствѣ случаевъ они „сбиваются“ въ партіи, часто выбирающія особыхъ старостъ, уполномоченныхъ и т. д., а въ послѣднее время особенно развился наиболѣе раціональный обычай посылки этими собирающимися переселяться группами семей на общія средства „ходоковъ“ для нахожденія удобныхъ земель, которые успѣшно продолжаютъ долгую, исторически выработавшуюся традицію „мірского ходачества“. Наконецъ, когда „самовольство“ мужицкихъ исканій земли доходитъ до крайнихъ проявленій, когда крестьянинъ идетъ „разбирать“ помѣщичьи усадьбы, то тутъ особенно все дѣлается тѣсно сплоченной толпой, однимъ слитнымъ „скопомъ“...

Но не только въ эти крупные, рѣшающіе моменты крестьянской жизни выступаетъ этотъ „мірской духъ“, эти начала союзности и „равненія“: наоборотъ, въ повседневныхъ мелочахъ, часто въ курьезныхъ или даже шокирующихъ насъ проявленіяхъ, они выдѣляются нерѣдко чуть ли не еще рельефнѣе. Вотъ, напр., окончился опросъ статистикомъ группы вызванныхъ для дачи показаній обо всей общинѣ болѣе знающихъ и толковыхъ „стариковъ“, — тотчасъ слышится: „Ну, староста, теперь ставь намъ полведра съ устатку-то!“—„Будетъ вамъ и четверть“... Проще всего, конечно (что и сдѣлаютъ бюрократъ или марксистъ), возмутиться мужицкимъ пьянствомъ и пропиваніемъ мірскихъ суммъ, но если принять во вниманіе, что эти старики сидятъ и отвѣчаютъ на безконечно подробные и часто сложные вопросы по 5—10 часовъ, иной разъ по нѣскольку дней, то неужели, спрашивается, неся за другихъ общинниковъ этотъ трудъ и теряя свое рабочее время, они не имѣютъ права хоть на „мірское угощенье“? Кромѣ скрупулезной справедливости тутъ нельзя ничего усмотрѣть...

Но спѣшу успокоить щекотливаго насчетъ мужицкаго пьянства читателя: такъ же уравнительно, какъ водку, распредѣляетъ онъ и просвѣщеніе. Отъ нѣсколькихъ народныхъ учителей (въ Таврической и Саратовской губ.) я слыхалъ, что очень часто мужики, приводя въ школу ребенка и получивъ за переполненіемъ отказъ, возмущаются, указывая, что у другихъ хозяевъ учатся по два ребенка, и требуютъ, чтобы сначала были приняты отъ каждаго по одному, а уже потомъ,

на оставшіяся мѣста, принимать вторыхъ дѣтей... Ужъ къ этому заявленію равнаго права каждой семьи имѣть хоть одного грамотнаго члена придется, кажется, отнестись съ уваженіемъ всякому.

Или перейдемъ опять къ грубо-мужицкимъ проявленіямъ. Извѣстный земскій статистикъ С. М. Блекловъ передавалъ мнѣ, какъ подворные владѣльцы („четвертники") разсказывали ему о преимуществахъ общиннаго владѣнія передъ ихнимъ подворнымъ: „у нихъ, у помѣщичьихъ (т.-е. общинниковъ), начнутъ одного изъ нихъ бить, — такъ вся деревня за него сразу поднимется, а у насъ каждаго колоти, сколько хочешь, никто и не отзовется, и изъ хаты не выйдетъ"...

Закончу, наконецъ, глубоко-характерной чертой, неоднократно встрѣчавшейся въ цитированныхъ выше отвѣтахъ крестьянъ-корреспондентовъ на подробные вопросы объ общинномъ владѣніи. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ корреспонденты не рѣшались самолично отвѣчать на эти столь важные и отвѣтственные, по ихъ мнѣнію, вопросы, а обращались къ цѣлой группѣ однообщинниковъ и уже коллективно отъ этой группы писали отвѣты, подписанные каждымъ изъ отвѣчавшихъ. Въ одномъ же случаѣ корреспондентъ - некрестьянинъ, получившій опросный листъ для передачи какому-либо крестьянину, присылая отвѣтъ, сопроводилъ его слѣдующимъ замѣчательнымъ разъясненіемъ: *„никто* (изъ общинниковъ) *не пожелалъ дать отвѣтъ отъ себя лично, „такъ какъ дѣло это общественное", и потому пришлось дѣлать спросъ на сходѣ;* при этомъ каждый вопросъ обсуждался очень обстоятельно и записывался въ одобренной редакціи" (отзывъ по с. Поповскому Вяземскаго у. Смоленской губ.). Трудно, мнѣ кажется, и нарочно придумать болѣе глубокое и болѣе высокое проявленіе солидарности и союзности.

Мнѣ осталось еще разъ какъ можно рѣзче и отчетливѣе подчеркнуть уже раньше указанную особенность этого общиннаго правосознанія: его энергичность, активность. Оно не есть ни безсознательно какъ-то удержавшаяся традиція, ни безпрерывное самоотверженное какое то прекраснодушіе: оно есть *право*, оно есть обобществленный идеализированный интересъ практикующихъ его единицъ. Оно не есть пережитокъ формы, когда-то приспособленной къ совсѣмъ другимъ усло-

віямъ, нѣтъ, оно есть именно приспособленіе къ современнымъ условіямъ, къ указанному выше огромному *„противорѣчію“ между землей и населеніемъ*, оно выработано той отчаянной *борьбой за существованіе*, которую огромное большинство крестьянства можетъ вести только въ формѣ *борьбы за землю*. Каждый общинникъ, обдѣленный застывшею ревизско-наслѣдственной разверсткой, борющійся за уравнительный передѣлъ по наличнымъ душамъ и соединяющійся для этой борьбы съ другими такими же обдѣленными, очевидно, въ борьбѣ обрѣтаетъ право свое. И въ этой внутри-общинной правовой борьбѣ онъ упражняется и закаляется для той крестьянско-трудовой классовой борьбы за землю, которая есть только частный случай борьбы за право на трудъ всѣхъ трудящихся, которая немыслима безъ борьбы за свободу и которой только свобода откроетъ широкое поле легальнаго и закономѣрнаго развитія.

§ 5. Элементы государственнаго коллективизма.

Выдвинемъ теперь, наконецъ, послѣднее звено въ томъ рядѣ элементовъ коллективизма, который подготовленъ къ настоящему времени глубоко своеобразной исторіей Россіи: я говорю о различныхъ видахъ государственнаго владѣнія, главнымъ образомъ о государственномъ землевладѣніи.

Даже въ Европейской Россіи (въ 50 губерніяхъ за исключеніемъ Финляндіи, Польши, Кавказа) сохранилось на 230 (круглымъ счетомъ) милліоновъ десятинъ негосударственнаго землевладѣнія (100 милліоновъ десятинъ у крестьянскихъ общинъ, болѣе 20 мил. дес. въ надѣльномъ подворномъ владѣніи, 90 мил. дес. у частныхъ собственниковъ, остальныя у удѣловъ, монастырей, городовъ и т. д.) 150 мил. дес. государственнаго, — изъ которыхъ, впрочемъ, треть отойдетъ на тундры и другія неудобныя земли, а остальное почти цѣликомъ представляетъ лѣсъ въ сѣверныхъ губерніяхъ; но все-таки цѣнность этихъ 100 мил. дес. лѣса огромна... Но кромѣ того государству принадлежитъ вся азіатская территорія (за совершенно ничтожными исключеніями, ибо удѣльныя, „кабинетскія“ и т. п. земли я, конечно, отношу за одну скобку съ государственными); въ ней считается 14 милліоновъ квадратныхъ верстъ, или, круглымъ счетомъ, 1400 милліоновъ десятинъ; если счи-

тать изъ нихъ не $^3/_4$ удобной земли (пашни, луговъ и лѣсовъ), а лишь $^1/_4$ (что, конечно, будетъ преуменьшеніемъ), то и тогда окажется 350 милліоновъ десятинъ, т.-е. больше удобной земли, чѣмъ въ Европейской Россіи (гдѣ всѣхъ удобныхъ угодьевъ вмѣстѣ съ государственными лѣсами не болѣе 330 мил. десятинъ). Такимъ образомъ, государству принадлежитъ сейчасъ *однихъ удобныхъ угодьевъ* (пашни, луговъ и лѣсовъ) *не менѣе* 450 мил. дес. (100 мил. дес. въ Европ. Россіи и 350 мил. дес. въ Азіатской), т.-е. вдвое болѣе земель, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ владѣльцевъ.

Все это, конечно, не противорѣчитъ намѣченному во второй главѣ недостатку въ Азіатской Россіи земель, годныхъ сейчасъ для заселенія: дикая природа и варварская администрація пока держатъ ихъ въ некультурномъ состояніи. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что освобожденный и организованный народнымъ государствомъ трудъ очень быстро переведетъ изъ потенціи въ дѣйствіе эти огромныя производительныя силы природы, придастъ немедленно всю дѣйствительную колоссальную цѣнность этому мертвому пока капиталу... Такимъ образомъ, въ распоряженіи бюрократіи находятся въ настоящее время огромныя земельныя богатства, ждущія настоящаго хозяина, какимъ можетъ быть только весь народъ, только народное государство. И вотъ, когда бюрократія уступитъ, наконецъ, ему мѣсто, тогда *тѣмъ самымъ и свершится націонализація всѣхъ этихъ огромныхъ земельныхъ богатствъ*. Исторія Россіи такъ устроила, что одна коренная политическая реформа означаетъ *уже сама по себѣ* націонализацію, *огосударствленіе* $^5/_6$ *всей ея территоріи или не менѣе* $^2/_3$ *производительной,* культурной или годной для культуры площади. Само собой разумѣется, что эта колоссальная глыба коллективнаго *государственнаго* владѣнія сама собой ляжетъ широкимъ и незыблемымъ фундаментомъ въ новое построеніе народно-государственнаго коллективнаго права.

И тотъ фактъ, что эта націонализація основной части территоріи Россіи не является отвлеченнымъ проектомъ той или иной партіи, а становится сама собой реальностью съ момента кончины бюрократизма, — этотъ огромный фактъ, — подчеркну здѣсь мимоходомъ, — уже окончательно устраняетъ тѣ возраженія, которыя по непонятному для меня лично недоразумѣ-

нію дѣлаютъ противъ націонализаціи. Должны ли эти полтора милліарда десятинъ тоже быть захвачены общинами? Не говоря уже о принципіальной недопустимости для коллективиста, не желающаго играть „діалектическими противорѣчіями“, такого плана обращенія высшей, болѣе широкой формы коллективной собственности въ низшую, болѣе узкую, — неужели кто бы то ни было изъ сторонниковъ „коммунализаціи“ счелъ бы справедливымъ и цѣлесообразнымъ закрѣпить, напр., за общинами въ Сибири по сто или чуть не по тысячѣ десятинъ на душу, тогда какъ въ Европейской Россіи, даже при „коммунализаціи“ всей частновладѣльческой земли, пришлось бы на душу по 4—5—6 десятинъ? Никто, я думаю, не станетъ сознательно отстаивать такой планъ разслоенія трудящихся и обращенія земли не въ собственность всего народа, а въ собственность надѣленныхъ съ огромной неравномѣрностью сотенъ тысячъ мелкихъ группъ его. Но если, такимъ образомъ, эти полтора милліарда десятинъ останутся, даже и по плану „коммунистовъ“, въ собственности государства, то какимъ же чудомъ отъ обладанія этими полутора милліардами не произойдетъ въ будущемъ никакихъ опасностей и не сотворятся никакія „хитрости“ какими-то ставшими у власти слишкомъ ужъ хитрыми хищниками, а отъ присоединенія къ нимъ еще 250 милліоновъ десятинъ въ Европейской Россіи явятся вдругъ эти опасности и сотворятся какъ-то эти хитрости?... Печально констатировать, что теорія „коммунализаціи“, почти вся аргументація которой построена, къ сожалѣнію, чисто дедуктивно путемъ выбора готовыхъ образцовъ, выработанныхъ такою же отвлеченной дедукціей западно-европейскихъ партій, — даже совершенно не задается этимъ столь элементарнымъ и совершенно уничтожающимъ главное ея возраженіе противъ націонализаціи вопросомъ...

Но всего этого мало. Кромѣ колоссальной земельной территоріи въ рукахъ бюрократическаго государства постепенно сосредоточилось огромное количество промышленныхъ предпріятій крупнѣйшаго размѣра: огромная сѣть желѣзныхъ дорогъ съ оборотомъ до полу-милліарда рублей въ годъ, множество рудниковъ, горныхъ и солеваренныхъ заводовъ, оружейныхъ, пороховыхъ заводовъ, интендантскихъ мастерскихъ и прочихъ производствъ военнаго и морского вѣдомства, осо-

бенно, огромное судостроеніе, цѣлыя пароходства (Добровольнаго флота и отчасти нѣкоторыя другія); затѣмъ колоссальное предпріятіе винной монополіи съ цѣлымъ рядомъ связанныхъ съ нимъ производствъ и цѣлое множество другихъ самыхъ разнообразныхъ предпріятій, какъ минеральныя воды, конскіе заводы, множество типографій и т. д., и т. д., и, наконецъ, колоссальныя кредитныя операціи (государственный банкъ, дворянскій банкъ, крестьянскій банкъ, сберегательныя кассы и т. п.). Надо ли пояснять, что очень трудно себѣ представить и очень странно съ коллективистской точки зрѣнія желать, чтобы всѣ эти предпріятія были захвачены тѣми или иными общинами или хотя бы „коммунами“ (о передачѣ ихъ капиталистамъ не говорю, такъ какъ врядъ ли найдутся даже марксисты, которые рѣшились бы на такой шагъ), вмѣсто того, чтобы націонализироваться вмѣстѣ съ націонализаціей, такъ сказать, самой государственной власти? И опять-таки невозможно понять, почему отъ націонализаціи этихъ милліардныхъ имуществъ не будетъ никакой опасности, а отъ полнаго завершенія націонализаціи земли она явится?...

Итакъ, та концентрація средствъ производства, которой марксизмъ ожидаетъ единственно отъ развитія капиталистическаго производства, въ огромной степени произведена въ Россіи сначала крѣпостнымъ, а затѣмъ бюрократическимъ государствомъ, и такимъ образомъ ихъ націонализація сама собой ставится исторіей на очередь и сливается съ націонализаціей государственной власти, съ замѣной бюрократическаго государства народнымъ. Надо ли пояснять, какое огромное значеніе имѣетъ этотъ фактъ, — до сихъ поръ не только совершенно не замѣчаемый марксистами, но далеко не осознанный вполнѣ и немарксистской критико-активной частью „крайней лѣвой“? Для перевода общиннаго коллективизма на высшую ступень надо сдѣлать его народно-государственнымъ, и вотъ для этой новой кристаллизаціи народно-общиннаго права и правосознанія и имѣется уже готовый кристаллъ въ видѣ уже существующей, уже дѣйствующей огромной государственной собственности... Мыслимо ли, чтобы цѣлесознательный авангардъ не замѣтилъ и не понялъ того готоваго, что исторія даетъ ему прямо въ руки, и не переплавилъ на этомъ пунктѣ элементы узко-группового коллективизма въ высшую доступ-

ную сейчасъ форму огосударствленія? Народъ же, воспитанный вѣками на государственныхъ надѣленіяхъ землей, на безпрерывно государствомъ осуществляемомъ правѣ на трудъ, народъ, для котораго тоже государственная собственность есть не мечта, а фактъ, — народъ, надо думать, тоже сумѣетъ понять, что „воля“ означаетъ и „землю“, ибо націонализація власти есть уже націонализація земли.

ГЛАВА IX.

Прогрессивность народнаго права.

Для того, чтобы твердо установить, дѣйствительно ли народное право есть не пережитокъ прошлаго, а фактъ настоящаго и зародышъ будущаго, необходимо показать, помимо разныхъ его свойствъ, роднящихъ его по *типу* съ тѣмъ идеаломъ, къ которому идетъ весь историческій процессъ, еще способность этого народнаго права подниматься на высшія *ступени развитія*. Очевидно, что такая способность не можетъ быть вложена въ него чисто извнѣ идеалистическимъ авангардомъ: если бы типъ народнаго права былъ *чисто традиціоннымъ и несознательнымъ*, совершенно лишеннымъ внутренняго критическаго начала, то мало было бы шансовъ переплавить его въ высшій идеалъ, все равно какъ невозможно, напр., двумъ людямъ, испытывающимъ даже близко аналогичныя чувства, но говорящимъ на разныхъ языкахъ, — понять другъ друга...

Итакъ, мы подошли къ слѣдующимъ особенно важнымъ вопросамъ: насколько сознателенъ процессъ складыванія народнаго обычнаго права? Насколько оно измѣнчиво во времени? Насколько въ этихъ измѣненіяхъ замѣчается развитіе цѣлесообразности и приспособленія къ измѣняющимся соціальнымъ условіямъ? Насколько вообще въ нихъ проявляется тотъ ростъ потребностей и способностей личности, ея самосознанія и самодѣятельности, который является отличительнымъ признакомъ современной общечеловѣческой культуры? Конечно, я не претендую сейчасъ отвѣтить мало-мальски подробно на столь широкіе вопросы, а долженъ ограничиться лишь болѣе отчетливымъ резюмированіемъ того общаго отвѣта на нихъ, который уже подготовленъ предыдущимъ изложеніемъ.

§ 1. Начало приспособленія и совершенствованія въ процессѣ складыванія обычая.

Нѣкоторая гарантія противъ полнаго господства традиціи въ обычномъ правѣ заключается уже въ вышеобрисованныхъ особенностяхъ его: въ неформальности, выведеніи правовыхъ нормъ изъ моральныхъ мотивовъ или соціальныхъ цѣлей, въ томъ, что въ немъ *не то должно быть, что есть, а то есть, что должно быть*. Совершенно очевидно, что такая постоянная свѣрка правовыхъ формулъ съ ихъ основаніями неизбѣжно даетъ новыя болѣе или менѣе измѣненныя формулы. Это неизбѣжно, во-первыхъ, вслѣдствіе измѣненія разныхъ естественныхъ и соціальныхъ условій, къ которымъ приспособляется данный обычай. Во-вторыхъ же, даже и при неизмѣнности ихъ мысль безпрерывно работаетъ надъ отысканіемъ средствъ, наилучше соотвѣтствующихъ данной цѣли, надъ внутреннимъ, такъ сказать, приспособленіемъ данной правовой нормы къ ея основанію. Такимъ-то образомъ, несмотря на огромную, вообще говоря, силу привычки и подражанія въ темной народной средѣ, все-таки ея право сохраняетъ извѣстную измѣнчивость, текучесть, подобно, напр., народной пѣснѣ, всегда допускающей нѣкоторыя свободныя варіаціи, нѣкоторую импровизацію, а потому и прошедшей такой длинный путь развитія, дошедшей до такой не только мелодической, но даже контрапунктической высоты *).

*) Вотъ что говоритъ по этому поводу А. Ефименко: „Когда начинаешь углубляться въ данныя, представляемыя изученіемъ обычнаго крестьянскаго права,— чувствуешь, какъ мало-по-малу измѣняются или, вѣрнѣе сказать, проясняются твои взгляды на народъ. Однообразная, безразличная, неподвижная народная масса превращается въ общество, съ своеобразною жизнью, съ своеобразными понятіями и интересами, а главное—въ общество, хотя и едва замѣтно, но, несомнѣнно, движущееся впередъ. Подъ внѣшнимъ покровомъ застоя совершается процессъ развитія: мы можемъ видѣть, какъ однѣ формы жизни начинаютъ изживать свое содержаніе, какъ на смѣну ихъ выступаютъ новыя, какъ новыя сначала робко, потомъ все смѣлѣе, ведутъ свою борьбу за существованіе, пока совершенно не вытѣснятъ старыхъ съ того поля, которое уже не принадлежитъ болѣе этимъ послѣднимъ, но на которомъ онѣ, тѣмъ не менѣе, еще упорно держатся. Борьба формъ есть въ то же время и борьба идей, воплощеніемъ которыхъ являются эти формы, и результатъ борьбы—измѣненіе взглядовъ личности на окружающее и на отношеніе къ себѣ этого окружаю-

Вглядимся теперь ближе на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ неизбѣжно возникаетъ это критическое разсмотрѣніе обычаевъ въ связи съ ихъ цѣлью и условіями, оговорившись, впрочемъ, заранѣе, что они относятся только къ настоящему времени, и выводы изъ нихъ, быть можетъ, нельзя распространять на дореформенное прошлое, когда роль традиціи и вообще инерціи, навѣрное, была гораздо сильнѣе.

Всего яснѣе, пожалуй, можно разсмотрѣть относительную роль критики и традиціи въ самомъ возникновеніи обычая. Вотъ очень характерные для этого примѣры:

Въ дер. Адорьѣ Островскаго уѣзда Псковской губ. земскій статистикъ въ отвѣтъ на вопросъ о порядкахъ наслѣдованія долженъ былъ записать: „Практика „выморочныхъ“ душъ слишкомъ недостаточна для того, чтобы данная община могла составить себѣ ясное представленіе о выморочности душъ. „Выморочнымъ“, „безроднымъ“ считается пока всякій надѣлъ, „гдѣ все колѣно вымерло“, понимая подъ этимъ полное отсутствіе родственниковъ. Въ вопросахъ наслѣдства община также имѣла крайне ограниченную практику. Такъ, не помнятъ, чтобы приходилось брату наслѣдовать брату или племяннику дядѣ“... Также въ дер. Нижніе Заходы Островскаго у., Псковской губ.: „Какъ прежде, такъ и въ настоящее время земля переходитъ только по прямой мужской линіи, при чемъ были случаи наслѣдованія отъ родного брата и дяди, но деревня *не увѣрена въ томъ, что это такъ и должно быть*, такъ какъ обычая въ данномъ случаѣ не могло еще создаться, вслѣдствіе исключительности такихъ переходовъ“*).

Итакъ, мы неожиданно встрѣчаемъ картину отсутствія того обычая, подъ которымъ, конечно, можно понимать только *повтореніе одинаковыхъ правилъ* и который является для насъ какъ бы синонимомъ *традиціи, привычки*. Наблюдатель, отрицающій заранѣе обычай, конечно, поспѣшитъ заключить, что, значитъ, вовсе никакого обычая и нѣтъ, но, разумѣется, выводъ этотъ сохранитъ свою силу, если только этими двумя деревнями и ограничиться; если же посѣтить другія, то, конечно, въ большинствѣ обычай окажется на лицо...

Чтобы наглядно показать теперь, какъ изъ этого „безъобычья“ (очень, впрочемъ, условнаго, ибо обычай не вырабо-

---

щаго — не замедлитъ дать себя знать. Но эти процессы развитія совершаются крайне медленно, и вотъ почему народная жизнь, наблюдаемая въ относительно короткій періодъ времени, производитъ впечатлѣніе застоя и неподвижности“ (А. Ефименко, стран. 49—50, гл. „Женщина въ крестьянской семьѣ“).

*) Оба случая — выборки изъ матеріаловъ Стат. отд. Псковской губ. земской управы.

тался только на данномъ болѣе сложномъ пунктѣ, а вообще, конечно, по другимъ вопросамъ существуетъ) возникаетъ обычай, приведу слѣдующее характернѣйшее описаніе земскимъ статистикомъ именно момента складыванія обычая.

Въ селѣ Никулинѣ (той же, кстати, волости, что и первая изъ вышецитированныхъ „безъ-обычныхъ“ общинъ) „міръ въ настоящее время находится въ напряженномъ состояніи, въ виду утѣсненія въ землѣ малодушныхъ (т.-е. мало имѣющихъ надѣловъ). Подъ вліяніемъ такого положенія вещей начинаютъ обращать усиленное вниманіе на права наслѣдованія. Вопросы эти пока, такъ сказать, дебатируются только теоретически, но община, повидимому, скоро перейдетъ и къ нѣкоторымъ практическимъ пріемамъ. По крайней мѣрѣ, вопросъ о спорныхъ мірскихъ душахъ вызывалъ страшный шумъ и гамъ на сходѣ. Часть крестьянства настаиваетъ на томъ, что наслѣдовать можно только внутри неотдѣлившагося семейства, а отдѣлившіяся хозяйства не должны другъ другу наслѣдовать ни въ какомъ случаѣ“ *).

Такимъ образомъ, здѣсь уже перешли отъ пассивнаго отношенія къ существующимъ фактамъ наслѣдованія, или отъ первыхъ только сомнѣній въ томъ, что „это такъ и должно быть“, къ горячему и упорному публичному обсужденію, *какъ оно должно быть*, въ которомъ и борется личное право труда съ общиннымъ правомъ на трудъ. Община перешла отъ системы „laissez faire“ къ активному, такъ сказать, внутри-общинному законодательствованію, къ выработкѣ въ борьбѣ группъ и ихъ мотивовъ болѣе точнаго права. Въ другихъ же, наконецъ, общинахъ эти ограниченія наслѣдованія уже установлены, въ слѣдующихъ они еще сильнѣе и приводятъ уже къ систематическимъ частнымъ передѣламъ, въ иныхъ же, наконецъ, уже перешли къ общимъ уравнительнымъ передѣламъ по опредѣленнымъ принципамъ...

Такимъ образомъ, вглядываясь въ эти конкретные примѣры, мы находимъ разгадку всѣмъ этимъ „отсутствіямъ всякаго обычая“ или столь возмущающему бюрократовъ и доктринеровъ разнообразію его „не только въ разныхъ волостяхъ, но даже въ разныхъ сходахъ одной и той же волости“. Оказывается, что и то и другое означаетъ *разныя ступени въ развитіи обычая*, — въ данномъ случаѣ уравнительной общинной нормировки владѣнія отдѣльныхъ членовъ, вначалѣ (послѣ освобожденія) совершенно отсутствовавшей въ помѣщичьихъ общи-

*) Выборки изъ матеріаловъ Статист. отд. Псковской губ. земской управы.

нахъ, а затѣмъ, по мѣрѣ утѣсненія въ землѣ и общаго развитія правосознанія, все болѣе и болѣе расширяющейся. Отсутствіе обычая показываетъ тутъ не отсутствіе его вообще, а только, съ одной стороны, случайное отсутствіе фактовъ, гдѣ бы онъ могъ примѣниться, а съ другой, собственно отсутствіе *общиннаго* обычая, т.-е. господство индивидуалистическаго обычая. Разнообразіе же обычая, — которое не должно бы удивлять ужъ въ силу давнишней поговорки: „что городъ — то норовъ, что деревня — то обычай“ и которое существуетъ не только въ обычномъ правѣ русскихъ крестьянъ, но также, напр., въ законодательствѣ отдѣльныхъ штатовъ Америки и Швейцаріи и т. д., — это разнообразіе обычая оказывается только неизбѣжнымъ проявленіемъ его эволюціи, его безпрерывнаго приспособленія къ различнымъ въ пространствѣ и во времени условіямъ, т.-е. означаетъ внутреннюю критическую, болѣе или менѣе цѣлесознательную переработку его крестьянствомъ, большую или меньшую свободу его отъ традиціи, болѣе или менѣе быстрый ходъ его развитія въ опредѣленномъ направленіи, изъ опредѣленныхъ общихъ народно-правовыхъ мотивовъ.

И мы видимъ, что эта измѣнчивость, текучесть, приспособляемость, прогрессивность являются не случайностью, а кореннымъ признакомъ народнаго права, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того, что установленіе самаго „обычая“, являющееся не чѣмъ инымъ, какъ безпрерывнымъ внутреннимъ законодательствованіемъ сотенъ тысячъ крестьянскихъ сходовъ, необходимо предполагаетъ публичное обсужденіе, критику, групповую борьбу интересовъ и моральныхъ основаній, а тѣмъ самымъ, въ силу присущей мысли способности къ развитію, все большее совершенствованіе правовыхъ нормъ, все большее и большее развитіе въ нихъ цѣлесообразности...

Оговариваюсь еще разъ: болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ дореформенный періодъ, когда естественныя и соціальныя условія измѣнялись съ крайней медленностью, настолько же слабо приходилось перерабатываться и обычаю, и элементъ обсужденія, критики, борьбы, прогресса былъ въ немъ относительно очень слабъ, а элементъ повторяемости, привычки, традиціи соотвѣтственно силенъ. Но въ пореформенную эпоху, когда освобожденная личность въ народѣ стала расти и развертываться, какъ почки весной, пригрѣтыя первыми лучами солнца,

и когда мутныя буйныя волны новой культуры стали размывать всѣ „устои“ традиціи и авторитета, — тогда на этотъ рядъ яркихъ и глубокихъ перемѣнъ въ условіяхъ народной жизни долженъ былъ отвѣтить такой же рядъ настолько же яркихъ и глубокихъ измѣненій и въ народномъ правѣ и правосознаніи. Духъ всѣхъ этихъ перемѣнъ наилучше резюмируется въ жалобахъ стараго отмирающаго крѣпостного поколѣнія крестьянъ и въ вопляхъ реакціонеровъ о развитіи того „своевольства“ и „самовольства“ въ молодомъ пореформенномъ крестьянствѣ, которое мы, видя въ крестьянахъ не рабовъ, а людей, назовемъ, конечно, совсѣмъ иначе: развитіемъ самосознанія, самостоятельности и самодѣятельности. Естественно, что съ этимъ ростомъ личности старыя правовыя формы стали для нея узки, тѣсны, и она стала ихъ сбрасывать одну за другой.

Такъ какъ народное право вообще столь мало изучалось и такъ какъ его почти совсѣмъ перестали изучать какъ разъ въ послѣднія два десятилѣтія, когда этотъ пореформенный ростъ личности впервые могъ начать широко и отчетливо проявляться въ народномъ обычаѣ, то, конечно, мы имѣемъ пока сравнительно мало данныхъ объ этихъ перемѣнахъ. Но и то немногое, что имѣется, рисуетъ яркую картину. Намѣтимъ бѣгло эти перемѣны въ трехъ главныхъ проявленіяхъ: въ семьѣ, въ общинѣ и въ классовомъ, такъ сказать, правосознаніи крестьянъ.

§ 2. Развитіе семейнаго права.

Я упоминалъ уже выше о развитіи „своевольства“ въ крестьянской женщинѣ и въ крестьянской молодежи: естественно, что оно тотчасъ же отразилось и на семейныхъ обычно-правовыхъ нормахъ. Въ цитированномъ уже глубоко содержательномъ введеніи къ своей библіографической работѣ по обычному праву Е. И. Якушкинъ отмѣчаетъ это явленіе на нѣсколькихъ примѣрахъ огромной важности. Таково, напр., исчезновеніе родовой несвободности брака.

„И до 1861 г., — говоритъ Е. И. Якушкинъ, — были мѣстности, гдѣ на бракъ требовались согласія жениха и невѣсты, гдѣ не было обычая ни платить за невѣсту, ни требовать приданаго. Послѣ освобожденія крестьянъ положеніе женщины въ семьѣ значительно измѣнилось, измѣнились и условія заключенія брака. Такъ, напр., въ Ярославской губерніи, гдѣ прежде принудительные браки были явленіемъ обычнымъ, въ настоящее время они встрѣ-

чаются какъ рѣдкое исключеніе“ (стран. XVIII). И затѣмъ: „Различія въ взглядахъ волостныхъ судовъ на вмѣшательство въ личныя отношенія супруговъ указываютъ уже, сами по себѣ, на измѣненія, происшедшія въ понятіяхъ крестьянъ о власти мужа. Измѣненія эти начались уже давно, но особенно значительными они являются въ послѣднее время. Въ литературѣ встрѣчается мало на это указаній. Приведу одно изъ нихъ, находящееся въ статьѣ С. Я. Дерунова (село Козьмодемьянское): „Въ послѣднее время,— говоритъ авторъ,— въ крестьянской семьѣ замѣчается явленіе, что женщины стараются стать равноправными съ мужьями, и слѣдствіемъ этого являются между супругами ссоры и раздоры. Среди крестьянъ считали и теперь считаютъ мужчину стоящимъ выше женщины“. „Старыя женщины и теперь оказываютъ мужчинамъ почтеніе, какъ бы нравственно чувствуя ихъ превосходство надъ собой“. „Въ послѣднее время жены, сознавая, что мужья не могутъ ихъ бить и учить, начинаютъ въ иныхъ случаяхъ оказывать имъ сопротивленіе“*). На измѣненіе понятій о власти мужа надъ женой указываютъ и встрѣчающіеся теперь нерѣдко „расходы супруговъ“. Въ послѣднее время они стали обычнымъ явленіемъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде были совершенно неизвѣстны. „Расходъ“ служитъ для жены, особенно бездѣтной, средствомъ избавиться отъ грубаго обращенія съ ней мужа“ (стран. XXI).

Читатель припомнитъ подобныя же указанія матеріаловъ по Полтавской губерніи; встрѣчаются изрѣдка они даже и въ цитированныхъ выше отзывахъ губернскихъ совѣщаній: такъ, Рязанское губернское совѣщаніе сообщаетъ, что „мѣстами начинаетъ устанавливаться обычай, по которому вдовы, участвовавшія въ пріобрѣтеніи имущества вмѣстѣ съ умершимъ своимъ мужемъ, получаютъ движимое и недвижимое имущество въ пожизненное пользованіе“**).

Крайне характерно, что „женскій вопросъ“ въ деревнѣ начинаетъ получать либеральное рѣшеніе не только въ чисто семейныхъ отношеніяхъ и ихъ нормированіи волостнымъ судомъ, но повсюду сталъ на очередь въ захватывающей такъ широко весь бытъ крестьянства новѣйшей эволюціи общины: право „женской души“ на землю обсуждается все настойчивѣе и все шире проводится въ жизнь въ различныхъ разверсткахъ по ѣдокамъ, и при этомъ вопросъ объ общественномъ положеніи женщины постоянно ставится во всю его ширину въ яркихъ, мѣткихъ чертахъ. Въ кратковременную свою поѣздку по де-

*) „С. Я. Дерунов — крестьянинъ Пошехонскаго уѣзда, близко знакомый съ бытомъ мѣстныхъ крестьянъ; всѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія отличаются большой точностью“.

**) Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній“, т. III, стран. 296.

ревнямъ я успѣлъ, однако, записать не мало этихъ характерныхъ разговоровъ; вотъ два изъ нихъ для образца. Въ одной деревнѣ очень умный и авторитетный мужикъ такъ отвѣтилъ мнѣ за всѣхъ на вопросъ о томъ, не думаютъ ли давать земли при предстоящемъ передѣлѣ и на женскія души: „На дѣвокъ не думаемъ... Дѣвки — что: дѣвки — вёшки, — это вётлы, что по дорогамъ ставятъ, чтобъ люди не блуждали, вяжутъ людей между собой, — вотъ для чего дѣвки... А земли-то имъ зачѣмъ давать?“ Этотъ отзывъ былъ данъ въ глухой помѣщичьей деревнѣ, гдѣ передѣльное движеніе только начиналось; въ большомъ же селѣ государственныхъ крестьянъ, гдѣ передѣлы уже прочно наладились, разговоръ вышелъ другой (передаю его со стенографической почти точностью):

„А по женскимъ душамъ не думаете дѣлить?“ — „Нѣтъ, не думали...“ Галдежъ среди крестьянъ стихъ, они примолкли, только одинъ сказалъ задумчиво: „А что же, это правильно: какъ хлѣбъ рѣжемъ каждому, такъ и землю рѣжь каждому“. Молодой крестьянинъ въ пиджакѣ тоже стоитъ за передѣлъ по женскимъ душамъ... — „Кормимъ мы бабъ и такъ“, возражаетъ кто-то изъ стариковъ. Молодой: „Такъ вотъ давайте и подѣлимъ на всѣхъ ѣдоковъ, тогда и будутъ сами кормиться, не надо будетъ ихъ кормить... Вы думаете, вы женщинъ кормите, а можетъ жены васъ кормятъ!.. Вы вотъ думаете такъ: женился, взялъ себѣ жену, какъ рабочую скотину“... Кто-то изъ стариковъ примирительно: „Оба другъ дружку кормятъ“... — „Нѣтъ, вы къ женщинѣ такъ, какъ къ лошади относитесь... Если разобрать, то въ чемъ вы выше женщинъ-то? Сами пьете, а отъ жены требуете — и шей, и почитай, и люби, а мужъ-то что?“ — „Что же ей — кланяться?“ — „А виноватъ, такъ и поклонись!“ — „Кланяться ей? Ого!“ показываетъ кулакъ. — „Да вотъ то-то и бѣда, что все у насъ въ кулакѣ, — и законъ, и правда, и совѣсть“... Толпа слушала горячаго молодого обличителя отчасти съ сочувствіемъ, отчасти съ сомнѣніемъ, но всѣ съ уваженіемъ.

Повторяю, это новое отношеніе къ „женской душѣ“ не ограничивается только разговорами, но и побѣждаетъ на дѣлѣ въ быстро растущихъ переходахъ къ разверсткѣ земли по ѣдокамъ. Эти переходы отчасти, такимъ образомъ, служатъ уже проявленіемъ перемѣны во взглядахъ на женщину и въ ея положеніи; отчасти же это установленіе ея земельнаго, такъ сказать, равноправія съ мужчинами (полнаго или частичнаго), ея большей экономической независимости, естественно служитъ первой ступенью къ дальнѣйшему ея соціальному поднятію, къ полному равноправію...

Перейдемъ теперь къ „своевольству“ молодежи и обратимся опять къ примѣрамъ, приводимымъ Е. И. Якушкинымъ.

Онъ указываетъ, что и тутъ, несмотря на сильные еще остатки „патріархальнаго деспотизма“, замѣтна большая перемѣна. „Власть отца такъ велика, что онъ можетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, произвольно распоряжаться даже имуществомъ, составляющимъ личную собственность дѣтей. Обычай этотъ образовался при существованіи патріархальнаго строя семьи; въ настоящее время, вмѣстѣ съ разложеніемъ этого строя, онъ начинаетъ измѣняться. Такъ, есть указаніе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Владимірской губерніи сынъ при отдѣлѣ отъ отца получаетъ точно опредѣленную долю семейнаго имущества... Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ образовался обычай, ограничивающій власть отца. По обычаю этому, отецъ можетъ требовать отъ сына только такую часть денегъ, получаемыхъ послѣднимъ на отхожемъ промыслѣ, какую тотъ могъ бы заработать, оставаясь дома (напр., при поступленіи мѣсячнымъ работникомъ къ помѣщику). Но и этотъ обычай не уравниваетъ вполнѣ экономическихъ выгодъ отдѣльныхъ членовъ семьи и не имѣетъ задерживающаго вліянія на семейные раздѣлы. Частые случаи семейныхъ раздѣловъ, несомнѣнно, указываютъ на ослабленіе власти главы семьи“ (стран. XXII)*).

Замѣчу здѣсь, кстати, что „разложеніе“ „большой семьи“ по меньшей мѣрѣ преувеличивается, такъ какъ, несомнѣнно (это установлено, напр., Черненковымъ), что и сейчасъ очень часты въ крестьянствѣ семьи не только въ 8—10, но даже въ 12—15 человѣкъ, а встрѣчаются и въ 20 и даже въ 30—40 человѣкъ. Такимъ образомъ, будетъ ошибкой сказать, что патріархальный деспотизмъ уничтожился въ такой формѣ, что

*) При этомъ Якушкинъ добавляетъ слѣдующія интересныя поясненія: „Власть эта начала терять свою силу задолго до 1861 года, уже въ 40-хъ и 50-хъ годахъ у государственныхъ крестьянъ промышленныхъ мѣстностей большія семьи встрѣчались уже только какъ исключеніе. У крѣпостныхъ крестьянъ семейные раздѣлы нерѣдко задерживались помѣщиками. Съ 1861 года начинаются усиленные семейные раздѣлы у временно-обязанныхъ крестьянъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ число этихъ раздѣловъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ было такъ велико, что, напр., въ Ярославской губерніи можно было съ перваго взгляда отличить селенія государственныхъ крестьянъ отъ селеній крестьянъ временно-обязанныхъ, по значительному числу новыхъ избъ и дворовъ въ послѣднихъ“ (стран. XXII). Прибавлю, что, по отвѣтамъ выше цитированныхъ крестьянъ-корреспондентовъ, часто это освобожденіе молодыхъ переходитъ даже въ противоположную крайность — въ уходъ на сторону, неприсылку ни малѣйшей части заработка одряхлѣвшимъ родителямъ и оставленіе ихъ вскормленными ими сыновьями безъ всякаго призора. Но это уже, очевидно, специфическое дѣйствіе городской цивилизаціи и отрицательныхъ сторонъ „фабричной выучки“...

измельчилъ крестьянскую семью: наоборотъ, скорѣе измѣнился самый строй большой семьи, приблизившись къ той свободѣ и равноправію, которыя, какъ мы видѣли, должна была частично признать въ своемъ законопроектѣ даже ультра-бюрократическая „редакціонная комиссія“, — къ той „семейной коммунѣ“, которая такъ начинаетъ страшить нѣкоторыя чиновничьи совѣщанія...

§ 3. Развитіе общиннаго права.

Послѣ этого бѣглаго обзора перемѣнъ въ семейномъ народномъ правѣ и правосознаніи можетъ возникнуть вопросъ: не укрѣпился ли въ крестьянствѣ въ результатѣ этого роста личности и расширенія ея правъ индивидуалистическій духъ, который мы привыкли считать почти синонимомъ роста личности? Общій и подробный отвѣтъ на этотъ большой и сложный вопросъ я не беру на себя при тѣхъ матеріалахъ, которыми сейчасъ располагаю, и ограничусь установленіемъ одного только существеннѣйшаго факта, уже, впрочемъ, яснаго читателю изъ предыдущаго: если, можетъ-быть, ростъ личности и означалъ извѣстную индивидуализацію тамъ, гдѣ нѣтъ общинно-передѣльнаго владѣнія, — этотъ вопросъ для меня является открытымъ, — то во всякомъ случаѣ этого не было въ томъ значительномъ большинствѣ населенія, которое живетъ въ общинѣ. Развитіе послѣдней шло съ такой силой, что явилось едва ли не еще болѣе характернымъ и мощнымъ пореформеннымъ „факторомъ“, чѣмъ ростъ личности и приспособленіе къ послѣднему правовыхъ нормъ, и даже болѣе того: именно этотъ ростъ личности всецѣло происходилъ въ процессѣ развитія общины, былъ постоянно то его причиной, то слѣдствіемъ, такъ какъ именно въ борьбѣ за новое общинное право завоевывала крестьянская личность права свои...

Какъ это происходило по отношенію къ женскому равноправію, это уже показано выше. Теперь же поясню, что именно въ внутри-общинной борьбѣ за землю (въ формѣ борьбы за уравнительный передѣлъ) обрѣтало экономическое, а значитъ, и общее равноправіе, также и молодое поколѣніе. Понятно, какъ и почему. Въ результатѣ естественнаго движенія населенія, наиболѣе обдѣленными оказываются тѣ семьи, которыя сильно разрослись, въ которыхъ, значитъ, много прибавилось

молодыхъ членовъ; перенадѣленными же, такъ сказать, становятся мало разросшіяся, не разросшіяся или даже сократившіяся семьи, въ которыхъ поэтому относительно преобладаетъ *старое* поколѣніе надъ молодымъ. И вотъ, когда въ первой группѣ обдѣленныхъ подростутъ уже молодые работники, пойдутъ на военную службу, начнутъ выдѣляться новыя семьи, и начнется съ ихъ стороны рѣшительный приступъ на перенадѣленныхъ, то и выходитъ, что постепенно наростающее и, наконецъ, побѣждающее большинство за уравнительный передѣлъ состоитъ, главнымъ образомъ, именно изъ молодого поколѣнія, — изъ „малолѣтовъ“, „новоженовъ“ и т. п., а партія консервативная, противопередѣльная, стоящая за индивидуалистическія права выкупа, ревизской души, затраченнаго труда и т. д., — составляется преимущественно изъ стариковъ, „отцовъ“, „старожиловъ“, вообще изъ стараго, сходящаго со сцены поколѣнія. И до какой степени тутъ община именно освобождаетъ молодежь отъ опеки стариковъ, это очень ярко проявляется, напримѣръ, въ цѣломъ рядѣ прямыхъ заявленій крестьянъ (отвѣчающихъ по вопросамъ объ общинѣ), что многіе старики для того желаютъ перехода къ подворному владѣнію, чтобы тогда надѣленіе землею зависѣло не отъ общины, а отъ отца, и чтобы этой экономической зависимостью была поддержана совершенно, по жалобамъ стариковъ, упавшая родительская власть надъ „своевольной“ молодежью. На этомъ столь элементарномъ и столь всеобщемъ фактѣ освобожденія общинной молодежи отъ патріархальнаго деспотизма мы наглядно видимъ, какъ нелѣпо односторонни ходячіе вопли о „подавленіи общиною личности“ и т. п.

Изъ сказаннаго ясно, какъ огромно значеніе свершившагося въ пореформенный періодъ мощнаго развитія общины. Со стороны количественной я далъ уже о немъ общее понятіе. Дорисую теперь его нѣсколькими штрихами со стороны качественной, т.-е. со стороны внутренняго усовершенствованія общинно-передѣльнаго механизма, приспособленія его къ цѣли и условіямъ.

Чтобы понять всю огромность пройденнаго общиной въ этомъ отношеніи за сорокъ лѣтъ разстоянія, надо вспомнить, чѣмъ была дореформенная община. Какъ ни несомнѣнна извѣстная внутренняя ея сила, извѣстная самопроизвольность ея дѣйствія,

но ея проявленія въ темномъ подвалѣ крѣпостного государства были и могли быть только бѣдными, однообразными, простыми и крайне узкими, повсюду упирающимися въ тѣ или иныя стѣнки, — подобно растенію, посаженному въ тѣсный горшокъ и подъ низкій колпакъ... Каждый передѣльный актъ, его условія, сроки, принципъ диктовались извнѣ. Для государственныхъ крестьянъ всегда подавался сигналъ къ общему передѣлу по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ періодическими ревизіями, переписывавшими всѣ эти мужскія души, облагавшими ихъ подушной податью и время отъ времени прирѣзывавшими на нихъ общинамъ земли. Помѣщичьи общины еще болѣе пассивно отводили земельныя „тягла“ новообразующимся брачно-рабочимъ парамъ, „вѣнцамъ“, впрягающимся въ крѣпостное „тягло“ отбыванія барщины или оброка. Такимъ образомъ и тянулись безъ перемѣнъ двѣ шаблонныя разверстки: общіе передѣлы по ревизскимъ душамъ у государственныхъ и частныя свалки-навалки тяголъ по рабочимъ силамъ у помѣщичьихъ крестьянъ. И вотъ, когда мы сравнимъ съ этой бѣдной и недорослой, словно деревья на крайнемъ сѣверѣ, дореформенной общиной тѣ богатѣйшія и мощныя развѣтвленія, въ которыя она разрослась теперь, то мы поймемъ, что слова: *развитіе общины*, столь дико, можетъ-быть, для многихъ звучащія, не составляютъ выдумки „модернизованнаго утописта“, а означаютъ огромный фактъ современной соціальной жизни...

Конечно, и до сихъ поръ „государственныя“ общины дѣлятъ въ большинствѣ общими передѣлами по наличнымъ мужскимъ душамъ, а помѣщичьи — свалками-навалками по работникамъ. Конечно, и теперь еще приспособленіе передѣльныхъ формъ совершается не столько по отношенію къ ихъ внутренней цѣли, — максимальной уравнительности въ распредѣленіи земли по населенію, — сколько по отношенію къ внѣшнимъ условіямъ, какъ размѣры и характеръ налоговъ, свойства почвы, способы обработки и т. п. Но уже и тутъ, въ этомъ *самопроизвольномъ приспособленіи къ условіямъ* община проявила огромную жизненную силу. Въ пореформенный періодъ сразу не только исчезли тѣ внѣшнія маховыя колеса, которыя извнѣ двигали внутри-общинные передѣльные механизмы, — государственныя ревизіи и наложенія тяголъ помѣщиками,—

но, наоборотъ, вмѣсто нихъ налегли тяжелые тормазы на эти уравнительно-передѣльные механизмы: требованіе двухъ третей голосовъ для передѣла, дозволеніе выкупать въ подворную собственность надѣлы отдѣльнымъ хозяевамъ, весь вообще выкупъ, огромно обострявшій личное антиобщинное право труда фактическихъ „державцевъ“ надѣловъ, вся вообще неблагопріятная общинѣ индивидуалистическая законодательная атмосфера. И вотъ, при такихъ-то, казалось, безнадежныхъ для него условіяхъ этотъ жалкій „пережитокъ“ на третье же и четвертое десятилѣтіе по освобожденіи, т.-е. со вступленіемъ въ жизнь „малолѣтовъ“, народившихся послѣ крѣпостного права, отвѣтилъ на поставленный ему исторіей вопросъ: „быть или не быть?“ категорическимъ — „быть“!...

Къ настоящему времени уже почти всѣ государственныя общины, долго прождавъ, но не дождавшись сигнала ревизіи, произвели „самовольныя ревизіи“ и затѣмъ, разъ начавъ, продолжаютъ уже эти передѣлы прочно и спокойно, какъ неоспариваемое и утвердившееся въ правосознаніи огромнаго большинства право. И даже помѣщичья община, казалось, совершенно обреченная на разложеніе и долго дѣйствительно не подававшая признаковъ жизни, несомнѣнно, почти цѣликомъ пережила кризисъ и быстро оживаетъ и развивается. Съ одной стороны, общины, 30—35, 40—45 лѣтъ не передѣлявшія, безпередѣльно-ревизскія, одна за другой все болѣе и болѣе густыми рядами вступали и вступаютъ въ передѣльное движеніе. Съ другой стороны, и тѣ извнѣ вынужденныя тяжестью выкупа свалки-навалки, которыя производили нѣкоторыя общины послѣ реформы,— и эти „общинно-выкупныя“ (см. VI главу моей книги „Русская община“) разверстки тоже, несмотря на „полегчаніе“ надѣла и даже на запрещеніе ихъ закономъ 93-го года, продолжаютъ поравненія, — продолжаютъ „самовольно“, уже не только въ смыслѣ самопроизвольности, но и въ смыслѣ нелегальнаго сбрасыванія надѣтаго на нихъ бюрократическимъ государствомъ тормаза.

Но, повторяю, община не только *выжила* и все укрѣпляется: она *развилась* и все быстрѣе *внутренно развивается*, т.-е. совершенствуется въ осуществленіи основной цѣли своей — возможно точномъ поравненіи земли по населенію. Установленіе всевозможныхъ сроковъ передѣловъ, всевозможныя сочетанія

общихъ передѣловъ съ частными, выработка разнообразнѣйшихъ принциповъ надѣленія, установленіе цѣлаго ряда особыхъ правилъ для болѣе точнаго и быстраго надѣленія нуждающихся, какъ оставленіе при передѣлахъ особыхъ запасныхъ участковъ и т. п., проведеніе множества разныхъ ограниченій для разныхъ категорій хозяевъ, лично землю не обрабатывающихъ, съ цѣлью сдѣлать пользованіе ею чисто трудовымъ, соединеніе и раздѣленіе земельныхъ общинъ, учрежденіе для разныхъ цѣлей сходами особыхъ выборныхъ комитетовъ и т. д., и т. д.— все это огромное множество совершенно новыхъ формъ общинно-уравнительной дѣятельности создано уже пореформенной общиной. Чтобы описать ихъ болѣе или менѣе обстоятельно, потребовались бы сотни страницъ, такъ что здѣсь, конечно, я долженъ ограничиться нѣсколькими случайными примѣрами и дать читателю хоть слабое представленіе объ ихъ характерѣ. Для этого я приведу нѣсколько образчиковъ той разверстки „по ѣдокамъ“, которая представляетъ наиболѣе послѣдовательное проведеніе потребительнаго принципа надѣленія, всецѣло выработана пореформенной общиной (особенно въ послѣднія 10—15 лѣтъ) и съ каждымъ годомъ распространяется все шире.

Описаніе разновидностей этой разверстки я уже далъ въ „Русской Общинѣ“ (стран. 298—311), но, располагая тогда почти исключительно матеріалами 80-хъ и первой половины 90-хъ годовъ, я имѣлъ о ней гораздо болѣе неясное понятіе, чѣмъ теперь, когда она развилась такъ полно и разнообразно, и когда у меня скопились многіе десятки интереснѣйшихъ ея образчиковъ. Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о разнообразіи выработанныхъ народомъ „ѣдоковыхъ“ уравнительныхъ формулъ, я только перечислю тѣ главныя разновидности ихъ, которыя установились при классификаціи; приводить же на каждую примѣры было бы слишкомъ длинно въ этомъ общемъ и бѣгломъ очеркѣ. Этихъ разновидностей установилось одиннадцать (при чемъ за полноту я далеко пока не ручаюсь), а именно: 1) надѣленіе „по семейственности“, „по кормежу“ и т. п., не точно по числу душъ обоего пола въ семьѣ, а глазомѣрно, приблизительно сообразуясь съ этимъ числомъ; 2) точное надѣленіе всѣхъ мужскихъ душъ съ отдѣленіемъ замѣтной части земли семьямъ, имѣющимъ относительный перевѣсъ женскихъ

душъ, и съ глазомѣрнымъ надѣленіемъ послѣднихъ; 3) надѣленіе точно опредѣленными долями всѣхъ мужскихъ и всѣхъ женскихъ душъ, но бо̀льшими для первыхъ, чѣмъ для вторыхъ; 4) то же съ установленіемъ извѣстнаго прямого или косвеннаго минимума или максимума надѣловъ на одну семью; 5) надѣленіе мужскихъ взрослыхъ душъ полнымъ надѣломъ, а мужскихъ невзрослыхъ и всѣхъ женскихъ той или иной долею надѣла; 6) надѣленіе одинаковое душъ обоего пола, но съ исключеніемъ изъ надѣленія тѣхъ или иныхъ младшихъ возрастовъ; 7) надѣленіе всѣхъ душъ безъ различія пола, но разными долями въ зависимости отъ возраста ихъ; 8) надѣленіе разными долями въ зависимости сразу и отъ пола, и отъ возраста (близка къ 5-й разновидности); 9) надѣленіе всѣхъ душъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ поровну; 10) то же, но съ выключеніемъ изъ надѣленія нѣкоторыхъ особыхъ (малочисленныхъ) категорій душъ, какъ, напр., дѣвушекъ въ возрастѣ невѣстъ и т. п.; 11) надѣленіе всѣхъ душъ обоего пола тѣмъ меньшими долями надѣловъ, чѣмъ больше душъ въ семьѣ. Надо еще при этомъ оговориться, что разные принципы иногда переплетаются между собой, напр., исключеніе невѣстъ, установленіе прямыхъ или косвенныхъ минимумовъ и максимумовъ встрѣчается не только при тѣхъ разновидностяхъ, гдѣ оно указано, какъ болѣе, повидимому, типичное для нихъ, но также и при другихъ и т. д.

Приводя въ примѣчаніи нѣсколько примѣровъ на различныя разновидности изъ всевозможныхъ мѣстностей Россіи*), под-

*) Вотъ, напр., въ с. Нов. Кратковѣ Гдовскаго у. *Петерб.* губ. раздѣлили въ 1894 г. „по ѣдокамъ: на мужика — 1 душа, на 2 бабы — 1 душа, всѣ ѣдоки (не исключая вдовъ и т. п.) получаютъ надѣлъ“. Въ с. Знаменкѣ Маріупольскаго у. *Екатеринославской* губ. при передѣлѣ въ 90-е годы надѣляли всѣ души слѣдующимъ образомъ: „если въ семьѣ 1 душа *мужского* пола, то давали 1 надѣлъ, на 2 д. муж. п. — 1½ надѣла, на 3 д. муж. п. — 2 надѣла, на 4 души муж. п. — 2½ надѣла, на 5—6 д. муж. п. — 3 надѣла, на 7—8 д. муж. п. — 4 надѣла, на 9 и болѣе муж. п. душъ — 5 надѣловъ. Сверхъ того, на каждые 3—4 души *женскаго* пола давали 1 надѣлъ“. Въ с. Макатели Ардатовскаго у. *Нижегородской* губ. дѣлятъ по ѣдокамъ безъ различія пола и возраста такимъ образомъ: „на 2—3 ѣдоковъ — 1 „земельная душа“, на 4 ѣдока — 1½—2 души, на 5 ѣдоковъ — 2 души, на 6 ѣдоковъ — 2—2½ души, на 7 ѣдоковъ — 2½ души, на 8 ѣдоковъ — 2½—3 души, на 9 ѣдоковъ — 3 души, на 10—12 ѣдоковъ — 4 души, на 12—15 ѣдоковъ — 5 душъ и т. д.“ Въ дер. Ер-

черкну еще разъ, что вся эта разработка потребительнаго принципа надѣленія, представляющая наиболѣе чистое осуществленіе права на жизнь, права на трудъ, въ противоположность разверсткамъ по рабочимъ силамъ, какъ бы олицетворяющимъ право труда, — эта высшая формула высшаго общинно-уравнительнаго начала есть вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, послѣднее слово пореформенной общины. Только очень изрѣдка встрѣчается она уже съ 70-хъ годовъ, довольно рѣдко и въ 80-е, а замѣтно начинаетъ развиваться только въ послѣднее десятилѣтіе и еще болѣе въ послѣднее пятилѣтіе; при этомъ она становится на мѣсто всевозможныхъ другихъ разверстокъ, ее же смѣняютъ другія разверстки лишь въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія.

Приведу два-три характерныхъ примѣра, ярко рисующихъ картину этихъ пробъ и опытовъ, этого творческаго исканія наилучшихъ формулъ потребительнаго „равненія“ земли. По Псковскому у., гдѣ разверстка по ѣдокамъ очень распростра

зовкѣ Верхотурскаго у. *Пермской* губ. „на каждую мужскую душу и замужнюю женскую даютъ поровну, на незамужнюю женскую отъ двухъ лѣтъ полъ-надѣла“. Въ с. Лосиной Горѣ Повѣнецкаго у. *Олонецкой* губ. „живутъ „по-божески“ каждый „своимъ трудомъ“. За единицу разверстки считаютъ каждаго человѣка, „малаго и большого“... Въ д. Верхне-Нетыкорьѣ *Смоленской* губ. „дѣвкамъ-невѣстамъ отъ 17 лѣтъ земли не давали, а дѣвкамъ-неневѣстамъ (калѣкамъ, уродамъ) давали. Парня 18 лѣтъ, пока неженатый, считали за 2 ѣдоковъ, такъ какъ долженъ будетъ жениться, такъ что земли будетъ и на жену будущую“. Въ с. Балаклеѣ Зміевскаго у. *Харьковской* губ. „передѣлена земля по наличнымъ душамъ, но наличная система не проведена вполнѣ. За основаніе передѣловъ принимается въ соображеніе число ѣдоковъ (безъ различія пола), ихъ работоспособность и платежная способность. Семьи недоимочныя или обладающія неполными рабочими силами получаютъ менѣе, чѣмъ бы имъ слѣдовало по числу ѣдоковъ“. Въ с. Зарожной того же Зміевскаго у. „земля была раздѣлена до настоящаго года (1900 г.) по ревизскимъ душамъ, а съ этого года ее раздѣлили по наличнымъ какъ мужского, такъ и женскаго пола,— „развели по рыламъ“. „Рыло“ принимается въ разсчетъ со дня рожденія... *Малолѣтнимъ сиротамъ* земли не даютъ, а *хлѣба зерномъ изъ общественнаго магазина* по 2 пуда на душу въ мѣсяцъ“. (Всѣ приведенные случаи взяты изъ выборокъ матеріаловъ земскихъ статист. отдѣленій соотвѣтственныхъ губерній). Характерны вообще крестьянскіе термины, какъ бы съ удовлетвореніемъ подчеркивающіе эту найденную и осуществленную, наконецъ, формулу чисто потребительнаго принципа распредѣленія: „по рыламъ“, „по ртамъ“, „по ложкамъ“, „раздѣлили на 502 брюха“ и т. п.

нена, повидимому, чуть ли не общимъ правиломъ былъ переходъ сначала къ мужскимъ наличнымъ душамъ, а затѣмъ уже ко всѣмъ душамъ обоего пола. Но вотъ, напр., въ деревнѣ Колки „въ началѣ 90-хъ годовъ подѣлились по мужикамъ (т.-е. по всѣмъ наличнымъ *мужскимъ* душамъ), но черезъ годъ вернулись къ старымъ ревизскимъ душамъ (т.-е. къ совершенно неуравнительному распредѣленію), затѣмъ тотчасъ же, въ 1893 г., подѣлились по ѣдокамъ, давая 1 ревизскій надѣлъ на 3 ѣдоковъ безъ различія пола и возраста". Однако въ годъ изслѣдованія (если не ошибаюсь, 1900 г.) совершенъ новый передѣлъ „такъ, что на 2 ѣдока мужского пола полагается 1 надѣлъ и на 4 ѣдоковъ женскаго пола тоже одинъ надѣлъ"... Одержало верхъ то мнѣніе, что „бабы стали равняться съ мужиками, носъ задрали и перестали держаться своего бабьяго положенія"... Помимо указаннаго уже своеобразнаго рѣшенія женскаго вопроса характерна здѣсь та свобода и настойчивость, съ которой эта деревня ищетъ „настоящаго равненія". Впрочемъ, реакція въ сторону мужской души и здѣсь не одержала уже вполнѣ верха (въ половинной долѣ все-таки надѣляютъ „задравшихъ носъ" бабъ), а въ другихъ деревняхъ, напр. въ цѣлыхъ 8 деревняхъ Паниковецкой волости того же Псковского у., тоже прошедшихъ чрезъ налично-мужскую разверстку, затѣмъ резверстку поровну на всѣхъ ѣдоковъ и пришедшихъ къ этому же половинному надѣленію бабъ, объясняютъ эту перемѣну болѣе серьезными основаніями: такъ какъ деревни тутъ небольшія, то крайне часто случается, что женщины получаютъ землю за разъ въ двухъ деревняхъ, напр., до выхода замужъ въ своемъ селѣ, а потомъ, по выходѣ, въ селѣ мужа и т. п. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, мужицкое равненіе идетъ отъ меньшаго все къ большему надѣленію женскихъ душъ, что и составляетъ общее правило, такъ какъ такимъ именно путемъ совершается постепенный переходъ отъ наиболѣе пока распространенной налично-мужской къ чисто-ѣдоковой разверсткѣ. Такъ, напр., въ с. Литезинѣ Буйскаго у. *Костромской* губ. „послѣ объявленія воли былъ передѣлъ лѣтъ чрезъ 10, дѣлили по ѣдокамъ мужского пола и по взрослымъ женскаго; лѣтъ чрезъ 6—8 была переверстка, при которой землю давали уже и на дѣвочекъ, не считая, однако, только что родившихся;

нынче (конецъ 90-хъ годовъ) затѣяли снова передѣлъ — уже на всѣхъ ѣдоковъ безъ различія возраста и пола"*).

Если имѣть въ виду тотъ фактъ, что сначала община боролась за самое существованіе, а уже потомъ, только въ послѣднее время имѣла возможность заняться внутреннимъ самоусовершенствованіемъ вообще и выработкой высшихъ потребительныхъ разверстокъ въ частности, — то распространенность ѣдоковыхъ разверстокъ уже въ настоящее время окажется довольно замѣтной. Можно поручиться, что нѣтъ уже теперь губерніи, гдѣ бы она не встрѣчалась, и очень мало даже наберется уѣздовъ, гдѣ бы ея вовсе не было. Общее же понятіе о %-ѣ ея среди другихъ разверстокъ даетъ нижеслѣдующая таблица:

Районы.	Процентъ разверстокъ по ѣдокамъ:		
	къ общему числу *общинъ*.	къ общему числу *семей*.	къ общему числу *десятинъ*.
Сѣверный.....	24,3	22,4	19,0
Восточный.....	0,8	0,9	0,8
Промышленный ..	3,9	4,2	3,7
Приволжскій.....	3,9	3,5	3,2
Черноземный.....	1,2	1,3	1,0
Южный.....	6,1	5,9	11,3
Западный.....	7,5	6,8	7,3
Сѣверо-западный	13,3	20,3	20,7
Общій итогъ.....	9,1	5,6	6,7
	6.800 общинъ изъ 74.400 вошедшихъ въ изслѣдованіе.	202.000 семей изъ 73.600.000 вошедшихъ въ изслѣдованіе.	2.635 тысячъ десятинъ изъ 39.273 тысячъ дес. вошедшихъ въ изслѣдов.

Если взять цифру, среднюю между процентомъ земли и населенія, — 6%, — и если принять еще во вниманіе, что въ нее вошли только такія общины, о которыхъ по записямъ земскихъ статистиковъ и отвѣтамъ волостныхъ правленій можно было съ полной ясностью установить ту или иную разверстку по ѣдокамъ, а что цѣлый рядъ общинъ съ этой разверсткой попалъ въ неопредѣленныя разверстки, благодаря неясности записи, и, затѣмъ, что еще больше есть общинъ, гдѣ практи-

*) Примѣры взяты изъ матеріаловъ Псковского и Костромского земско-статистическихъ отдѣленій.

куется не чистая разверстка по ѣдокамъ, а смѣшанная съ другими принципами, — то получимъ уже не 6, а по крайней мѣрѣ 12% такого общиннаго землевладѣнія, гдѣ вполнѣ или отчасти (но въ значительной степени) введенъ уже принципъ распредѣленія по ѣдокамъ. А это означаетъ (если вспомнить, что въ мои сопоставленія вошла, приблизительно, половина земли и населенія общиннаго землевладѣнія Европейской Россіи) уже столь внушительную массу, какъ 25 тысячъ общинъ съ 5 милліонами населенія (800 тысячъ семей, помноженныя на 6 душъ въ семьѣ) и 10 милліонами десятинъ земли, — уже вполнѣ или отчасти вошедшихъ въ сферу высшей формулы потребительнаго поравненія, т.-е. наиболѣе чистой формулы права на трудъ. Эта масса, думается, можетъ составить мощный передовой отрядъ, хорошо подготовленный къ борьбѣ за высшія формулы народнаго права...

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ отвѣту на вопросы огромной важности: *разлагается ли община или сохраняется или даже развивается?* Развиваетъ ли она въ себѣ элементы для высшихъ коллективныхъ формъ? Еще пять лѣтъ тому назадъ я долженъ былъ не только начать, но и закончить первый томъ своей работы этими вопросами. Теперь же болѣе широкая разработка болѣе новыхъ статистическихъ данныхъ позволяетъ дать рѣшительный положительный отвѣтъ на эти вопросы: *да, община сохранилась; да, она развивается и развиваетъ въ себѣ элементы высшаго и полнаго коллективизма.*

§ 4. Развитіе крестьянско-трудового классового правосознанія.

Намъ осталось теперь разсмотрѣть въ двухъ словахъ, объединяется ли это развитіе личнаго, семейнаго и общиннаго права и правосознанія въ нѣкотораго рода *„классовомъ" крестьянско-трудовомъ правосознаніи?* Мнѣ кажется, что если еще года три назадъ я долженъ былъ бы употребить величайшія усилія для того, чтобы доказать реальность этой формулы, то теперь мнѣ остается пригласить только читателя раскрыть глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать и, въ частности, припомнить и связать все то, что изложено уже выше... Здѣсь я подчеркну только, что ни въ одномъ, можетъ-быть, отношеніи не измѣнилась такъ глубоко деревня, ни въ

одномъ отношеніи, можетъ-быть, она не сдѣлала такихъ крупныхъ шаговъ, какъ именно въ количественномъ и качественномъ развитіи своего „классового самосознанія“.

Вотъ какъ характеризовалъ четверть вѣка назадъ Астыревъ формы пробужденія крестьянской личности. Указывая на огромное увеличеніе числа исковъ объ обидахъ и т. п., оканчивающихся требованіемъ за то съ обидчика нѣсколькихъ рублей въ пользу обиженнаго, Астыревъ замѣчаетъ:

„Самый фактъ возникновенія жалобъ объ оскорбленіяхъ доказываетъ лишь развитіе сознанія собственнаго достоинства и проявляющееся сознаніе неприкосновенности личности, какъ таковой. Правда, что въ переживаемый нами періодъ всеобщаго господства рубля и полнаго порабощенія всякихъ другихъ принциповъ — принципомъ наживы на счетъ другого, какъ единственно доступнымъ неразвитому уму выходомъ изъ бѣдственнаго экономическаго положенія, возникшее сознаніе о неприкосновенности личности тотчасъ же подчинилось духу времени и стало лишь источникомъ наживы; но все таки первый шагъ къ поднятію значенія личности сдѣланъ, и если со временемъ будутъ устранены нѣкоторыя пагубныя вліянія на жизненныя условія крестьянства, — вліянія, придающія отвратительную окраску всѣмъ отправленіямъ народной жизни, то прогрессъ въ указанномъ отношеніи обрисуется совершенно явственно. Какъ-никакъ, а надо признаться, что въ настоящую минуту неприкосновенность личности вошла въ фазисъ оцѣнки ея на рубль, подобно тому какъ оцѣнивается теперь мірская правда, человѣческая совѣсть, дѣвичья честь“ *)...

Какъ ни преувеличеннымъ мнѣ представляется это изображеніе дѣла страстнымъ народникомъ, тѣмъ болѣе горько обличающимъ, чѣмъ преувеличеннѣе были его надежды на „традиціи“ и „устои“ народа и чѣмъ сильнѣе, значитъ, оказалось разочарованіе, однако трудно отрицать, что съ извѣстными ограниченіями оно *было* вѣрно. Оно вѣрно, конечно, и сейчасъ, но въ значительной степени стало менѣе вѣрнымъ теперь, чѣмъ было раньше. Теперь уже невѣрно, чтобы „принципъ наживы на счетъ другого“ оставался *„единственнымъ* доступнымъ неразвитому уму выходомъ изъ бѣдственнаго экономическаго положенія“. Этотъ „неразвитой умъ“ мужика все-таки значительно просвѣтлѣлъ именно за послѣднюю четверть вѣка, онъ понялъ, что выходъ изъ этого „бѣдственнаго экономическаго“ да и всяческаго положенія лежитъ не только чрезъ спину сосѣда, но и въ союзѣ съ нимъ противъ общихъ враговъ. И

*) Н. Астыревъ, „Въ волостныхъ писаряхъ“.

тотъ фактъ, что ядъ хищнической борьбы всѣхъ противъ всѣхъ не только не разливался все шире въ крестьянствѣ, но, наоборотъ, все болѣе стирался усвоеніемъ формулы: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“, — этотъ фактъ необыкновенно много говоритъ о типѣ и о степени классового крестьянско-трудового правосознанія.

Правда, и теперь еще справедливо звучатъ горячія обличенія противъ мужика, въ родѣ астыревскихъ; привожу, напр., полностью цитированный уже выше отзывъ одного изъ корреспондентовъ по вопросамъ объ общинѣ:

„Хотя нашъ крестьянинъ (рѣчь идетъ объ Ярославской губерніи, *К. К.*), противъ другихъ крестьянъ другихъ губерній, ушелъ далѣе, но все-таки его кругозоръ стѣсненъ въ извѣстныхъ рамкахъ, получивъ образованіе сельской школы, онъ отправляется на чужую сторону, попадаетъ въ услуженіе въ трактиръ, мелочную лавку, харчевню, въ колбасную и т. д. Хотя онъ и получилъ извѣстный навыкъ прилично нарядиться, хорошо съѣсть и выпить и можетъ кое-что и говорить, но — увы! — онъ остается все-таки нравственнымъ уродомъ, въ немъ нѣтъ ни понятія объ общей пользѣ, нѣтъ и правильнаго взгляда на жизнь. Вотъ почему и надо поднять образованіе, расширить кругозоръ и дать человѣку возможность понять, что онъ рожденъ такимъ же, какъ и всѣ, а не просто трактирнымъ человѣкомъ между болѣе богатыми. А то подобный трактирный слуга вчера гнулъ шею предъ посѣтителемъ, а сегодня въ деревнѣ изъ себя играетъ самъ барина“...

Повторяю, допускаю справедливость этихъ совершенно подобныхъ астыревскимъ обличеній; но уже тотъ огромный фактъ, что теперь они исходятъ не отъ народника, а отъ человѣка изъ самого народа, что въ крестьянствѣ явилась вліятельная интеллигенція, идущая навстрѣчу идеалистической „разночинной“ русской интеллигенціи, — этотъ огромный фактъ совсѣмъ мѣняетъ положеніе...

И теперь уже, соотвѣтственно этому, пробужденіе человѣка въ бывшемъ рабѣ идетъ не только въ этихъ индивидуалистическихъ и хищническихъ формахъ. Нѣтъ, теперь мы уже не отъ народника, а отъ реакціонера слышимъ о „перестановкѣ центра въ крестьянскомъ сознаніи“, и какъ ни грубо пристрастна и враждебно каррикатурна рисуемая имъ картина, но она ясно говоритъ о пробужденіи именно не лично-хищническаго, а союзно-классового правосознанія (привожу кстати въ примѣчаніи характерныя иллюстраціи, которыми сопровождаетъ консервативный обличитель свои выше приведенные общіе

выводы)*). Еще яснѣе рисуется это, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ непосредственно лежащимъ на плечахъ крестьянина слоямъ соціальной пирамиды, въ слѣдующихъ, напримѣръ, проявленіяхъ:

Вотъ что пишетъ нѣкій священникъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (цитирую по статьѣ г. Прокоповича въ „Образованіи“ 1905 г., 6-я кн.): „...въ послѣдніе два-три года деревня стала неузнаваемой. Мужичекъ какъ-то незамѣтно умственно выросъ, кругозоръ его увеличился, и неправда жизненная имъ стала чувствоваться и сознаваться опредѣленнѣе, яснѣе и требовательнѣе. Онъ уже и начинаетъ возмущаться барствомъ, — не потому, впрочемъ, что тѣ — бары, а онъ мужикъ, а потому что у баръ онъ видитъ много неправды по отношенію къ себѣ, а у властей потачки первымъ и угнетеніе его“... Или вотъ какъ отвѣчаетъ одинъ „рядовой въ отставкѣ крестьянинъ“ на призывы рѣзко демагогическихъ „вѣрноподданно“ — антисемитскихъ статей „Русскаго Листка“ (1905 г., 28 іюня) по поводу представительства въ „Государственной Думѣ“: „Неужели будутъ имѣть голосъ только капиталисты и наши богачи-притѣснители? Да вѣдь мы будемъ всецѣло опять въ ихъ рукахъ. Какая же это свобода? Мы, бѣдняки, опять останемся позади, и не услышитъ нашъ голосъ нашъ Батюшка Царь. Развѣ мы не граждане нашей матушки Россіи, развѣ мы не защитники родины своей, что оставляютъ насъ безъ голоса передъ Царемъ? Развѣ только богатый уменъ? Но есть и бѣднякъ тоже съ умомъ. Ему нужно свое горе повѣдать Царю, а богачамъ и

*) „Крестьяне сосѣднихъ селеній относятся къ помѣщику прямо-таки деспотически и, — что особенно характерно, — придирчиво-мелочно: баринъ шибко селомъ ѣдетъ, баринъ не ломаетъ шапки передъ каждымъ встрѣчнымъ, баринъ смѣетъ загонять скотину, опустошающую его поля, и т. д. и т. д. Чуть что,— „перекопаемъ дорогу“. А то такъ и прямо является какой-нибудь пьяный бородачъ и начинаетъ, самыми нецензурными словами, разносить въ господскомъ домѣ все и всѣхъ, начиная съ самого барина, не щадя слуха ни жены, ни дѣтей. И это по самымъ ничтожнымъ поводамъ! Понимаютъ одичавшіе люди, что „баринъ“, запертый со всѣхъ сторонъ крестьянскими селеніями, полями и проѣздами, находится въ положеніи безпомощномъ, — прямо въ какомъ-то какъ бы плѣну или осадѣ. Вотъ и ломаются, со ссылками, къ дѣлу и не къ дѣлу, на свои права“... („Моск. Вѣд.“ 1904 г., № 237).

Мы оставляемъ на совѣсти автора такіе „субъективизмы“, какъ возмущеніе неприличной руганью тѣхъ, кого не только такъ же ругаютъ, но и съ подлой жестокостью „бьютъ по мордѣ“ сами землевладѣльцы или охраняющіе ихъ, или усматриваніе „одичанія“ въ томъ, что „каждый встрѣчный“, кланяясь, требуетъ, чтобы ему отвѣчали, и что мужики охраняютъ своихъ ребятъ отъ мчащихся экипажей разныхъ „саврасовъ безъ узды“... Но, освобождая факты отъ этого чисто крѣпостническаго освѣщенія ихъ, мы должны признать, что они, какъ и тысячи другихъ подобныхъ фактовъ, — вполнѣ оправдываютъ конечный выводъ угнетеннаго мужикомъ дворянина о „перестановкѣ центра въ крестьянскомъ сознаніи“.

такъ жить хорошо. Изъ нашего брата они дѣлаютъ раба, и все за деньги, а тутъ даже и право говорить запрещаютъ: у тебя нѣтъ денегъ, значитъ, ты и молчи, дуракъ"...

Не знаю ужъ, насколько выгодно вѣрноподданному антисемитизму такое настроеніе и такое правосознаніе, въ которомъ, какъ видитъ читатель, осталось въ послѣднемъ случаѣ только одно темное пятно, — но и то, какъ извѣстно опять-таки изъ множества фактовъ, быстро свѣтлѣющее и тающее отъ критикующаго слова, какъ туманъ подъ порывами вѣтра...

Итакъ, все говоритъ за то, что не даромъ прошло почти полвѣка съ освобожденія, не даромъ почти сошло со сцены крѣпостное поколѣніе, не даромъ просочилась въ крестьянство хоть кое-какая культура, не даромъ прошелъ мужикъ чрезъ прямую и косвенную капиталистическую и бюрократическую выучку, не даромъ стиснули его удушающіе тиски экономической крайности, безвыходной нищеты, буквальнаго голоданія! „Такъ больше жить нельзя!" — эти рѣшительныя слова еще задолго раньше культурныхъ верховъ и въ другомъ болѣе глубокомъ и коренномъ смыслѣ масса трудового крестьянства если не говорила во всеуслышаніе,—для этого не было физической возможности,— то чувствовала и говорила внутри себя. И въ этомъ смыслѣ дѣйствительно перемѣстился „центръ въ крестьянскомъ сознаніи". Крестьянинъ начинаетъ сознавать, что нынѣшніе „хозяева жизни" „казались ему такими великими только потому, что онъ самъ стоялъ на колѣняхъ". И онъ начинаетъ подниматься, начинаетъ понимать, что выходъ изъ-подъ давящей его соціальной пирамиды онъ найдетъ не оттѣсняя въ сторону и внизъ сосѣдей, а дружно вмѣстѣ съ ними напирая кверху.

§ 5. Новое народное право и новое народничество.

Подведемъ итоги нашему обозрѣнію народнаго права и правосознанія со стороны его способности къ развитію, его прогрессивности. Мы можемъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ, считать эту способность къ развитію установленной. На цѣломъ рядѣ крупнѣйшихъ явленій мы видѣли, что народное право не только вообще продолжаетъ существовать, но и вырабатываетъ много новыхъ формъ, приспособленныхъ къ новой свободной культурѣ, къ растущей сознательной и самодѣятельной личности,

къ складывающейся союзности въ хозяйственномъ трудѣ и въ правовой борьбѣ.

Мы могли видѣть, что народное право сохранилось не какъ омертвѣвшіе и окаменѣвшіе „устои“ дореформенной „первобытной культуры“, а какъ живой и мощно растущій, укореняющійся и развѣтвляющійся организмъ, зародившійся отъ оплодотворенія старой почвы союзно-трудового быта сѣменами новой свободной культуры. Мы могли видѣть, какъ этотъ новый соціально-правовой организмъ не только не связанъ болѣе (если раньше исторически былъ связанъ) съ отмирающимъ паразитомъ бюрократическаго государства, но прямо враждебенъ ему, борется съ его, какъ выражаются нѣкоторые сектанты, „беззаконнымъ закономъ“ во всѣхъ своихъ новыхъ, выросшихъ послѣ освобожденія формахъ,—и въ „самовольной“ семьѣ, и въ „самовольной общинѣ“, и въ развертывающихся „самовольныхъ“ классовыхъ движеніяхъ трудового крестьянства. И мы видѣли въ рядѣ проявленій, что,— употребляя прекрасную „тріаду“ Луи-Блана, — новое народное право выходитъ изъ болота *авторитета* не для того, чтобы надолго пропасть въ сыпучихъ пескахъ *индивидуализма*, а чтобы скорѣйшимъ и ближайшимъ путемъ влиться въ свѣтлое русло *братства*...

Ясно теперь новое положеніе и новая программа того народничества, которое, оправдывая сдѣланное пять лѣтъ тому назадъ предсказаніе Михайловскаго, теперь складывается, которое А. В. Пѣшехоновъ называетъ „соціалъ-народничествомъ“, а Г. Новоторжскій „молодымъ народничествомъ“, но которое теперь во всякомъ случаѣ (именно такъ, опять-таки, какъ ожидалъ и надѣялся Михайловскій) начинается *совсѣмъ по-новому*. Ново не только то, что тридцать лѣтъ тому назадъ народъ лежалъ мертвымъ пластомъ и *авторитетъ* легко придушилъ шедшихъ поднимать эту „новь“ народниковъ, тогда какъ теперь уже надвинулась грозовая народная туча, готовая навѣкъ развѣять эту мутную мертвящую мглу бюрократическаго государства. Ново то, что въ этой грозовой народной тучѣ таятся не только разрушительныя молніи, но и живительное созидающее *новое народное право*. Теперешнимъ народникамъ не только есть чѣмъ разрушать, *но есть также изъ чего строить*.

Народники три десятилѣтія назадъ имѣли дѣло съ дореформеннымъ союзно-трудовымъ правомъ, какъ бы съ элементами *братства,* покрытыми еще плѣсенью и тиной *авторитета,* и болѣли мучительнымъ вопросомъ: пройдутъ ли эти элементы чрезъ разлагающее горнило *индивидуалистической* культуры болѣе или менѣе нетронутыми, дождутся ли той новой соціальной атмосферы, когда они смогутъ начать развиваться, — переплавиться въ новый полный синтезъ *братства?* Теперь исторія уже рѣшила этотъ основной вопросъ: да, союзно-трудовые элементы народнаго права уже очистились въ значительной степени отъ коры *авторитета,* уже отчасти закалились, не разложившись, въ горнилѣ *индивидуализма* и просуществовали до момента, когда смогутъ, можетъ-быть, развернуться въ ширь и въ высь, перейти на высшую ступень развитія. И теперь предъ новымъ народничествомъ стоитъ такимъ образомъ задача, замѣтно уже продвинутая впередъ исторіей и придвинутая ею къ самому важному критическому и отвѣтственному моменту: переплавить элементы новаго народнаго права въ огнѣ высшаго идеала, и изъ этого синтеза построить новое народно-государственное право.

Огромна эта задача, и тяжка отвѣтственность. Надо похоронить отживающее и вырастить растущее! Надо уничтожить элементы *авторитета,* ослабить элементы *индивидуализма,* усилить элементы *братства.* Для этого надо ясно различать въ народномъ правѣ эти сложно сплетшіеся элементы. А для того надо широко и глубоко изучить народное право и правосознаніе. И чтобы это изученіе не запоздало, имѣло не историческое, а практическое значеніе, надо произвести его неотложно.

К. Качоровскій.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Надо:*
62	1 св.	коммиссія Горемыкина спѣшитъ	коммиссія Горемыкина и послѣдующія спѣшатъ
65	15 „	нечестнымъ	печатнымъ
66	1 сн.	ношей наваленную исторіей	нашею исторіей наваленную
74	9 „	частое	чистое
78	13 „	разстетъ	растетъ
87	3 св.	поскольку	насколько
91	7 „	образы	его образцы
95	11 „	безпощадной	безплодной
106	7 „	не писанное	неписанное
139	2 сн. (въ текстѣ)	ложной	латинской
144	6 св.	важному	великому
153	7 сн. (въ прим.)	снабдилъ	сподобилъ
157	12—13 св.	послѣдующемъ параграфѣ	послѣдующей главѣ
162	12 „	антиобщественной	антиобщинной
185	3 сн.	хозяевъ	хозяйствъ
187	6 „	что оно	оно

Кромѣ того: 1) надо поставить въ кавычки часть страницы 49 и 50, а именно начиная словами: „какъ бы въ дополненіе закона... (стр. 49, строка 12 сверху) и кончая словами: „доводило до совершенной нищеты“ (стр. 50, строка 18 снизу); 2) имѣть въ виду, что первый абзацъ изъ 6 строкъ на стр. 74 долженъ **предшествовать** таблицѣ на страницѣ 73.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER

AUG 14 1993

BOOK DUE